

Отец Павел и его Вера

*Слово о Большой Любви
в стихах и прозе,
в воспоминаниях и документах,
или Третья книга отца Павла*

Оглавление

От автора.....	2
1. Что имеешь, то и несешь.....	4
2. Обретение веры.....	10
3. Ах, эта свадьба!.....	18
4. Новое место, новые люди, новая жизнь.....	22
5. Большая беда, час испытаний.....	34
6. Суд, приговор, тюрьма.....	49
7. Этапы, пересылки, лагерь «Бесопан».....	75
8. Жестокая зона «Кызыл-Тепа».....	81
9 На свободе.....	95
10 Ферганский кризис.....	99
11. Осмысление (Красноводск - Алуксне).....	109
12. Псков.....	117
13. Жизнь стала меняться.....	126
14. Дела семейные. Взрослые дети.....	146
15. Молитва, просвещение, милосердие.....	156
16. Евсей.....	167
17. «Догмат о Церкви».....	184
18. Рулевая сошка.....	203
19. Противостояние.....	207
20. Отец Сысой.....	219
21. Борьба за Церковь.....	227
22. Расправа.....	240
23. Устав 2009 – смерть приходам.....	255
24. И в жизнь вечную.....	278
Послесловие Виктора Яковлева.....	288

От автора

5 августа 2013 года трагически оборвалась жизнь великого подвижника христианской веры протоиерея отца Павла. Убийца нанес ему ножом смертельный удар в сердце.

Павел Анатольевич Адельгейм был замечательным человеком, высокообразованным, глубоким христианским проповедником, интеллигентом в самом высоком смысле этого слова. Богословие было для него не отвлеченной теорией, а всегда выражалось в конкретных делах. Созидательный труд лежал в основе его непростой земной жизни. Ему приходилось многим заниматься: быть и строителем, и педагогом, и психологом, и юристом- правозащитником, и писателем-публицистом, и проповедником. Слушать проповеди отца Павла приезжали люди со всех концов России и из-за рубежа. Простые, но весомо аргументированные, эмоционально насыщенные, органично сочетающие в себе евангельские притчи и русскую поэзию, они записывались на диктофоны, видеокамеры и расходились по миру.

Отец Павел был открытым человеком. Признавая правомерность всех путей, ведущих к вере, он любил говорить: «Бог — это сияющая вершина горы, и маршрутов к ней может быть сколько угодно». Отец Павел сердечно общался со всеми, кто к нему приходил: православными, католиками, баптистами, кришнаитами, буддистами, мусульманами, иудеями, даосами, атеистами, правоверными и сектантами. Он прожил тяжелую, трудную и вместе с тем прекрасную и счастливую жизнь, до краев, с избытком наполненную любовью, которую он щедро дарил всем, кто оказывался с ним рядом. Его любовь вселяла в людей надежду и укрепляла их веру.

*Все пройдет, и останется только любовь,
Что уже не иссякнет вовеки.
Новомученик прибыл под отческий кров —
За небесные светлые реки.
От страданий земных он восходит горе,
И от нашего горя земного.
Он как праведник жил, как лампада горел,
Славил Бога и делом, и словом.
Как нам жить без него в наползающей тьме,
Как нам жить, как дышать, как молиться?
Сей светильник стоял высоко на холме,
Озаряя и души, и лица.*

Елена Пудовкина, 13 августа 2013 г.

Всем нам, кто имел честь и огромное счастье быть близко и знать отца Павла, теперь, после его смерти, бесконечно обидно и, наверное, стыдно, что мы так беззаботно и легкомысленно проживали ценнейшие минуты, часы и дни, находясь рядом с ним. Как хотелось бы повернуть время вспять, сесть с ним за стол и в задушевной беседе задать самые важные вопросы, посоветоваться, исповедаться, попросить прощения. Тысячу раз права старая мудрость: «Что имеем — не храним, а потерявши — плачем».

Эту книгу мы писали на основе документов и воспоминаний, собранных в архивах, публикациях и личных беседах с людьми, окружавшими отца Павла, знавшими его семью. Встречаясь с близкими, родственниками, друзьями, духовными чадами и прихожанами его храмов, мы попытались по частям, по крупицам восстановить, воссоздать, осмыслить и понять жизнь отца Павла, которая представляла собой ежедневный, обыденный в своей простоте, христианский подвиг.

Тяжелый и трудный жизненный путь он выбрал еще в детстве и следовал ему бесповоротно. Такое раннее самоопределение свидетельствует об огромном сверхличностном потенциале отца Павла. Можно сказать, что вся последующая его жизнь в какой-то степени была подготовлена и предопределена заранее. Жизнь личности не ограничивается временными рамками существования человека от рождения до смерти. Он приходит в этот мир не как *tabula rasa*, он продолжает путь своих предков, несет на себе родовой крест и передает его своим потомкам.

Земная жизнь человека — звено в цепи множества родовых историй, которые тянутся из прошлого в будущее,

предопределяя судьбу будущих поколений.

При описании истории рода отца Павла нам пришлось столкнуться с большими трудностями. Сведений о родословной Адельгеймов, как и у большинства семей, прошедших свой крестный путь сквозь красный советский террор, сохранилось немного.

Немалый вклад в сбор материалов по истории рода внесла молодая петербургская исследовательница Алина Яковлева. Благодаря ее кропотливой работе с архивными документами, всевозможными дореволюционными справочниками, мы можем в общих чертах представить родословную отца Павла, которая изложена в первой главе.

В последующих главах мы старались выстроить в хронологическом порядке события жизни отца Павла, матушки Веры и их близких. Говоря о внешних обстоятельствах их жизни: радостях и несчастьях, бедности и достатке, дружбе и предательстве, — мы попытались показать их глубокий внутренний смысл. Мир обращается к человеку через внешние обстоятельства, и если тот откликается на призыв, его ответ способен преображать мир.

Об этом преображении когда-то писал А.С. Пушкин:

*Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой,
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился».*

Отец Павел хорошо слышал призыв мира, понимал его и жил в соответствии с этим призванием.

Мы низко кланяемся его вдове — Вере Михайловне Адельгейм, нашей матушке Вере, за ее яркие воспоминания о более чем 50-летней совместной жизни с отцом Павлом. Сердечно благодарим детей — Анну Павловну и Ивана Павловича, за предоставленные материалы из семейного архива.

Огромную благодарность хочется выразить большому другу, помощнику и соратнику отца Павла Виктору Николаевичу Яковлеву — заслуженному артисту России, актеру

Псковского драматического театра имени А.С. Пушкина, бессменному председателю церковно-приходского совета храма святых Жен-Мироносиц в течение двадцати лет. Ему посчастливилось быть рядом с отцом Павлом в наиболее важные, ответственные, радостные и трагические моменты последних лет жизни батюшки. Предоставленные В.Н. Яковлевым воспоминания и архивные документы помогли аргументированно представить труды и заботы отца Павла.

Сердечная благодарность Льву Марковичу Шлосбергу — председателю Псковского регионального отделения Российской объединенной демократической партии «Яблоко», издателю региональной общественной газеты «Псковская губерния», и Владимиру Ивановичу Шаронову — директору государственной телерадиокомпании «Калининград», за публикации и телепередачи в поддержку деятельности отца Павла и за предоставленные воспоминания.

Большое спасибо близкому другу отца Павла, замечательной петербургской поэтессе Елене Пудовкиной, стихи и воспоминания которой позволяют увидеть и понять деятельность и личность батюшки в ином, сакрально-мистическом, свете.

Конечно, хочется от всего сердца поблагодарить моих коллег, сотрудников Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра интегрально-синергетической психологии и психотерапии: Екатерину Горбунову, Вадима Бубовича, Наталью Луничеву, Виталия Платонова, Анастасию Сергееву, Олега Максименко и других, за их помощь в написании и издании этой книги.

Анатолий Осницкий

1. Что имеешь, то и несешь

(подрубленные корни родового дерева)

Родился Павел 1 августа 1938 года в Ростове-на-Дону, в семье молодых актеров, недавно окончивших Московскую театральную студию имени Е.Б. Вахтангова. Его предки по отцовской линии были давно обрусевшими немцами. По данным, полученным Алиной Яковлевой, первое упоминание о появлении Адельгеймов в России относится к концу XVIII столетия. Так, дальний предок отца Павла, его прапрапрадед — немец лютеранского вероисповедания, имя которого пока остается неизвестным, принял присягу на вечное подданство Российской империи и служил в Литовском пехотном полку капельмейстером. Его сыновья — Эдуард, родившийся в 1800 году (прапрадед о. Павла), и Август, родившийся в 1807 году.

Август служил в Эстляндской казенной палате копиистом, затем — столоначальником хозяйственного отделения по управлению казенными имениями и дослужился до чина коллежского секретаря. Был женат, в браке родились шестеро детей. Об одном из его сыновей — Эдмунде Августовиче Адельгейме, родившемся в 1843 году, есть упоминание в «Российском медицинском справочнике». Он жил в Ревеле и был вольнопрактикующим врачом.

Прапрадед отца Павла — Эдуард Адельгейм, вероятнее всего, состоял в купеческом сословии. В браке у него родились сыновья Людвиг (Лев), Вольдемар (Владимир), Яков, Роберт и Бернард.

Людвиг (Лев) Эдуардович, 1830 года рождения, положил начало московской линии рода Адельгеймов, куда входили будущие известные врачи и актеры. Имея незначительный чин коллежского регистратора, Людвиг служил зубным врачом в Москве. В середине XIX века он поселился в здании доходного дома Московского купеческого общества. Умер Людвиг Эдуардович в 1889 году, оставив после себя пятерых сыновей: Константина, Павла, Рафаила, Роберта и Виктора.

Константин Людвигович (Львович), рожденный в 1857 году, был врачом. Известно, что в 1906 году он состоял на службе в Яузском отделении больницы для чернорабочих в качестве лекаря. Он дослужился до чина статского советника, который возводил его в дворянское сословие. Проживал Константин Людвигович в центре Москвы, в доме на Кузнецком мосту. Другой сын — Павел Людвигович (Львович), 1858 года рождения, также был медиком, и с 1882 года служил в должности зубного врача при Московском воспитательном доме. Награжден орденом св. Станислава III степени.

Сыновья-погодки Роберт Людвигович (Львович), года рождения, и Рафаил Людвигович (Львович), года рождения, стали известными российскими драматическими актерами. Оба одновременно окончили Венскую консерваторию по классу драматического театра. На конкурсном выпускном экзамене Роберт был удостоен первого приза, Рафаил — второго.

Первое время после получения образования они работали порознь в различных театрах Австрии, Германии и Швейцарии, но затем вернулись в Россию, где вместе проработали на сцене более сорока лет. В их репертуар входили в основном классические трагедии: «Царь Эдип», «Отелло», «Король Лир», «Венецианский купец», «Разбойники», «Уриэль Акоста», «Ганнеле» и т.п. Выступали они как на столичных сценах, так и в провинциальных театрах, исколесив чуть ли не всю Россию. В 1910-х годах они с большим успехом играли на сцене Пермского театра, о чем не раз писали местные газеты. К десятилетию совместной творческой деятельности братьев в 1905 году в Санкт-Петербурге вышел альбом с их сценическими фотографиями.

После революции 1917 года братья Адельгеймы продолжали выступать в красноармейских и рабочих клубах, в домах культуры при различных предприятиях. Их талант был высоко оценен наркоматом просвещения, который в ту пору возглавлял А.В. Луначарский. В 1931 году они одними из первых в Советской России получили почетное звание народных артистов РСФСР. Оба брата скончались в 1934 году и похоронены в Москве на Введенском кладбище.

Виктор Людвигович (Львович), 1864 года рождения, воспитание получил в Петропавловском мужском лютеранском училище. Состоял на службе в Мариинском детском приюте Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны в Москве, в качестве почетного старшины приюта. Был женат на дворянке Евгении Яковлевне (фамилия, к сожалению, неизвестна). В Москве обзавелся собственным домом. В 1891 году у них родился сын Сергей, который жил во Франции и в 1963 году похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

О других детях Эдуарда Адельгейма известно меньше.

Вольдемар (Владимир) Эдуардович родился в 1845 году. Отец Павел рассказывал, что у его прадеда Владимира в 1898 году родился сын Евгений, который, согласно книге памяти, был расстрелян в 1936 году.

Роберт Эдуардович умер в детском возрасте.

Яков Эдуардович родился в начале 1850-х годов. Согласно адресному справочнику «Весь Киев» он принадлежал к купеческому сословию. Его фамилия упоминается по адресу: Безаковская ул., д. 8. в Киеве. В 1901 году он — купец II гильдии, а к 1906 году — I гильдии. Был женат на Генриетте Федоровне. Фамилия ее неизвестна. У Якова и Генриетты были дети: Георгий-Павел и Фридрих. Дочь Фридриха — Тамара Фридриховна Адельгейм, родившаяся в Киеве 26 апреля 1904 года, впоследствии стала известной советской актрисой. В 1922-1923 годах она училась в Одесской музыкальной академии Общества музыкальных деятелей, затем — в Московской театральной студии под руководством Абрама Роома. В начале 1930-х годов была актрисой ТЮЗа, а с 1943 года выступала на эстраде. Одно время в нее был влюблен писатель Александр Фадеев. Расставшись со своей первой женой Валерией Герасимовой, он писал Тамаре письма из Парижа, в которых сообщал о планах их совместной будущей жизни. Но внезапно переписка прервалась — Фадеев встретил новую любовь, актрису Ангелину Степанову. Умерла Тамара Фридриховна 11 мая 1979 года в Москве.

О прямом прадеде отца Павла — Бернард Эдуардовиче, родившемся также в середине XIX века и крещеного в евангелическо-реформатской церкви, известно больше. С 1869 по 1874 год он учился за границей и получил диплом инженера-технолога. По окончании учебы вернулся в Киев и стал владельцем сахарного завода. В 1883 году он приобрел особняк в одном из самых дорогих районов Киева и записал его на жену — Адель Александровну Адельгейм, урожденную Эдлерберг. У Бернарда Эдуардовича и Адель Александровны было семеро детей: Наталья, Надежда, Пауль (Павел), Александр, Роберт, Вольдемар (Владимир) и Адель. Как и когда умерли Бернард Эдуардович и Адель Александровна, доподлинно неизвестно.

Благодаря архивным данным удалось установить, что трое братьев: Павел (Пауль) Бернардович, Роберт Бернардович и Владимир (Вольдемар) Бернардович — в 1897 г. были усыновлены вдовой коллежского асессора Юлия Фомича Добровольского Еленой Фоминичной Добровольской, в девичестве Кленовской. Документом, подтверждающим данный факт, является «Прощение в Правительствующий Сенат» об «усыновленных... нигде не прописанных сыновей инженера-технолога, родных между собою братьев Павла (Пауля), Владимира (Вольдемара) и Роберта... возвести в личное почетное гражданство без присоединения им фамилии Добровольский, и выдать им установленные на это звание свидетельства». Очевидно, что это «усыновление» вполне взрослых и самостоятельных молодых людей было чисто формальным актом, совершенным исключительно ради получения статуса «почетных граждан». Данный статус, согласно статье 575 Свода законов Российской империи, освобождал от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний, а также предоставлял право участвовать в выборах по недвижимости, собственности и быть избранным в городские общественные должности. Почетные граждане, как личные, так и потомственные, в сословной иерархии России были промежуточной ступенью между мещанами, купцами, с одной стороны, и дворянами — с другой.

На самом деле, как рассказывал об этом отец Павел, воспитывала Павла Бернардовича, его братьев и сестер тетя Роза — жена Роберта, родного брата Бернарда Эдуардовича Адельгейма.

Все три брата были крещены в младенчестве в селе Степанцы Киевской губернии в евангелическо-лютеранской церкви. Восприемниками при крещении у Павла были Наталья Трескина и Фридрих Адельгейм, у Вольдемара — девица Анна Шульц и чиновник при акцизне Антон Шоманский. Вольдемар (Владимир) в возрасте 20 лет принял православие в греко-российской церкви через помазание Святым миром. При миропомазании присутствовали дворянин Московской губернии Леонид Павлович Налетов и дворянин города Киева Валериан Ипполитович Барановский. Миропомазание совершили священник Иаков Луданов с псаломщиком Георгием

Оглоблинским. У Роберта в восприемниках при крещении были Наталья Трескина и купец Яков Адельгейм.

Дед по отцовской линии — Павел Бернардович Адельгейм. Родился в селе Степанцы в 1872 году. Был состоятельным помещиком и вполне успешным промышленником. Получив хорошее инженерное образование в Бельгии, он построил на своих землях в имениях Глухов-цы под Киевом и Турбово под Винницей два достаточно прибыльных завода — каолиновый и сахарный.

В Швейцарии Павел Бернардович познакомился с Алисией (Алисой) Эдуардовной Ляуренц и впоследствии на ней женился. Отношения между супругами не отличались чрезвычайной строгостью нравов, что было достаточно типичным для того времени. У него было четверо детей. В браке с Алисией в 1909 году родилась Ольга-Берта (Люся) и в 1911 году — Анатолий. Вне брака родились сын Юрий от сестры жены Мишель (Марии) Ляуренц и дочь Татьяна (Туся) от гувернантки Домны Никитичны. В семейном архиве сохранилась шуточная постановочная фотография, отражающая сложные отношения в семье Павла Бернардовича. Алисия стоит беременная с палкой в руке, а ее сестра Мишель указывает ей на Павла, объясняющегося в пылких чувствах гувернантке Домне. Их объяснение прикрывает от супруги зонтиком служанка.

В Киеве у деда был большой дом. После революции все имущество национализировали. Большая семья Павла Бернардовича после «уплотнения жилплощади» стала ютиться в двух небольших комнатах своего бывшего дома, а главе семьи рабоче-крестьянская власть предложила организовать в Виннице новое каолиновое производство. Благодаря его стараниям в течение года завод был построен и запущен в эксплуатацию. Десять последующих лет Павел Бернардович оставался его бессменным директором. В январе 1938 года он приехал в Киев навестить семью. Дворничиха, увидев прежнего барина, донесла на него в НКВД, и 20 января Павла Бернардовича арестовали. Более трех месяцев он находился в киевской тюрьме. 27 марта без суда, решением особой «тройки», за контрреволюционную деятельность был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 29 апреля. Полностью реабилитирован 16 мая 1989 года.

Отец Павла Адельгейма Анатолий Павлович родился в Киеве в 1911 году. В юности мечтал пойти по стопам своего отца — стать горным инженером. Однако из-за буржуазно-помещичьего происхождения был лишен права на получение образования. В 1920-е годы Анатолий тяжело заболел брюшным тифом и находился на грани смерти. За ним ухаживала родная сестра Ольга-Берта (Люся), которая заразилась от него тифом и умерла.

Статус «лишенца» закрыл перед Анатолием двери высших учебных заведений, но помогли связи родственников — народных артистов Роберта и Рафаила Адельгеймов. Его приняли в Московскую академическую театральную студию имени Е.Б. Вахтангова на курс Рубена Николаевича Симонова. Там он познакомился с Татьяной Пылаевой — студенткой-красавицей столь же не пролетарского происхождения. Известно, что ее отец Никанор Григорьевич Пылаев — дворянин, имевший большую семью из тринадцати детей. Он окончил военную академию и в первую мировую

войну служил полковником царской армии. Пропал без вести в лихие годы гражданской войны. В семье долго хранилась его наградная офицерская сабля. Другими, более полными сведениями о родственниках отца Павла по материнской линии мы, к сожалению, не располагаем.

Анатолий — статный, красивый, талантливый актер и поэт, посвящавший Татьяне стихи, безусловно, произвел на нее самое благоприятное впечатление.

*Мне приснился сон неожиданно:
Карнавал, цветы, цветы...
С коломбиной легкой в паре
Серпантин и конфетти.
Мы кружили, мы летели,
Было знойно и остро,
И, наверно, за портьерой
Где-то плакал ваш Пьеро!
От вина и от угара
Был я весел, был я пьян,
И любовно, и устало
Нам служил один бокал.
Я просил: «Останьтесь, полно».
Но шепнули Вы: «Нельзя».
Вырываясь, веер черный
Вы забыли у меня.
Сон прошел. Все сны проходят.
Пробудился я в тоске:
Почему же веер черный,
Веер Ваш. в моей руке?*

Анатолий Адельгейм, 1933 г.

Молодые люди стали встречаться. Анатолий ухаживал за Татьяной романтично и красиво.

*Звезда взошла ночной порою
На потемневшей синеве,
И блеск причудливой игрою
Встревожил остро сердце мне.
И много чувств, сменяясь быстро,
Владели сердцем без границ,
И облетели, словно листья
С ветвей отцветших небылиц.
И часто-часто в темной келье
Я ждал тебя. Сменясь в лице,
Которая о славе пела
В лавровом призрачном венце.
Любовь моя и слава, где ты?
Темнеет также синева,
Но все горит тревожным светом
Моя далекая звезда.*

Анатолий Адельгейм, 1933 г.

Со временем взаимная симпатия переросла в нежную любовь, и они решили создать семью.

Были нежные признания и объяснения, предложение руки и сердца, обещания любить и беречь друг друга.

Своего жилья в Москве у молодоженов не было, и по окончании студии они уехали в провинцию. Жили сначала в Пензе, потом в Ростове-на-Дону. Там в августе 1938 года у них родился сын, которого в память о недавно расстрелянном отце Анатолия назвали Павлом.

Так горе и радость, тревоги и надежды, сменяя друг друга, вышивали непростой узор жизни этих молодых людей. Настоящее казалось обыденным и стабильным, будущее — неопределенно далеким, но хорошим.

*Я к новой жизни вкус обрел
И, бурь минувших не жалея,
Сажусь поужинать за стол
Под мирной сенью Гименя.
Рубцы забыты старых пуль,
И эта жизнь мне стала краше:
Младенца крик, и звон кастрюль,
И копоть керосинки нашей.
Лишь иногда, из старых кресел
Увидя юности красы,
Скажу: и я был юн и весел,
И я закручивал усы.*

Анатолий Адельгейм, 16 января 1939 г.

Перед самой войной семья переехала в Иваново-Вознесенск, где Анатолий Павлович стал директором областного драматического театра. Помимо репетиций и постановок, театральная молодежь часто собиралась по вечерам у них на кухне. Пили чай, вели беседы, читали стихи, ну и, конечно, рассказывали анекдоты.

Затем началась война. Театру было необходимо в кратчайшие сроки сменить репертуар, создать концертные программы для бойцов Красной Армии. Первый год войны стал особенно тяжелым для страны, армия, неся огромные потери, отступала на всех фронтах. Немцев смогли остановить только под Ленинградом и Москвой. Второй год тоже был неуспешным. Фашисты рвались на Кавказ и к Волге. Стратегические и оперативные неудачи армии привычно объяснялись происками внутренних врагов. На фронтах, выявляя гитлеровских агентов, свирепствовали особые отделы, не отставали от них и тыловые органы контрразведки. В 1942 году в Ивановское НКВД поступил донос о деятельности шпионской организации в областном драматическом театре. Была арестована группа артистов. Из них выбивали признание вины в шпионаже и измене Родине. Пятерых приговорили к расстрелу, остальным дали сроки от восьми до десяти лет. Оказавшись в результате допросов «немецким шпионом», Анатолий Павлович Адельгейм вместе с другими актерами был расстрелян 26 сентября того же года.

В 1956 году, когда после XX съезда партии в стране наступил период так называемой «хрущевской оттепели», всю группу посмертно реабилитировали за отсутствием состава преступления.

Спустя много лет отец Павел смог ознакомиться с уголовным делом отца. О своих впечатлениях он рассказывал так: «Прочитав материалы дела, я понял, что все обвинения, предъявленные актерам, основаны исключительно на самооговоре. Там, например, были такие показания: сына одного священника, арестованного по этому же делу, спросили на допросе: „Такой-то был там? С чего вы решили, что он шпион? Он говорит: „Сразу видно — у него и шляпа такая, и галстук такой“. Этого

оказалось достаточно для расстрела. Отца моего, в частности, обвиняли в том, что в случае прихода немцев он собирался захватить власть над всем искусством Ивановской области.

Впоследствии памяти отца были посвящены стихи:

*Без суда и вины расстреляли поэта.
И за то, что стихи не менял на монеты,
Не нашлось для него ни креста, ни могилы,
Только ветер стонал над землею остылой.
Сохранились стихи, как эпохи примета,
Окровавленным свитком непрожитых лет,
Чтоб оставить потомкам печальный привет,
Чтоб они в суете не забыли
Всех, по воле злодеев, покинувших свет,
Растворившихся в лагерной пыли...*

Павел Адельгейм, 30 июля 2008 г.

Мать — Адельгейм Татьяна Никаноровна (урожденная Пылаева), актриса, родилась в Нижнем Новгороде в 1912 году. Работала в драматических театрах Пензы, Ростова-на-Дону, Иваново-Вознесенска, Караганды и Новосибирска. В 1942 году, после ареста мужа, пошла в НКВД объяснять, что муж ее не шпион, а хороший, честный человек, талантливый поэт и актер. После этих объяснений арестовали и ее, как члена семьи врага народа, а маленького Павлушу отправили в спецучреждение НКВД — детский дом для детей репрессированных врагов народа.

В 1945 году Татьяна Никаноровна, отбыв срок, освободилась из мест заключения. Невозможно даже представить, через что пришлось пройти этой красивой, интеллигентной, гордой и наивной женщине в застенках НКВД и советских концлагерях. Вернулась она оттуда с подорванным здоровьем и тяжелым психическим расстройством. Пережитые травмы давали о себе знать. Порой Татьяна Никаноровна была несдержана и могла наговорить много «лишнего» о том, что она думает о политическом устройстве и руководстве страны.

29 октября 1948 года она была вновь арестована и по постановлению МГБ СССР от 30 декабря 1948 года направлена на принудительное лечение в специализированную психиатрическую больницу закрытого типа. 9 сентября 1950 года по постановлению особого совещания она была освобождена от принудительного лечения и, «как социально опасный элемент», выслана в Карагандинскую область Казахской ССР сроком на пять лет.

Реабилитирована Татьяна Никаноровна 16 мая 1963 года. Скончалась в 1991 году в Пскове, в доме сына, в возрасте 80 лет.

Из воспоминаний отца Павла:

«Когда отца арестовали, мать со мной на руках пошла в НКВД—добиваться правды. Ее арестовали, а меня отправили в детский дом. Это был мой первый срок в детском доме. Когда мать освободили, мне было лет пять. Года через два ее опять посадили, а меня отправили в детский дом на второй срок. /.../ Я только помню, что было очень голодно. За домом проходила железная дорога, и мы ходили по рельсам и собирали — туда соя просыпалась, вот мы эту сою собирали и ели. Это была очень радостная находка. Один раз копались в земле и отрыли турнепс, пролежавший зиму в земле. Съели с большим удовольствием. В детском доме я пошел в первый класс».

Жизнь в детском доме была тяжелой, отношения между воспитанниками складывались напряженные и порой жестокие. Детским коллективам вообще свойственна жесткая борьба за «место

под солнцем», а в голодающем спецучреждении для детей врагов народа этого было в переизбытке. Маленькому Павлику пришлось пережить много обид и несправедливостей. Неслучайно его сознание вытеснило из памяти события этих тяжелых лет.

След душевной боли от пережитой в раннем детстве жестокости сказывается на всей последующей жизни. Люди по-разному поступают с негативным опытом, доставшимся им в наследство от родовой истории и приобретенным в детстве. Некоторые замыкаются в себе вместе со своими страхами и тем самым обрекают себя на психические расстройства и пожизненные страдания. Другие озлобляются и мстят всему миру за пережитые незаслуженные обиды. Кто-то из жалости к себе начинает искать легких удовольствий и вязнет в пороке.

У отца Павла сложилось иначе — он выбрал тяжелый, трудный и достойный путь. В своем юношеском дневнике он когда-то записал: «У меня есть цель в жизни. Я хочу победить в себе порочную натуру, я хочу победить в себе проклятый порок, проклятый эгоизм. Я хочу сделать себя настоящим человеком, т.е. добрым, великодушным, честным, чтобы ежесекундно побеждать эгоизм и жить не для собственного удовольствия, а чтобы видеть, как вокруг меня людям становится легче и радостнее жить, как от общения со мной очищались они тоже, заражались примером... становились чище и лучше».

2. Обретение веры

После освобождения Татьяны Никаноровны Павел смог покинуть стены детского дома и, воссоединившись с матерью, отправиться с ней в ссылку.

Из воспоминаний отца Павла:

«К 1953 году все мои родственники были уничтожены или пострадали как члены семей врагов народа. С матерью мы жили в это время в ссылке в поселке Ак-Тау Карагандинской области (это Северный Казахстан). Что такое репрессии, я узнал в самом раннем детстве, когда арестовали мать и меня поместили первый раз в детдом.

О смерти Сталина мы услышали сообщение по радио. Восприняла ее наша семья как окончание нашей ссылки в Казахстане и надежду на перемены в нашей судьбе. Разумеется, мы очень обрадовались. Сам Сталин, как личность, был мне совершенно безразличен, как плохая погода. Родовались мы последствиям его смерти.

В нашем бараке жили поволжские немцы, которых еще во время войны вывезли в Казахстан в телячьих вагонах и высадили в открытую степь, покрытую глубоким снегом. Охранники вбили кол в сугроб, сообщили прибывшим, что они будут здесь строить город, и уехали.

Многие переселенцы, особенно дети, вскоре умерли. Те, кто сумел выжить, действительно построили этот поселок. Но они не смогли забыть своих детей и родителей, умерших от голода и мороза. Смерть Сталина напомнила им все пережитое за прошедшие годы. Радость освобождения была неотделима от скорби по погибшим. Эти чувства переживали не только в нашем, но и в других бараках, такое настроение царило во всем поселке. Мама без особенной радости, но удовлетворенно сказала: „Сдох, собака!“. Больше разговоров на эту тему у нас не было.

В ссылке Павел познакомился с православными христианами. Наиболее яркой и значимой фигурой для него стал иеромонах Севастиан — старец, пастырь и проповедник. Под его влиянием у подростка сформировалось осознанное желание посвятить свою жизнь Богу и церковному служению.

Позднее отец Павел так вспоминал об этом периоде своего детства:

«Я учился в школе. Однажды поехал в Караганду и „случайно“ нашел православную общину

отца Севастиана в Большой Михайловке. С тех пор я бывал там регулярно. После смерти Сталина мы переехали в Караганду, маму взяли в драмтеатр, в Михайловку мы ездили вместе. Там был молитвенный дом, но служить в нем не разрешили власти. Поэтому приходилось служить по ночам в частных домах. Эти богослужения организовал отец Севастьян, келейник старца Нектария из Оптиной пустыни. Церковная община всегда имеет стержень, вокруг которого формируется ее духовная жизнь. Таким стержнем в Большой Михайловке был отец Севастьян.

Остались впечатления от ночных богослужений, чтения страстных Евангелий, общих трапез. Служили мы тайно в разных домах на переносном антиминсе. Богослужения продолжались всю ночь. В 21 час начинали Всенощную, потом Литургию. В пять утра все заканчивалось, и я шел спать. Все расходилось. Отец Севастьян пил чай, и шел в другой дом служить обедницу, а потом начинались требы. Их разрешили служить в молитвенном доме.

Приход был большой. Число прихожан совпадало с числом жителей. По составу это были раскулаченные переселенцы. По соседству располагались немецкие поселения со строгой планировкой улиц, чистотой, порядком, палисадниками возле каждого дома. Иногда вдвоем с батюшкой мы путешествовали на мелькомбинат, где жили многие из прихожан. Мы выходили утром, пока было прохладно. Батюшка шел легкой походкой в сапогах и подряснике. Мелькомбинат находился километрах в трех от Михайловки. Это был большой поселок с крепкими крестьянскими хозяйствами. На бесплодном песчанике все росло и цвело, как в Земле Обетованной. Крестьяне сами копали колодцы, придумывали технику. Семьи были многодетные, по восемь-десять человек. В семьях сохранялся патриархальный уклад.

Одной из первых серьезных книг для меня было „Введение в философию“ Челпанова. Мне понравился „Отечник“, и я перечитал все патерики. Однажды власти разрешили послужить в молитвенном доме Великую Пятницу, Субботу и Пасху - к радости всего прихода. В книге об отце Севастьяне есть фотография, где я запечатлен на общем снимке с ним. Отец Севастьян был невысокого роста, худенький, седые и редкие, но длинные волосы и седая борода. Собор 1988 года его прославил одним из первых среди новомучеников. Батюшка пробудил мой интерес к церковной жизни. Мое решение служить Церкви созрело в тринадцать лет. Это действительно был замечательный Пастырь, и общение с ним привело меня в храм навсегда. С тех пор мое сознание нашло точку опоры в Промысле Божиим».

Так, влившись в общину старца Севастиана, участвуя вместе с ним в тайных богослужениях, Павел обрел веру в Бога, которую бережно и нерушимо пронес через всю свою нелегкую жизнь.

В 1953 году, после смерти И.В. Сталина, закончилась ссылка. Из Караганды мать с сыном перебрались в Краснодарский край, в город Армавир, где Павлу удалось окончить школу и получить свидетельство о семилетнем образовании. Надо было думать о продолжении учебы или получении какой-либо специальности. Его выбор остановился на Майкопском техникуме лесной промышленности. Летом 1954 года Павел успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс, но учиться в техникуме ему не довелось. Матери неожиданно пришло приглашение на работу в Новосибирский драматический театр, и семья уехала из Краснодарского края.

В Новосибирске Павел подал документы в школу-десятилетку. До первого сентября оставалось еще полмесяца и он, твердо решивший связать свою жизнь с церковным служением, обратился к местному архиерею — митрополиту Варфоломею (С.Д. Городцеву), с просьбой благословить на какую-либо работу в церкви. И тот определил подростка помогать настоятелю одного из городских храмов отцу Владимиру (Носову).

Это послушание стало для Павла отрезвляющим «ушатом холодной воды», вылитым на голову, в которой теснились идеально-романтические представления о церковной жизни. Отец Владимир

оказался человеком с несколько искаженной сексуальной ориентацией, и молодой послушник возбуждал в нем не совсем религиозные чувства. Его попытки нескромно приставать к своему помощнику закончились тем, что Павел пожаловался на домогательства настоятеля Владыке.

Митрополит, рассмотрев дело, снял отца Владимира с должности настоятеля и запретил в служении. Однако такие люди, как правило, не тонут в бурных житейских волнах. Чуть позднее отец Владимир «всплыл» в другой епархии и восстановился в сане. До самой своей смерти он при любой возможности старался навредить своему бывшему помощнику - писал кляузы и доносы во все заведения, где учился или служил Павел Адельгейм. Про таких «непотопляемых» людей, как отец Владимир, способных всегда возродить и укрепить свою попорченную репутацию, когда-то писал еще А.С. Пушкин в своей эпиграмме на вице-президента российской Академии наук князя М.А. Дондукова-Корсакова:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Почему он заседает?
Потому что ж... есть!*

Кроме скверной истории с Владимиром Носовым, Павла ожидала в Новосибирске еще одна неприятность. Руководству и педагогическому коллективу средней школы, где он учился, стало известно, что учащийся Павел Адельгейм регулярно посещает церковь, где не только участвует в богослужениях, но еще и прислуживает местному архиерею, и носит церковное облачение. Дабы оградить своих воспитанников — примерных пионеров и комсомольцев от «пагубного религиозного влияния» Адельгейма, администрация школы приняла решение об отчислении его из учебного заведения. Об этом сообщили руководству и партийной организации театра, где работала мать учащегося Адельгейма. Павла эти события смутили, но не отвратили от мечты и не поколебали твердого намерения стать священником. Он пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи.

Летом 1955 года Павел по просьбе и благословению Владыки Варфоломея уезжает в город Резекне Латвийской ССР помогать старому и одинокому священнику. Из-за преклонного возраста и тяжелой болезни тот уже не мог служить и нуждался в попечении. К осени состояние батюшки значительно ухудшилось. Павел остался с ним в Резекне, так и не вернувшись в свою школу. Перед смертью старый батюшка настойчиво рекомендовал Павлу продолжить образование в духовной семинарии. В то время духовные семинарии были только в Москве, Ленинграде и Киеве. Павел отправился в Киев, где у него жили родственники — остатки семьи деда Павла Бернардовича Адельгейма. В 1938 году, после его расстрела, часть семьи бежала из Киева. Не уехали только гувернантка Домна Никитична и ее дочь от Павла Бернардовича Татьяна (Туся). У них Павел и попытался найти приют. К сожалению, это оказалось невозможно. Тетя Туся была замужем за Валентином — местным партработником, человеком властным и жадным. Он категорически запретил принимать сына и внука врагов народа у себя в доме. Ехать домой, в Новосибирск, семнадцатилетнему молодому человеку не хотелось. Школу он не посещал уже более трех месяцев, да и у матери из-за того, что сын прислуживает в церкви, то и дело возникали неприятности на работе.

Павел устроился на работу сторожем — без оплаты, за проживание на охраняемом объекте, в крошечной сторожке с печкой-буржуйкой. Муж тети Туси дядя Валентин пристроил его чистить колодцы в киевских дворах. Этим он зарабатывал себе на хлеб, а на дрова денег уже не хватало. Днем удавалось греться в храмах Киево-Печерской лавры, где он выполнял различные послушания — читал поминальные записки, акафисты, помогал в тяжелых работах. Иногда его кормили в монастырской трапезной. Для обогрева своей сторожки он собирал палки, валявшиеся в городе, а после новогодних

праздников сделал большой запас выброшенных рождественских елок. Так смог дотянуть до весны, когда печерские монахи решили вопрос о его поселении в Лавру в качестве послушника.

С весны 1956 года он стал жить в монастыре, в келье строгого монаха, регента правого хора, игумена Феодосия (Сердюка), который стал его главным попечителем и наставником в делах монастырской жизни. Большое влияние на юного послушника оказал и проповедник отец Пафнутий.

Из воспоминаний отца Павла:

«Проповедником в Лавре был отец Пафнутий (Россоха). За всеобщей он в мантии и епитрахили обычно читал шестопсалмие. Иеромонах Пафнутий дружил с отцом Феодосием. Мне повезло участвовать в их келейном правиле до и после богослужений. Богослужения были очень торжественными и долгими. Мне дали послушание чтеца. Читать приходилось много, постоянно, это не было обременительно, напротив, я пристрастился к чтению и выполнял свое послушание с радостью. Хоры пели антифонно, а на догматик, на Великое славословие и т.д. сходились вместе на середине храма и звучало торжественное пение обоих хоров. Литургии служились многократно: в центральном храме и других храмах на Дальних и Ближних пещерах, служились в пещерных храмах.

Жизнь монастыря была размеренной, строгой и содержательной. Рано утром совершали полуношницу и Литургию, в восемь часов давали рабочим завтрак, пили чай и шли на работу.

Вторым послушанием была обычная физическая работа. На дальних пещерах копали и носили землю, в час дня был обед, до пяти часов работали. Потом бежал в храм читать Малое Повечерие и начиналось богослужение. Так изо дня в день, но как-то находилось время для общения и чтения книг. Я был постоянным чтецом за ранними и вечерними богослужениями. У меня была хорошая дикция и „дуженая глотка“. Читал я неумоимо и с наслаждением. Мог читать по много часов. Позднее, в Ташкентском соборе, на мне лежали все чтения. Я так втянулся, что чтение не было обременительным. С утра я прочитывал всю Утреню, Часы и Вечерню за Преждеосвященной Литургией. Третье послушание мне тоже нравилось: водить по пещерам паломников и туристов и проповедовать им Евангелие».

В монастыре Павел прожил до сентября 1956 года. В августе ему исполнилось восемнадцать лет, и игумен Феодосий благословил его поступать в Киевскую духовную семинарию.

Павел смог сдать экстерном экзамены за девятый класс, съездив в Новосибирск. (Воспоминаний и письменных документов об этом событии у нас нет, но в архиве отца Павла мы обнаружили справку, датированную 20 июля 1956 года об окончании им девяти классов в школе рабочей молодежи №1 Томской железной дороги.)

С этой справкой, а также с благословением, рекомендацией и характеристикой митрополита Варфоломея Павел успешно сдал все вступительные экзамены и был зачислен в первый класс духовной семинарии.

Из воспоминаний отца Павла:

«Когда мне исполнилось 18 лет, я поступил в Киевскую семинарию, проучился три класса. В первом классе были совершенно замечательные преподаватели у нас: отец Константин Карчевский - инспектор, а ректор - отец Николай Концевич. На следующий год почему-то их у нас забрали, вместо отца Николая Концевича был назначен архимандрит Иоанн Вендянд. /.../ А инспектором стал Филарет Денисенко, будущий Патриарх Украины. Филарет был молодой, ему было тогда 30 лет. На следующий год он стал ректором. Он был, по убеждениям, человек очень советский».

Учиться Павлу нравилось, и он без особого труда постигал литургику, экклезиологию, богословие Ветхого и Нового Завета, труды отцов Церкви, основы христианской философии, историю церкви, древние языки и другие предметы. Сложнее молодому семинаристу давалось понимание

неписанных правил церковной жизни, устанавливаемых семинарскими руководителями. Не во всем они совпадали, а иногда и явно противоречили тем духовным основам, которые преподавались на лекциях и которыми он проникся в общине старца Севастьяна. В этом противоречивом несовпадении Павел болезненно ощущал некий духовный раскол в жизни Церкви.

Раскол этот произошел давно, еще в 1927 году, когда Православная Церковь Московского Патриархата разделилась на три принципиально непримиримых лагеря: непоминающих, сохраняющих верность христианским традициям и уставу 1917 года, поминающих в официальной Патриаршей церкви и раскольников-обновленцев. Первые отказались признать право боготорческой советской власти вмешиваться в дела церковной жизни и помянуть ее руководителей на литургических богослужениях. Большинство из них были репрессированы — расстреляны или погибли в тюрьмах, лагерях и ссылках. Вторые пошли на сделку с властями, заключив компромиссное соглашение с темными силами зла и своей совестью. Они стали помянуть на церковных службах властьпредержащих руководителей советского государства. Эти священнослужители получили возможность относительно спокойно жить, работать и делать карьеру. Они становились архиереями, патриаршими местоблюстителями, а впоследствии и патриархами Русской Православной Церкви.

Вопрос об отношениях Церкви и государственной власти достаточно древний. Он возник еще в первые века нашей эры и разделил Священную Римскую империю на восточную и западную части. Православный принцип «симфонии властей» был впервые сформулирован в Кодексе Юстиниана I Великого в 529 году. На Руси этот вопрос наиболее остро был представлен в богословском споре св. Нила Сорского и св. Иосифа Волоцкого в XVI веке. Сторонником «симфонии властей» был преподобный Иосиф Волоцкий, горячий сторонник идеи внешнего общественного служения церкви, монастырского землевладения и стяжания богатства. Нил Сорский, напротив, был сторонником исихазма (от греч. «спокойствие, тишина, уединение») — древней традиции духовной практики, составляющей основу православного аскетизма и нестяжательства. Его позиция предполагала внутренний, психологически более тонкий подход к религиозной жизни человека, сочетающийся с духом внутренней свободы, обретаемой в процессе нравственного совершенствования. Христианскому благочестию он придавал мистическое обоснование.

В реалиях русской церковной жизни XVI века и всех последующих веков победила и продолжает побеждать позиция Иосифа Волоцкого, направленная на союзную симфонию церковной и государственной власти. Государство по природе своей склонно признать любую религию и любую церковь, если они готовы служить ему идеологической защитой и оправданием его действий. Советское государство не было исключением и, посредством своих организаций и сотрудников, пыталось превратить Православную Церковь в идеологический департамент, управляемый органами ВЧК, ОГПУ, НКВД и КГБ.

Вследствие целенаправленной оперативной работы советских карательных органов по уничтожению канонического единства Церкви со второй половины 1920-х годов в Московском Патриархате начался раскол и среди иерархов и священства, со взаимными «запрещениями в служении», «извержениями из сана» и «отлучениями». Утратив единство, а вместе с ним и организационную силу, Православная Церковь постепенно становилась марионеткой в руках безбожного государственного аппарата.

После смерти патриарха Тихона в 1925 году ОГПУ начало активный поиск своего ставленника. Начальник 6-го секретного отдела ОГПУ, занимавшегося делами религиозных объединений, Евгений Александрович Тучков пытался вербовать хорошо известных народу православных митрополитов, находящихся в тюрьмах и лагерях. Среди его кандидатов были: патриарший местоблюститель Митрополит Крутицкий Петр (П.Ф. Полянский), Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (К.И. Смирнов) и заместитель Патриаршего местоблюстителя Митрополит Нижегородский и Арзамасский Сергей (И.Н. Страгородский).

Позднее отец Павел в своих трудах так описывал эти трагические события:

«Первый уполномоченный по религиям Тучков после смерти Патриарха Тихона пытался договориться с митрополитом Кириллом (Смирновым) о новой практике:

— Если какой-либо иерарх окажется для нас неприемлемым, вы должны его заменить.

— Я подчиняюсь и скажу ему: Брат! Я ничего не имею против тебя, но гражданские власти требуют.

Тучков замахал руками.

— Нет, нет! Так не нужно. Вам следует подыскать для удаления церковные мотивы.

Тогда митрополит Кирилл произнес свою знаменитую фразу:

— Вы не пушка, а я не ядро, чтобы разрушать Церковь!

Тучков нашел митрополита Кирилла неподходящим на пост патриарха и отправил в Сибирь».

Митрополиты Петр и Кирилл отказались сотрудничать с антихристовой богоборческой властью и были расстреляны в 1937 году по приговору «тройки НКВД».

ОГПУ не стеснялось в средствах и методах. Оказывая давление на заместителя Патриаршего местоблюстителя, оно использовало в качестве «аргумента» угрозу расстрела всего заключенного в тюрьмах и лагерях епископата. Угрозами и шантажом чекистам удалось добиться определенных успехов. В августе 1929 года Е.А. Тучков писал своему начальству: «Митрополит Сергей по-прежнему всецело находится под нашим влиянием и выполняет все наши указания». Сергей согласился на все условия Е.А. Тучкова и обратился со своим посланием к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви. Текст его послания утвердил ОГПУ, а сам митрополит Сергей был освобожден из тюрьмы и стал фактическим главой РПЦ. С 1937 года он Патриарший местоблюститель, а с 1943 года - Патриарх Московский и всея Руси.

Наверное, митрополит не был врагом Церкви, и целью его компромисса с большевиками была церковная польза, как он ее тогда понимал. Но избранная им стратегия стала сильным соблазном для очень многих.

«По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, „трагедия митрополита Сергея была в том, что он попытался „под честное слово“ договориться с преступниками, дорвавшимися до власти“. Немалое число иерархов, священников, монахов и мирян прервали с заместителем местоблюстителя евхаристическое общение. Они считали, что его нынешняя деятельность поставила его в один ряд с раскольниками, теми же обновленцами, и потому не видели для себя возможности разделять с ним общую Чашу.

Другая часть церковного народа тоже не всегда и не во всем соглашалась с действиями местоблюстителя, но оставалась с ним в церковном общении. Ибо не усматривала уважительного, с точки зрения канонов, повода для крайней меры — такой, как отделение от него, и видела гораздо большее зло в новых дроблениях. Среди них такие священномученики и исповедники, как Митрополит Петроградский Серафим (Чичагов), Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), Архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), последний Оптинский старец Никон, преподобный Севастиан Карагандинский и другие. Все они были в числе сохранявших общение с заместителем Патриаршего местоблюстителя».

Как показала дальнейшая историческая практика, согласие Сергея было предательством Святого Духа Церкви и капитуляцией перед богоборческой властью. Так «своими руками Московская Патриархия надела себе на шею петлю, в которой сегодня задыхается». Государству мешали не традиционные формы церковной жизни, а живой дух православия, сохранявшийся в верных

христианским идеалам людям.

Непоминающие были физически уничтожены в застенках НКВД, в тюрьмах, лагерях и в ссылках. Однако духовная сила их святости продолжала пребывать в Церкви. Незримое противостояние стяжателей и нестяжателей, поминающих и непоминающих продолжалось и в новых поколениях православных христиан.

Павел убеждения имел твердые и поступаться ими не желал. Еще в Караганде, находясь в послушании и молитвенном общении с отцом Севастьяном и членами его общины, Паша сформировал основу своего жизненного кредо: «Ко всем и во всем проявлять любовь и смирение, а в вопросах веры не отступить ни на шаг». В семинарии вокруг Павла сформировалась группа из пяти молодых людей с подобными взглядами и желанием посвятить свою жизнь христианскому служению. Пятеро юношей — Виталий Бурилов, Леня Свистун, Милий Руднев, Василий Яриков и сам Павел, поклялись на Евангелии в верности Господу и друг другу.

У некоторых учащихся их дружба вызывала зависть, у других — неприязнь и раздражение. Так про эту группу в газете «Вечерний Киев» писал клязус один отрекшийся от своей веры семинарист по фамилии Заяц: «Есть в КПДС (Киевская православная духовная семинария) реакционная группа „Ябарс“, что значит Яриков, Бурилов, Адельгейм, Руднев, Свистун. Эти семинаристы отмежевались от советской действительности, не читают книг, не ходят в кино сами и других не пускают».

Однажды этим верным друзьям пришла в голову идея сделать для семинаристов отличительные знаки — нагрудные значки в виде восьмиконечного креста. Молодые люди, по наивности своей, решили, что раз у пионеров и комсомольцев есть свои значки, то и у православных семинаристов тоже должны быть. Разработав эскиз, они сделали соответствующий заказ знакомому слесарю. Задумка оказалась дорогостоящей. Каждый значок выходил по пять рублей. На такие деньги можно было купить банку сгущенки или даже торт. Однако нужную сумму собрали и в один прекрасный день на лацканах семинаристов засияли православные крестики.

Руководство семинарии запаниковало. Ректор вместе с отцом-инспектором (Муратовым) стали отнимать у учащихся значки и организовали расследование. Основным виновником, конечно, оказался семинарист Павел Адельгейм. Кто же еще мог такое придумать? Вообще, руководство семинарии часто возлагало на него вину за неблагоприятные действия других учащихся. Так, например, случилось в связи с внезапной пропажей спортивного инвентаря и ректорского радиоприемника. В 1958 году ректор вместе с отцом-инспектором решил организовать на территории семинарии спортивную площадку. Недалеко от храма они натянули волейбольную сетку, чтобы семинаристы могли заниматься спортом, не отставая от других групп прогрессивной советской молодежи. Не всем семинаристам эта затея руководства понравилась, и сетка, провисев недолгое время, внезапно исчезла. Ее искали, но так и не нашли. А перед празднованием 41-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции из фойе семинарии пропало радио.

«Инспектор Виктор Муратов, раздраженный, вошел в столовую:

— Это все „благочестивые негодяи“ вытворяют. Злоумышленника найдем и исключим из семинарии.

Вошел ректор. У него в руках был новенький динамик.

— Я ставлю радио из своей комнаты. Стыдно. В семинарии появился вор. За это радио я свои личные деньги платил — 45 руб. 30 коп.

Радио стояло до утра. Утром исчезло. На полочке, на месте радио лежали 45 руб. 30 коп. Злоумышленник обнаружился через много лет. Вася Яриков рассудил, что волейбольной сетке и радиоприемникам с бравурными советскими маршами и песнями не место в семинарии».

А в 1959 году случилось так, что празднование Пасхи Господней выпало на 3 мая и, соответственно, на 1 мая выпадала Страстная пятница — день скорби Великого поста.

В Страстную пятницу в храмах даже литургию не служат, а ректор объявил этот день праздником с соответствующим торжественным собранием и концертом. Многие семинаристы были не согласны с таким решением, но молчали. Леня Свистун, пылая возмущением, обратился к Павлу с предложением пойти к ректору и высказать ему полный и категоричный протест. Вдвоем они направились в ректорский кабинет, но не смогли даже до конца высказать свои претензии. Разразился страшный скандал. Ректор орал так, что стекла дрожали.

- Вы совсем с ума сошли! Не знаете, в какой стране живете! Чей хлеб едите! Чьим воздухом дышите! Я - сын простого шахтера, стал ректором! Я всем обязан советской власти! А вы советскую власть не уважаете?! Вы неблагодарные, вас советская власть учит, а вы ничего не цените!..

Этот протест двух семинаристов стал последней каплей. Инициативу разговора приписали Адельгейму, поскольку Леня был для ректора социально близким - сын рабочего, отец погиб на войне, а у Павла отца расстреляли как «врага народа». В общем, все сводилось к тому, что таким людям, как Павел Адельгейм, не должно быть места ни в советском государстве, ни в церковной службе. Филарет перед экзаменами вызвал семинариста Адельгейма к себе в кабинет и заставил его написать заявление об отчислении из Киевской семинарии «по собственному желанию».

В трудный момент своей жизни Павел обратился за помощью и советом к отцу Феодосию, и тот благословил его съездить в Почаев, к известному прозорливому и мудрому старцу отцу Кукше. В скиту Почаевской лавры старец спросил Павла, готов ли он к монашескому подвигу, чтобы постричься и жить в монастыре. Павел честно ответил, что не видит себя монахом. Священник внимательно и пристально посмотрел на него и сказал: «Тогда иди с миром, тебя ждет твоя Вера».

Павел не понял и не осознал пророческих слов старца, он вообще не знал, что следует делать в такой ситуации.

Кто-то в семинарии рекомендовал ему поехать в Чернигов, потому как сказывали, что тамошний архиерей всех киевских семинаристов рукополагает в священники. Павел недолго собирался и поехал на прием к черниговскому архиерею. Тот, выслушав молодого человека, понял, что рукополагать этого изгнанника — значит идти против воли властей, как советских, так и духовных. Желая найти канонические причины для отказа, Владыка спросил:

— Ты женат? Нет? Надо жениться!

— У меня невесты нет, — признался бывший семинарист.

— Ну, не я же буду тебе ее искать. Ступай.

Так, холостяцкое положение стало серьезным препятствием на пути к принятию священнического сана. Однако Господь не оставил семинариста-изгнанника, проблема его женитьбы была решена довольно быстро, хоть и несколько необычным образом.

Выйдя от архиерея, печальный и озадаченный сидел Павел в коридоре Епархиального управления. Неожиданно к нему подошел священник и, пристально посмотрев на него, спросил:

— Семинарист? Неженатый? Поехали ко мне в деревню. Есть у нас невеста. Тут недалеко. Километров двести будет. Деревня Гайворон.

Как говорится, «за невестой семь верст не крюк», и Павел со священником на поезде и на попутных машинах отправились в Гайворон.

Так, в 1959 году пришло время появиться в жизни Павла его второй Вере.

3. Ах, эта свадьба!

Вера Охрименко была школьницей, жила с мамой, бабушкой и дедом Миколой Максимовичем, ветераном войны. Он — потомственный запорожский казак, человек старой закалки, любил порядок и веровал в Бога. В составе саперного батальона прошел всю войну и закончил ее в Берлине. Вернувшись домой, узнал, что все трое его сыновей пали смертью храбрых, и он остался единственным мужчиной в семье. Обо всех надо позаботиться, обеспечить, накормить, пристроить к делу. Конечно, главной его заботой была внучка. Летом 1959 года Вера окончила школу и сдала выпускные экзамены, думала ехать в город — поступать в институт. Это был один из легальных способов уехать из деревни. Советское «крепостное право» удерживало людей в колхозах, лишая их паспортов и, соответственно, статуса граждан со всеми их основными правами. С поступлением в институт Вере обещали помочь дальние родственники, проживавшие в Курске. Однако все сложилось не так, как задумывалось.

В один из погожих летних вечеров, после сдачи первого экзамена, к ней пришли подруги и сказали, что ее хочет видеть местный батюшка. Выйдя во двор, Вера увидела священника и стоящего рядом с ним молодого человека. Гости вошли в дом, сели ужинать, поговорили о том, о сем и собрались уходить. Прощаясь, молодой человек попросил разрешения еще раз прийти в гости. Разрешение было дано, и через день Павел с кульком конфет вновь появился у Веры. На этот раз дома была только ее двоюродная сестра. Бывший семинарист стал читать им вслух Евангелие. Так прошло около трех часов. Наконец, увидев, что девушки уже изнемогают от чтения, он попросил Веру выйти в сад для разговора. Она пошла, но вместо беседы Павел задал лишь один вопрос: «Вера, вы пойдете за меня замуж?». Девушка очень растерялась и, не совсем понимая, что происходит, почему-то сказала: «Да, ладно».

Молодые люди вернулись в дом, и Павел попросил у вернувшихся родственников руки их дочки и внучки. Дед с бабушкой благословили, а мать заплакала: «Він відвезе тебе, а я одна тут маятися буду!». Дед на материнские причитания сурово и основательно заявил: «Нехай іде, бита не буде, і шматок хліба буде!». Деду в семье возражать было не принято. Мать поплакала, попрочитала и тоже благословила. Случилось это в понедельник, в Духов день, а в среду, после сдачи Верой последнего экзамена, молодые люди пошли в сельсовет и зарегистрировали брак. Вот как это событие описывал Павел в своих стихах:

*Под зеленою вишней
Нам все было понятно.
Сердце сердцу так слышно,
Сердце сердцу так внятно.
Я сказал: «Будь женою».
Мы, обнявшись, молчали.
Трепетали листвою,
Словно нас обручали,
И зеленая вишня,
И тополь кудрявый,
А в свидетели вышли
Изумрудные травы.
Как все было нескладно.
Как все было чудесно!
Твое милое «ладно»
И сама ты, как песня.*

Павел Адельгейм, 23 июля 1972 г.

Выйдя замуж, Вера получила паспорт и поехала с мужем в Киев знакомиться со свекровью. Татьяна Никаноровна была в ужасе. Разве такую малообразованную деревенскую жену хотела она для своего единственного сына? Однако Павел поставил мать перед жестким выбором — либо она принимает Веру как дочь, либо теряет его как сына. Лишь спустя некоторое время, окончательно убедившись в нерушимости его решения, скрепя сердце она благословила молодых.

Дождавшись окончания Петрова поста, они все вместе с тремя друзьями Павла — молодыми семинаристами — поехали в Гайворон на венчание и свадьбу. Однако не тут-то было. В деревне Павла с друзьями вызвали в сельсовет. Позже отец Павел вспоминал:

«Председатель всех пригласил в свой кабинет. Беседа не клеилась.

— С какой целью приехали?

— Здесь живут родители моей невесты. Мы у вас зарегистрировали брак и приехали повенчаться.

— У нас здесь много лет никто не венчался. Это событие бросит тень на постановку научно-атеистической работы в нашем селе. Вы бы ехали в другое место.

Дверь отворилась. Не вошел, а стремительно влетел человек тяжелой комплекции. Он был сильно возбужден.

— Где они? Вы зачем приехали?

Леня Свистун, не учитывая накала обстановки, задорно ответил:

— Невест искать!

Пришедший вспыхнул.

— Я здесь десять лет работаю. Еще не было такого безобразия. Как, - загремел он, - в советской деревне попы девушек соблазняют! И нашлась же такая дура!

Жених встал.

— Прошу не забываться. Вы нас вызвали, вероятно, не для того, чтобы оскорблять. Если вы лицо официальное, изложите ваши претензии.

Прибывший оказался лицом официальным - председателем колхоза по фамилии Малеваный, к возражениям он не привык.

— Молчать!!! - самообладание отказывало ему. Он лихорадочно искал на столе что-нибудь тяжелое. Под руку подвернулась квадратная темно-синяя чернильница на мраморной подставке. Он зажал ее в руке.

— Я контуженый. Я тебя на фронте защищал, молокосос! Убью и отвечать не буду!

Мать жениха схватила его за руку:

— Остепенитесь!

Малеваный в ярости заметался по кабинету. Все поднялись. Было ясно, что разговор не получится. Председатель сельсовета жестом отпустил приглашенных».

Ушли встревоженные, такой разворот событий не предвещал ничего хорошего. Увы, предчувствия не обманули. Руководство местной партийной и комсомольской организаций быстро состряпало клеветнический донос в милицию. В заявлении молодые люди обвинялись в агрессивных хулиганских действиях против представителей советской власти.

Из воспоминаний отца Павла:

«Снова не удалось позавтракать. В калитку постучали:

— Повестка. Срочно явиться в сельсовет. Распишитесь.

Около сельсовета стоял синий мотоцикл с коляской. Несколько милиционеров сидели в кабинете председателя. — Начальник районного отделения милиции. Ваши документы.

Жених подал паспорт.

— Меня вызвали по поводу учиненного вами хулиганства. Объяснитесь!

— Мне нечего объяснять. В каких хулиганских действиях вы меня обвиняете?

— Вы ворвались толпой в кабинет председателя, буянили, оскорбляли представителей местной власти. На вас составлен акт. Вот написано, читайте: „Топал ногами, скрипел зубами, наводил ужас на окружающих“. Вам лучше признаться.

— Это неправда. Мы пришли по вызову.

— Как неправда? Акт подписали четыре коммуниста, а вы — попы! Кому я должен верить?

— Советские граждане равны перед законом.

— Ты мне еще права качать будешь? Завтра придешь за паспортом в отделение. Я с тобой разберусь. У твоих друзей есть паспорта?

— Мы киевляне. Живем в трех часах езды отсюда. Поэтому паспорта с собой они не взяли. Здесь не паспортное село. (Сельское население не имело паспортов).

— Пусть немедленно явятся. Я арестую их до выяснения личности».

Так, несмотря на возражение Павла против этой клеветы, у него забрали паспорт, а друзьям грозил арест. Вернувшись в дом, он рассказал о нависшей угрозе. Ребята быстро собрали и спрятали в дальнем конце села, у знакомых. Милиции сообщили, что они вернулись в Киев.

Соседи рассказали о том, что на собрании сельсовета было постановлено не допускать венчание в церкви. Местный священник подтвердил это печальное известие, сказав, что нарушить запрет он не может. Но выход есть. Он тайно договорился с настоятелем церкви другой деревни, что в двадцати километрах от Гайворона.

О венчании отец Павел вспоминал так:

«На попутной машине поехали за двадцать километров в село Дептовку. Встречный ветер освежал лицо. Дорожные впечатления несколько остудили возбуждение. Местный священник принял сердечно. Обрядили невесту. Народу не было. Собралось несколько случайных старушек. Хора тоже не было. Но все пережитое наполнило венчание необычной торжественностью. Невеста на долгие годы запомнила, как Леня Свистун с восторгом пел „Многая лета“».

*Но не все было так благостно...
Треволнения злой суеты
Обернулись счастливою былью:
Заснеженная тканью фаты,
Ты, сложив лебединые крылья,
Стала перед святым аналоем
Моей верной женой и судьбою.
Звонко в куполе «Многая лета»
Многократное эхо вторит,
И поток лучезарного света
Над тобой венец золотит.*

*Повторилось бы все это снова
- Я венца не желал бы иного.
А когда совершился обряд
- Ко кресту приложился губами.
Понял, не оглянувшись назад,
Что архонты явились за нами.
Разве с чем-нибудь спутать я мог
Грузный топот кирзовых сапог?
Запихали друзей в «черный ворон».
Завизжали дверные запоры
С проржавевшей эмблемой закона,
И с добычею хищники взмыли,
И растаяли в облаке пыли.
Вслед им строго смотрели иконы.*

Павел Адельгейм, 17 августа 1972 г.

На глазах жениха и невесты „дружек“ затолкали в милицейскую машину и увезли. Беспаспортные... Мы вернулись в Гайворон на грузовике».

Так Павел и Вера были обвенчаны и поехали домой праздновать свадьбу. Вернувшись в деревню, Вера с матерью пошли приглашать соседей. Однако и свадьбу молодым гулять не довелось. Пока приглашали соседей, односельчане сообщили, что деревню блокирует прибывшая на машине рота солдат.

«Взволнованная мать жены вбежала в калитку: „Солдаты! Целый грузовик. Оцепляют деревню“. Ни тюрьма, ни расстрел не грозили. Но кто знает, что взбредет в голову блюстителям порядка! Как бы не пришлось провести первую брачную ночь в соседних камерах».

Родители срочно собрали молодоженов в дорогу и вместе с ними, на ночь глядя, отправились в другую деревню, за двадцать километров, к дальней Вериной родственнице. Уходить пришлось огородами, через леса и болота. Дорогу им освещали луна и звездное украинское небо.

*С небосклона в болото катится,
Словно хочет в траве схорониться,
Месяц желтою каракатицей.
По болотам идет вереница:
Впереди — две матери старые,
Позади — молодая пара.
Чуть приметная вьется тропинка,
Где-то звонко кричит кукушка.
Ты пугаешься каждой травинки,
Принимая ее за лягушку.
А я мучаюсь счастливою мукой,
Прижимая к себе твою руку.
Мы едва лишь вернулись из храма
И еще не успели умыться,
Как взволнованно входит мама:
«Бегите! Вас ищет милиция,
Их наехала целая рота».
Мы собрались. Ушли в болота.
Пусть не чувствуешь ног от усталости,*

*Пусть по следу нас ищет милиция,
Этот день до глубокой старости
Как улыбка судьбы, как зарница,
Полыхнула в событий поток,
Заплелась, как в букет василек.*

Павел Адельгейм, 17 августа 1972 г.

К тетушке добрались в три часа ночи и, усталые, повалились спать. Ранним утром Павел отправил жену с матерью в Киев, а сам поехал в райцентр, в милицию, вызволять друзей и свой паспорт. В кабинете начальника отделения его встретил человек в штатском, который вежливо извинился перед ним за превышение полномочий его коллегами. Вернул паспорт и сказал, что друзей уже отпустили по домам.

Некоторое время молодая семья прожила в Киеве. Зайдя в Киево-Печерскую лавру, Павел встретил там бывшего наместника монастыря архиепископа Ташкентского Ермогена — умного и проницательного пастыря. Владыка внимательно выслушал молодого человека, посочувствовал и пригласил его в Ташкент для рукоположения и службы в сане дьякона. Павел с благодарностью принял это предложение.

Вроде бы жизнь стала налаживаться, тревога, связанная с отчислением из семинарии, отошла, страсти венчания успокоились, появилась вполне разумная перспектива жизненного пути. Владыка Ермоген рекомендовал Павлу поехать сначала одному, обжиться на новом месте, а затем и привезти молодую жену. Однако Павел решил ехать вместе с ней. Оставить Веру со своей матерью он так же побоялся, как и отправить ее в Гайворон, на расправу местных партийной и комсомольской организаций.

4. Новое место, новые люди, новая жизнь

Вскоре молодые купили билеты на поезд и поехали к новому месту жительства и службы будущего священника — в далекий Ташкент. Ехали долго, в дороге ближе знакомились друг с другом. Сначала Вере все нравилось, но за Уралом, когда начались азиатские голые степи, она запаниковала: «Что же это я делаю? Куда еду? Что там будет? Не хочу замуж! Хочу домой!». Весь вагон ее утешал и уговаривал не оставлять своего Павла. Так получилось, что эта пара молодых людей своей простотой и душевностью очаровала и расположила к себе всех попутчиков.

В Ташкенте в Епархиальном управлении их встретил священник-монах отец Борис (Холчев). Посмотрел на них и только руками развел: «Что мне делать с этими детьми?». Однако принял и стал им духовным наставником и попечителем до конца своей жизни.

Архимандрит Борис Холчев был личностью яркой и выдающейся, вполне заслуживающей более подробного рассказа о нем. В юности, окончив с золотой медалью Первую Орловскую гимназию, он принял решение стать психологом и поступил на историко-филологический факультет Московского Императорского университета. Там познакомился с профессором Георгием Ивановичем Челпановым — директором Психологического института, и стал его учеником. Во время учебы Борис Холчев активно изучал философские дисциплины и особенно увлекался теоретическими проблемами психологии.

Его студенческие рефераты «Учение Бенно Эрдмана об аперцепции», «Теория суждения у Декарта», «О критериях достоверности при воспроизведении» и другие отличались особой глубиной научного познания. В своих работах он утверждал принцип неразрывной связи психологии и философии. «Результаты научных психологических исследований только тогда научны, - писал он в одной из своих записных книжек, - когда сведены к единому центру, к одной системе. Каждый частный

психологический вопрос приводит нас к высшим философским обобщениям». Г.И. Челпанов называл его одним из лучших своих учеников.

Глубоко интересуясь внутренним психическим и духовным миром человека, Борис изучал христианскую философию и труды святых отцов Церкви. Проживая в студенческом общежитии на Большой Грузинской, он часто посещал храм св. Николая в Кленниках и был духовным чадом отца Алексея Мечева — удивительного московского батюшки, старца в миру. По его благословию Борис посетил Оптину пустынь, где познакомился со знаменитым старцем Нектарием, руководству которого доверил свою внутреннюю жизнь. Старец укреплял волю молодого человека в минуты слабости и призывал не оставлять учебу. Позднее отец Борис вспоминал, как старец на его размышления о посвящении себя церковному служению настойчиво говорил: «Тебе надо учиться». И даже авву Дорофея на какое-то время запретил ему читать.

Революция 1917 года застала Бориса студентом третьего курса. Условия жизни, а вместе с этим и здоровье молодого человека заметно ухудшились, но он, преодолевая трудности и при поддержке своего духовного наставника, смог окончить полный курс университета.

В 1920 году, после сдачи выпускных экзаменов и защиты диплома, Борис Васильевич Холчев получил от ректора Орловского университета профессора Н.И. Конрада приглашение на кафедру психологии и начал преподавать общую психологию и вести семинарские занятия. Свою преподавательскую деятельность он совмещал с должностью секретаря философского отделения и членством в церковном совете одного из орловских храмов.

В 1922 году, во время кампании по изъятию церковных ценностей, он был арестован и без предъявления обвинений два месяца просидел в тюрьме.

В этом же году Г.И. Челпанов пригласил его на должность научного сотрудника Института психологии. Приняв приглашение, Борис Васильевич вернулся в Москву и занялся многоплановой научной работой. Исследуя особенности детей с дефектами умственного развития и малолетних преступников, он собирал материал для своей кандидатской диссертации, которую написал в течение двух лет. Перед ним открывалась возможность блестящей научной карьеры. В 1924 году должна была состояться защита диссертации, но старец Нектарий на то не благословил и сказал ему: «А теперь оставь все это и посвящайся в диаконы в церковь Николы-Коленники». Борис Васильевич послушался своего наставника: оставил научную карьеру и коренным образом изменил всю свою жизнь.

В отличие от многих коллег и сотрудников института, профессор Г.И. Челпанов не отговаривал его, а, даже наоборот, горячо поддержал это решение. Будучи высочайшим профессионалом, он понимал, что выбор духовного служения людям более всего соответствует предназначению психолога.

Путь пастырского служения отца Бориса начался в очень трудное для Церкви время, и дальнейшая жизнь его была наполнена тяжелыми и жестокими испытаниями. В 1931 году он был снова арестован и четыре года провел в тюрьмах и лагерях ОГПУ, где, невзирая на тяжелые условия, выполнял свой пастырский долг, вселяя веру и надежду в сердца других заключенных, укрепляя их силы своей любовью. После освобождения в 1935 году, с подорванным здоровьем, он несколько лет прожил в Орле и Рыбинске. Пользуясь своей инвалидностью, он почти не выходил на улицу и тайно от НКВД ежедневно служил литургию у себя дома.

После 1943 года, когда Сталин начал восстанавливать структуру Православной Церкви, отец Борис был назначен священником в Фергану, где приступил к открытому служению в храме. В 1953 году его перевели в Ташкент, где через два года он принял монашеский постриг.

Общаясь с отцом Борисом, Павел готовился к посвящению в первый священнический сан. Он просил Веру не беспокоить его, надолго запирался в комнате и сосредоточенно молился. Вера

обижалась, не понимая поведения мужа, но терпела.

23 августа 1959 года архиепископ Ермоген рукоположил Павла Адельгейма в сан диакона для служения в Ташкентском кафедральном соборе. Последующие семь лет были трудными, наполненными бедами и радостями, печалью и счастьем. И рядом с ним всегда была его Вера — добрая и заботливая жена. Ей он посвящал свои стихи.

*Опустеют по осени гнезда.
Шеи вытянув, вдаль вереницей
С громким криком под южные звезды
Улетят перелетные птицы.
Мы покинули сжатые нивы
И лесов белоствольную проседь.
Заманил караван журавлиный
В золотую ташкентскую осень.
Расписных минаретов, мечетей
Окружила нас пестрая новь.
Отпечаток минувших столетий
И гранатов багряная кровь.
Виноградные гроздья, как угли,
Загорелись сквозь зелени мех.
Стала ты, как узбечка, смуглой,
Выпив солнца неистовый смех.
Возвращаются птицы в гнездовья,
Распустился сиреневый цвет.
Только наше с тобой зимовье
Затянулось на несколько лет.*

Павел Адельгейм, 1 августа 1972 г.

Об архиепископе Ермогене (Алексее Степановиче Голубеве) и положении дел в Ташкентской епархии того времени следует сказать особо. Владыка являл собой яркий пример истинной веры и преданности христианским идеалам. Служение под началом владыки сформировало в молодом диаконе нерушимые принципы отношения к церкви, к людям и к самому себе. Вот как об этом писал сам отец Павел:

«Мне посчастливилось видеть епископов, которые не искали личного благополучия, были бескорыстны и отдавали жизнь за паству, уподобляясь доброму Пастырю: „душу Мою полагаю за овцы“. Первым архиереем, который меня рукоположил, и под омофором которого началось мое священнослужение был архиепископ Ермоген» (8).

Пройдя через все испытания советской репрессивной машины, через застенки НКВД и лагеря ГУЛАГа архиепископ Ермоген сохранился негнбаемым, как скала.

В свое время архимандрит Ермоген был членом Духовного Собора Киево-Печерской лавры, а потом стал ее настоятелем. При нем монашеская жизнь протекала мирно, но потом настоятеля арестовали, и он получил 10 лет лагерей. После освобождения приехал в Ташкентскую епархию, которой тогда управлял архиепископ Гурий (Егоров). Отец Ермоген был назначен настоятелем собора в Самарканде, где прослужил до 1953 года. Между архиереем и прибывшим архимандритом возникло соперничество. Владыка Гурий пытался всячески «притеснять» его. Ермоген смиренно сносил все придирки и говорил: «Если стану архиереем, и Владыка Гурий будет зависеть от меня, я послужу ему иначе».

«Такая возможность скоро представилась. Владыка Гурий лишился кафедры и на некоторое время оказался за штатом. Архимандрит Ермоген принял архиерейскую хиротонию и был назначен на Ташкентскую кафедру. Замечательна была „архиерейская месть“. Владыка Гурий тяжело переживал лишение кафедры, и епископ Ермоген всячески его поддерживал, окружил заботой, стараясь облегчить его огорчение. Получив новое назначение, Владыка Гурий сохранил о епископе Ермогене благодарную память. Архиерейское служение митрополита Гурия завершилось на Ленинградской кафедре».

Дьякону Павлу довелось служить вместе с владыкой Ермогеном чуть больше года, но и этого времени было достаточно, чтобы проникнуться глубокой симпатией и уважением к этому великому пастырю православной Церкви. Рассказывая о нем, отец Павел часто использовал воспоминания других священников — очевидцев деятельности Ермогена в течение семи лет (1953-1960) его служения в Ташкентской епархии.

Священники рассказывали: «Совет по делам религий при Совете Министров СССР завел жесткий порядок регистрации духовенства. Епископ должен был „согласовывать“ кандидатуру священника прежде его рукоположения и назначения. Архиепископ Ермоген не подчинился этому порядку. Он прежде рукополагал и назначал священника, а затем с указом на руках посылал за регистрацией к уполномоченному Совета». Такая практика вызывала раздражение властей.

В Ташкенте памятником архиерейского служения Ермогена остался построенный в 1958 году кафедральный собор. Храм, существовавший до того времени, был невелик и совсем не походил на кафедральный собор. Владыка решил построить новый. Времена для церкви были тяжелые. В конце 1950-х годов не только строительство, но и косметические ремонты храмов были порой запрещены. Чтобы не прекращать службы и не остаться вообще без собора, Владыка не стал разрушать старый храм, а выстроил над ним новый. Заложил фундамент, возвел стены, а когда строительство подошло к концу, старый собор, остававшийся внутри нового, вынесли по частям.

«Двухпрестольный храм вмещал до трех тысяч человек. В то время на миллионный Ташкент было всего четыре храма, и места для людей не хватало. Благодаря уникальным талантам и помощи Божией, Владыка сумел собрать значительные средства, которых оказалось достаточно не только для строительства собора, но и для его великолепного интерьера: мраморного иконостаса с иконами, золочеными воротами, бронзовыми люстрами и просторными хорами. Сам Владыка часто служил священническим чином в будние дни. Торжественные встречи и облачения на середине храма совершались только по большим праздникам. В воскресные дни он чаще облачался в алтаре, и выходил на середину храма в саккосе. Когда не служил, постоянно стоял вне алтаря, на солее, где за иконой было установлено для него кресло».

Также под руководством архиепископа Ермогена были построены новый собор в Ашхабаде, храм в Самарканде и большая каменная крещальня в городе Фрунзе (Бишкек), отреставрированы и восстановлены храмы Красноводска и Мары.

Архиепископ по-отечески заботился о своей пастве и клире. Он организовал в Ташкенте епархиальную гостиницу для приезжавшего духовенства. Прибывая в Ташкент по вызову архиерея или по личным делам, каждый клирик бесплатно получал уютную комнату и питание. В каждом приходе Владыка на епархиальные средства приобретал приходские дома для проживания семей священников.

Такое бескорыстное служение Богу и людям не могло остаться безнаказанным.

Отец Павел вспоминал:

«В 1957 году он построил собор, а в 1960-м его лишили кафедры. Мне, слава Богу, довелось попасть в Ташкент в 1959 году, получить от него дьяконское рукоположение и послужить при нем в

кафедральном соборе дьяконом. Владыка не только построил собор. Он наполнил его жизнью, собрал вокруг себя достойное и просвещенное духовенство, обеспечил богослужение качественной проповедью. Обычно проповедовал он сам или архимандрит Борис (Холчев). Отец Борис был замечательным проповедником. Много лет он был целибатным священником. Когда Владыка Ермоген постригал его в монашество, он не стал изменять его имя и сказал: „Ты всегда был монахом и всегда жил монашеской жизнью, поэтому я не стану менять твое имя“».

Святейший Патриарх Алексей предполагал объединить под омофором архиепископа Ермогена Ташкентскую и Казахстанскую епархии. Было решено назначить архимандрита Бориса викарным епископом в Алма-Ате. Возникла огромная епархия из четырех республик, в которой открывался простор для кипучей деятельности Владыки Ермогена.

К сожалению, произошли принципиальные перемены, изменилась политика, начались хрущевские гонения. Возведение кафедрального собора на месте небольшого храма в центре Ташкента выглядело как серьезный политический просчет уполномоченного по делам Православной Церкви при Совете министров Узбекской ССР. Уполномоченный Вороничев почувствовал себя уязвленным и возненавидел архиепископа. С этого началось трехлетнее противостояние. Владыку Ермогена, который был стержнем духовной жизни в Ташкенте, лишили кафедры и отправили в принудительный отпуск с проживанием в Одесских и Белорусских монастырях.

Добрая память о Владыке Ермогене осталась почти фантастической. В Ташкентской епархии не было коррупции, разрушающей современную церковную жизнь. Оказалось, что исключить коррупцию совсем не трудно. Архиепископ указом запретил младшим клирикам делать подарки старшим по положению. Старшие могли одаривать стоявших ниже по должности на иерархической лестнице, а младшие старших — нет. Вскоре после назначения на кафедру епископ Ермоген написал распоряжение:

«Ко мне обратился настоятель одного из приходов с приглашением совершить богослужение в день Престольного праздника. При этом он выразил озабоченность по поводу расходов, необходимых для приема архиерея и сопровождающих клириков. Довожу до сведения всех настоятелей храмов, что архиерей будет посещать каждый храм своей епархии и совершать там богослужение. Приходы не несут никаких расходов, связанных с посещением архиерея. Все расходы по приему архиерея и сослужащих ему клириков возлагаются на Епархиальное управление».

Где нашел епископ средства для столь щедрой благотворительности?

В 1950-е годы духовенство РПЦ получало доходы от «кружки». Деньги за требы и пожертвования клались в кружку, опечатанную приходской печатью. Раз в месяц «кружку» делили. Собирался весь причт, снимали печать, считали деньги. Две части оставляли на храм, одну часть отдавали причту. В то время духовенство облагалось по 19-ой статье, исчислявшей процент налога по прогрессирующей шкале. Размер налога мог вырастать до 95 процентов от суммы годового заработка. В качестве налога государству отдавали огромные суммы. Причем духовенство, как и осужденные в СССР, были лишены социального страхования: пенсий, бюллетеней, оплаты инвалидности, обеспечения жилищем и транспортом, санаторно-курортного лечения и прочих социальных льгот.

Архиерей ввел новую форму оплаты. Все духовенство Ташкентской епархии перешло на твердые денежные оклады. Это была первая епархия в РПЦ, перешедшая на зарплату. Оклады были минимальными, в пределах 100-150 рублей. Все приходские средства епископ сосредоточил в своих руках, купил на них облигации трехпроцентного золотого займа, который ходил в свободном обращении, и выдавал премии епархиальному духовенству к каждому празднику по 1000-3000 рублей. Кроме двенадцатых и престольных праздников, он давал премии на все большие праздники. На рождение ребенка, на свадьбы или похороны выделялись духовенству деньги в размерах 5000-10000

рублей. Когда финансовые органы потребовали выплатить налоги с премий, архиепископ обратил их внимание на государственную гарантию, обеспечившую каждую облигацию: «не подлежит обложению налогами и сборами». Это немногие из аспектов многосторонней деятельности архиепископа Ермогена».

Идеологические органы советской власти и, в частности, департамент уполномоченного по делам религий старались всячески опорочить архиерея и его сторонников. Для дискредитации Церкви и священнослужителей в годы хрущевских гонений была развернута кампания по отречениям. Угрозами и шантажом священников заставляли публично заявлять о своем осознании церковного мракобесия обмана и отказываться от христианской веры. Волна показательных «отречений» прокатилась в те годы по всем епархиям.

4 января 1962 года центральная газета Узбекистана «Правда Востока» опубликовала открытое письмо бывшего протодьякона кафедрального собора Василия Погорелова, в котором он яростно обличал всю «несостоятельность» христианской веры и «лицемерие» служителей православной церкви. Характеризуя Владыку Ермогена и своих бывших сослуживцев по кафедральному собору, он писал: «Приняв твердое и окончательное решение уйти из затхлого мира церковников, считаю своим долгом рассказать о своем пути к истине. Делаю я это для того чтобы помочь тем, кто еще находится в плену религиозного дурмана. /.../ Служа протодьяконом, я становился свидетелем потрясающих фактов. /.../ Архиепископ установил себе „скромный“ оклад в пятнадцать тысяч. Еще пять тысяч выписывал он себе „на представительство“ каждый месяц. Держал штат персональной прислуги. /./

Делец он был незаурядный, этого у него не отнимешь. /./ Многие, очень многие служители церкви стараются не отставать от владык. Архимандрит Борис Холчев умеет красиво говорить, обладает некоторой эрудицией. Все это позволяет ему скрывать свою черствость, злобу и ненависть к людям. /./ Ну какой праведник из настоятеля всехсвятского молитвенного дома Андрея Гривуля, в прошлом бандеровца? Это матерый взяточник. Разве имеет „страх божий“ дьякон собора Павел Адельгейм, бесчинствовавший на оккупированной фашистами территории? Все это умело скрывается в анкетах».

О «правдивости» этих характеристик ярко свидетельствует тот факт, что Павлику Адельгейму, когда он яро лютовал и «бесчинствовал на оккупированных территориях», на зависть войскам СС и карательным отрядам полиции, было три-пять лет от роду.

Во время хрущевских гонений священнослужителям в Узбекистане, как, впрочем, и по всей стране, жилось тяжело, но предательства их идеалов, как в случае с Погореловым, были крайне редки. Основная масса священников, служивших под началом архиепископа Ермогена, оставалась верна Богу и предана Церкви. В 1961 году, когда в Москве проходил Архиерейский Собор, архиепископ покинул место своего принудительного отпуска и приехал в столицу, чтобы воспрепятствовать пагубному для Церкви отречению архиереев от управления храмами, церковным имуществом и хозяйством. На заседание собора его не пустили, и письмо с обращением к собору не зачитали. Архиереи РПЦ дружно проголосовали за отказ от прав на храмы и церковное имущество. Свое решение они, естественно, обосновали ссылками на Священное Писание и святые каноны, а опального архиепископа вскоре отправили управлять дальней провинциальной епархией. В 1962 году он стал архиепископом Омским и Тюменским, но, не прослужив там и года, был назначен архиепископом Калужским и Боровским.

Возглавляя Калужскую кафедру, Владыка усердно занимался благотворительностью, поддерживал бедные приходы, уменьшил вдвое размер «добровольно-принудительного» взноса в Фонд мира, оживил и укрепил приходскую жизнь. Он активно организовывал ремонт обветшавших храмов, привлекал в епархию молодых активных священнослужителей, имеющих духовное образование, начал отправлять за штат священнослужителей, скомпрометировавших себя небескорыстными «заигрываниями» с советской властью. Результатом его деятельности стало то, что

к 1965 году «практически во всех церквях Калужской епархии значительно увеличилась доходность и обрядность церквей, что свидетельствовало о большей посещаемости храмов и росте числа верующих. Так, в Козельском районе открыто крестилось 60 процентов детей, а в Малоярославецком — до 87 процентов, причем ежегодно крещений становилось все больше. Резко возросло количество верующих».

Терпеть такое положения советская власть не собиралась. 25 ноября 1965 года архиепископ Ермоген был уволен на покой и сослан в Жировицкий монастырь с правом служения в нем. Пятнадцать лет, до самой смерти, пробыл он в заточении. Все его прошения и обращения к Патриарху о назначении на какую-нибудь кафедру оставались без ответа. В конце 1970-х ему разрешили переехать на родину — в Киев. Однако этому не суждено было случиться. 7 апреля 1978 года архиепископ скончался в результате сердечного приступа. Тело его перевезли в Киев и по завещанию похоронили на Корчеватском кладбище.

Еще одним очень значимым человеком в жизни священника Павла Адельгейма стала монахиня Евгения Христиановна Миллер. Родилась она в Петербурге в лютеранской семье. Отец Евгении, купец второй гильдии, дал дочери прекрасное образование. В столице она окончила немецкую школу Петершуле, затем училась в университете Сорбонна в Париже. Свободно владела несколькими европейскими языками и в совершенстве знала архаические — греческий и латынь. Вернувшись в Россию, служила цензором иностранного отдела при Главном телеграфе.

Революционные события 1917 года круто изменили жизнь Евгении. Видя, как рушится привычный мировой порядок, она обратилась к Богу и в сентябре 1918 года приняла православие. Видимо, с этого времени у нее появилось второе отчество — Сергеевна. Она стала активно посещать собрания Захариевского сестричества и Александро-Невского братства.

Потеряв работу на телеграфе, Евгения устроилась в губотдел наркомпроса, в комиссию по делам несовершеннолетних преступников. Весной 1919 года была арестована, как «бывший царский цензор». Затем, в 1922 году, ее вновь арестовали по делу братства, в связи с изъятием церковных ценностей.

В 1924 году Евгения Миллер вместе с подругами Ольгой и Верой поступила послушницей в Богородицкий монастырь, располагавшийся в деревне Курковицы Волосовского уезда. Она стала одной из активнейших насельниц — пела, трудилась в поле, выполняла канцелярскую работу. Весной 1929 года в местной школе произошел пожар. В поджоге обвинили монашек. Евгению арестовали и приговорили к трем годам ссылки в Казахскую Кызыл-Орду.

По окончании срока ссылки Евгения жила в городке Сольцы Ленинградской области и преподавала в школе немецкий язык. Состояла на учете в НКВД за свое прошлое: судимость, неподходящее социальное и национальное происхождение.

В конце 1930-х годов сотрудники наркомата внутренних дел начали целенаправленный поиск врагов народа среди представителей западных нацменьшинств — немцев, поляков, латышей, эстонцев и других, которые воспринимались как база для шпионской и диверсионной деятельности иностранных разведок и как среда, потенциально нелояльная советскому режиму. По «немецкой линии» были осуждены 55 005 человек, большинство расстреляны. В ходе этой кампании 12 июня 1938 года Евгению Миллер вновь арестовали. «Особая тройка» НКВД Ленинградской области 11 октября 1938 года приговорила ее к расстрелу. Однако из-за путаницы в документах (различные варианты отчества — Христиановна, Сергеевна) исполнение приговора отложили до выяснения обстоятельств. Пока уточняли данные, карательная кампания закончилась. В Ленинграде остались нерасстрелянными около тысячи человек. Кого-то из них приговорили к лагерям, кто-то умер в тюрьме, кого-то, к счастью, выпустили. Евгении повезло — ее освободили 29 марта 1939 года.

Во время войны Евгения, как немка, была отправлена на принудительные работы. На Урале был военный завод, выпускавший снаряды. Всю войну Евгения носила тяжелые снаряды. Это был неженский труд. Кормили скудно. Здесь она заработала пеллагру — один из наиболее тяжелых авитаминозов, который впоследствии регулярно обострялся в периоды постов.

После войны Бог привел Евгению в Самарканд, где она стала жить с матерью Ефросинией Юльевной и монахиней Апполонией. (Еще в Петрограде Евгения Христиановна была келейницей м. Апполонии, которая до конца жизни оставалась ее духовной наставницей.) Жили очень скромно. Евгения зарабатывала на жизнь преподаванием английского и латыни в местном университете. Матушка Апполония служила алтарницей в Самаркандском соборе, настоятелем которого был тогда архимандрит Ермоген Голубев.

В 1953 году архимандрит Ермоген стал епископом Ташкентским и Среднеазиатским. Он пригласил в Ташкент мать Евгению и мать Апполонию. Там, по милости Божией, снова встретились три давние подруги сестры-инокини: Евгения, Ольга и Вера. Вместе они были в Александро-Невском братстве, в Богородицком монастыре, вместе были изгнаны, и ссылка разделила их.

Впоследствии отец Павел с душевной теплотой вспоминал об этой удивительной женщине:

«Мы познакомились с матушкой Евгенией перед моим рукоположением. С Верой мы жили тогда в церковной гостинице. К матушке я пошел по рекомендации о. Бориса — заниматься немецким языком. Мы читали по-немецки богословские книги и газеты, занимались грамматикой. Но больше беседовали о Церкви, о литературе, о культуре. У нас сложились дружеские отношения. Мы понимали друг друга, словно не было разницы в 50 лет. /.../

Она раз семь сидела. И на военном заводе работала всю войну. Когда путешествовала во время арестов, без нее оставались ее мама и матушка Апполония. Когда возвращалась из заключения, снова забирала их к себе, зарабатывала и их кормила. /./

Маленького ростика. Сказать, что кроткая, нельзя. Она была человек воинственный, очень трудолюбивый, организованный. Говорила по-русски без акцента. Хорошо владела греческим и латынью. Немецкий — родной. Французский — самый близкий, училась ведь во Франции. Английский преподавала в университете. В университет ходила не в монашеском одеянии, в обычном платье.

Вставала в 5 утра каждый день. Обливалась с ног до головы холодной водой в любое время года. Потом читала свое правило до восьми часов, в восемь — на службу, отстаивала ее всю. Потом — на базар за продуктами. /./ Она все умела делать, хорошо готовила, не терялась в бытовых вопросах — человек прошел через тюрьму! Очень тщательно постилась.

Ей нравился Томас Манн. Читала его, конечно, по-немецки. Она оставила мне практически всю свою библиотеку. Весь набор миней. Стихи любила в основном серебряного века: Волошин, Вячеслав и Георгий Ивановы, Мандельштам, Ахматова, Гумилев. Нравился Экзюпери „Маленький принц“».

Начало церковного служения совместно с Владыкой Ермогеном стало для Павла крепким фундаментом построения добротного здания всей его последующей жизни. За семь лет службы в Ташкентском кафедральном соборе дьякон Павел заочно прошел полный курс обучения в Московской Духовной семинарии и Академии. За это время он обрел твердую основу своего мировоззренческого и житейского опыта. Его молодой матушке Вере приходилось тяжелее. Ее служение Богу было неброским. Обеспечивая все житейские тылы мужа, оставаясь в его тени, она во многом отказывала себе, переступала через свою гордость и желание самоутвердиться. Наука быть женой, то есть быть «за мужем», давалась ей нелегко и требовала порой ломки своего «я». При этом она была почти одна, в отличие от мужа, не было у нее ни учителей, ни наставников. Был только он — любимый Павел, да их духовный отец — архимандрит Борис.

Не всегда все было гладко в их семейных отношениях. Иногда случалось и недопонимание друг друга, и размолвки с обидами. Как-то Вера Михайловна поделилась со мной воспоминаниями об одном таком случае.

«Тогда я была виновата. Приревновала я отца Павла к одной из его прихожанок. Да так сильно приревновала, что думала уже вещи собирать и ехать к себе на родину, в Гайворон. Пошла в собор к отцу Борису. Он посмотрел на меня и спрашивает:

— У вас дома все хорошо?

Я отвечаю тихо:

— Да, батюшка, все в порядке.

А сама глаза опустила, взглянуть на него не смею. Он опять спрашивает:

— У вас действительно все хорошо?

Голову склонила, отвечаю так же:

— Да, отче, хорошо.

А он в третий раз:

— Значит, все хорошо и все в порядке?

Моя голова еще ниже опустилась. Стою, согнутая вся, и тихо так бормочу:

— Да, хорошо.

Он помолчал немного и со вздохом произнес:

— Ну, помогай вам Бог, коли так».

Бог помогал. В основном жили они дружно, ссоры были редкими и короткими. Если что случалось, Вера брала мужа за руку и говорила:

— Павлик, прости меня.

Он в ответ улыбался, гладил ее руку и тихо отвечал:

— Бог простит.

И мир воцарялся в их доме.

А вскоре Бог дал прибавление семьи. 16 июля 1960 года родилась дочка Маша. Роды принимала известный гинеколог-хирург, главный врач родильного дома №6 Ревекка Иудовна Бухгалтер. В молодости ей не раз доводилось оперировать вместе с профессором и Ташкентским епископом Лукой Войно-Ясенецким. К Ревекке Иудовне направил их отец Борис, когда Павел с Верой пришли к нему за советом по поводу беременности. Позднее Павел Анатольевич вспоминал:

«Для меня оставалось интригующей тайной история их знакомства и отношений: ни профессия, ни конфессия не могли их связывать. И все же, судя по той заботе, которой окружили жену в родильном доме, было очевидно, что Ревекка Иудовна очень тепло относилась к отцу Борису, и его рекомендация имела для нее значение. Ревекка Иудовна приняла Веру под свое наблюдение и вела ее до рождения нашего первенца: дочка Маша родилась здоровым и крепким ребенком».

Однако родительский крест оказался тяжелым. Маша, трех месяцев от роду, из-за врачебной ошибки во время прививки оспы заболела тяжелой формой менингита. Врачи предсказывали самое худшее. День и ночь молилась Вера вместе с мужем и отцом Борисом о спасении дочери. Маша выжила, однако мозг, перенесшей тяжелую травму восстановиться не смог. Маша осталась инвалидом. Когда ей исполнилось два с половиной года, Бог дал Павлу и Вере еще детей — теперь сразу двоих.

Беременность проходила тяжело, и роды были под угрозой. Ради спасения матери врачи приняли решение об экстренном кесаревом сечении на семи месяцах. И опять Павел вместе со своим духовным наставником отцом Борисом усердно молились о благополучных родах и здоровье матушки Веры. Об этих драматических событиях он вспоминал так:

«Вера носила под сердцем двойняшек. К семи месяцам они набрали слишком большой вес. Возникли основания для тревоги. Обычно последние два месяца дети набирают по килограмму, и следовало опасаться, что Вера физически не сможет их доносить. Так и случилось. В семь месяцев начался поздний токсикоз беременности, нефропатия, и пришлось лечь на сохранение. Ревекка Иудовна положила Веру в свой родильный дом и собрала консилиум. Вывод был неутешительный: возможность родов казалась маловероятной, плод не прослушивался. Решено было делать кесарево сечение, и делать его предстояло срочно и вслепую из-за сильной отечности. Врачи сказали, что вопрос идет только о спасении матери. Учитывая ее состояние и тяжесть операции, не следует рассчитывать, что дети останутся живы. Операция была назначена на среду.

У меня оставалась надежда только на помощь Божию, и я пошел к отцу Борису. Он сразу же принял меня и сказал: „Будем молиться и надеяться. Бог милостив, все обойдется“. Во вторник вечером Вера позвонила мне и сообщила: „У меня отошли воды“. Я приехал в роддом, поговорил с дежурным гинекологом и отправился к Ревекке Иудовне. Она уже созвонилась с дежурным врачом, велела держать ее в курсе и, в случае необходимости, звонить в любое время. Мне она сказала: „Поезжайте домой, ложитесь спать, я позвоню вам“. Было очень поздно, но я все-таки снова заехал к отцу Борису. Он сказал мне: „Будем надеяться. Молитесь, и все будет хорошо“.

Спал я на столе, в бухгалтерии свечной мастерской, рядом с телефоном.

Роды были тяжелыми. Вера несколько раз теряла сознание, дышала кислородом. Тужиться не было сил. Пожилая врач сидела около нее и массировала живот. У мальчика было ягодичное предлежание.

- Ну, милая, соберись с силами, у тебя мальчик, тужься, тужься, чтобы не пришлось накладывать щипцы.

— О, Матерь Божия! — воскликнула роженица, и врач едва успела подхватить младенца. Через пятнадцать минут родилась девочка. Вторые роды прошли легко.

Так 13 февраля 1963 года с Божией помощью появились на свет Ванечка и Анечка. Ревекка Иудовна позвонила Павлу в два часа ночи и сообщила, что роды прошли благополучно, но дети не выживут. «Радуйтесь, что Вера жива». Детский врач-консультант также сказал, что дети нежизнеспособны. Мальчик весил всего 1500 граммов, а девочка — 1300. Врачи детского отделения делали все возможное, чтобы сохранить жизнь детям. Кормили их из десятиграммовой пенициллиновой бутылочки. Все эти дни Павел с отцом Борисом усердно молились и надеялись. Через две недели врачи сказали, что опасность миновала и дети будут жить.

Когда врачи готовили Веру к худшему, она верила и уповала на милость Божью, молилась о спасении детей. Не раз в это тяжелое время ей вспоминался эпизод из ее раннего детства, когда дед привел в дом на ночлег трех человек. Среди них была монахиня. Женщина внимательно посмотрела на маленькую Веру, погладила ее по голове и сказала: «Жизнь у тебя будет трудная, но Бог тебя любит».

Дети выжили, поправились. Молока у Веры было много, и Ванечка с Анечкой быстро росли и набирали вес. Жизнь налаживалась. Отец Борис называл наших двойняшек «дети молитвы».

После счастливые родители вспоминали: «Чтобы поблагодарить Ревекку Иудовну за ее заботу, мы купили в Киеве большой шоколадный торт и хрустальную вазу. От вазы Ревекка Иудовна

отказалась категорически, а торт поставила на стол и пригласила пить чай. Это было праздничное чаепитие. // Радушие хозяйки переплелось с нашим семейным торжеством и сохранилось в памяти на долгие годы. А хрустальная ваза до сих пор хранится у нас в семье, как вещественный памятник о драматических событиях тех дней и роли, которую сыграла Ревекка Иудов-на в судьбе нашей семьи.

В 1964 году диакона Павла, после окончания им Московской Духовной семинарии, назначили священником в город Каган, недалеко от Бухары. Так отец Павел стал настоятелем храма Святого Николая — небольшой церкви, располагавшейся в здании сарая кирпичного завода в мусульманском районе. Начали обживать на новом месте. Молодой настоятель служил, проповедовал и собирал вокруг себя крепкий приход, объединявший людей, готовых не только словом, но и делом проявлять свою веру. Сначала семья священника жила на съемных квартирах, затем батюшка при церкви построил дом. В ежедневных церковных службах и житейских хлопотах незаметно протекали недели, месяцы и годы.

В 1966 году матушка Вера, неожиданно для себя, устроилась на работу секретарем в государственное учреждение — областное племенное животноводческое объединение. В то время, в годы победоносного шествия атеистической пропаганды, устроиться на работу верующему человеку было почти невозможно. А у жены священника — попадьи — шансов не было никаких.

Характеризуя то время, отец Павел описал в своей книге один курьезный случай, связанный с отношением госструктур к верующим людям:

«По рудоуправлению разнесся слух: конструктор Михайло Одноус — сектант!

— Ишь ты! А с виду порядочный!

— Сектант! Самый отпетый! И все повадки у него сектантские: горилку не пьет — раз! Табачного дыма терпеть не может — два! Не матерится — три! Ну, чего же еще? Ясно, сектант.

Разговоры не умолкали. И Одноус не выдержал. Он ушел с работы. Слух припустился следом. Придет Одноус в очередной отдел кадров, назовет свою фамилию, а там начинают отводить глаза, бормотать что-то невнятное. По всему видно: не хотят принимать сектанта. Потом хлопот с ним не оберешься. Воспитывай, перевоспитывай...

В Кривом Роге поступить на работу не проблема. Одноус устраивался полтора года. Наконец, выяснилось, что Одноус не сектант. Совсем недавно закончилось его вынужденное безделье, да и то после вмешательства горкома партии».

Случай этот опубликовали в газете «Известия» 11 ноября 1963 года. Он был типичным для всех республик, краев и областей Советского Союза.

Живя в такой антирелигиозной атмосфере, Вера даже не мечтала об устройстве на работу. И вот однажды, вернувшись из очередной поездки в Ташкент (по делам прихода и храма приходилось часто ездить в Епархиальное управление), она шла домой по привокзальной площади Кагана. Внезапно к ней подошла молодая женщина и спросила:

— Не хотите ли у нас поработать?

Предложение было столь неожиданным, что Вера, не спросив ни про должность, ни про организацию, не раздумывая согласилась. О своем решении она не пожалела ни разу. Потом вспоминала: «Я работала секретарем-машинисткой. В нашей организации служили четыре женщины: русская, армянка, мордовка и я — хохлушка, остальные — мужчины-мусульмане. У нас замечательный был коллектив!».

Люди в организации подобрались действительно хорошие: помогали друг другу, выручали в трудную минуту. Вера, несмотря на увеличение нагрузки, была рада и освоению новой для нее

специальности, и расширению круга знакомых и друзей. Прежний круг общения в основном составляли прихожане и соседи. Народу в их доме всегда было много. Популярность молодого настоятеля церкви св. Николая росла день ото дня. Приход храма увеличивался количественно и укреплялся качественно. Вокруг отца Павла сплотилась большая группа христиан-единомышленников.

Маленькая церковь уже с трудом вмещала всех желающих помолиться и послушать его проповеди. Особенно остро эта проблема вставала в праздничные дни. К тому же здание церкви оказалось настолько ветхим и запущенным, что проводить там регулярные службы стало небезопасно. Молодой настоятель начал хлопотать о ремонте здания. Добивался тяжело и долго. Наконец ему разрешили сделать небольшую «косметику» и укрепить фундамент. Отец Павел взялся за дело, поставил вокруг церкви высокий забор и вместе с прихожанами приступил к ремонту. Стали разбирать крышу, сняли ветхие перекрытия, п... старые стены рухнули, здание рассыпалось в прах. Церковь надо было строить заново, но в годы активной борьбы с чуждой советской властью «религиозной идеологией» этого никто бы не позволил. По примеру архиепископа Ермогена отец Павел вместе с прихожанами решился на тайное строительство под видом ремонта. За высоким забором стали накапливать стройматериалы. Большую помощь в этом деле оказали сослуживцы матушки Веры. Шоферы животноводческого объединения часто привозили к храму кирпичи и доски с ремонтируемых сельскохозяйственных объектов. Добровольный, безвозмездный труд был организован посменно. Об этой ударной стройке позднее отец Павел вспоминал так:

«Началась круглосуточная работа. Каменщики и помогавшие им прихожане, сменяя друг друга, работали без перерыва. Прихожане перебирали кирпичи на заводе по штучке, так же поштучно грузили в автомашины и разгружали на стройплощадке.

Как-то пришла древняя старушка с клюкой, еле держится на ногах. „Чем помочь?“ — „Да куда вам, бабушка?“ — „А вы, батюшка, не смотрите, что я такая ветхая, еще могу для Бога потрудиться“. — „Вот, бабушка, куча бутового камня — трактор привез, нужно через забор перекинуть“. А сам себе думаю: потопчется и уйдет — куда ей. И ушел по делам. Прихожусь к вечеру — все камни на стройплощадке. До сих пор удивляюсь, как она это сделала.

В процессе работы постоянно прямо на стройке шло богослужение».

Так работали всем миром, быстро и без лишнего шума. Вере же приходилось и трудиться у себя в животноводческом объединении, и хозяйство вести, и за детьми следить, и на стройке помогать. Как-то днем, когда на стройплощадке никого не было, привезли машину жидкого цемента. Свалив груз за забором, машина уехала. На жаре цемент застывает быстро, и Вера, взяв большую совковую лопату, стала укладывать его в опалубку. Работать надо было быстро, а молодой слабой женщине с такой задачей явно не справиться. Но тут, совершенно неожиданно, возле нее появился узбек-мусульманин с лопатой. Не говоря ни слова, стал вместе с ней носить цемент. Спустя некоторое время появился второй, затем третий, потом пришли еще люди, шестнадцать человек, и весь цемент был уложен в основание будущего храма.

Соседи, хоть и не были единоверцами, глубоко уважали и любили и «русского муллу», и его жену — матушку Веру. В дом к отцу Павлу они часто приходили за советом. Неоднократно случалось, что местный мулла рекомендовал обратиться за помощью к этому русскому священнику. Отец Павел никому не отказывал, внимательно выслушивал просьбы и проблемы, давал советы и молился. Обычно он говорил: «Давайте вместе помолимся. Вы по-своему, и я по-своему. Господь не оставит».

Из воспоминаний матушки Веры: «Пожаловаться на мусульман не могу, могу только быть благодарной. Несколько раз мулла присылал к нам кого-то из своих: „У нас не то, сходи к русскому мулле“. Помню, пришел молодой узбек, говорит: „Меня наш мулла прислал“. У него не было детей.

Не знаю, как и что потом у него появилось, но однажды утром выхожу, а на крыльце у нас дастархан (стол со сладостями) — разложена шитая скатерть, на ней лепешки, изюм, орехи и множество других сладостей».

За два месяца строительство было завершено, еще несколько месяцев оформлялся интерьер. Местные архитекторы своим глазам не верили. А при храме еще был сделан бетонированный бассейн на двенадцать тонн воды. Когда убрали забор, жители города увидели новую красивую церковь святителя Николая. Родовались все — и христиане, и мусульмане. Не радовались только чиновники совета по делам религий и сотрудники идеологического отдела горкома партии. Новая церковь была построена столь быстро, что партийные и советские репрессивные органы с их бюрократической неспешностью не успели вовремя отреагировать. Однако такого удара по их репутации и карьере они простить отцу Павлу не могли. Секретаря обкома КПСС по идеологии уволили, работу исполкома проверили, председателя сняли с должности и отдали под суд. Реакция властей не заставила себя долго ждать.

5. Большая беда, час испытаний

Маша в свои пять лет все еще не могла говорить, и ее направили для прохождения лечебно-реабилитационного курса в Московский институт дефектологии. В начале зимы 1969 года Вера поехала в столицу, где с дочкой занимались специалисты по развитию речи. Отец Павел с детьми остался в Кагане. Через две недели знакомые передали Вере о каких-то неприятностях у них дома. Что именно там произошло, она не знала, но сердце почувствовало беду. Почему-то сразу вспомнилась их летняя поездка в Одессу к старцу — отцу Кукше. Там, в монастыре, пока муж рассказывал о своих делах и трудностях пастырского служения, старец периодически брал напрестольный крест и давал его целовать Вере. За время беседы — не менее десяти раз. Теперь она стала понимать глубокий смысл того целования.

Вера слала одну за другой телеграммы в Каган. Ответа не было. Через неделю она получила пачку телеграмм, задержанных в пункте отправления. Друзья и прихожане храма телеграфировали: «Вера! Срочно приезжай. Павла нет дома». Она поняла, что мужа, вероятнее всего, арестовали. В памяти всплыли недавние события, когда около месяца назад, в середине ноября, к ним в Каган приехал странный молодой человек с крашеными ногтями, говоривший о себе в женском роде: «я пошла, я была». Он тогда еще сказал, что Павла скоро посадят, и это ему привет от Носова. Этот странный гость пробыл у них два дня и исчез так же внезапно, как и появился, похитив фотоаппарат, записные книжки и какие-то вещи. Впрочем, и без его предупреждений было понятно, что «грозовые тучи» над их домом сгущаются. Слишком уж недовольны были городские власти активной деятельностью отца Павла.

Вера прилетела в Бухару, стала обивать пороги прокуратуры и комитета госбезопасности. Задавала всем одни и те же вопросы: «Где муж?» и «За что забрали?». Никто ничего конкретного не говорил. Только через несколько дней непрерывного хождения по инстанциям сообщили, что Павел переведен в Ташкентский следственный изолятор КГБ и обвиняется в клевете на советскую власть, создании тайной антисоветской религиозной организации, хранении холодного оружия (дедовой сабли) и насилии над гражданами СССР. Последний пункт обвинения подразумевал, что отец Павел побоями заставлял граждан СССР ходить в храм и молиться.

Официальным поводом для ареста и возбуждения уголовного дела стало именно обвинение в насилии. Основано оно было на заявлении в прокуратуру Ленинского района Ташкента несовершеннолетней Татьяны Ивановны Шкурёнок, 1954 года рождения. В документе она написала, что ее мать Анна Шкурёнок и бабушка Екатерина Пивоварова вместе со священником П.А. Адельгеймом с детского возраста приобщали ее к религии, запрещали посещать культурно-

просветительные учреждения, смотреть телевизор и т.д., а когда она не слушалась — избивали ее.

Отца Павла арестовали 14 декабря 1969 года в аэропорту Бухары, когда он собирался вылететь в Самарканд для встречи с местным священником — отцом Серафимом. За несколько дней до этого из Ташкента в Каган прибыла группа сотрудников Комитета госбезопасности во главе со старшим лейтенантом КГБ В.А. Витенковым. Они установили негласное наблюдение за домом отца Павла и двое суток сидели в кустах, пытаясь получить хоть какой-нибудь компрометирующий материал на священника. «Высидеть» им ничего не удалось. В Бухарском аэропорту кассир, продав батюшке билет до Самарканда, пригласила его к телефону в зал для VIP-персон. В зале отца Павла уже ждали люди в штатском. Ему предъявили постановление о проведении обыска у него в доме.

«Постановление 12 декабря 1969 г. я, следователь прокуратуры Ленинского р-на г. Ташкента Газарбеков, рассмотрев заявление Шкурёнок Татьяны Ивановны о том, что она систематически подвергалась истязанию со стороны Адельгейма П.А. и других и учитывая, что в квартире Адельгейма П.А. могут находиться предметы и вещи, могущие иметь значение для дела, постановил: произвести обыск в квартире Адельгейма П.А., расположенной в г. Кагане Бухарской области по ул. Большой Хмельницкой, д. 86».

Постановление было подписано следователем и санкционировано прокурором.

Из аэропорта отца Павла повезли обратно в Каган и до утра рылись в его вещах и домашнем имуществе. Перебрали все столы, шкафы, полки и даже детские игрушки. Ничего не нашли, но собрали два чемодана книг по богословию на старославянском, греческом и немецком языках. К ним прибавили несколько писем и черновиков рукописей. Также были изъяты все деньги, находившиеся в доме. Утром, стараясь не привлекать внимания соседей и прихожан, отцу Павлу предложили проследовать к месту предварительного заключения без наручников. Самолетом его доставили в Ташкент для проведения досудебного следствия.

Первый месяц после ареста отец Павел провел в камере предварительного заключения железнодорожного отдела милиции. Камера периодически то наполнялась народом, то пустела. Когда она забивалась до отказа, невозможно было дышать от духоты и табачного дыма. С непривычки он подходил к глазку и через отверстие дышал воздухом из коридора. Всю ночь в камере над дверью горела желтая лампочка, тускло освещая помещение. Отец Павел рассказывал своему адвокату: «С 14 декабря по 13 января меня держали в Ленинском железнодорожном КПЗ. В баню меня не водили. Я обовишвел. Ежедневно бил вшей, но избавиться от них не мог. Я просил следователя о бане, мыле, полотенце, зубной щетке, но все просьбы были напрасны. Я писал жалобы, заявления. Но ответа ни от кого не получил».

В эти первые недели заключения, проведенные в полной неизвестности, в тревоге и предчувствии грядущей беды, отца Павла поддерживали воспоминания о семье и светлый образ его Веры. Он знал, что она переживает за него, чувствовал сквозь стены и расстояние ее тревогу. Он не мог прийти к ней на помощь, не мог утешить, но какая-то незримая нить связывала их сердца. Через две недели после ареста он написал:

*От утра погода нынче хмурится,
Желтый глаз безжизненно глядит...
О тебе душа моя волнуется,
О тебе одной она болит.
От того, что нет тебя дорожке,
О тебе одной я вижу сны.
Ты в них так на прежнюю похожа —
Девушку семнадцатой весны.*

*Я тебя увижу не такую:
Утомленные глаза без сна,
Может быть, слегка седую —
Верная и светлая жена.
Ты не взглянешь на меня с укором,
Теплыми руками обовьешь.
Не грусти, что сбудется не скоро.
Жди. И верь, что сбудется, как ждешь.
Как-нибудь промчатся дни разлуки,
Я опять войду в знакомый дом.
О, твои незабываемые руки!
Как хочу прижаться к ним лицом!*

Павел Адельгейм, 27 декабря 1969 г.

Лишь спустя месяц открылась дверь камеры, и надзиратель властно произнес:

— Адельгейм, с вещами на выход!

На арестантской машине — «черном вороне» — его привезли во внутреннюю тюрьму КГБ.

Створки ворот раздвинулись и, запустив «воронок», снова сомкнулись, как акулья пасть. За ними был глухой двор-колодец, обнесенный стенами четырех- и шестиэтажных зданий, проход к которым преграждали решетчатые двери с блокировками. С этого двора, как говорил отец Павел, началось его юридическое образование.

Тюрьма располагалась в подвале следственного управления КГБ, метра на два ниже уровня земли. Отца Павла провели в нее по обнесенным решетками ступеням узкой лестницы, расположенной вдоль наружной стены. В помещении для приема арестованных, за перегородкой, находилось место для обыска с деревянной решеткой на полу. Арестованного раздевали донага, исследовали швы одежды, обуви и заглядывали во все отверстия на теле. После этой унижительной процедуры сотрудники тюрьмы заполняли анкету и оформляли учетные документы подследственного.

Следствие по делу отца Павла длилось семь месяцев, причем шло оно почти без его участия.

На допросы вызывали редко, но когда это случалось, приходилось терпеть потоки клеветы, оскорблений, откровенной глупости, невежества и хамства. Это было тяжелое время, о котором он вспоминал так:

«После того, как меня перевели в следственный изолятор, я просил следователя уведомить мою жену, чтобы она принесла мне передачу, личные вещи и деньги для тюремного ларька. Целый месяц я не видел следователя. Только после шестого заявления на имя прокурора следователь вызвал меня из камеры для беседы. Но мое положение не улучшилось. Следствие по-прежнему подвергало меня лишениям. За три месяца в результате ухищрений следствия я был лишен более двадцати килограммов самых ценных для заключенного продуктов: сахара, масла, сыра, колбасы, то есть того, что заключенные в тюремном пайке не получают. // Ни одного допроса не происходило без ругани, криков, оскорблений, издевательств над моим саном, положением, убеждениями. Особенно изошрялся следователь Газарбеков. Любое слово, сказанное мной, он выворачивал наизнанку и, искажая смысл, превращал добро во зло. Все следствие было откровенно обвинительным и предвзятым. Следователи и не скрывали, что хотят меня отправить в тюрьму и что суд поступит так, как они хотят.

О Газарбекове я даже прокурору написал. Я просил отстранить его от следствия из-за издевательского, пристрастного и необъективного отношения к делу. Следствие заканчивал следователь Пулатов. Отстранен ли официально Газарбеков, я не знаю».

На допросах отца Павла обвиняли в создании подпольной антисоветской религиозной группы, в садизме и истязании детей. Но еще «оригинальнее» было сформулировано обвинение в клевете на советскую власть и советский образ жизни. Клевета выражалась в том, что отец Павел в свободное от церковной службы время баловался стихами. Так сказать, злостно сочинительствовал, а пасквильные произведения свои приписывал известным советским поэтам. Например, «свой» «Реквием» он издал под именем Анны Ахматовой, другие гнусные стихи, порочащие советскую действительность, — под другими известными именами: Осипа Мандельштама, Максимилиана Волошина, Евгения Евтушенко... Однако, чтобы доказать в суде подобные «обвинения», требовалась высококвалифицированная экспертиза. Экспертов следователи стали искать среди местной интеллигенции — профессоров и преподавателей ташкентских вузов.

Эксперты, конечно, не подтвердили авторство отца Павла в стихах Ахматовой, Волошина, Мандельштама и других поэтов. Вообще экспертная оценка порой выглядела как издевательство над следствием. Вот образцы некоторых заключений:

«Вопрос: На кого рассчитана литература, изъятая у Адельгейма?»

Ответ: На грамотных людей, знающих русский язык.

Вопрос: Какова идеологическая направленность литературы?»

Ответ: Вся эта смесь объединяется религиозной идеологией».

На третий вопрос — как изображена советская действительность в литературе, изъятой у Адельгейма, — дан развернутый ответ. «В стихах М. Волошина „Москва“, „Мир“, „Русь глухонемая“, „Родина“ и „Терминология“ экспертиза усматривает символы и аллегории, связанные с нежеланием принимать советскую действительность».

То, что отец Павел не писал стихов с аллегорической символикой, выражающей нежелание принимать советскую действительность, не снимало с него обвинения в том, что он разделял взгляды таких буржуазных поэтов, как Волошин или Мандельштам. Более того, для распространения их и своих взглядов он, по мнению следствия, создал тайную антисоветскую религиозную организацию. Изъятые у него документы «имеют главной целью объединить тех, кто недоволен некоторыми аспектами советского государства и советского общества, и организовать неустойчивые элементы на борьбу против советского порядка... Вышеуказанная литература, тексты, а также записи, сделанные самим Адельгеймом, рассчитаны на возбуждение у читателя отрицательного отношения к советской действительности и положению верующих в СССР, возводится клевета на условия жизни в СССР, а также на государственный и общественный строй СССР».

Такое обвинение могло потянуть на высшую меру наказания в СССР — расстрел. Однако у следствия явно не хватало материала. Добывать его на допросах Адельгейма было бесполезно. Отец Павел виновным себя не признал, защищался, боролся, отстаивал свои принципы и взгляды, писал жалобы. О неадекватном и предвзятом ведении следствия он сообщал в прокуратуру Ленинского района, в прокуратуру города Ташкента, в прокуратуру Узбекской ССР и Генеральному прокурору СССР. Все обращения остались без ответа.

Наконец, он, не выдержав издевательств, решился на крайнюю меру протеста. 10 марта заключенный Адельгейм написал и передал начальству следственного изолятора следующее заявление:

«Я употребил все законные средства для защиты своих прав. Однако до сих пор вижу полную бесплодность моих заявлений и требований. Я прошу не особых милостей, а исполнения установленных общих правил. Поскольку мои просьбы остаются бездейственными, я вынужден прибегнуть к крайнему средству. С сегодняшнего дня, 9 марта, я отказался от приема пищи.

Голодовку я буду продолжать до тех пор, пока мои законные требования не будут удовлетворены».

Результатом объявления голодовки стало письмо прокурора Ленинского района начальнику тюрьмы:

«Начальнику следственного изолятора КГБ при Совмине Узбекской ССР т. Лысенко для объявления з/к Адельгейму. При этом сообщаю, что жалобы Адельгейма на имя Государственного прокурора СССР от 18.03.1970 на имя прокурора Ленинского района рассмотрены. Однако нет оснований изменять ему меру пресечения. Приняты меры к скорейшему окончанию расследования по делу. Прокурор Ленинского р-на г. Ташкент Хакимов».

Допросы прекратились, и началась активная работа с так называемыми «свидетелями» и «экспертами». Об этих действиях следствия обвиняемый Адельгейм ничего не знал. Прогуливаясь по тюремному дворику, находясь в камере на нарах, он терпеливо ожидал своей участи.

О своем пребывании в СИЗО КГБ отец Павел всегда рассказывал с легкой иронией и горькой усмешкой. Для него это было еще и время открытия других, неизвестных ему ранее сторон жизни. И, конечно же, это было время углубленного познания и испытания самого себя.

В следственной тюрьме отец Павел познакомился с очень интересными и даже выдающимися людьми. Одновременно с ним в СИЗО сидели такие лидеры правозащитного движения в СССР, как генерал Петр Григорьевич Григоренко и Мустафа Абдулджемиль Джемилев, защитники татары, добивавшиеся их освобождения из ссылки и возвращения на родину, в Крым. О них отец Павел в своих воспоминаниях писал с большим уважением и теплотой:

«В те годы проблема Крыма стала актуальной. Выселив крымских татар с их родной земли, советская власть создала проблему. Крым заселили отставные генералы и партийные пенсионеры высокого ранга. Куда теперь девать уважаемых людей, поселенных там за выслугу лет, награжденных орденами и званиями? С другой стороны, крымские татары имеют право жить на своей исторической родине, как и всякий другой народ. Григоренко взялся защищать их права. Это был высокий и стройный генерал. Несмотря на преклонный возраст, сохранял офицерскую выправку. Однажды мы встретились с ним в коридоре. Его вели на допрос. Он был вынужден отвернуться, но успел ободряюще мне улыбнуться и подмигнуть. Мустафу я не встретил, но много раз слышал, как из камеры громко звали его по имени: „Мустафа! Мустафа!“». Слышал, как он откликался, когда вели по коридору. Это были смелые люди, заявившие законное право жить на родине, и благородные люди, защитившие чужое право ценой собственной свободы. // Еще одним участником крымского движения был поэт Ленур Ибраимов. Позднее мы жили в одном лагере, часто читали друг другу свои стихи. Я посвятил ему такие строки:

*Белый Крым застелил виноград, как беда.
Только вам не вернуться назад никогда.
Память в сердце как нож вонзим —
Ярким солнцем охваченный Крым.
Слезы нашей общей беды
В горькой чаше морской воды.
Родина, руки твои целовать и глаза,
Только мне до тебя достать нельзя.
Родина, отнятая, но моя!
Вам — только слезы, чужие края.
Сердце — тебе, огневой херувим,
Далекий, но незабываемый Крым!*

Павел Адельгейм, 1973 г.».

Позднее эти стихи отца Павла стали гимном движения за освобождение крымских татар.

Люди в следственном изоляторе были разные. В одной камере с отцом Павлом сидели еще четыре человека — директор прииска, обвиняемый в хищении золота, преподаватель института народного хозяйства, арестованный за получение взятки, афганец Хашим, посаженный за то, что он просто афганец, да еще и при деньгах. В своей стране он имел собственный обувной магазин и летел через СССР в Мюнхен — закупать обувь. При пересечении советской границы забыл задекларировать деньги, которые у него все до последнего цента конфисковали при аресте. За это его осудили на три года лагерей. Четвертым был частный предприниматель, талантливый организатор производства, а по тем временам злостный жулик и спекулянт — Изя Котов. Он на организованном им подпольном производстве изготавливал шариковые ручки, которые тогда только начали появляться в СССР. Поскольку частное предпринимательство было строго запрещено и уголовно наказуемо, он был арестован при продаже очередной партии готовой продукции.

Отец Павел вспоминал:

«Изя делился со мной ходом следствия по своему делу. Самое трудное было спрятать деньги. Возвращался от следователя всегда грустным: еще одну книжку нашли! Это были сберкнижки „на предъявителя“. Возникла новая форма вклада: своим почерком нужно было написать сумму без подписи. Изя консультировался со своей родственницей, заведующей сберкассой. Она заверила, что квитки уничтожат. Это была неправда. Сотрудники по почерку разыскивали вкладчиков. Постепенно все сберкнижки обнаружили. Как-то Изя вернулся со свидания с женой обескураженный. Теща выкинула стул, в ножку которого он спрятал большую сумму. Ножка отломилась, и теща выкинула стул на помойку. „Я разорен, ничего не осталось“».

Сидевший вместе с отцом Павлом Хашим регулярно, по пять раз в день, совершал намаз. Вместо молитвенного коврика он расстилал пальто. Соседи по камере принимали это за чудачество - то ли делать ему нечего, то ли совсем головой тронулся. До появления в камере Хашима отец Павел молился тайно, незаметно для сокамерников, но увидев молитву мусульманина, решил последовать его примеру. Расстелив свое пальто, начал служить православные молебны. Так они вместе и молились. Хашим в своем углу клал поклоны на Запад, а отец Павел в своем пел молебны, обращаясь на Восток.

О своих богослужениях в тюремной камере он вспоминал так: «Сперва я потихоньку пел молебны, потом ввел в свое богослужение поклоны. Молодой организм нуждался в физическом усилии. Мне понравилось делать поклоны. Они совершались быстро, „в одно касание“. С высоты роста я падал на пальцы рук. Они пружинили, возвращая тело в исходное положение. Поклон занимал 1-2 секунды, и я начал увеличивать с каждым днем количество поклонов. Наступил Великий пост. Первую неделю я воздерживался от пищи до субботы. Организм испытывал удивительную легкость. Сперва я делал по сто, потом по триста, потом по пятьсот поклонов. Это занимало время, молитва отвлекала от пустых мечтаний и разговоров. Постепенно мои молебны становились продолжительнее. Потом я перестал вовсе делать перерывы. От подъема до отбоя непрерывно продолжал поклоны. Мои сокамерники опасались, не повредился ли я умом. Все тревожнее глядела в глазок охрана. Конечным упражнением положило предложение начальника тюрьмы выйти на работу. Великий пост заканчивался. Начальник разрешил мне провести пасхальную ночь в отдельной камере. Это был его пасхальный подарок. Камера была пустая, даже кровати не было. Разумеется, не было икон. Всю ночь я пел пасхальные песнопения, и на душе была надежда и радость. Благодать Божия и молодость были утешением в эту пасхальную ночь».

*Христос воскрес!
И смерти безнадежность
Разрушена восторгом бытия.*

*Как вешняя капель, торжественно звеня,
Поют колокола Его любви безбрежность.
И медленная времени река
Пасхальный звон несет через века
Над всей землей струится звон поныне.
Расстелит ветер буйные крыла,
И в недрах обезжизненной пустыни
Пасхальные звенят колокола.
И обездоленных достигнет дар небес
Пасхальной песнею: Христос Воскрес!
В торжественную ночь на небе звезды ясны,
И хочется весь мир любовью обнять,
И верится, что скорби не напрасны,
Хоть мы порой не можем их понять.
Неизъяснимым таинством чудес
Душа жива: Христос Воскрес!*

Павел Адельгейм, 1970 г.

Вскоре на светлые пасхальные праздники Бог даровал отцу Павлу еще одну радость — ему разрешили свидание с женой. Оно длилось всего несколько минут, но даже присутствие следователя и охранников не омрачило их радости. В душе как будто затеплилась лампада.

*Я ждал. И отворилась дверь: и мы с тобою встретились глазами.
И первый раз за все, за все — теперь мои глаза наполнились слезами.
Поверить сердце все еще не смело в то, что казалось навсегда утраченным.
А может, то весна прошелестела в зеленом платье, поясом охваченном?
Снаружи шум, как боль, утих. Вокруг пространство опустело.
Лишь шелк волос твоих, и пряный запах тела,
И рук знакомое тепло на сердце вечностью легло.
Блаженства большего душа уж не хотела.*

Павел Адельгейм, 13 мая 1970 г.

Следствие тянулось долго и бестолково. За семь месяцев отца Павла всего шесть раз вызывали на допрос. Обвинение все как-то не складывалось. Начальник следственного изолятора, видя, что заключенный Адельгейм следствию не особенно нужен, предложил ему поработать. Это, безусловно, было нарушением правил содержания подследственных, но начальник затеял ремонт тюремных помещений и нуждался в рабочей силе. Это предложение значительно облегчило положение отца Павла — теперь он мог выходить во двор и даже за территорию тюрьмы по рабочей надобности. Его иногда посылали в город сходить на склад за краской, шпаклевкой и другими материалами. Склад находился неподалеку от тюрьмы, прогулка в среднем занимала полтора часа.

Была возможность посмотреть на город и людей. Иногда по каким-то делам отцу Павлу приходилось вместе с сотрудниками тюрьмы выезжать за город. Охранники были уверены, что он не убежит, и часто оставляли его одного возле незапертой машины. Позднее отец Павел с иронией говорил, что его жизнь в тюрьме нельзя назвать унылой, она была наполнена забавными приключениями. Тюремная администрация — страж закона и блюститель правопорядка - сама была не прочь поживиться социалистической собственностью на соседних предприятиях. Как правило, воровство совершалось по ночам силами заключенных при поддержке вооруженной охраны. Он вспоминал:

«Интересными приключениями были набеги на стройплощадки и заводы, куда нас время от

времени отправлял начальник. Если ему требовался цемент, который планом не был предусмотрен, мы выходили на промысел. Двое несли носилки в сопровождении автоматчиков. Приходили на стройплощадку, клали два-три мешка цемента и уходили. Однажды нас застиг прораб. Возмущенно матерясь, он проводил нас до ворот тюрьмы, но приблизиться к автоматчикам и отнять цемент не рискнул. Начальник задумал сделать пульт наблюдения за коридорами и камерами. В камерах сидело несколько инженеров, способных выполнить эту работу. В конфискате было достаточно деталей, но были нужны разноцветные глазки. Напротив СИЗО находился какой-то завод, и туда завезли шкафы с электронным оборудованием. Железные ящики изобиловали подходящими цветными стеклышками. Нас четверых вооружили плоскогубцами и отвертками, и послали под охраной автоматчиков за добычей. Мы благополучно перебрались через забор, миновав проходную, и раскурочили эти шкафы, впрочем, не взяли ничего кроме пластмассовых глазков. Представляю, какое возмущение наутро вызвал наш набег у инженеров, которым из-за пластмассовой мелочи пришлось прозвонить массу электроники. Сторож нас не видел, да и что он мог сделать со своей берданкой против двух автоматчиков!».

Несколько месяцев отец Павел проработал помощником маляра-штукатур. Его наставником был хороший мастер — запойный пьяница. Поскольку в тюрьме выпивки не было, работал он хорошо, быстро и мало — один час до обеда и час — после. В остальное время он сам и его подмастерья были относительно свободны и в пределах тюремного двора предоставлены сами себе. Страдая от безделья, отец Павел предложил своему наставнику:

— Чем без толку сидеть, давайте работать.

Мастер посмотрел на него с презрением и спросил:

— Ты что, сюда на заработки приехал?

Более отец Павел не пытался пробудить в нем трудовой энтузиазм и также проводил время в пассивном созерцании бытия.

Однажды ему неслыханно повезло. Увидев праздно гуляющего по тюремному двору заключенного, офицер администрации СИЗО поручил ему навести порядок во внутренних помещениях тюремного здания, которые, в отличие от камер, никогда не запирались. Зайдя в одну из комнат, отец Павел с изумлением обнаружил гору сваленного на полу конфиската. В одном углу располагалась гора радиоприемников, ловивших некогда «вражьи голоса», а посреди комнаты возвышалась гора книг и рукописей. Это были ценнейшие россыпи запрещенного самиздата, старинных богослужебных книг и юридической литературы. В той же куче нашелся сундук с церковной утварью. В нем было все необходимое для проведения богослужений — антиминс, крестильный ящик, напрестольные кресты и евангелия, дарохранительницы, ковши и чаши, кадила, диски, лампы, полное священническое облачение, елей и ладан. Были также и Святые Дары во флаконе из толстого стекла с притертой пробкой. Святые Дары были просушены и хорошо сохранились. Он высыпал их в свой носовой платок, повесил на грудь. Так отец Павел получил возможность причащаться в течение всего своего лагерного срока. В комнате с конфискатом, в тишине и одиночестве, он несколько дней подряд свободно молился и читал столь необходимые ему уголовный и процессуальный кодексы. Затем эту работу заменили другими поручениями.

Так шли у заключенного Павла Адельгейма за днями дни, а за тюремными стенами, дома, почти в полном неведении жила его семья. Вера с момента первого свидания не видела мужа, знала лишь то, что он сидел в тюрьме КГБ, за высоким каменным забором и огромными железными воротами, возле которых стояли часовые. Эта крепость казалась ей непреодолимой.

Но непреодолимой она только казалась, как и многое другое в советской действительности, кругом обманчивой и фальшивой. Дело в том, что высокий забор и грозные железные ворота с

часовыми находились на фасадной стороне тюремного здания, а с тыловой стороны, смотревшей на пустырь, забор был небольшой, ветхий, с выломанными досками и двумя дополнительными воротами. Одни запирались только в выходные дни, а другие всегда были настежь открыты, у них вообще не было второй створки. Возле этих никем не охраняемых ворот и стала матушка Вера тайно встречаться с мужем. Потом к этим воротам потянулись и прихожане отца Павла: кто за советом, кто за благословением, а кто и так — повидать и поддержать любимого батюшку.

Спустя некоторое время у тыловой тюремной калитки стали образовываться очереди жаждущих пообщаться с опальным священником-заключенным Павлом Адельгеймом. Это, естественно, привлекло внимание тюремного начальства. Ворота были закрыты, забор отремонтирован, а батюшку лишили возможности свободного передвижения по двору и отправили обратно в камеру. Возврат к прежним ограничениям давался очень тяжело.

*Заточенный в гробе каменном,
За днями считаю дни.
Неподвижным желтым сиянием
Электричества озарены,
В беспробудно-мертвом молчании
Мерно текут они.
Не видать золотистого пламени
Расплескавшейся в небе зари.
Звезды предрассветным мерцанием
Погасают надежды огни,
И душу сжимают отчаяньем
Стальные тиски тишины.
Мысли и чувства остыли,
Перегорели желанья.
Хочется явь позабыть.
В железобетонной могиле,
Где-то на дне сознания,
Обрывается жизни нить.*

Павел Адельгейм, 10 мая 1970 г.

И вновь, как спасение в самые трудные минуты, приходил на помощь светлый образ его Веры.

*Ты опять мне сегодня приснилась
В ярком свете весеннего дня.
Платье белое солнцем искрилось,
И слепило глаза у меня.
Серых туч пролились покрывала,
Растворилась небес синева.
Под босыми ногами сверкала
Изумрудной росой трава.
Волны нежности залили душу,
И к тебе потянулась рука —
В тот же миг мои грезы разрушил
Электрический скрежет звонка.
Снова небо темнеет сквозь четкий
Рисунок тюремной решетки.*

Павел Адельгейм, май 1970 г.

В конце мая 1970 года закончилось долгое расследование «зловредной антисоветской деятельности» каганского священника отца Павла. Перед судом ему предоставили возможность ознакомиться с материалами уголовного дела. Для этого его в течение нескольких дней по утрам отвозили в прокуратуру Ленинского района, расположенную рядом с кафедральным собором. Следователь — узбек по фамилии Пулатов, всегда чем-то очень занятый, доставал из сейфа пять томов дела с приложениями и оставлял отца Павла одного знакомиться с документами. Уходя на весь день по своим делам, он просил подследственного запереться изнутри и не попадаться на глаза прокурору.

В первый день отец Павел старательно вчитывался во все бумажки - протоколы, постановления и доносы. Он с изумлением увидел знакомый почерк своего друга и семинарского одноклассника Лени Свистуна. Корявым детским почерком Леня написал донос, положенный в основу приговора: «Я знаю Адельгейма П.А. по Киевской Духовной семинарии. Уже тогда он выявлял свои антисоветские настроения. Во время учебы в академии он отказывался петь Гимн Советского Союза и другие патриотические песни. Товарищей, которые пели патриотические песни, он называл хамелеонами, преклоняющимися перед властями. В 1969 году Адельгейм читал мне стихи „Реквием“, где содержится клевета на жизнь советских людей. Адельгейм принадлежит к самой реакционной части духовенства. Он разделяет взгляды двух московских священников, выступивших против Патриарха, осуждает решение Архиерийского собора 1961 года, отрицательно относится к миротворческой деятельности Московской патриархии».

Спустя несколько лет другой одноклассник и друг отца Павла, священник Милий Руднев, рассказал ему, как в 1970 году Филарет Денисенко уговорил Леню написать этот донос, соблазнив епископской карьерой.

Леонид Никитич Свистун предал друга, нарушил клятву, данную на Евангелии в юности. При постриге получил имя Макария и впоследствии стал управляющим Патриаршими приходами в Канаде и США, Архиепископом Аргентинским, Патриаршим экзархом Южной Америки, Архиепископом Клинским, Архиепископом Ивано-Франковским, Архиепископом Уманским. Закончил карьеру Преосвященнейшим Митрополитом Винницким и Могилев-Подольским. Умер от тяжелой болезни в Германии, в почете и славе.

Были в деле и показания подставных свидетелей — двух преподавателей из пединститута, которых отец Павел никогда не видел. Было арестованного и заявившего следующее: «Адельгейм за обедом выразился о том, что „материализм волочит свои мафусаловы веки“». Матушка Евгения Христиановна Миллер показала, что она вместе с отцом Павлом читала «Письмо московских священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана».

Крайне неприятными и совершенно абсурдными выглядели материалы по делу избияния Тани Шкурёнок и религиозного одурманивания несовершеннолетней молодежи. В обвинительном заключении по этому поводу он прочитал:

«Произведенным по делу предварительным расследованием установлено следующее: Адельгейм Павел Анатольевич, 1938 года рождения, будучи дьяконом Ташкентского кафедрального собора в период с 1960 до 1965 года, а с 1965 года по ноябрь 1966 года — дьяконом православной церкви по ул. 8 марта гор. Ташкента, а затем, с декабря 1966 года, - священником Каганской православной церкви, Бухарской области, начиная с 1960 года, используя свое духовное положение, систематически занимался обработкой несовершеннолетней молодежи - Шкурёнок Тани, 28.11.1954 рождения, Шкурёнок Виктора, 19.10.1952 рождения, и Шамсутдиновой Гали, 19.11.1953 рождения, с целью приобщения их к религии.

Адельгейм П.А. в этих же целях оказывал материальную помощь семьям Шкурёнок и Шамсутдиновой, а их детям - учащимся средней школы Шкурёнок Тане, Шкурёнок Виктору и

Шамсутдиновой Гале, преподносил подарки, а Тане и Гале на свои средства организовал поездку в Подмосковьё». (Уголовное дело Адельгейма П.А., т. 1, л.д. 12-15, т. 2, л.д. 1-2, 13-14)» (11.5).

Выходило, что отец Павел обвиняется в исполнении своих профессиональных обязанностей и благотворительной деятельности, которая трактуется следователями как обработка сознания. Абсурд! Еще страшнее была другая часть обвинения, которая гласила:

«Шкурёнок Таня отказывалась от участия в религиозных обрядах и богослужении. Шкурёнок Анна, Пивоварова Екатерина и Адельгейм П. А., войдя в преступную связь между собой, стали применять к Шкурёнок Тане насилие и избивать ее.

Так, в январе 1969 г. в доме Шкурёнок по ул. Малькова, 2 Адельгейм П.А., Шкурёнок Анна, Пивоварова Екатерина избивали Таню. При этом Адельгейм и Пивоварова держали за руки и ноги Таню, а мать Тани — Шкурёнок Анна, била ее резиновым шлангом.

Кроме того, 5 ноября 1969 г. Адельгейм П.А., Шкурёнок А.В. и Пивоварова Е.А. привязали Таню Шкурёнок за кровать. Адельгейм приподнял халат Тани, а мать сняла с нее трусы, и Адельгейм резиновым шлангом стал бить ее. Соседи Шкурёнок — Тудакова Н.И., Ялесина А.Н. и другие, услышав крик и плач Тани Шкурёнок, стали стучать в стену и дверь квартиры Шкурёнок, пригрозив вызвать милицию, если они не прекратят избиение Тани. После чего Адельгейм перестал бить Таню, и они отпустили ее». (Уголовное дело Адельгейма П.А., т. 1, л.д. 12-15, 19-21, 22-24, 50-53, 56-58, 89-91, 102, т. 2, л.д. 1-2, 8-9, 10)» (11.6).

В этом обвинении были все необходимые элементы уголовно наказуемого деяния: преступная связь и предварительный сговор, насилие, избиение, крики и плач потерпевшей, свидетели — соседи. Если суд признает это обвинение достоверным, Адельгейму грозит семилетний срок заключения.

Поначалу читать многотомное дело было интересно. но вскоре стало не до него. На следующий день из Бухары приехала матушка Вера с маленьким Ваней. Вечно занятый Пулатов, наверное, прекрасно понимал всю фальшивость обвинения и, может быть, по-человечески сочувствовал отцу Павлу. Он пригласил Веру Михайловну в свой кабинет и удалился по делам. Тут уж стало не до изучения бумаг. Давно не видевшие друг друга супруги обнялись, и в течение нескольких дней, с утра до вечера, семья воссоединялась перед долгой разлукой. Матушка кормила мужа домашней едой и фруктами. Конечно, никакого дела они толком не читали. Было понятно, что все предрешиено, а суд - пустая формальность. Больше говорили о жизни, о детях и о делах прихода.

Вечером заключенного полагалось этапировать обратно в тюрьму. Законом предусматривалось наличие двух конвоиров. Следователь, чтобы не утруждать себя вечерней работой, просил Веру Михайловну выполнить эту обязанность. Она назначалась первым конвоиром, а вторым был четырехлетний сын Ваня. Они договаривались в кафедральном соборе с церковным шофером и на «Москвиче» отвозили отца Павла в тюрьму. Благо собор находился рядом и имел общую стену с прокуратурой.

В один из дней Вера по какой-то причине не смогла прийти к отцу Павлу на свидание, и Пулатов попросил своего подследственного взять материалы дела и посидеть в каком-нибудь кабинете, чтобы кто-нибудь его поохранял до вечера. Павел прошелся по коридору и нашел незапертый кабинет, в котором за одним из столов работала женщина лет сорока.

— Здравствуйте, я подследственный Адельгейм. Мой следователь уехал по важным делам. Могу ли я посидеть у вас в кабинете?

И, улыбнувшись, добавил:

— Поохраняйте меня, пожалуйста.

Женщина удивленно посмотрела на него, пожала плечами и, указав на свободный стол, сказала:

— Садитесь.

Первое время сидели молча, затем пошли вопросы.

— Вы священник? И что, действительно верите в Бога?

А как у вас в церкви относятся к научным доказательствам естественного происхождения мира и человека?

Разговор постепенно оживился. Сначала говорили на общие философские темы о совместимости богословских идей с «истинно-научной марксистско-ленинской теорией», затем перешли на темы этики, культуры и искусства. Отец Павел читал ей стихи Волошина, Хлебникова, Ахматовой, Северянина, Цветаевой. Она слушала с удовольствием. Так, за разговорами, незаметно пролетело полдня. Расстались они во взаимном уважении и благорасположенности. Уходя на обед, сотрудница прокуратуры пригласила его приходить еще, но после обеда приехала Вера, и отец Павел опять закрылся с ней в кабинете Пулатова.

Впоследствии эта женщина оказалась прокурором и была главным государственным обвинителем на его судебном процессе. Свою обвинительную речь она построила так, что получила строгое замечание от судьи по поводу замены ею функций обвинения на функции защиты: «Обвиняемому достаточно одного адвоката!».

В последний день ознакомления с материалами дела Пулатов достал из сейфа саблю — наградное оружие деда, полковника Никанора Пылаева. Эта сабля была изъята старшим лейтенантом госбезопасности В.А. Витенковым во время обыска, и отцу Павлу было предъявлено обвинение в ее хранении.

Следователь протянул ее матушке Вере со словами: «Возьмите домой, мне ее держать негде». Вера Михайловна от такого подарка категорически отказалась.

— Чтобы еще и меня арестовали за ту же саблю! А на кого дети останутся? Нет уж, оставьте ее себе.

Во время предварительного заключения отца Павла Вера искала адвокатов. Вначале ей удалось договориться с одним известным московским юристом, однако в Ташкенте ей посоветовали нанять местного защитника, поскольку он лучше знает состав суда и знаком со следователями. Такой адвокат был нанят, однако он не проявил никакого рвения и ни разу в течение нескольких месяцев не встретился со своим подзащитным. Тогда отец Борис благословил Веру ехать в Москву — искать хорошего адвоката. Отправляя ее в дорогу, напутствовал:

— Езжай с Богом, но особенно не хлопочи, принимай все, как сложится. Если Господь сочтет достаточными жертву и мучения отца Павла, все устроится.

Вера поехала, но известный адвокат, с которым была предварительная договоренность, оказался занят другим делом, судебный процесс по которому должен был проходить в Кишиневе в то же самое время, что и суд над отцом Павлом в Ташкенте. Объясняя Вере сложившуюся ситуацию, адвокат сказал ей:

— Помочь я вам теперь не могу, но и оставить вас без помощи в таких обстоятельствах тоже не могу. Попробую найти вам хорошего защитника.

И он нашел. Это была женщина средних лет, готовая взяться за дело преследуемого священника. Однако, услышав от Веры фамилию судьи, адвокат беспомощно развела руками. С этим судьей она уже пересекалась на других процессах, и отношения между ними сложились враждебные. В таких обстоятельствах отвод судом ее кандидатуры в качестве защитника был более чем вероятен. Браться ей за это дело было бессмысленно. Но она также не хотела оставлять отца Павла и матушку

Веру в беде.

— Не отчаивайтесь, Вера Михайловна, попытаюсь-ка я связаться с самим Юдовичем. Правда, завтра он уходит в отпуск, но, может быть, и не откажет вам.

Лев Абрамович Юдович — один из лучших адвокатов страны — не отказал, но до процесса оставались считанные дни. Тут возникло еще одно неожиданное и серьезное препятствие. Как добраться до Ташкента? Летом достать авиабилеты из Москвы в любом южном направлении было делом совершенно безнадежным. И тут уже началась мистика.

В Ташкенте Вера купила билет на самолет до Москвы и обратно. Свой билет она отдала Юдовичу.

— Вы летите скорее, Лев Абрамович, а я как-нибудь потом доберусь, - сказала она адвокату, а сама пошла на Пушкинскую площадь, в центральные авиакассы. Надежды купить билет, конечно, не было. Она шла узнать, на какое ближайшее время можно оформить предварительный заказ билета. Войдя в помещение, обычно шумное, переполненное людьми, с ночи стоящими в очередях, она была поражена тишиной и безлюдностью кассового зала. Подойдя к совершенно свободному окошку, Вера со страхом спросила:

— Скажите, пожалуйста, билеты на самолет до Ташкента есть?

— Есть, - ответила кассирша

— А на завтрашний рейс есть?

— Да, есть один билет на завтра.

Вера не верила своим глазам и ушам...

Прибыв в Ташкент, Лев Абрамович первым делом поехал в прокуратуру - знакомиться с материалами дела. За три дня ему предстояло понять суть обвинения, встретиться с подзащитным и подготовиться к суду.

Из воспоминаний Л.А. Юдовича:

«Во второй половине дня получил дело и с первой же страницы понял, что дело Адельгейма - вопрос государственной политики. Нужно ли объяснять? Если человек привлечен к уголовной ответственности по такому делу - осуждение неизбежно. Задача суда заключается лишь в том, чтобы, формально соблюдая процессуальные нормы, применяя различные судейские трюки, „благопристойно“ осудить человека, и в приговоре, слегка коснувшись доказательств, а иной раз просто перечислив их без анализа или переписав обвинительное заключение, заявить, что „подсудимый распространяет клевету на советский государственный и общественный строй“.

Быть на таком процессе защитником — значит находиться под постоянным наблюдением КГБ, прокуратуры, суда и партийных органов. Тебя будут изучать, наблюдать лишь для того, чтобы поставить в зависимость и превратить в фигляра или статиста. Истина, доказательства, твое мнение значения не имеют. Происходит идеологически-юридическая игра. Не приведи Господь нарушить ее правила! Частное определение суда известит партийные органы или Министерство юстиции и пиши пропало: выгонят из коллегии адвокатов. Обычно в этих случаях частные определения судов утверждают, что адвокат „допустил идеологически вредные, политически незрелые высказывания, и суд просит рассмотреть вопрос о его профессиональной пригодности“. Такое определение означает конец. Я не мог не думать об этом, читая дело. // Обвинительное заключение выглядело солидно. Составил и подписал его следователь прокуратуры Ленинского района Пулатов. Утвердил прокурор Ташкента, старший советник юстиции Бухаров Г.Б. В суд были вызваны 28 свидетелей».

В материалах дела фигурировали записи дневников отца Павла. Вот некоторые из них: «Борьба

классов, возведенная в систему, мешает общественному миру», «Атеизм, который проповедуется марксизмом, является слепотой, за которую человек и общество расплачиваются», «...Церковь не может присоединиться к движениям социальным, политическим, которые берут начало и силу из марксизма».

В своих записях Павел Адельгейм говорил о материалистической диалектике как о чепухе, в которой совершенно нет науки. Читая материалы дела, Юдович прекрасно понимал, что в данном случае «государство возводит в уголовное преступление неверие священника в диалектику и материализм, допрашивает об этом бывшего дьякона Погорелова В.М., Гребцова И.Ф., Пулатова С., священника Моргуна Н.Ф. и включает их в список лиц, вызываемых в качестве свидетелей».

Однако дело наряду с политическими обвинениями включало в себя и статьи сугубо уголовных деяний — насилие над личностью и хранение холодного оружия. По здравому размышлению, напрашивался вывод о том, что настоящее — политическое — обвинение П.А. Адельгейма маскировалось под обычный уголовный процесс. При этом осуждаемый священник превращался из идейного борца за свои убеждения в недостойного, вульгарного преступника.

Для определения своей позиции Льву Абрамовичу была необходима личная встреча с будущим подзащитным. За получением разрешения на свидание он отправился в суд.

Из воспоминаний Л.А. Юдовича:

«Написав заявление, я поднялся на второй этаж Ташкентского городского суда и вошел в кабинет судьи. За столом сидела средних лет женщина. Яркое цветастое платье из набивного нейлона плотно облегалo ее упитанную фигуру. Она что-то читала и не поднимала на меня глаз. Я стоял и ждал. Пауза затягивалась. Стоять перед нею с заявлением в руках и чувствовать себя надоедливым просителем было оскорбительно. Если на мой стук в дверь она разрешила войти, то, естественно, что я имею право на ее время и внимание.

— Здравствуйте, я адвокат, хочу получить разрешение на свидание с Адельгеймом. Ордер на защиту сдан секретарю в канцелярию.

Судья, не отвечая мне, продолжает читать дело. Стою, молчу, злюсь. Звонит телефон. Судья берет трубку, смотрит прямо на меня и с кем-то спокойно разговаривает.

— Да, да. Дело должно пойти. Адвокат приехал. Свидетели будут доставлены, не беспокойтесь! Прокурор знает, конвою тоже сообщим.

В трубку что-то долго говорили. Судья молчала и внимательно слушала. Потом последовала целая тирада:

— Я просила усиленный конвой! Хорошо, еще раз позвоню начальнику. Кроме конвоя, будут еще и милиционеры. Зал тоже подготовлен. Сегодня же вечером проверю еще раз и доложу вам!

Трубка повешена. Скользнув по мне взглядом, судья вновь опустила глаза к письменному столу, на котором лежит дело. Первая встреча, и судья сразу решила показать мне, кто есть кто.

Перехожу в наступление.

— Вы судья Лобанова? — говорю нарочито резко.

Оторвавшись от бумаг, она, наконец, соизволила ответить:

— Да, я.

Но вновь звонки, звонки, и, как я понимаю, все они связаны с делом Адельгейма. Я стою и жду. Последний звонок, видно, был от очень высокого должностного лица. Голос Лобановой изменился, она вся устремила к трубке, потом вскочила и весь разговор провела стоя.

Как только она повесила трубку, я подошел к столу и, положив заявление, сказал:

— Свидание мне, пожалуйста!

После телефонных разговоров Лобанову почему-то как подменили.

— Пожалуйста, садитесь. Вы ознакомились с делом? Подождите, пожалуйста. Сейчас секретарь напечатает разрешение на свидание, — и звонком вызвала секретаря. Сижу, жду разрешения. Судья продолжает засыпать меня вопросами:

— Вы успеете подготовиться к делу? Мы ведь послезавтра начинаем. Как вы думаете, мы уложимся в три дня? Знаете, очень хотелось, дело, сами понимаете, ответственное, и тянуть его нет смысла!

Слушаю, молчу. Про себя уже решил, что буду сражаться за Адельгейма столько, сколько мне нужно будет, невзирая ни на чьи планы. Монолог продолжается.

— Кое-кто из свидетелей не явится. Правда, может быть, потом приедут. Но пока данных нет. Я надеюсь, вы не будете возражать против слушания дела в их отсутствие.

— Буду возражать! Дело сложное, в нем надо разобраться, и свидетели в суде нужны.

— Да, конечно, — и, сразу сменив тон, продолжает:

— Как вы переносите ташкентскую жару? В Москве, наверное, прохладно?

Секретарь принесла разрешение на свидание, передала Лобановой, она подписала его и протянула мне. Я направился к выходу.

— Товарищ адвокат, выясните у Адельгейма, будут ли у него ходатайства. Хотелось бы знать заранее, чтобы не затягивать процесс.

Повернувшись к Лобановой, я ответил:

— Ходатайство мы заявим в суде.

Про себя подумал: „Знаем мы эти судейские трюки - заранее выведать позицию и ходатайства и заранее, до суда, придумать, как на „законном“ основании отказать в их удовлетворении. Ведь процесс затягивать нельзя! Поэтому и свидетели ей не нужны. Ей заранее все ясно. Вся игра известна давно, и я не новичок“.

„А что ты думаешь о судье? - спросил я себя. - Ведь с ней работать, именно ее нужно будет убеждать, что прав ты, а не следствие. Что она за человек? Властная, самоуверенная, хитрая и опытная. Она назначена в этот процесс неслучайно. Такая выполнит любой заказ и подпишет любой приговор! Ну а другой судья - честный и совестливый - разве не выполнит требуемый от него приказ? Конечно, выполнит! Так какая же разница, кто будет судить?“».

В тот же день Лев Абрамович направился на свидание с Адельгеймом в следственный изолятор Ташкентского КГБ. Встреча и знакомство прошли хорошо. Адвокат и подзащитный понравились друг другу. Отец Павел объяснял Л.А. Юдовичу, что все обвинение - сплошной вымысел, приводил аргументы:

— Я Таню не избивал, трусы ей не снимал, эту деталь следователь придумал для придания обвинению характера издевательства. Да и к вере я ее не приобщал, у них свой духовник. Что ни слово следствия - то ложь, ложь. Иной раз мне кажется, я схожу с ума. Для чего все это изощренное изуверство, клевета и цинизм? Ведь дело не только во мне. Поступая так, они ведь извращают извечные человеческие ценности и принципы. Неужели честность и правдивость не важны для социалистического общества? Что утверждается таким следствием? В январе 1969 года я в Ташкенте не был. Было много служб, и я был в Кагане. В ноябре 1969 года я был в доме Анны Васильевны, видел, как она била Таню. Но за что? По обвинению получается за то, что Таня отказывалась молиться.

А на самом деле Анна Васильевна избивала Таню за то, что та ночами не бывала дома. Связалась со взрослым парнем, взяла без разрешения бабушки 120 рублей. Когда пропажа обнаружилась, отрицала, что она взяла деньги. Правда, потом призналась, но денег не вернула. Вот за это мать и била ее. Я говорил с Анной Васильевной, что битьем ничего не достигнешь. Но осуждать доведенную до отчаяния мать я не берусь. Следствие пишет, что после избиения Таня уходила из дома — это неправда. Мы с Таней готовили уроки для школы. Весь вечер я читал ей стихи. Скажите, неужели суд во всем этом не разберется? Вель мое дело так ясно.

Не дождавшись моего ответа, он сказал:

— Но, наверно, из-за того, что всем ясно, дело мое безнадежно. Им нужно со мной расправиться во что бы то ни стало, им нужна жертва. Это так страшно... И все это уже было. Так, наверное, создавали обвинения моему отцу, матери, деду».

Слушая рассказ отца Павла о его деле, Л.А. Юлович с горечью в сердце думал: «Многое уже перенес Адельгейм. Но это только начало. Впереди — судебный процесс, приговор и лагерь. К сожалению, я это знаю твердо, Адельгейм будет осужден, несмотря на вымышленность обвинения. В советском суде нельзя доказать правду. Понимает ли Адельгейм, что он будет осужден, вопреки здравому смыслу, логике, чести и закону? /Я смотрю на Павла Анатольевича и думаю: „Выдержишь ли? Не раздавит ли тебя эта машина?“».

6. Суд, приговор, тюрьма

Судебный процесс над отцом Павлом длился с 9 по 17 июля 1970 года.

С первого и до последнего заседания Вера была рядом с мужем, хоть их и разделяли барьер скамьи подсудимых и вооруженная охрана. Они поддерживали друг друга взглядами, наполненными любовью.

*Солнечных бликов пятна,
Блеск затуманенных глаз.
Вижу тебя, ненаглядная,
Может, в последний раз.
Месяцы веры и боли
Долгий закончили спор.
Жизнь нашу завтра расколет
Надвое приговор.
Под покрывалом темницы
Увянут живые цветы.
Будут мне только сниться
Твои дорогие черты.*

Павел Адельгейм, 17 июля 1970 г.

Ранним утром 9 июля 1970 года заключенный Адельгейм ожидал отправки в суд в тюремном дворе. Потом отец Павел вспоминал:

«В СИЗО приехал за мной „черный ворон“ с чрезвычайной охраной. Это была не милиция, а солдаты. Из машины высыпало человек десять. В это время я гулял по тюремному двору и мог наблюдать приготовления со стороны. Меня позвали вниз и оттуда повели обратно во двор — уже в сопровождении конвоя, между двух шеренг солдат. Еще более удивительная демонстрация ожидала меня в суде. Когда отворилась дверь „воронка“, меня встретили две шеренги автоматчиков, протянувшиеся до входа в самый большой зал суда. Шеренги тянулись по коридору, вверх на два

марша широкой лестницы с дорожками и коврами, и обрывались у входа в зал. Зал вмещал человек триста. В центре располагался судейский стол, и за ним — кресла для трех судей. Слева от них — скамья подсудимых, огороженная низким барьером. В те времена клетки для подсудимых еще не вошли в моду. По обе стороны от меня стояли автоматчики. На стульях рядом с барьером расположились еще трое солдат и офицер. Ближе к судейскому столу стоял стул для адвоката, напротив него — стол и стул обвинителя».

Вначале суд задумывался как широкий пропагандистский процесс «победоносного наступления единственно верной и правдивой коммунистической идеологии на ложное и тлетворное влияние церкви». К его освещению были привлечены газеты, радио и телевидение. Зал заседания был заполнен до отказа и не вмещал всех желающих. Однако проект с треском провалился. Уже через несколько дней на процесс перестали допускать журналистов, а заседания перенесли в маленький зал. Однажды в зал не хотели пускать даже жену обвиняемого — матушку Веру. Ей разрешили присутствовать только после ультимативного заявления отца Павла об отказе принимать участие в процессе в ее отсутствие.

Первый день судебного процесса Лев Абрамович Юдович вспоминал так:

«У здания суда — человек двести. Толпа плотно подпирает двери в надежде проникнуть в зал судебного заседания. Несмотря на раннее время, июльское солнце печет невыносимо. Но в тень никто не идет. В толпе большинство женщин, одетых в черные свободного покроя платья, в белых косынках, завязанных под подбородком и надвинутых на лоб. Черно-белый цвет придает толпе траурно-торжественный вид. К девяти часам подъехала машина с конвоем МВД. Сержант по-хозяйски постучал, дверь суда отворилась. Толпа устремилась к двери.

— Отвались! Кому сказали, отвались! — зычно крикнул сержант. На помощь сержанту, заслоняя проход, появился старший лейтенант.

— Будете напирать, никого не пустим! — грозно предупредил он.

Вдруг из толпы кто-то пронзительно крикнул:

— Привезли, привезли!

Метрах в пятидесяти от здания суда остановился „воронок“. Из него выпрыгнул на землю Павел Анатольевич. Одет он был в темные брюки и белую рубашку. В руках у него был пиджак и котомка с продуктами. Сразу же его окружил вооруженный конвой. Высокие здоровые солдаты с винтовками и примкнутыми к ним штыками создали вокруг него кольцо.

Увидев толпу и, видимо, узнав знакомых, Павел Анатольевич улыбнулся беззащитной детской улыбкой. Надел пиджак, белый ворот рубашки выпустил поверх него и застыл. Весь его облик излучал юношескую пылкость, доброту, свет. Раздалась команда „Шагом марш!“ и его повели. В толпе кто-то закричал, запричитал: „Сердешный ты наш! За что ж это они тебя, супостаты?!“. Многие молились. Две пожилые женщины, оттолкнув конвой, припали к руке отца Павла. Кто-то встал на колени. Резкая команда „Разойдись, стрелять будем!“ отодвинула толпу, солдаты оторвали припавших к руке отца Павла женщин и почти бегом ввели его в суд. Вслед за ним вошел и я. Адельгейма посадили на специально отгороженное для заключенных место. Справа и слева встали конвойные» (12.1).

Ближе к одиннадцати часам в зал судебного заседания стали впускать народ. Толпа ринулась к дверям. Зал заполнился мгновенно, не вместив и шестой части всех желающих. При попытке конвоя оттеснить толпу и закрыть двери образовалась давка. Раздались стоны и крики, сменившиеся плачем и воем. Остановить людей было невозможно. Начальник конвоя вызвал подмогу. Солдаты зашли с тыла и с криками, руганью и угрозами активно принялись растаскивать толпу. К одиннадцати часам дверь удалось заблокировать.

Из воспоминаний Л.А. Юдовича:

«Дверь закрылась. Процесс можно было начинать. В зал вплыла судья. За ней покорно шли, опустив головы, двое мужчин, один - русский, другой - узбек. Вскочив со стула, секретарь скомандовала звонким голосом: „Встать! Суд идет!“.

Неохотно поднимаясь, люди смотрели на шествующий по залу суд и вздыхали.

Встав у своего места за судьейским столом и держа в руках дело, судья скомандовала: „Садитесь!“, и отчетливо и внятно произнесла: „Судебное заседание Ташкентского городского суда объявляется открытым. Слушается дело по обвинению Адельгейма...“.

- Есть ли отводы по составу суда, кому-либо из судей, прокурору или секретарю? - голос Лобановой звучал громко, внятно и официально. - Разъясню вам, - продолжала она, - отвод может быть заявлен только по основаниям, указанным в законе.

Все это Лобанова произнесла привычной скороговоркой и сразу же, обращаясь только к Адельгейму, спросила:

- У вас ходатайства есть?
- Все ходатайства заявит мой защитник.
- У защитника мы еще спросим, а сейчас я спрашиваю, есть ли ходатайства у вас?
- Я еще раз повторяю, что все необходимые ходатайства заявит мой адвокат, - спокойно парирует Адельгейм.
- Садитесь! Есть ли ходатайства у участников процесса? Товарищ прокурор, у вас, кажется, что-то было.

Прокурор встала и спокойно зачитала заранее подготовленное и отпечатанное на машинке ходатайство о том, что она просит допустить в качестве общественного обвинителя товарища Олененко, выдвинутого общим собранием преподавателей одного из Ташкентских институтов. Протокол общего собрания, доверенность, заверенная подписью председателя, секретаря собрания и печатью института, подтверждающего его полномочия... Прокурор передала документы судье. Даже не взглянув на них, Лобанова наклонилась вправо и влево к заседателям, они кивнули головой, и судья начал диктовать секретарю определение. Я встал.

- Товарищ председательствующий, я прошу не нарушать права защиты. В соответствии с законом вы обязаны дать мне возможность ознакомиться с документами и выслушать мое мнение по заявленному ходатайству.

Лобанова посмотрела на меня с досадой, но согласилась и передала мне документы. Через несколько минут судья протянула руку за документами и нетерпеливо ждала, чтобы я вернул их ей. Но я не торопился их отдавать.

- До того, как я выскажу свое суждение по заявленному прокурором ходатайству, я прошу разрешения задать вопросы по поводу представленных документов кандидату в общественные обвинители - Олененко.

Торопясь быстрее закончить процедурные вопросы, судья разрешила.

- Какое отношение к вашему коллективу имел Адельгейм? Знали ли вы или члены вашего коллектива его до собрания?

Олененко с готовностью ответил:

- Нет, не знали.

- Кто же предложил выдвинуть общественного обвинителя, и кто информировал собрание о деле Адельгейма?

Судья хотела вмешаться, но Олененко уже успел ответить:

— К нам в институт приходили два следователя, были на собрании и сказали, что нужен общественный обвинитель.

Лобанова сразу прервала его и, обращаясь ко мне, заявила:

— Ваши вопросы не имеют отношения к делу. Ваше мнение по заявленному ходатайству, пожалуйста.

Решение о том, как поступить, у меня уже созрело.

— Одновременно с рассмотрением ходатайства о допуске общественного обвинителя к участию в процессе я прошу рассмотреть мое ходатайство о допуске общественного защитника, выделенного общим собранием прихожан и церковной двадцатки.

Вопреки моим ожиданиям, прокурор поддержала мое ходатайство и посчитала возможным участие в деле и общественного обвинителя, и общественного защитника.

Посоветовавшись с заседателями, Лобанова объявила, что суд постановил допустить к делу общественного обвинителя Олененко, а ходатайства защиты о допуске общественного защитника — отклонить, так как церковь отделена от государства и не является общественной организацией.

— Есть ли у участников процесса другие ходатайства? — спросила судья.

— У защиты ходатайства есть. Первое. В число лиц, вызываемых в суд, не включен никто из экспертов, проводивших литературно-идеологическую экспертизу. Обвинительное заключение ссылается на экспертизу как на доказательство вины Адельгейма. Заключение экспертов должно быть проверено в суде. Поэтому я прошу вызвать в суд всех экспертов во главе с профессором Маковым. Второе. Таня Шкурёнок — несовершеннолетняя. Ей всего пятнадцать лет. Ее законный представитель — мать, Шкурёнок Анна Васильевна, — подсудимая. Считаю необходимым вызов в суд учителя школы, для того чтобы он присутствовал при допросах несовершеннолетней.

Судья слушала внимательно, потом в нарушение процедуры задала вопрос мне.

— Думали ли вы о том, где мы сейчас возьмем экспертов и педагога? Ведь время сейчас каникулярное, и все они наверняка в отпуске.

Я мог не отвечать. Но я решил парировать ее выпад против меня.

— Время слушания дела определяет суд. И протокол предания суду подписан вами. По закону суд и лично вы должны обеспечить явку экспертов в судебное заседание.

Не дав слово прокурору, Лобанова схватила тома, вскочила и уже на ходу бросила в зал:

— Объявляется перерыв на десять-пятнадцать минут».

«Пятнадцатиминутный перерыв» продлился до конца первого дня судебного заседания.

Здесь необходимо отметить, что судебный перерыв объявляется только для подсудимого и публики. «Для судьи и прокурора перерыв — это напряженная работа.

Не стесненные законом, публичностью и гласностью уголовного процесса, в привычной рабочей обстановке судья сговаривается с прокурором обо всем, что потом будет ею написано в совещательной комнате с соблюдением судебной процедуры. Но не только с прокурором совещаются судьи. Перерыв — это время докладов начальству, консультаций со следователями, время ответственных звонков. В общем, перерыв — время получения указаний для „самостоятельных“

судебных решений».

Второй день судебного процесса начался с объявления судьей того, что в качестве эксперта приглашена товарищ Кислова О.П., аспирантка кафедры марксизма-ленинизма Ташкентского госуниверситета, которая будет давать заключение от имени всех экспертов. Просьба адвоката о присутствии всех экспертов была отклонена. Лобанова явно торопилась и нервничала. Вчерашние ходатайства защиты расстроили ее планы. Далее рассматривался вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся свидетелей. Судья обратилась к прокурору:

— Ваше мнение, товарищ прокурор?

— Считаю возможным заслушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей, а в случае надобности огласить их показания.

— Каково мнение защиты?

Юлович встал и, обращаясь к суду, произнес:

— Я прошу уточнить, во-первых, список неявившихся свидетелей, во-вторых, данные о вручении повесток каждому из них, в-третьих, свидетель Водопшин Федор Иванович содержится под стражей в следственном изоляторе № 1 МВД Узбекской ССР. Прошу вынести определение, которым поручить конвою доставить его в суд.

Лобанова нервничает, но отдает распоряжение секретарю:

— Прочитайте, кто из свидетелей не явился.

— Не явились: Шамсутдинова Г.А. — повестка ей послана, причина явки неизвестна. Баркова Е.В. и Карасев, живущие в г. Бухара и г. Кагане, больны. Якунин, Эшли-ман, Карелин живут в Москве. Свидетель Свистун живет в Киеве.

— Товарищ адвокат, вы удовлетворены? — раздраженно спрашивает Лобанова.

- Нет! Я бы просил приобщить к делу данные о том, что свидетелям Якунину, Эшлиману, Карелину и Свистуну посылались повестки. Кроме того, секретарь не сообщила, вызывался ли находящийся под стражей свидетель Водопшин. Без этих свидетелей слушать дело нельзя.

Лобанова не выдерживает:

- Вы что же, будете указывать суду, что делать?

И грозно добавляет:

- Товарищ адвокат, ведите себя скромнее.

- Я настаиваю на своем заявлении и прошу его обсудить.

Суд обсудил заявление и вынес определение провести слушание уголовного дела Адельгейма в отсутствие неявившихся свидетелей. Более часа Лобанова читала обвинительное заключение, после чего суд перешел к допросам.

Первой допрашивают потерпевшую Таню Шкурёнок. По процедуре, предусмотренной законом, судья, выяснив отношение потерпевшего к подсудимому, обязан предложить сообщить суду все, что ему известно по делу. С этого Лобанова и начала:

- Таня, расскажи, что тебе известно по делу.

Оказавшись в центре внимания, Таня стояла и молчала. Молчала и судья, давая Тане время на раздумье и на то, чтобы освоиться с обстановкой. Молчание затянулось. И тогда Лобанова, подобно опытному дирижеру, начала вопросами подталкивать Таню.

- Ну, расскажи, как училась? С кем из девочек дружишь? Любишь ли читать книги?

Таня молчала. Сняв маску вежливости, Лобанова пошла в наступление.

— Значит так.. в молчанку мы играть не будем. Тебя следователь допрашивал на предварительном следствии?

— Допрашивал, — робко протянула Таня.

— Ты ему правду говорила?

- Правду.

— Ты подтверждаешь свои показания на предварительном следствии?

- Чего?

- Показания, то есть то, что ты говорила на следствии, ты подтверждаешь?

- А я не помню, что говорила!

Лобанова вновь наступает.

- Ты следователю правду говорила?

Таня молчит.

- Я у тебя спрашиваю, ты следователю правду рассказывала? Ты ведь честная девочка? Ты ведь не могла обманывать следователя? Ты обманывала следователя?

- Нет!

- Значит, правду говорила?

- Да!

Удовлетворенная ответом Тани и тем, что так ловко наставила Таню на нужный путь, Лобанова, продолжая говорить за Таню, подытоживает: «Значит, показания, данные следователю, подтверждаю». И ждет, пока секретарь запишет в протокол судебного заседания сформулированный ею вывод. Первый кирпич в фундамент обвинительного приговора Лобанова уже заложила.

- Ну, теперь рассказывай по порядку.

Но сама Таня рассказывать явно не хотела и ждала вопросов судьи. Постепенно из ее ответов вырисовывается образ девочки. Училась в дневной школе хорошо. Потом, вопреки настоянию матери, перешла в вечернюю школу. Затем бросила школу, пошла работать. Вскоре бросила работу, потому что работать было тяжело. С Адельгеймом познакомилась в церкви, куда ее привел брат. Было это давно, сразу же после приезда отца Павла в Ташкент. Знакома со всеми членами его семьи. Часто гостила у них, дружила с его детьми. Адельгейм относился к ней хорошо, как ко всем. Оказывал помощь в учебе. Показания Тани вновь отклонились от обвинительного сценария, и дирижер вмешался.

— Ты говоришь, Таня, что подсудимый Адельгейм относился к тебе хорошо, следователю же ты говорила, что он тебя избивал, и, следовательно, относился к тебе плохо? Ты следователю правду говорила?

- Правду.

— Значит, Адельгейм тебя избивал?

- Избивал.

- Ну, вот и хорошо, - не замечая двусмысленности своей реплики продолжала судья.

- Теперь расскажи, как и когда тебя избивал Адельгейм.

- Было два случая, когда меня били. Первый раз, кажется, это было в 1968 году. Тогда Адельгейма не было. Он был в Бухаре. Мама и бабушка били меня за то, что я не слушала их. Вторым раз меня били за то, что я не пришла ночевать. Мы с подружкой были на свадьбе. Меня била мама.

Судья перебила ее рассказ вопросом.

- А Адельгейм тебя бил?

Таня замялась в нерешительности, оглянулась в зал, встретила с десятком прикованных к ней глаз, отвернулась и тихо сказала:

- Нет.

Вопрос судьи прозвучал резко, как удар:

- А что ты говорила следователю? Нужно быть честной и не бояться никого.

— А я и не боюсь. — заявила Таня.

— Так бил ли тебя Адельгейм?

— Может, и бил, но я не знаю, так как лежала лицом вниз на кровати и не могла видеть, кто меня бил.

Судья вновь пошла в атаку. Вопросы следовали один за другим. Но заставить Таню говорить, что ее бил Адельгейм, не удавалось. Открыв листы дела с показаниями Тани, Лобанова огласила ту часть, где следователь записал, что Таню «избил отец Павел, специально для этого приехавший из г. Кагана Бухарской области». Применяя свой излюбленный прием, судья спросила:

— Ты давала эти показания следователю? Это правда?

Удивленно слушая судью, Таня протянула:

— Не-ет!

— Что нет? — раздраженно переспросила судья.

— Нет, я так не говорила.

— Предположим, ты не говорила следователю, что тебя бил Адельгейм, но откуда у тебя на спине синяк? Ведь тебя били.

— Я не знаю, кто меня бил. Я лежала лицом вниз.

Как судья ни старалась заставить Таню подтвердить, что ее избивал Адельгейм, Таня стояла на своем. Допрос длился долго. Лобанова устала и передала допрос прокурору. Но и прокурор не добился успеха.

— Тебе запрещали ходить в кино? Смотреть телевизор?

— Нет!

— Били тебя за то, что ты отказывалась молиться?

— Кто меня за это бил? — в свою очередь спросила Таня. — Меня никто никогда за это не бил.

— В деле есть данные, что Адельгейм приглашал тебя в церковь и беседовал о Боге. Было это?

— Нет.

— Давал ли он тебе читать запрещенную литературу?

- Он читал мне стихи.

Наконец-то прокурор получила ответ, который, казалось, может подтвердить обвинение в распространении идеологически вредных стихов. Прокурор, заранее торжествуя, продолжала допрос.

- Какие стихи? Например, Волошина?
- Нет, стихи, что в школе задавали.

Показания Тани опровергали обвинение. Это стало ясно. Но оставался невыясненным вопрос о том, почему Таня подала заявление в прокуратуру. Когда наступила моя очередь допрашивать, я спросил ее о том, какую помощь ей оказывал Адельгейм. Таня ответила, что Павел Анатольевич купил ей и ее брату пальто и помог поехать в Подмоскowie, где она отдыхала вместе с его семьей. После этого я спросил, как к ней относился Павел Анатольевич. Она ответила, что он относился к ней хорошо, как к родной. После таких ответов я задал вопрос в лоб.

- Как же при таком хорошем отношении к тебе ты писала в прокуратуру, что отец Павел издевался над тобой?

Ответ Тани был уничтожающим для обвинения. Он вскрыл методы фальсификации дела Адельгейма.

- Заявление мне диктовала Соловьева, из отдела кадров. Она сказала, если напишешь заявление - на следующий день получишь общежитие. Потом по этому заявлению меня заставлял писать на отца Павла следователь Атабеков. Он говорил, как нужно писать, а я писала.

Через несколько дней выясняется, что не только она, движимая желанием получить общежитие, оклеветала Адельгейма. По предложению следователя, она нашла еще одного «свидетеля» - Тарасову, свою подругу, которую уговорила оклеветать Адельгейма и поддержать ее. Тарасова дважды отказывалась говорить неправду. И дважды следователь не составлял протокол ее допроса. Только на третий раз, поддавшись на уговоры следователя и желая избавиться от вызовов на допросы, Тарасова исполнила просьбу Тани, согласилась дать показания и оклеветать Павла Анатольевича.

Допрос Шкурёнок Тани закончился. Истоки фальсификации обвинения стали очевидны».

Суд приступил к допросу обвиняемой в избиении своей дочери гражданки Шкурёнок Анны Васильевны.

«Она признала, что била Таню. Но никак не могла понять, за что ее судят. В представлении этой малообразованной женщины, изнуренной работой, нуждой, заботой о том, чтобы накормить и дать образование детям, телесное наказание - нормальная форма воспитания дочери-блудницы. И суд, и прокурор пытались ей объяснить, что бить девочку нельзя. Анна Васильевна соглашалась, но твердила свое:

- Бить нельзя - я понимаю, ну а если гуляет дочь, а ей всего пятнадцать. Что делать-то? Ведь я ко всем ходила, никто не помог. Должна же мать держать свою дочь в строгости. И меня в детстве мать била. А что делать-то?

- Состояли ли вы членом организации?
- Ну да, состояла.

Прокурор застыла как гончая перед прыжком. Вот оно долгожданное подтверждение обвинения Адельгейма - ма в создании религиозной организации. И мягко, чтобы не вспугнуть, прокурор продолжала опрос:

- Вы ведь верующая?
- Ну и что, что я верующая. У нас на заводе много верующих, и все в организации. А как же иначе-то? Не будешь в организации, по больничному меньше платят.

- Вы о какой организации говорите?
- О профсоюзной, какой же еще.
- А я вас спрашиваю о религиозной организации.
- Ну как же, в церковь я хожу.
- Да нет, я не о том, - досадливо поморщилась прокурор, - я вас спрашиваю, состояли ли вы в нелегальной религиозной организации? Собирались ли нелегально? Читал ли Адельгейм вам запрещенную литературу?
- Виновата я. В церковь я ходила. Мне-то отец Павел ничего не читал, а вот Тане помогал уроки к школе готовить. Ей он читал.

Допрос выглядел как гротеск. Прокурор стреляла тяжелыми обвинительными словами: «религиозная организация», «нелегальные собрания», «запрещенная литература». Но все они не достигали цели, распались перед искренним непониманием происходящего простой русской женщиной, не сумевшей понять государственные задачи обвинения.

Следующей допрашивали бабушку.

- Пивоварова я по мужу. А у дочери моей Анны фамилия ее мужа. Мой-то в войну погиб, а ее уехал на заработки и пропал. Вот и пришлось мне с дочкой воспитывать ребятишек. Сначала было ничего. А как подросла Танька-то, забаловалась, а там и в гулянье подалась. Вот Анна и избила ее. И правильно, видано ли дело гулять с парнями в пятнадцать лет?! Нам-то перед людьми стыдно, а ей хоть бы что. Сраму-то нет!

Судья прервала ее:

- Вы состояли вместе с Адельгеймом в религиозной организации?
- А ты меня, дочка, не прерывай, я все скажу.

Фамильярное обращение «дочка» не понравилось

Лобановой.

— Подсудимая Пивоварова, я вам судья, а не дочка. Обращайтесь к суду с уважением.

— А нешто судья не может быть дочкой? По возрасту ты мне в дочки годишься.

— Суд призывает вас к порядку и делает вам замечание. К суду нужно относиться с уважением. Вам ясно, подсудимая?

— Мне-то ясно, я-то с уважением. А вот почему меня не уважают? За что на старости лет перед людьми меня срамите и здесь стоять заставляете?

Лобанова взорвалась:

— Подсудимая, вы находитесь в суде и извольте вести себя прилично!

— А ты на меня, дочка. (и тут же поправилась) судья, не кричи, не стражай. Не пугливая я. Все одно мне помирать скоро, не запугаешь.

— Вас не пугают, а предупреждают.

Поняв, что угрозой со старухой ей не справиться, судья сменила тактику.

— Отвечайте на вопросы. Вы с подсудимым Адельгеймом участвовали в избиении вашей внучки?

— Ее била мать за то, что гуляла.

— Адельгейм приносил вам нелегальную идеологически вредную литературу?

— Неграмотная я. чего же мне приносить-то.

Допрос Пивоваровой явно не удался, и чтобы хоть как-то заключить его, Лобанова примирительно заметила:

— Неграмотная, потому и в Бога веришь.

— А ты Бога не трожь, я с верой всю жизнь прожила и умру с ней!

Пытаясь из старухи вытянуть хоть что-нибудь, на помощь судье пришла прокурор:

- Верить или не верить в Бога - это ваше личное дело. Но почему вы ребенка избивали и заставляли молиться?

- Заставишь ее, Таньку-то, как же! Хлестнешь ее, так она тебе такое задаст. Не обрадуешься!

Допрос не получался и у прокурора. Разгневанная тем, что ей приходится стоять перед людьми и отчитываться за несовершенные грехи, старуха не слушала вопросы и всем своим видом являла непокорность. Что-либо сделать с ней, подчинить ее своей воле, запугать, направить в нужное обвинению русло ее показания ни судья, ни прокурор не смогли».

Для предъявления суду и советской общественности ужасного аморального облика подсудимого в один из дней процесса из Кагана самолетом доставили «свидетеля» обвинения - старосту церкви св. Николая Марию Федоровну Втулкину. Самолет, очевидно, задерживался, и в этот день люди ждали начала суда до обеда. В 15.00 в зал стали пропускать собравшихся, через кордон охраны пропустили около двадцати человек. Веру Михайловну при входе в зал задержал офицер.

- Вам проход в зал не разрешен.

- Почему? Я жена обвиняемого - Вера Михайловна Адельгейм.

- Ничем не могу помочь. У меня приказ.

Вера подошла к стоящему в стороне и еле сдерживающему себя от возмущения адвокату.

- Лев Абрамович, почему меня не пускают в зал?

- Да кто же его разберет, что тут вообще происходит! Несусветное и вопиющее безобразие! Полдня держать людей перед закрытыми дверями не объясняя причин! Это возмутительно! У меня слов нет!

Пока адвокат изливал свое негодование, к дверям зала подошла прокурор. Вера кинулась к ней.

- Меня не пускают в зал заседания. Почему?

Шевченко молча посмотрела на нее, вздохнула и, отстраня офицера охраны, пропустила ее в зал. Зал, а точнее, небольшая комната, где в этот день проходило слушание, вмещал судейский стол, места прокурора и адвоката и еще пять скамеек, на которых могли разместиться человек двадцать пять, не больше. Лобанова, открыв папку с материалами дела, четко произнесла:

- Продолжаем слушание. Для допроса в зал приглашается свидетель обвинения Втулкина Мария Федоровна.

Войдя в зал, Втулкина мельком посмотрела в сторону отца Павла, сидевшего на скамье подсудимых, опустила глаза и подошла к судейскому столу. Лобанова предупредила ее об уголовном преследовании за дачу ложных показаний и тут же спросила, подтверждает ли она, как свидетель, свои показания, данные на предварительном следствии, о том, что подсудимый Адельгейм систематически избивал свою жену и детей.

Опустив голову, Втулкина утвердительно кивнула и негромко произнесла:

- Да, подтверждаю.

Опасаясь повторения ситуации допроса семьи Шкурёнок, судья не стала углубляться в подробности дела и сразу предоставила возможность задать свои вопросы сторонам обвинения и защиты. Прокурор от допроса свидетеля отказалась, и вопросы стал задавать адвокат.

- Свидетель, ответьте, где, когда и при каких обстоятельствах вы наблюдали сцены избиения подсудимым своей жены и детей?

Втулкина молчала, ее лицо выражало растерянность.

- Я не помню, когда это было.

- Хорошо. Вы не помните, когда это происходило, хотя подтверждаете, что подобное поведение со стороны моего подзащитного имело регулярный характер. Ответьте тогда, где подсудимый бил свою жену?

Пряча глаза, Втулкина тихо произнесла:

— В своем доме. На территории церковного двора.

— Скажите, чем он бил жену?

— Я не помню.

— А как он был одет?

— Тоже не помню.

— В каком положении во время избиения находилась присутствующая здесь жена подсудимого — Вера Михайловна?

— Я не помню. Не знаю. Я не видела. Я только слышала крики.

— Где вы находились, когда слышали крики?

— В храме, в церковной кладовой.

— То есть вы слышали крик, находясь в другом здании. Это так?

- Да.

— Скажите, почему вы полагаете, что это был крик жены подсудимого?

- Я не знаю. Вроде бы голос был похож.

- А что кричал этот голос?

- Я не знаю. Было плохо слышно.

Больше вопросов к свидетелю не было. Опустив голову и вжав ее в плечи, Втулкина быстро покинула зал суда. Было очевидно, что и это обвинение провалилось с таким же треском, как и предыдущие.

Закончив допросы Таниных родственников и других свидетелей, которые еще больше усугубили всю несостоятельность обвинения, Лобанова объявила очередной перерыв и заперлась в совещательной комнате вместе с прокурором и следователем КГБ В.А. Витенковым.

После перерыва предстоял допрос Адельгейма. К нему готовились все — и судья, и прокурор, и защита.

Из воспоминаний Л.А. Юдовича:

«Павел Анатольевич встал, подошел к углу барьера, отделявшего место подсудимого, открыл тетрадку и начал читать:

— Уважаемые судьи. Ознакомившись с обвинительным заключением следствия, я считаю нужным повторить то же, что неоднократно заявлял в своих протестах и прокурору. Следствие велось необъективно, и печатью необъективности отмечено обвинительное заключение. /.../ Перед тем, как я продолжу, я хотел бы задать суду вопрос...

Лобанова тут же отреагировала:

— Суду вопросы не задают. Суд сам задает вопросы, подсудимому разрешено только ходатайствовать. Закончите объяснения, потом будете ходатайствовать.

Я поддержал Адельгейма.

— Подсудимому предоставлено право ходатайствовать в любой момент судебного следствия, прошу соблюдать права подсудимого.

— Товарищ адвокат, вы нам не указывайте, что делать, — грубо ответила мне Лобанова, но, обращаясь к Адельгейму, спросила:

— Что у вас?

Павел Анатольевич, повернувшись к залу, спросил:

— Имеет ли право присутствовать в зале суда следователь КГБ Витенков?

Все взгляды устремились на белобрысого мужчину. Возникло ощущение, будто убийца пришел на похороны. Сидящие рядом с ним женщины отодвинулись, и Витенков остался один на один с десятками осуждающих глаз. Он заерзал, не зная, куда девать руки, засунул их в карманы брюк, потом сложил на груди и посмотрел на судью. Лобанова выручила его.

- Прошу в зале соблюдать тишину, не ворочаться и не шуметь! Иначе я буду удалять из зала! Вот вы, вы в белом платке... чего ворочаетесь? Хотите выйти из зала? Пожалуйста, мы не держим, - и, обращаясь к Адельгейму, объяснила:

- У нас процесс открытый, гласный. Кто хочет, тот может присутствовать. А следователь тоже человек, и гражданин. Продолжайте ваши объяснения.

Павел Анатольевич, горько усмехнувшись, отреагировал:

- Ну, если следователь тоже человек, тогда я продолжу. По статье 147 я не признаю себя виновным. Это обвинение придумано следователем, - кивком головы Адельгейм указал на Витенкова.

Статья 147 ч. 1 УК УзССР предусматривала наказание до пяти лет лишения свободы за „посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов“. В содержании статьи определяется состав преступления: „Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, а равно с понуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей“.

— Никакой группы из матери и бабушки Тани я не организовывал, никакого воздействия на них не оказывал, - продолжил Адельгейм. - В доме Шкурёнок я бывал два-три раза в год. Религиозным наставником семьи я не был. У мамы и бабушки есть приходской священник, к которому они обращались. Никаких религиозных бесед ни с кем из членов семьи не вел. Никакой религиозной литературы не давал. В дом к ним приходил как частное лицо. Поскольку отсутствуют всякие основания для данной статьи, я не знаю против чего возражать».

Относительно обвинения по статье 93, предусматривающей наказание за «систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязания», отец Павел повторил, что никого не бил и тем более не истязал. Соответственно, виновным себя не признает и считает данное обвинение абсурдным и сфальсифицированным.

Такая же ситуация сложилась и с обвинением по статье 191 ч. 4, предусматривающей наказание за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Павла Анатольевича обвиняли в том, что он хранил и распространял в письменной и устной форме тексты религиозно-философской литературы, машинописные тексты со статьями зарубежных религиозных деятелей реакционного, идеологически вредного и клеветнического содержания, а также сам писал подобные письма и стихи. В изъятых у него при обыске документах якобы имелись высказывания, искажающие действительное положение в СССР верующих граждан и служителей церкви, советскую реальность, и содержащие заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй. Ряд личных записей и тексты дневника затрагивали обширный круг вопросов, в которых отец Павел излагал свои взгляды и представления о советской действительности в искаженном виде.

Подсудимый Адельгейм полностью отрицал свою вину. Его выступление на судебном процессе достаточно подробно изложил в своих воспоминаниях Л.А. Юдович:

«- Обвинение по статье 191 отрицаю полностью и ни в чем не признаю себя виновным. Я обращаю внимание суда на четкое расхождение статьи 191 УК Узбекской ССР с вопросом следствия к экспертизе. Статьей 191 Уголовного кодекса карается клевета на советский государственный и общественный строй. В поставленном экспертизе вопросе это понятие подменяется „советской действительностью“. Понятие „советская действительность“ гораздо шире по объему, чем понятие „советский государственный строй“, и включает в себя последнее как часть и, следовательно, выходит за рамки предъявленного обвинения. Зачем понадобилась следствию эта подмена? Зачем? - повторил Адельгейм, обращаясь в зал к Витенкову.

- Сделано это не случайно, - продолжил он, - а потому, что в изъятых у меня материалах нет клеветы на советский строй. Вместо объективной характеристики документов эксперты стремятся доказать их антисоветский характер. В экспертизе выборочно приводятся только те высказывания, в которых советская действительность осуждается. Научного анализа в экспертизе нет. Отвечая на вопросы, экспертиза избрала не научный метод. Она не характеризует ни одного документа. Она создает схему отрицательных суждений и оценок и под каждую из них стремится подвести цитату, искажая смысл документа, из которого она вырвана. Цитаты, подведенные под схему, предстают перед нами не в освещении документа, из которого взяты, а в искаженном, нужном экспертизе, виде. //

Лобанова, до этого молча слушавшая показания Павла Анатольевича, перебила его:

— Подсудимый Адельгейм, достаточно общих рассуждений. Переходите к фактам обвинения. Ваши общие рассуждения суду понятны.

Павел Анатольевич выслушал замечание и, не реагируя на него, продолжал:

— Обвинению в искажении советской действительности подверглись такие документы, как „Монастырь в миру“, „Сила православия“, „Вячеслав Иванов«. Но ни одной цитаты, подтверждающей такое обвинение, эксперты даже не пытаются привести. Экспертиза начинается анализом стихов Волошина. Думаю, что у экспертизы не было оснований утверждать, что обнаруженные у меня стихи связаны с нежеланием поэта принимать советскую действительность. Этот термин мы привыкли относить к совершенно определенному порядку и строю жизни, то есть к нашим дням. Действительность 1917 года в России не похожа на наши дни. В те годы Советы только взяли власть. Старое государство было разрушено, а новое еще не построено. Россия переживала кризис,

промышленная и экономическая разруха, анархия - вот каковой была действительность. // Разве можно упрекнуть Волошина в том, что его стихи не пронизаны энтузиазмом Исаковского или Жарова? В поэме „Во весь голос“ Маяковский действительность его дней называет дерьмом.

*Уважаемые товарищи потомки,
Роясь в сегодняшнем окаменелом дерьме,
Наших дней изучая потемки,
Вы, возможно, спросите и обо мне.*

Почему же эксперты и государственное обвинение не упрекают Маяковского в клевете на советскую действительность?

Лобанова жестом хотела прервать Адельгейма, но он, не замечая ее, возвысил голос и продолжал:

— Потому что он великий пролетарский поэт! Почему меня не обвиняют в том, что я читал Есенина? Ведь он тоже не принимал советскую действительность.

— Подсудимый Адельгейм, суд делает вам замечание. Я предупреждала вас, чтобы вы давали показания, а не читали лекцию. Вы в суде, а не на докладе, и не мешало бы вам это помнить. Вы закончили показания?

— Нет, я еще не донца разобрал утверждения экспертизы о том, что у Волошина имеются проклятия в адрес революции. Это утверждение является клеветой, основанной на искажении слова и смысла фразы Волошина.

— Подсудимый Адельгейм, суд делает вам еще одно замечание. Оскорблять экспертов мы не допустим.

Павел Анатольевич пытался объяснить, что, употребляя слово „клевета“, он имел в виду сознательное искажение смысла стихов Волошина, но Лобанова не дала ему возможности продолжать.

— Подсудимый, пререкаться с судом запрещено. Вам ясно?».

Стало очевидно, что этот суд и по форме, и по содержанию был закрытой расправой. Обвиняемому не позволяли аргументированно опровергать сфабрикованную следствием и экспертизой клевету. Адвокату не давали возможности знакомиться с материалами дела. Как только он пытался заглянуть в тот или иной раздел, этот том дела тут же изымался под предлогом срочной необходимости данного материала для судебных заседателей.

Факты и показания свидетелей, лежащие в основе обвинения, не проверялись в ходе заседаний и искажались, меняя смысл на противоположный.

О суде отец Павел вспоминал:

«Обвинение изложило состав преступлений. Судья приступила к допросу обвиняемого. Она предъявляла инкриминированные документы и спрашивала о моем отношении к ним. Это были изъятые у меня при обыске бумаги. Письмо А.И. Солженицына к 4-му съезду советских писателей я цитировал наизусть. Расспрашивала меня об отношении к „Письму московских священников о Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана“.

— В письме говорится, что советская власть закрывала храмы и духовные семинарии. Вы разделяете этот взгляд авторов?

— В 1959 году я окончил Киевскую духовную семинарию. Сейчас семинария закрыта.

— Секретарь, запишите: подсудимый разделяет взгляды московских священников.

В таком духе проходили диалоги. Суд рассмотрел результаты филологической экспертизы.

установившей, что подсудимый писал статьи, стихи и другие документы, в которых „неправильно изображал жизнь советских людей“. Суд пришел к выводу, что подсудимый „опорочил советских поэтов необоснованной клеветой на советский общественный и государственный строй“. // Адвокат объяснял судье, что клевета является правовым понятием, и заключение о клевете должен выносить суд, а не экспертиза. Судья не слышала. В перерыве я остался наедине с конвоем и молодой солдатик спросил: „Слушай, я никак не пойму, за что тебя судят. Ты все правильно говоришь“.

В ходе судебного процесса, по статьям об антисоветской деятельности отца Павла, так же, как и по обвинению в избииении граждан, широко использовались лжесвидетельства. Вот несколько примеров, приведенных в воспоминаниях адвоката Л.А. Юдовича.

«Выслушав с нескрываемым раздражением выступление отца Павла, судья Лобанова вызвала в зал заседания эксперта Кислову О.П. Ей задали традиционный в таких случаях вопрос о том, готова ли она подтвердить в суде выводы экспертизы, данные на предварительном следствии. Вместо ответа Кислова достала текст экспертного заключения и стала монотонно читать его.

Минут через пятнадцать Лобанова обратилась к ней:

— Товарищ эксперт, суд и участники процесса знакомы с письменным заключением. Оглашать его нет надобности. Вы просто скажите, подтверждаете ли вы заключение в суде или нет?

Кислова отложила в сторону бумаги и заявила, что она полностью подтверждает заключение, так как литература, обнаруженная у Адельгейма, идеологически вредная, клеветническая, не советская и наносит удар по коммунистической идеологии. Довольная собою и своими ответами и, думая, что сыграв свою роль, она может уже не беспокоиться, Кислова села рядом с прокурором. Лобанова выжидающе посмотрела на меня. Мне казалось, что я догадался, о чем она думает: посмею ли я задать вопросы эксперту, который уже сформировал и публично высказал свое мнение. Ведь еще никому не удавалось заставить эксперта отступить от заключения, данного на следствии. Поэтому среди адвокатов бытовало убеждение, что такого эксперта лучше не допрашивать, так как он может усугубить и без того тяжелое положение обвиняемого. Но абсурдность и бездоказательность суждений экспертизы были для меня настолько очевидны, что я решил допросить эксперта Кислову.

— Ваше образование, специальность и стаж работы по специальности?

— Я окончила философский факультет университета более десяти лет назад. Сейчас работаю ассистентом кафедры марксизма и заканчиваю кандидатскую диссертацию, - произнесла она все это важно и внушительно.

— Читали ли вы литературу, изъятую у Адельгейма?

— Конечно, что за вопрос!

— Какова идея поэмы „Реквием“ Анны Ахматовой, когда и где она была впервые опубликована?

— Я не знаю.

— Знаете ли вы взгляды литературной критики на стихи Волошина и Иванова?

— Я не специалист в области литературы.

— Являются ли записи Адельгейма на листе дела 24 выпиской из энциклик Папы Римского?

— Я не сумею ответить на ваш вопрос, так как энциклик Папы Римского не видела и не читала. Это не входило в мою задачу как эксперта.

Некомпетентность эксперта взволновала судью. Прервав меня, судья бросила Кисловой спасительный вопрос:

— А среди экспертов были специалисты, которые могли бы оценить документы Адельгейма?

Ухватившись за вопрос, Кислова бойко затараторила:

— В составе экспертов были заслуженные, квалифицированные специалисты, ученые, которые пришли к выводу, что литература у Адельгейма идеологически вредная и что в ней есть клевета на советский государственный строй и общество. Я с ними полностью согласна.

Когда она закончила свою тираду, я спросил:

— А вы лично какие материалы экспертировали?

— Я давала заключение по всем материалам с точки зрения соответствия их марксистской философии.

— Прошу вас ответить, какова центральная идея статьи „О евреях и неохилиастах“, и есть ли связь между этой идеей произведения и современностью?

— Эта работа религиозно-философская. Но какова идея этой работы, я не знаю.

— Изображается ли в этой статье советский общественный строй, и в каких конкретно местах этой статьи содержится клевета?

Кислова не задумываясь ответила:

— Не знаю.

Такой неприкрытой безграмотности не ожидал ни суд, ни прокурор, ни я. Обычно эксперты что-то говорят, уваливают от ответа, отделяясь общими фразами, или ссылаясь на то, что ответ на вопрос дан в письменном заключении. Видимо, Кислова было недостаточно опытной, чтобы во время допроса скрыть свою безграмотность, а это на гласном процессе вызывало недоверие к экспертному заключению всей комиссии.

Неожиданно судья объявила перерыв. Прокурор демонстративно отодвинулась от Кисловой и, шумно поднявшись с места, вышла. Не преминула продемонстрировать свое неудовольствие и судья. В то время как Кислова заискивающе смотрела на Лобанову и пыталась поймать ее взгляд, судья сделала вид, что не замечает ее. Из зала вышли все участники процесса, и только эксперт осталась сидеть за своим столом одинокая, раздавленная чувством вины за неумело исполненную роль. Минут через десять в зал вошла секретарь судебного заседания и попросила Кислову зайти в кабинет судьи. Догадаться, что означало это приглашение, было нетрудно: в кабинете будет происходить сговор между судьей и экспертом, в результате которого эксперт исправит свои ответы. Я решил убедиться, прав ли я в догадке. Выждав минут десять, я поднялся на второй этаж и без стука открыл дверь кабинета.

Кроме судьи, в кабинете находились прокурор и следователь КГБ Витенков, который, как провинившуюся ученицу, отчитывал стоящую перед ним Кислову. Глаза ее были полны слез и ужаса.

При моем появлении произошло замешательство. Витенков замолчал на полуслове, а Лобанова раздраженно и нелюбезно спросила:

— Что вам надо?

— Я прошу разрешение на свидание с Адельгеймом.

— Скажите начальнику конвоя, пусть он подойдет ко мне, свидание я разрешаю. Но учтите, что перерыв скоро закончится, и мы будем продолжать.

Перерыв закончился через час. И все это время Кислова была в кабинете судьи.

Когда процесс возобновился, судья вернулась к допросу Кисловой и спросила:

— Отвечая на вопросы защиты, вы сказали, что не знаете, в каких конкретно местах содержится клевета на советский общественный и государственный строй в статье „О евреях и неохилистах“. Вместе с тем, в экспертизе, подписанной также и вами, указывается, что идеей этой статьи является мысль автора о том, что „борьба за мир в международном масштабе не должна быть обязанностью христиан“. Вы подтверждаете в этой части экспертизу?

Кислова быстро ответила:

— Подтверждаю!

— А в целом вы выводы по экспертизе подтверждаете?

— Подтверждаю! - повторила Кислова, и допрос эксперта закончился.

Далее следовали допросы свидетелей „антисоветских высказываний“ отца Павла.

— Пусть войдет следующий свидетель, - приказала Лобанова.

В зал вошел темнолицый, с гладкими черными волосами узбек и остановился у двери.

— Пройдите на трибуну, - судья жестом указала, куда свидетель должен встать.

Оглядываясь по сторонам, свидетель подошел к трибуне.

— Ваша фамилия.

— Пулатов.

— Свидетель, вы предупреждаетесь о том, что должны давать правдивые показания. Отказ от дачи или дача заведомо ложных показаний влекут за собой уголовную ответственность, - привычно произнесла судья. - Вам ясно?

Пулатов кивнул головой.

— Подойдите к секретарю и распишитесь о том, что вы предупреждены.

Пока Пулатов расписывался в протоколе, Лобанова открыла листы дела с его показаниями следователю.

— Что вы можете показать суду?

— Я могу подтвердить показания, которые у вас записаны. Вот этот человек говорил мне, что марксизм не нужен, а марксистская материалистическая диалектика - чепуха.

— Какой человек говорил? - как бы не понимая, спросила судья.

— Вот этот, - Пулатов рукой указал на Адельгейма.

В допрос включилась прокурор.

— А как он еще называл марксизм?

— Он называл марксизм „ненужной шелухой“.

— Так прямо и сказал: „Марксизм - ненужная шелуха“? - разыгрывая возмущение и недоверие, переспросила прокурор.

— Он назвал марксизм „ненужной шелухой“, - привычно повторил Пулатов.

— Суду показания свидетеля ясны, - заявила Лобанова. - А другие вопросы к свидетелю есть?

— У защиты есть вопросы.

Пулатов повернулся лицом ко мне, глаза его забегали, он напрягся, попытался скрыть беспокойство.

— Являетесь ли вы родственником следователю Пулатову?

— Нет, мы однофамильцы.

— Давно ли вы знаете Адельгейма, часто ли с ним встречались?

— Я знаю его мало. Мы встречались с ним один-два раза.

— В каком году?

— В 1965-м, наверное, а, может, и раньше, точно не помню.

— На следствии вы назвали 1962 год. Какие из ваших показаний являются правильными, и когда вы познакомились с Адельгеймом: в 1962 или 1965 году?

Лобанова не преминула вмешаться.

— Ну, какое это имеет значение, товарищ адвокат? Свидетель мог год знакомства забыть, ведь времени прошло много.

Ободренный поддержкой судьи, Пулатов с издевкой посмотрел мне в глаза и лениво произнес:

— Может, и в 1962 году, точно не помню.

— Ну, вот видите, я же вам говорила, что свидетель не помнит, - злорадствовала судья.

Не обращая внимания на издевку свидетеля и злорадство судьи, я продолжал допрос:

— Вы дружны с Адельгеймом? Встречались ли вы с ним после 1962 года?

Кажется, не встречался.

— Что побудило вас встретиться с Адельгеймом в 1962 году?

Пулатов, желая выиграть время для обдумывания ответа, не поворачиваясь ко мне, сказал:

— Я не понимаю вопроса.

— Хорошо, я задам его иначе. Какая причина побудила вас встретиться с Адельгеймом? Вам понятен вопрос?

— Причина, причина. При чем тут причина? Случайно мы с ним встретились. Случайно, понимаете?

— Согласимся, что вы встретились случайно. Какие вопросы вы обсуждали во время этой случайной встречи?

— Вопросы? - переспросил Пулатов. - Вопросы всякие обсуждали. Я же сказал, что говорили о марксизме.

— Какие другие вопросы или темы, кроме марксизма, обсуждал с вами Адельгейм?

— Не помню, времени много прошло.

— Как вам удалось запомнить и восемь лет держать в памяти случайные слова случайного знакомого о марксизме?

— О марксизме слова Адельгейма я запомнил, а остальное забыл.

Пулатов отвечал не очень уверенно. Чувствуя неубедительность своих ответов, он начал волноваться, переминался с ноги на ногу. Крупные капли пота выступили на лбу. Чувствовалось, что он мучительно ищет, но не может найти более убедительные ответы. По его поведению в суде можно было предположить, что он не в первый раз свидетельствует перед судом, и поэтому я задал ему вопрос о том, где он работает. Лобанова мой вопрос сняла, добавив, что свидетель от моего интенсивного

допроса устал. Однако мне нужно было доказать главное: что Пулатов — лжесвидетель. Поэтому я продолжал:

— Где произошла встреча между вами и Адельгеймом в 1962 году?

— В Ташкенте.

— Где? В каком месте Ташкента?

К этому вопросу свидетель оказался неподготовленным. Он посмотрел на прокурора, на суд, потом, опустив голову, замолчал. Молчание затягивалось, и мой вопрос оставался без ответа. На этом можно было бы прекратить допрос Пулатова. Мне показалось, что лживость его показаний очевидна. Но Пулатов прервал молчание и повернувшись ко мне сказал:

— Вспомнил, я вспомнил! Я разговаривал с ним во дворе его дома. Потом он пригласил меня к себе в дом.

— Назовите суду адрес дома, где вы встретились с Адельгеймом.

Пулатов не задумываясь выпалил:

— Ташкент, улица Буденного, дом 62.

Для проверки показаний Пулатова я задал вопрос Адельгейму.

— Павел Анатольевич, встречались ли вы со свидетелем Пулатовым во дворе дома 62 по улице Буденного в 1962 году?

Адельгейм поднялся и бросил, как плевок, в лицо Пулатову:

— Лжец!

Лобанова взвилась:

— Суд не позволит вам оскорблять свидетеля. Я призываю вас к порядку.

Успокоившись, Павел Анатольевич продолжал:

— В 1962 году по улице Буденного в доме №62 я не жил. Со свидетелем я не встречался ни в 1962-м, ни в последующие годы.

Пулатов втянул голову в плечи, выглядел неуверенно, но слушал показания Адельгейма внимательно, обдумывал свою реакцию и ответы на возможные вопросы. Я решил продолжить его допрос.

— Свидетель Пулатов, опишите расположение комнат в квартире дома 62 по улице Буденного.

— Я не помню расположения комнат.

— Есть ли в квартире прихожая, коридор, и в какой из комнат вы разговаривали с подсудимым?

— Я не помню.

— Помните ли вы, на чем сидели: на диване, на кресле или стульях?

— Не помню.

— Но то, что разговор был во дворе, а потом в квартире дома №62 по улице Буденного вы точно помните?

Лобанова в очередной раз прервала меня.

— Вопрос снимается, так как свидетель уже ответил, что он адрес дома, где встречался с Адельгеймом, не помнит.

Я возражать не стал, так как решил ходатайствовать об истребовании из милиции официального документа, опровергающего показания Пулатова, и поэтому заявил:

— Прошу запросить районное отделение милиции о том, проживал ли и был ли прописан по улице Буденного, дом №62 Адельгейм Павел Анатольевич.

Истребование и приобщение к делу этого документа должно было полностью уличить Пулатова в лжесвидетельстве. Судья выслушала мое ходатайство и тут же объявила, что суд может оценить достоверность показаний свидетеля без истребования документов, а поэтому ходатайство защиты отклоняется. Такое определение суда можно было истолковать двояко: и как то, что суду очевидна лживость свидетельских показаний и поэтому истребовать документ излишне, и как нежелание суда официальным документом дискредитировать свидетеля.

Обдумывая отказ суда истребовать документ, я решил, что он вызван заботой о том, чтобы всеми силами сохранить свидетеля обвинения. Поэтому я решил продолжать допрос и задать дополнительные вопросы Адельгейму.

Павел Анатольевич начал отвечать спокойно, но вскоре разволновался и перестал выбирать слова.

— С Пулатовым я никогда не встречался. Но фамилия его мне знакома. В 1962 году он писал на меня донос уполномоченному Иванову, и я по его доносу давал объяснение. Пулатов, Гребцов и Погорелов — одна компания доносчиков и клеветников. С помощью этой компании со мной пытались разделаться еще в 1962 году. Тогда возведенные обвинения не подтвердились. Сегодня, спустя восемь лет, тех же лжесвидетелей используют по тому же липовому обвинению. Я вообще не понимаю, для чего обвинению нужен был этот свидетель и что с его помощью пытаются доказать? Ни для кого не является секретом, что я священник и, следовательно, человек верующий, само собой разумеется, не материалист и не марксист...

Прокурор перебила Адельгейма и на свой лад стала интерпретировать его слова.

— Значит, вы не верите в материализм и в марксизм. Таким образом, ваши показания объективно подтверждают показания свидетеля Пулатова. Почему же вы их отрицаете и говорите, что свидетель показывает неправду?

— Свидетель лжет. Я повторяю, что я с ним вообще не встречался. Но я не отрицаю того, что я не материалист. Разве мое неверие в материализм и марксизм - это уголовное преступление, гражданин прокурор?

Лобанова тут же сделала замечание Павлу Анатольевичу:

— Подсудимый, прокурору вопросы задавать нельзя, не положено. Вам ясно?

— Но кто же тогда мне ответит, является ли уголовным преступлением мое неверие в марксизм и материализм? Ведь обвиняет меня прокурор. Кому же мне еще задать этот вопрос?

Прокурор поддержала судью:

— Задавать вопросы вы можете свидетелям, эксперту, а мне нельзя, по закону нельзя. Отвечайте-ка лучше на следующий вопрос. Отказывались ли вы, обучаясь в семинарии, исполнять гимн Советского Союза и песню „Коммунистической партии хвала“?

— В семинарии я действительно пел наряду с другими в хоре. Как участник хора, я пел все, что пел хор. Не помню, исполнял ли хор песню „Коммунистической партии хвала“. Но если бы я и отказался петь эту песню, преступление ли это, гражданин прокурор?

— Разъясняешь вам, разъясняешь, а вы опять за свое! Сколько раз мне нужно повторять, что прокурору вопросы не задают! - Лобанова всем своим видом пыталась показать возмущение и досаду непонятливостью Адельгейма.

Павел Анатольевич не выдержал:

— Суду вопросы задавать нельзя, прокурору нельзя. А обвинить меня, используя клеветников, можно? Обвинять в том, что преступлением не является, можно?

Лобанова от злости побагровела и голосом, срывающимся на крик, бросила в лицо Павлу Анатольевичу:

— Подсудимый Адельгейм, ваши права подсудимого вы используете для агитации. Мы вам не позволим.

И вдруг неожиданно, как кухарка, закончила: - Ишь, умный какой нашелся!

Но, тут же спохватившись, взяла себя в руки и громко скомандовала:

— Садитесь, Адельгейм! Садитесь!».

Таких лжесвидетелей, как Пулатов, следователи обычно вербовали из мелких уголовников, арестованных за совершение незначительных преступлений. Как правило, им доверительно обещали прекращение уголовного дела и свободу за оказание услуг следствию. Услуги эти представлялись как борьба за «справедливость» - воздаяние возмездия опасному преступнику, который может хитростью уйти от наказания. Активно используя лжесвидетелей и лжеэкспертов, суд, без всяких на то оснований, отказывался вызвать свидетелей защиты.

В заключение судебного процесса свое мнение должны были высказать стороны обвинения и защиты. Сначала Лобанова предоставила слово помощнику прокурора г. Ташкента Шевченко. Она поднялась и, выдержав паузу, начала:

— Граждане судьи, дело, которое вы рассматриваете, представляет для всех нас огромный политический интерес. Оно является доказательством того известного положения, что, отступив от единственно верного научного мировоззрения, каким является марксизм-ленинизм, и встав на путь обмана и религии, человек логикой нашей жизни становится уголовным преступником. Чего не хватало подсудимому Адельгейму? У него было все! Когда он остался сиротой, советская власть не бросила его. Окруженный заботой, он жил в детском доме. Он получил образование и мог, как все советские люди, стать специалистом, получить специальность и шагать вместе с нами в одном строю строителей коммунизма. Но честный труд его не устраивал. Он предпочел избрать другой путь - путь легкого обогащения. Он стал священником. Что может толкнуть молодого человека на путь религии в наш век? В школе он изучал естественные науки. Космические достижения наших ученых должны были убедить всех, что бога нет. Значит, на путь религии его толкнула не искренняя вера в бога, а нежелание трудиться и честным трудом зарабатывать свой хлеб. Вот истинные причины, по которым он стал священником. Стремясь завоевать авторитет у верующих, он притворялся добрым и святым. Надев на себя маску святоши, он посягнул на права молодежи. Приобщая их к религии, он готовил им страшную участь: он хотел ограничить их мир церковными сказками и богослужениями. Когда же он встретил сопротивление, то для достижения своих целей Адельгейм применил насилие. Он систематически избивал Шкурёнок Таню, ее брата и Галю Шамсутдинову.

О новых показаниях Татьяны Шкурёнок, о возражениях подсудимого Адельгейма, обо всех нелепостях обвинения, лжесвидетельстве и фальсификации доказательств Шевченко не сказала ни слова, но и о доказательствах, подтверждающих обвинение, она также говорила мало, изложив их в точности так, как они были представлены следствием. Политическая оценка в обвинении заменила ей юридический анализ обвинения.

«Свою речь прокурор Шевченко закончила тем, что просила суд признать Адельгейма виновным во всех предъявленных ему преступлениях и наказать его пятью годами заключения в исправительно-трудовом лагере общего режима. Потом, оторвавшись от бумаг и повернувшись лицом к суду, она добавила:

— Государственное обвинение убеждено, что ваш обвинительный приговор будет встречен с одобрением общественностью, а суровость наказания послужит предупреждением тем, кто наслушался чужих голосов, начитался враждебной литературы и мешает нам строить светлое здание коммунизма».

Выступавший следующим общественный обвинитель от имени прогрессивной общественности заявил, что считает требование прокурора о мере наказания вполне справедливым. По чудовищной логике этого суда обвинение первично, приоритетно и незыблемо. Если факты, вскрытые на процессе, противоречат обвинению, то тем хуже для фактов.

Пришло время для оглашения своих доводов стороной защиты. Это выступление в Ташкентском суде Л.А. Юдович вспоминал так:

«Я попытался на время забыть, что процесс Адельгейма — политическая инсценировка и что Адельгейм будет осужден. Я готовился к речи серьезно. В судах я выступал без малого тридцать лет и каждый раз, готовясь к выступлению, я волновался, переживал, вспоминая показания свидетелей и обвиняемых, анализировал, искал убедительные аргументы и надеялся на чудо. Чуда не было, но без надежды работать я не мог.

Соответственно с советской теорией доказательств, практикой и законом ни одно доказательство не имеет для суда преимуществ, предустановленной силы. Суд должен оценивать доказательства, т.е. показания обвиняемых, свидетелей, экспертов, документы и вещественные доказательства „по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием“. Такое предписание закона дает возможность суду любое доказательство невиновности признать противоречащим обвинению, ссылаясь на свое понимание его.

Поэтому я решил основное внимание уделить бесспорной юридической проблеме, а не анализу доказательств. Адельгейма обвиняли, придав закону обратную силу. Для непосвященных напомним, что: „преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время этого деяния. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или устанавливающий наказание, обратной силы не имеет...“.

Я надеялся, что этот закон нельзя будет толковать иначе, что он серьезное препятствие для произвола КГБ и суда. Ведь большинство эпизодов обвинения Адельгейма относились к 1957-1965 годам, а статья 190 Уголовного кодекса Узбекской ССР была введена в действие только в 1966 году. // В деле Адельгейма такого указа не было, и обратную силу статье 190 Уголовного кодекса Узбекской ССР придало КГБ. Доказать это было просто. Время введения в действие этой статьи было указано в законе, а даты большинства эпизодов были указаны следствием. Изложив эти доводы суду, я закончил эту часть речи выводом о том, что „вне зависимости от доказанности действий Адельгейма, имевших место до 1966 года, обвинение его в клевете на советский государственный или общественный строй незаконно“.

Я старался придать своей речи спокойный академический тон. Я исследовал юридическую проблему, а не партийно-государственную политику и поэтому мог говорить то, что думал:

- Правосудие может существовать только при том неременном условии, что действующие законы обязательны не только для граждан, но и для органов прокуратуры. Защитить закон от нарушений - обязанность должностных лиц суда.

Я посмотрел на суд. Народные заседатели слушали меня внимательно. Лобанова же явно не слушала, погрузившись с головой в тома.

По закону прокурор и защитник равны в своих правах. По закону их мнения должны иметь для суда одинаковый вес. Но в действительности прокуратура - всесильна, а адвокат - бесправен. Прокурор

и судья - союзники, проводящие в жизнь карательную политику государства. Адвокат же, по их мнению, только мешает им.

Поэтому роль и авторитет адвоката в суде ничтожны. Адвокатуру просто терпят, как демократическую ширму, за которой государство проводит нужную ему карательную политику. Адвоката в суде терпят для того, чтобы судебная расправа была прикрыта демократическим „правом подсудимого на защиту“.

Этим объясняется, что Лобанова не слушала меня. Но я продолжал излагать свои выводы. Я защищал Адельгейма, и был обязан высказать все то, что я думал. В этом был мой долг. Я просил суд оправдать Павла Анатольевича по всем предъявленным ему обвинениям, кроме обвинения в хранении холодного оружия. Несмотря на то, что сабля принадлежала деду, была памятью о нем, она подлежала регистрации в органах милиции. Преступление это было формальным, а мера наказания - небольшой.

Литература, хранившаяся у Адельгейма и изъятая следствием, рассматривалась прокурором как серьезная улика, доказывающая его вину. Поэтому я подробно аргументировал тезис, что хранение литературы, независимо от содержания, не является по закону преступлением, а факта распространения литературы следствие не доказало. Эту часть речи Лобанова, видимо, также не слушала.

Тезис защиты о том, что обвинение Адельгейма в избиении Тани основано на фальсифицированных доказательствах, привлек внимание судьи. Мои утверждения о провокации и фальсификации доказательств ей не понравились. Перебив меня, Лобанова спросила:

— Если по вашему мнению это обвинение Адельгейма - провокация, то кто ее устроил?

— О людях, которые стояли за спиной тех, кто проводил эту провокацию, я могу только предполагать. Заявить о своих предположениях меня заставляет мой долг адвоката. Думаю, ответ на ваш вопрос дали показания Тани Шкурёнок: „Заявление диктовала Соловьева из завкома, которая сказала: „Напишешь заявление - на следующий день получишь общежитие“. Потом заявление на отца Павла заставлял писать следователь Атабеков“.

Я посмотрел на Лобанову. Под маской равнодушия она скрывала недовольство. Невзирая на ее реакцию, я продолжал:

- Фамилию Атабекова назвала Таня. Дополнительную характеристику его провокационным действиям, нарушающим закон, дала свидетель Тарасова. Следователь дважды не составлял протокол ее допроса потому, что она говорила неугодную следствию правду. Я думаю, что суд помнит эти показания. Если же они забыты, я могу их процитировать.

Я встретился взглядом с Лобановой и преднамеренно молчал.

— Продолжайте вашу речь, товарищ адвокат.

Больше до конца речи она меня не перебивала. Во время перерыва Адельгейм поблагодарил меня за речь. У него моя речь породила надежду. Я же, выговорившись, окончательно ее потерял».

Расправа над отцом Павлом осуществлялась не только в зале суда. Главный печатный орган властей Узбекистана - газета «Правда Востока» - опубликовала две клеветнические статьи, характеризующие настоятеля Каганского храма как лицемера и жестокого садиста, идейного растлителя несовершеннолетних детей. Так, в статье «Из жития „святого“ Павла», написанной журналистом В. Ефимовым и опубликованной в газете 12 июля 1970 года, сообщалось, что Павел Адельгейм с детства был «парнем эгоистичным, с сердцем холодным, чуждым благим порывам». В церковь он пришел, чтобы жить в свое удовольствие, что он, как талантливый актер, «надел маску - маску глубоко верующего человека», а на самом деле был «уродом», «дрянной овцой» и «грязным человеком».

Поразительно, как этот газетный текст, опубликованный задолго до окончания суда, почти дословно совпадает с обвинительной речью прокурора. Интересным является еще и вопрос о том, на каком основании автор делал выводы об ужасном социальном вреде, происходящим от бесед и проповедей Каганского священника? Следует предположить, что он был хорошо знаком с церковной деятельностью и проповедническим творчеством отца Павла. Но откуда такая осведомленность? Ведь в церковь товарищ Ефимов не ходил и проповедей и бесед священника не слышал. Об этом он сам однозначно сообщает в своей статье: «Мы не присутствовали при этих беседах, но об их содержании можем судить по сохранившемуся тексту проповеди отца Павла, произнесенной как-то в канун первого сентября».

Где же автор мог ознакомиться с текстами проповедей и бесед П.А. Адельгейма? По свидетельству Л.А. Юдовича:

«Проповеди, на которую ссылается автор, в материалах уголовного дела не было. Текст проповеди мог находиться только среди секретных донесений агентуры КГБ. К подобного рода информации допускаются, как правило, свои, проверенные „литераторы в штатском“.

Первое сентября — день начала занятий во всех школах Советского Союза. В канун первого сентября отец Павел произносил проповедь, которую пришли слушать родители и ученики. Затесавшись в толпу прихожан, агент КГБ записал текст проповеди и передал ее в оперативный отдел КГБ, в папку оперативно-агентурной разработки Адельгейма. С этой записью и ознакомили автора статьи В. Ефимова (или кого-то другого, укрывшегося под псевдонимом). В частности, он выписал слова Павла Анатольевича: „Огромная область познания изъята из школьной программы — познание о Творце мира и человеке-Боге. Отчего? Говорят, что это — знания маловажные и необязательные. Так могут говорить люди невежественные или лукавые“.

Таким образом, следует предположить наличие прямой связи автора с оперативными службами госбезопасности. Более того, из этого газетного текста следует и то, что: „фальсифицированное следствием обвинение будет в первоизданном виде воспринято судом и именем республики и закона объявлено истиной“.

Идейно выдержанный товарищ В. Ефимов поведал общественности душераздирающую историю Тани Шкурёнок и Гали Шамсутдиновой. Еще служа дьяконом в Ташкенте, отец Павел взялся опекать материально нуждающуюся и социально неблагополучную семью Шкурёнок, которая состояла из верующих бабушки и мамы и двух детей — Тани и Вити. Павел окружил семью заботой и вниманием, дал денег на строительство дома, но, по мнению автора, делал он это не по доброте душевной, а из злого умысла завлечь детей в лоно церкви, опутав их религиозным дурманом. Преследуя свои коварные замыслы, он не останавливался ни перед чем. Об этом свидетельствуют заявления из его уголовного дела, приведенные в статье.

«Из заявления Т. Шкурёнок: „Бабушка и мама веруют в Бога, внушают это мне. Два раза уходила из дома, потому, что приезжал из Кагана знакомый мамы, и они меня сильно били“.

Из заявлений соседей Шкурёнок Н.И.: „В июле приезжал батюшка Павел. Бил он ее (Таню — В.Е.) шлангом, сняв все, даже трусики. 25 ноября снова приезжал и снова бил ее шлангом“.

Корреспондент возмущен до глубины души: «Шестнадцатилетнюю девушку „батюшка Павел“ бьет резиновым шлангом, „сняв все, даже трусики“. Это больше чем жестокость, это садизм». Такая же участь постигла и Галю Шамсутдинову, которую отцу Павлу удалось окрестить и заставить носить крестик. Далее, ссылаясь на показания церковной старосты М.Ф. Втулкиной, В. Ефимов сообщает, что «отец Павел избивает свою жену, мать своих детей».

В том же духе была написана и другая статья «Отец Павел без маски», сочиненная корреспондентами В. Алексеевым и Н. Дмитриевой. Там также говорилось о жестоких избиениях

батушкой Тани и Гали, жены Веры и своего четырехлетнего сына Вани. Но большая часть статьи была посвящена его антисоветской деятельности, распространению клеветы на советское государство. Авторы рисуют яркие картины того, как отец Павел в ночной тишине чутко прислушивается к вражьиим голосам, которые, не переставая, на различных радиоволнах поливают клеветнической грязью Советский Союз. Наслушавшись этой клеветы, он садится за свою пишущую машинку и подолгу стучит — пишет свои диссидентские пасквили для смущения и без того слабых умом, необразованных и одурманенных религиозным бредом верующих людей. В своих записях он открыто поддерживает ярых антисоветчиков — авторов открытого письма Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию священников Г. Якунина и Н. Эшлимана.

Статья написана 26 июля 1970 года, то есть уже после суда и на основании его материалов. При этом авторов не смущало то, что многие из описанных ими фактов были не подтверждены и даже опровергнуты в ходе процесса. Так, Таня Шкурёнок, «несчастливая жертва садистских злодеяний» отца Павла призналась в оговоре священника. Оговор с ее стороны был вынужденным, поскольку ей не давали места в общежитии завода. Суд ее признание рассматривать не стал. Суд также единодушно посчитал, что вина подсудимого П.А. Адельгейма в преступлении, предусмотренном ст. 191-4 УК УзССР полностью доказана материалами дела. Это же мнение суда было позднее подтверждено и судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР:

«Виновность Адельгейма в совершенном преступлении доказана показаниями самого осужденного, допрошенных судом свидетелей, вещественными доказательствами, заключениями экспертиз и другими материалами дела.

Адельгейм, как это видно из материалов дела, систематически занимался распространением в устной и письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. При обыске в доме Адельгейма обнаружено и изъято большое количество его рукописей, машинописные записи религиозно-философской литературы, со статьями зарубежных деятелей, реакционного, идеологически вредного и клеветнического содержания. Эти документы приобщены к делу и подробно указаны в приговоре суда.

По заключению экспертов, эти материалы являются идеологически вредными, так как рассчитаны на возбуждение у читателя (слушателя) отрицательного отношения к коммунистической действительности, а также проповедают отказ от борьбы за мир. Советская действительность изображается в оскорбительно-искаженном виде. В отношении органов советской государственной власти и управления высказываются позорящие их измышления (л.д. 240-243, том 3)».

Суд закончил свою работу в пятницу, 17 июля 1970 года. Об этом заключительном дне судебного процесса Л.А. Юдович вспоминал:

«В пятницу с утра к зданию суда нельзя было пробраться. Вся улица была запружена толпой, ожидающей приговор. Вдоль улицы и во дворе стояли машины конвоя МВД и милиции. Солдаты и милиционеры наблюдали за толпой. Чувствовалось напряженное ожидание развязки. Приговор ожидали днем, но огласили его только к вечеру».

Свой приговор отец Павел выслушал молча и с достоинством.

«Именем Узбекской ССР Ташкентский городской суд 17 июля 1970 года в составе председателя: Лобановой, народных заседателей: Шагиной и Ким, при участии сторон: прокурора Шевченко, адвоката Юдович, общественного обвинителя: Олененко, рассмотрев уголовное дело по обвинению и руководствуясь ст. ст. 291-294 УПК УзССР, приговорил Адельгейма П.А. по ст. 93, ч. 2 УК УзССР подвергнуть к трем годам лишения свободы. По ст. 210, ч. 2 УК УзССР - к одному году лишения свободы, по ст. 191-4 УК УзССР - к трем годам лишения свободы. По совокупности меру наказания определить - три года лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима. Срок

отбытия исчислять с 14.12.1969, меру пресечения оставить прежней - содержание под стражей.

По ст. 147-1, ч. 1 УК УзССР по суду считать оправданным. Мера пресечения [в виде] подписки о невыезде - отменить. Изъятые деньги при обыске в квартире Адельгейма в сумме 5 211 р. 23 коп. обратить в доход государства».

Из воспоминаний Л.А. Юдовича:

«Павла Анатольевича приговорили к трем годам заключения в колонии общего режима. Приговор он встретил спокойно, с горькой усмешкой. Я подошел к нему. Мне нужно было узнать, намерен ли он его обжаловать. Он поблагодарил меня и, видя, что я раздражен и угнетен, нашел в себе силы подбодрить меня:

— Вы сделали все, что могли, большое спасибо! Я все понимаю. На правосудие мне нечего было надеяться.

И тут же, вспомнив текст приговора, оглашенного Лобановой час назад, с возмущением спросил у меня:

— Как же можно так бессовестно перевирать факты, показания свидетелей? Как же можно так нарушать закон? Какой бесстыдный цинизм.

Я дал ему успокоиться, а потом спросил, нужно ли мне обжаловать приговор. Он ответил мне вопросом на вопрос.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Я советую вам обжаловать приговор. Не потому, что я ожидаю справедливости от Верховного Суда, а для того, чтобы до конца использовать законные возможности защиты.

Мы решили, что он подаст жалобу от своего имени из тюрьмы, а я подам жалобу самостоятельную».

Л.А. Юдович смог защитить отца Павла от ряда обвинений. Однако советская судебная система была достаточно сильна в своем беззаконии, и обвинения в клевете на советскую власть остались неизменными.

По завершении процесса, нарушая закон и уголовно-процессуальный кодекс, осужденному не предоставили возможности ознакомиться с протоколом суда. Денежные сбережения семьи, изъятые при обыске, решением суда противозаконно были конфискованы в пользу государства.

Адвокат не мог ничего сделать. Его возмущению происходящим не было границ. Он сказал: «Буду рассказывать в Москве, мне не будут верить! Сам бы не поверил, если б не увидел своими глазами».

Процесс закончился, зал заседаний опустел, осужденного отконвоировали в тюремную камеру. Лев Абрамович вышел на улицу. На душе было прескверно. Вроде он сделал все, что мог в этой ситуации, но чувства раздражения и беспомощности сплелись у него в одно состояние гнетущей безысходности. У выхода из здания суда он встретил прокурора. Она подошла к нему и, опустив глаза, сказала: «Вы знаете, я думаю, что настанет время и Адельгейма реабилитируют! Безобразное дело!».

Произнеся это, она резко развернулась и быстро пошла прочь от здания суда. Ее слова оказались пророческими - в апреле 2006 года Председатель судебной коллегии по уголовным делам Президиума Верховного суда Республики Узбекистан В. Назаров подписал постановление об отмене приговора в отношении Павла Анатольевича Адельгейма и прекращении уголовного дела против него по реабилитирующим основаниям. Это произойдет лишь через долгие 36 лет, а тогда, в июле 1970 года, неправый суд положил начало мести и расправы с христовым пастырем. Впереди Павла ждали 880 мучительно долгих, трудных дней и ночей в тюрьмах, на этапах, пересылках, в лагерях и больницах.

Еще около двух месяцев осужденный провел в Ташкентской тюрьме, ожидая ответа на свои жалобы и кассационные заявления. Перед отправкой к месту заключения ему удалось на краткий миг еще раз увидеться с Верой. Уже будучи на зоне, он вспоминал это их последнее свидание.

*Я пишу тебе, моя родная,
И слова беспомощно просты.
Сыплются, с деревьев облетая,
Солнцем опаленные листья.
У ворот минутное свиданье
Промелькнуло светлою зарницей.
С безысходной горечью прощанья
Вынуждено сердце примириться.
Осень, уронив свои одежды,
Тихо загрустила вместе с нами.
Выткались потухшие надежды
У тебя на платье васильками.*

Павел Адельгейм, осень 1970 г.

7. Этапы, пересылки, лагерь «Бесопан»

За время заключения отцу Павлу пришлось посидеть в трех лагерях. После суда и рассмотрения поданных апелляций заключенного П.А. Адельгейма этапировали в ИТУ (исправительно-трудовое учреждение) под названием «Бесопан».

Этап - наиболее тяжелое время для заключенных. Пересыльные тюрьмы, не рассчитанные на длительное пребывание, как правило, переполнены и лишены каких-либо удобств.

*В духоте на двухъярусных нарах,
В кислом запахе преюющих ног,
Шестьдесят человек усталых
У распутья тюремных дорог.
Пересылка, тебя не забуду:
Пол, захарканый слизью плевков,
Липкой грязи твоих тюфяков.
Ты осталась застывшею грудой
Вандализма минувших веков.
Здесь конец и начало пути.
Всем нам путь этот надо пройти.
Просыпаемся рано от стужи,
Небо словно укрыто рядом,
И осенние черные лужи
Обрамляются первым ледком.
Неживыми глазницами окон,
Словно череп, глядит уборная.
Непричесанный рыжий локон
Свесил тополь под вышкой дозорною.
Из-под крана вода чуть струится
В сток зловонный и позеленелый.
Даже с мылом никак не отмыться
От грязюки, впитавшейся в тело.
Поутру просыпаются зеки,
Зябко ежась от утренней свежести.
Это утро мне в память навеки,
Как колючая проволока, врежется.*

Неизвестно сколько времени этапируемый проведет во временной тюрьме — день, неделю, месяц. Жизнь ограничивается данным моментом бытия, который сменяется другим, столь же безрадостным и безнадежным. Это тоска безвременья дантовского ада.

*Мерный звон. На работу идем,
Не стараясь тоску унять,
Час за часом мы время прядем
В нескончаемо длинную прядь.
Пообедали. Снова работа.
Пусть же славится право на труд.
Ничего, что на завтра кого-то,
Может быть, на этап уведут.
Вот работа закончена в шесть,
И до солнечного восхода
У нас тоже во времени есть,
Что на воле зовется «свобода».
Мы слоняемся взад и вперед
Между нар в полумраке камеры.
Не пойму: то ли время течет,
То ли остановилось и замерло?
Наконец, позвонили ужин,
И под чашек глухой перестук,
Общим голодом алчен и дружен,
Собирается снова наш круг.
Прожит день. Разбредаются люди.
И привычное, как приговор,
Время снова шагами принудит
Измерять опостылевший двор.
Засыпая на грязной подстилке,
Я прошедшего дня не жалею.
Пусть уходит как можно скорее
Из действительности пересылки.
Уходи же, наивная молодость,
Ничего от тебя мне не надо.
Не укроет от зимнего холода
Лунный свет, что ушел за ограду,
Прикорнул и исчез несмело
За еще не пролившейся тучей.
Позолота покрыла державные
Звезды проволоки колючей.
Обожди, я впервые с тобою,
Мы друг друга доселе не знали,
Я не видел тебя такою,
Непричастной к людской печали.
Не гнушайся моей бедою,
Друг далекий и загадочный.
Научи твоему покою
И твоему безразличью.*

Павел Адельгейм, 22 сентября 1970 г.

Лагерь «Бесопан» находился недалеко от города Заравшона Навоинской области Узбекистана. Название местности — Заравшон — переводится как «золотоносная земля». Земля действительно была богата золотоносной рудой, и зеки обслуживали находящийся там золотообогатительный комбинат. Это было огромное здание, протянувшееся на несколько сот метров и высотой в девять этажей, среди пустыни Кызыл-Кум. Колучей проволокой от комбината была отгорожена рабочая зона с центральными ремонтными мастерскими — ЦРМ. Работа в них считалась привилегированной. Туда отбирались квалифицированные специалисты: слесари и сварщики, токари и фрезеровщики. Сварщики зарабатывали до трехсот рублей. Половину отбирало учреждение — за охрану и питание. Другая половина оставалась заключенным, но пользоваться этими деньгами они не могли. Лишь семь рублей из заработка разрешалось потратить на себя в лагерном ларьке, остальные можно было послать семье.

Кроме ЦРМ, в лагере был объект под названием «хвосты». Предназначался он для таких же, как Павел Адельгейм, неквалифицированных заключенных. Здесь хранились содержащиеся в золотоносной руде ценные металлы - вольфрам, молибден и другие. Производство комбината не имело мощностей для их разработки, и потому промытую и очищенную от золота землю спускали по трубам в огромные котлованы до лучших времен. Заключенные занимались завершающим этапом этой работы, называемом «хвостами». День тут проходил однообразно. Утром колонна заключенных приходила к котловану. Конвой оставался наверху, а люди спускались вниз и были предоставлены сами себе. Жгли полиэтиленовые трубы, предназначенные для ирригации. Работы, по серьезному счету, не было, и заработка, соответственно, тоже.

Несмотря на безрадостное пребывание на «хвостах», после следственного изолятора отец Павел чувствовал себя здесь почти свободным человеком. Не было замкнутого пространства и прогулочного двора с небом в клеточку. Можно ходить в туалет, когда хочешь, не спрашивая вертухая. В общем, почти абсолютная свобода в пределах территории, обнесенной колючей проволокой: хочешь — гляди на звезды, хочешь — спи.

Свои впечатления первого дня, проведенного в лагере, он вспоминал так:

«Утром нас построили по пятеркам. Над воротами я увидел коричневую доску, на которой написано черными буквами: „Лица, подлежащие ежедневному обыску“. Первой стояла моя фамилия на букву А. Следом располагались еще 18 фамилий всех лагерных авторитетов.

Для остальных зеков „шмон“ не проводился ежедневно — слишком хлопотно. Но периодически „шмонали“: выгребали „заточки“, „травку“, самогон. Владельцы этого добра легко и без возражений расставались с собственностью.

Лишившись имущества и скота, праведный Иов сказал: „Бог дал, Бог и взял. Будь благословенно имя Господне“. Здесь слова Иова звучали в другом варианте: „Легко пришло, легко ушло. Бери, начальник“.

Первая фамилия вызвала общее недоумение, пролетевшее по пятеркам. Кто? Может, какой „залетный“? Но для обсуждения времени не было. Отворились ворота, и мы вышли на работу — под конвоем, во главе со старшиной. Он был коренастый, плотный, с лицом, ничего не выражавшим. Говорил коротко и внушительно. Запомнился первый инструктаж об основах правосознания: „Даже не думайте права качать. Закон что дышло — куда поверну, туда и вышло. Здесь для вас один закон, вот он!“ — и показал нам свой кулак. А потом добавил доверительно: „Жаловаться тут некому“.

Первый «рабочий» день в котловане на «хвостах» прошел бесцельно и бессмысленно. Вечером заключенных снова построили по пятеркам и погнали обратно в лагерные бараки.

По возвращении «хвостовской бригады» в зону вновь прибывшего заключенного Адельгейма уже поджидали местные урки. После ужина, перед самым отбоем, к нему подошли около десятка

молодых зеков, уточнили фамилию, статью, срок и сказали, что с ним хотят поговорить лагерные паханы. Павла привели в барак, где располагалась криминальные авторитеты.

«В проходе и на двухъярусных нарах набилось человек 12-15 авторитетных воров. Еще прежде расспросов они поняли, что я не принадлежу к их кругу, но охотно слушали мои рассказы, задавали вопросы и приняли решение: „Раз начальники тебя приписали к нам, занимай койку и живи здесь с нами“. Так я вписался в воровскую элиту. Впоследствии мы оказались полезны друг другу».

Отец Павел, начитавшись в СИЗО специальной литературы, был среди других заключенных самым юридически грамотным и, соответственно, мог оказать определенную помощь в написании жалоб, прошений о помиловании или пересмотре приговора. Такая «адвокатская практика» оказалась весьма востребованной и даже давала порой положительные результаты. По ходатайству, написанному отцом Павлом, дело одного из заключенных было пересмотрено и приговор отменен. Человека освободили и отправили домой. Впрочем, даже вне зависимости от реальных результатов, юридическая деятельность отца Павла помогала людям тем, что давала надежду, без которой выжить на зоне почти невозможно.

Кроме «адвокатской практики» отцу Павлу пришлось заниматься организацией досуга своих соседей по нарам. Об этом он вспоминал так: «У меня возникло служение. Жизнь в лагере текла однообразно, телевизора не было, и соседи просили меня рассказывать им истории и сказки. После отбоя я рассказывал, что знал: легенды, стихи, Евангелие, пел песни — они все принимали».

Ну и, конечно, отец Павел и в этих тяжелых условиях не переставал быть священником. Его служением стали индивидуальные беседы с молодежью. Зеки приходили к нему за помощью, советом или для того, чтобы выговориться, как на исповеди. Люди рассказывали ему о доме, родителях, проблемах своей несложившейся жизни. Самым дорогим для него было их доверие — начало любви, отогревающей душу. Вслушиваясь в их скорби и печали, он понимал, что в его жизни все не так уж плохо и следует благодарить Бога за свою судьбу. Его юридическая помощь заключенным, просветительские и исповедальные беседы плюс проживание в бараке среди лагерных авторитетов обеспечивали ему некоторые привилегии. Позднее он делился воспоминаниями об этом лагере: «У меня не воровали. Однажды кто-то унес мешок с моими вещами и книгами. Я рассказал об этом соседям, и к вечеру мешок вернули в целостности и сохранности. Адвокатская практика приносила иногда банку сгущенки, пайку хлеба, кусок мыла».

Лагерные авторитеты относились к нему хорошо. Другие урки, считаясь с мнением паханов, также уважали заключенного священника и часто пользовались его услугами. Основу лагерного контингента составляли так называемые «мужики» Это был взрослый народ, преимущественно шоферы, совершившие аварию с человеческими жертвами. Они были осуждены на большие сроки, а дома, так же, как и отца Павла, их ждали жены и дети. Общность их положения способствовала хорошему взаимопониманию. Особая группа лагерных сидельцев — националы, таджики и узбеки, которые не ладили с урками и «мужиками», но с почтением относились к отцу Павлу в силу своих традиций и воспитания. Уважение к старикам — их национальная черта, а старики учили молодежь уважать русского муллу.

Отцу Павлу приходилось поддерживать отношения и с администрацией лагеря. Поначалу начальники смотрели на него настороженно, не зная, чего ожидать от «антисоветчика», но потом присмотрелись, успокоились и стали относиться достаточно доброжелательно.

Однообразные лагерные дни тянулись медленно. Совершенно бестолковое хождение на «хвосты» длилось больше месяца. Спасением в этой безысходной лагерной реальности была для Павла его невидимая, и тем не менее нерушимая связь с семьей — с детьми и нежно любимой Верой, которую он неизменно поздравлял с ее днем рождения восторженными стихами.

*В день счастливый рождения,
Двадцать третьего ноября,
Шлю тебе поздравления,
Память сердца даря.
Золотых пожеланий
Посылаю венок.
Посреди испытаний
Да хранит тебя Бог!
Встреть свой день без печали,
Как мы прежде встречали:
Пирогом со свечами,
И шампанского плеском,
И торжественным блеском,
И моими стихами,
И веселой игрою,
Словно вместе со мною.
Много ль счастливых дней
Суждено нам с тобой?
Ни о чем не жалею,
Будь довольна судьбой.
Сзови всех друзей,
И спокойной душой
Жизни радости пей,
И бокал свой разбей —
И я буду спокоен душою.*

Павел Адельгейм, 23 ноября 1970 г.

Он очень переживал, что ничем не может помочь семье, которая осталась без средств к существованию. Выходом могла бы стать работа в ЦРМ, но, чтобы попасть туда, нужна была соответствующая квалификация. От своих соседей он слышал, что один вор назвался токарем-карусельщиком. Его вывели и дали ему огромный станок. Там куча кнопок и рычагов, а что с ними делать, он не знал. Погулял один день и вернулся на «хвосты». Зная об этом опыте, отец Павел выяснял у сведущих людей, какую работу он смог бы выполнять. Ему порекомендовали освоить сварочное дело.

Однажды по радио объявили, что в ЦРМ требуются токари, сварщики и слесари по металлоконструкциям. Предварительно расспросив, в чем состоит работа по последней специальности, он подал заявку. Ее приняли, и заключенный Адельгейм стал трудиться в центральных ремонтных мастерских. Работа оказалась несложной, он помогал сварщику и осваивал новую для себя профессию.

В этих мастерских отец Павел сделал блестящую «карьеру», о которой вспоминал так: «*В лагере у меня появился приятель - Клим Тен. Ему дали год за нанесение побоев комсомольскому секретарю института. Он был студентом инженерного факультета. От скуки мы с ним записались в десятый класс и ходили на уроки, правда, нерегулярно. Климу нравилось дразнить учительницу математики. Он хорошо разбирался в алгебре и анализе и ставил ее своими вопросами в тупик.*

Работая на ЦРМ, я ходил в конструкторское бюро и рассказал об инженерной подготовке Клим. Его вывели на ЦРМ чертежником. Немного поработав, Клим предложил меня в конструкторское бюро на должность архивариуса. Никогда я не имел дела с техникой. Не понимал что такое „втудка“. Мне поручили несколько шкафов с чертежами всего оборудования ЦРМ: насосы разных систем, гравитационные столы и другие машины. В каждой папке находился общий вид и детализовка. Надо было найти нужную папку, по общему виду разыскать чертеж поврежденной детали, отсинить его в копировальной машине при помощи аммиака и выдать в работу. Для специалиста работа несложная. Для меня было непросто разобраться в чертежах, но очень хотелось - и получилось.

Процесс моего инженерного образования пошел дальше. Освободились по сроку копировщицы. Кадров не хватало, и меня усадили за чертежную доску. Помимо архивной работы, копировал чертежи. Потом закончились сроки у чертежников, и пришлось заменять их. Кульминацией стало увольнение главного инженера. На меня возложили его обязанности. Я должен был вычертить поврежденную деталь, расставить все допуски и чистоту обработки, последовательность технологического процесса и сдать в работу. Надо думать, что мои детали работали, иначе бы меня выгнали после первого чертежа. Это фантастика! Технически неграмотный „специалист“ выполняет обязанности главного инженера на золотопромышленном комбинате! В это трудно поверить. Правда, можно было просить помощи у главного технолога, который, слава Богу, имел инженерное образование. Так я приобретал технические навыки. Заработать много не получалось. За три месяца отправил семье 200 рублей. Зато у меня был свой кабинет на зависть всей бригаде. Когда заканчивался рабочий день, бригада собиралась у меня в ожидании развода».

Свои впечатления о пребывании в этом лагере отец Павел выразил в стихах:

Идут неспешно дни,
За годом год минует,
Все так же фонари
Над зоной мрак целуют.
Все тот же зоркий глаз
Из стали вороненой
Оберегает нас
Ревниво, как влюбленный
Встречает вечер строй
Холодными руками.
Блестит во тьме конвой
Примкнутыми штыками.
Безжизненная степь
Простерлась вдаль.
Мертва
Иссохшая, как крепь,
Сожженная трава
Надолго сохранит,
Зарубцевавшись, рана
Унылый колорит
И ветры «Бесопана».
А где-то в том краю,
Откуда солнце светит,
Что в сердце я храню
Верней всего на свете
Затих веселый смех.
И видят дали эти
С серьезностью больших
Оставленные дети.
Пришел и их черед,
Как некогда и мне,
Остаться без отца
В далекой стороне
Как будто прадед, дед,
Отец и даже внуки
Хранят в семье завет
Неволи и разлуки.
И избавленья нет.

Павел Адельгейм, 1971 г.

В этом лагере отец Павел провел год. С учетом его заключения в СИЗО КГБ это составило более половины срока. Потом лагерь расформировали, а контингент распределили по другим исправительно-трудовым учреждениям. Заключенного Адельгейма отправили во вновь организованный лагерь в поселке «Кызыл-Тепа» Бухарской области Узбекской ССР.

8. Жестокая зона «Кызыл-Тепа»

Поначалу лагерь «Кызыл-Тепа» не показался отцу Павлу чем-то особенным. Контингент заключенных такой же, как в «Бесопане», требования администрации вполне умеренны и относительно разумны (в пределах разумности системы ГУЛАГа). Вскоре после прибытия в этот лагерь отец Павел даже получил свидание с женой.

*Небо вымыто дождиком до синь,
Вот вечерние тени легли.
Серый плащ, словно поздняя осень,
Обнял серые плечи твои.
Обрамленные белым платком,
Пряди темные кротко лежат.
Ни одним огневым завитком
Не нарушен твой строгий наряд.
Ты прижалась ко мне всем телом,
Словно мог я тебя защитить
От всего, что уже претерпела,
Что еще предстоит пережить.
Я гляжу в дорогое лицо,
И душа моя рвется на части.
Обручальное наше кольцо —
Вот и все, что осталось от счастья.
Терпеливо и стойко, как дуб,
Все снесешь, золотая осинка.
Чуть заметно от дрогнувших губ
По щеке пробежала морщинка.*

Павел Адельгейм, 2 ноября 1971 г.

Оставалось отсидеть меньше половины срока. Рабочая зона лагеря представляла собой завод по производству строительных материалов. Отец Павел освоил к тому времени профессию сварщика и надеялся заработать деньги для семьи. Ожидалась вполне сносная, нормальная жизнь заключенного. Но такое положение продолжалось недолго. Вскоре в это ИТУ был назначен новый начальник капитан

Карпов — человек весьма своеобразный, с которым у заключенного Адельгейма почти сразу возникли очень сложные взаимоотношения. С одной стороны, капитан производил впечатление человека интеллигентного, и поначалу даже вызывал симпатию, но, с другой — он всю жизнь проработал в госбезопасности и совершенно не разделял взглядов отца Павла на жизненные устои. По своей натуре новый начальник был человеком жестким и даже жестоким. Позднее отец Павел, описывая его внешность, говорил так: это был типичный ариец — светловолосый, с серо-голубыми глазами, холодным стальным взглядом, подтянутый, стройный, в до блеска начищенных сапогах, стянутый ремнями и портупеей. Одним словом — эсэсовец. Карпов решил создать образцовую зону - сломать хребет лагерным авторитетам и установить диктатуру администрации.

Первым мероприятием вновь прибывшего начальника было знакомство с подопечным ему контингентом. Для этого всех заключенных согнали в большой зал лагерного клуба. Капитан Карпов посмотрел своим стальным взглядом поверх голов и в достаточно жесткой форме объяснил им суть нового порядка, устанавливаемого им в ИТУ. Дневные нормы на работах увеличиваются, свидания с родственниками отменяются и контроль за соблюдением режима ужесточается.

Позднее отец Павел опишет этот «новый порядок» в стихах:

*За заборами,
За запорами,
За собачьими злыми сворами.
Погребенные,
Прокаженные,
До костей, до души обнаженные.
Дни и ночи
Мы волочим,
Словно цепи. Нету мочи.
Ни просвета,
Ни привета:
Смерти нет и жизни нету.*

Павел Адельгейм, 25 июля 1972 г.

Жизнь заключенных, и без того тяжелая, стала совсем невыносимой. Они были лишены не только свиданий с родственниками — родителями, женами и детьми, но и ограничены в переписке. Почта на зоне доходила до адресатов крайне редко. Однажды, убирая помещения во время своего дежурства, Павел нашел огромную пачку писем, спрятанную за батареями. Он сообщил всем о своей находке и раздал письма зекам. Карпов был в бешенстве: Адельгейм — «насквозь протухший антисоветчик» — поднимает лагерь против начальства, к нему следует применять особые меры воздействия.

Было у отца Павла и еще одно тяжелое столкновение с администрацией ИТУ. Карпов использовал противоречия между различными группами лагерного контингента, стравливая их между собой.

Группой административной поддержки стали отпетые уголовники-националы. Их использовали для неформальной расправы с нелояльными заключенными. Людей жестоко избивали на улице, в цехах и бараках. Особенной жестокостью отличался БУР (барак усиленного режима). Иногда избиения заканчивались тяжелой инвалидностью или смертью заключенных.

*Мимо штаба, вдоль дороги
Тополей поднялся ряд.
Их вершины золотые
Теплит гаснущий закат.
В его отблеске кровавом
Замер от дороги справа
БУР, как Дантов ад.
Беспощадные расправы
Там творятся, говорят.*

Павел Адельгейм, 6 ноября 1971 г.

В дни большого советского праздника — 54-й годовщины октябрьской революции, 6 и 7 ноября 1971 года, в лагере произошли массовые избиения заключенных. В эти дни заключенные освобождались от работы и могли после подъема отдыхать в бараках. Избиения были спровоцированы администрацией и проводились с ее молчаливого согласия. Начались они с БУРа, а затем перекинулись и на другие бараки. Во время проведения карательной акции заключенных по одному вызывали наружу, а там уже поджидали пять-шесть вооруженных палками и металлическими прутами националов. Происходило кровавое избиение, ужасное по своему зверству и жестокости. Избитых, израненных зеков охрана уносила в медпункт.

*Двор безмолвен, как арена
Перед первым актом драмы.
Крик звериный в небо взвился,
И, на миг оцепенев,
Вдаль тревожно покатился
Дикий ужас, боль и гнев.
Дробный топот, и о стену
Хряснувшись спиной,
Рухнуло на два колена
Тело массой неживой.
Озверелые от злости,
По бетону цокая,
Сапоги дробили кости,
Словно жизнь жестокою.*

Павел Адельгейм, ноябрь 1971г.

В один из этих празднично-трагических дней отец Павел стал свидетелем этой экзекуции. Он метался по двору, кричал:

— Остановитесь! Что вы делаете?! Прекратите!

Его никто не слушал. А, может быть, и не слышал среди криков боли и рева озверевшей толпы. Он схватил обмякшее тело избитого молодого паренька и потащил его в медпункт, но по дороге принял другое решение. Он принес его в штаб ИТУ. Там как раз находилась комиссия из областного управления лагерей и окровавленное, почти безжизненное тело предстало взору приехавших полковников.

— Кто это его так? — спросил один из них.

— А вот это уж вам лучше знать, кто его так! — ответил Павел.

Карпов исподлобья посмотрел на него, и по этому взгляду сразу стало понятно — месть с его стороны неминуема.

На зоне Павел Адельгейм работал сварщиком. Это дело требует сосредоточенности и сильно ограничивает видимость. Лицо сварщика обычно закрыто защитной маской с темным стеклом, через которое он внимательно наблюдает за ярко сверкающим электродом. Однажды во время работы отца Павла чуть не задавило «случайно» сорвавшейся с тормозных колодок груженной вагонеткой, но он успел увернуться. Через пару месяцев во дворе рабочей зоны на него неожиданно покатались бревна, лежавшие штабелями. И опять его что-то спасло. Вообще-то несчастные случаи и производственные травмы в рабочей зоне лагеря были нередки. Об этом отец Павел писал в стихах:

*Нечеловеческий крик:
Бетонная плита
Упала на живого человека,
И он к земле приник.
Бескровные уста,
Чуть дрогнувшее веко,
И лоб испариной покрыт,
В груди хрипящей нет дыханья.
Конец. Угасшее сознание
Живая мысль не озарит.
А рядом суета:
— Держи!*

*— Давай!
— Тяни!
И, дрогнув, медленно плита
Приподнялась с земли.
Собравшись в тесный круг,
Молчат. К чему слова?
С земли подняли тело.
Повисли плети рук,
Качнулась голова,
Словно сказать хотела
Последнее «прости!» -
И не успела.*

Павел Адельгейм, 13 октября 1972 г.

Обстановка в лагере «Кызыл-Тепа» вокруг заключенного Адельгейма становилась все более напряженной. Он усердно молил Бога о даровании ему сил для преодоления всех тягот и лишений, выпавших на его долю. С миром в душе, принимая испытания лагерной жизни, он трудился, ежечасно помня что дома его ждут и семья, и прихожане. Память о своем долге перед ними спасала и поддерживала его в самые трудные минуты.

Дома, в Кагане, тоже было не все благополучно. Пока отец Павел отбывал свой срок на зоне, матушке Вере пришлось самой защищать свою семью и дом. После суда и вынесения приговора в храм был назначен новый настоятель.

Вера, помня о том, как сами они мыкались вначале по съемным квартирам, пригласила семью священника пожить в своем доме. Благо он был большой и добротный, на восемь комнат. Отец Павел сам его спроектировал и построил.

Однако не зря говорится: «Не хочешь худа — не делай добра». Новый священник — отец Григорий Колянда, оказался весьма странным типом. Обжившись с женой в половине дома, вознамерился он отнять у семьи своего осужденного предшественника и весь дом, и все хозяйство. Для начала новый настоятель с женой, сильно злоупотреблявшей алкоголем, решили спровоцировать конфликт с семьей отца Павла. Они стали по-хамски агрессивно относиться к матушке Вере и ее детям, обвиняя семью осужденного священника во всех смертных грехах — пьянстве, разврате, воровстве и даже в покушении на жизнь отца Григория. Затем они перекрыли доступ семье Адельгеймов к воде и туалету. Пришлось пользоваться удобствами у соседей-мусульман. Они были люди добрые и не отказывали им в помощи.

Помогали и сотрудники госплемобъединения, где работала Вера. Однажды секретарь парторганизации и председатель месткома пришли в церковь Святителя Николая к отцу Григорию и высказали ему претензии по поводу притеснения своей сотрудницы — Адельгейм Веры Михайловны. Священник выслушал их молча и, не дав никакого ответа или обещания, удалился к себе. На следующий день оба эти сотрудника были вызваны в городское управление КГБ и получили там вполне недвусмысленный совет не совать нос не в свои дела. Видать, батюшка Григорий был из тех попов, что «носят под рясой соответствующие погоны, а в нагрудном кармане — красную книжечку».

Его стараниями в конфликт был вовлечен исполнительный орган приходской общины. Дом формально принадлежал общине и находился в распоряжении приходского совета — старосты, казначея и ревизионной комиссии. Под давлением настоятеля староста начал процесс выселения. Однако приход его не поддержал. Началось длительное противостояние.

Из воспоминания матушки Веры:

«В Узбекистане ведь главная ценность — вода. Ее тогда давали в буквальном смысле! А отец Павел рядом с нашим храмом сделал такую бетонированную емкость для набора воды, тонн на двенадцать. И вот новый настоятель распорядился: воды семье арестованного священника не давать. /.../ Мы без воды оказались. Я, правда, не жаловалась.

Соседи наши, мусульмане, стали этот вопрос поднимать. И так он остро встал, что пришлось участковому вмешиваться. А потом и начальнику местного отдела милиции. Вызвали нас (меня и отца Григория) к нему, отец Григорий ему бумагу какую-то подал. Начальник сидит, читает, хмыкает и голова у него как-то даже немного дергается. Я не выдержала, прошу:

— Читайте, пожалуйста, вслух.

Он мне тут же:

— Зачем? Надо будет — я вас спрошу. А сколько лет вашему сыну?

— Шесть, — отвечаю.

А он на отца Григория посмотрел (тот высокий был, метра под два), опять так шеей повел, говорит:

— Представляю, какое покушение на вас устроил шестилетний ребенок.

Дочитал, спрашивает меня:

— Что же вы хотите?

Я говорю:

— У меня одна просьба — разрешить пользоваться водой и туалетом.

Он к отцу Григорию поворачивается:

— Вы знаете, у нас, мусульман, принято так: если семья в беде, если женщина осталась одна с детьми, то мы ей воду в дом сами должны принести! И помочь чем только можем. А у вас, христиан, не так?

Потом встал, дверь открыл, и грубо так:

— Я в своей жизни не одного попа посадил, и, если не прекратите, то вас тоже посажу! А теперь — кыты!

“Кыты!” — это по-узбекски “Вон отсюда!”. И стали мы пользоваться водой. Но отношение, правда, не изменилось — ни ко мне, ни к детям».

Отец Григорий, сговорившись со старостой, написал другой донос в прокуратуру на матушку Веру с требованием ее выселения. Дескать, она устроила в причтовом доме притон, пьет и развратничает без мужа. Расчет был прост и верен. Все в Кагане знали о слабости городского прокурора по отношению к прекрасному полу. Ни одну юбку мимо себя не пропустит. Поэтому любой исход дела устраивал старосту и отца Григория. Вера будет либо выселена административно, либо дискредитирована и выселена решением общины.

В один из дней Вере на работе вручили повестку о срочном вызове ее к городскому прокурору товарищу Норову. Женщины, узнав о повестке, многозначительно переглянулись, но промолчали, опустив головы. Только главный бухгалтер посмотрела на Веру с сочувствием и произнесла:

— Может тебе лучше сходить домой, платье переодеть?

Вера намек не поняла.

— Зачем? Разве это плохое?

— Да нет, хорошее платье. Не обращай внимания. Это я так...

Норов вызвал Веру для объяснений по поводу «незаконно» занимаемой ее семьей жилой площади в доме при храме Св. Николая. Ознакомив ее с поступившими заявлениями от имени церковной общины, он в конце разговора намекнул, что за некоторые услуги сексуального характера готов не придавать значения этому доносу. Вера возмущенно отказалась, и дело приняло серьезный оборот. Прокурор вынес постановление об административном выселении.

Текст приводится дословно, со всеми грамматическими ошибками и оборотами речи.

«Постановление о санкционировании выселения в административном порядке от 16 июля 1971 года. Город Каган Бухарской области. Прокурор города Кагана Советник Юстиции С. Норов, рассмотрев ходатайства к материалам Церковного Совета православной церкви г. Кагана по вопросу об административном выселении гр-ки Адельгейм Веры Михайловны с занимаемой площади в доме, принадлежащем Церковному Совету православной церкви г. Кагана

Установил что гр-ка Адельгейм Вера Михайловна работает в Каганском племсовхозе

бухгалтером, не имея специального ордера или же разрешения Каганского Церковного Совета, дом, согласно договора от 9 сентября 1961 года и от 15 августа 1969 года рассматривается в случае оставления службы в общине освобождает квартиру. Несмотря на неоднократное предупреждение со стороны Каганского Церковного Совета об освобождении квартиры, добровольно освободить отказалась. На основании изложенного, руководствуясь ст. 371 ГК УзССР, постановил: санкционировать административное выселение Адельгейм Веры Михайловны со всей семьей из принадлежащей квартиры Каганскому Церковному Совету.

Выселение произвести по истечении 7 дней с момента вручения копии настоящего постановления выселения. Выселения возложить на Каганский Церковный Совет.

Начальнику ОВД Каганского горисполкома оказать Каганскому Церковному Совету содействие о выселении.

Копию настоящего постановления направить Адельгейм Вере Михайловне, Каганскому Церковному Совету и начальнику ОВД Каганского горисполкома тов. Адамчик В.А.

Настоящее постановление может быть обжаловано прокурором Бухарской области.

Прокурор города Кагана. Советник Юстиции подпись С. Норов».

Куда идти? Другого жилья нет. Муж - заключенный. Старшая дочь одиннадцати лет - инвалид детства второй группы. Двое близнецов по семь лет. Оклад - 65 рублей в месяц. Вера пошла в прокуратуру. Но не к Норову, а к одному из прокуроров по надзору Хасбулату Абдулмуслимову. Он хорошо знал отца Павла, с большим уважением относился к его жене и обещал помочь. Он выяснил у Норова, что постановление он вынес на основании акта исполнительного органа церковной общины о выселении семьи бывшего настоятеля, подписанного двенадцатью членами приходского собрания.

Проведя свое расследование, Абдулмуслимов выяснил, что указанные члены общины этот акт никогда не подписывали, и документ является фальшивкой. О результатах проверки по данному делу он написал докладную записку в областную прокуратуру. Там обещали разобраться, но с решением не спешили. Абдулмуслимов в достаточно жесткой форме напомнил областным прокурорским чиновникам об их обязанностях. Веру пригласили в областную прокуратуру. Помощник прокурора, занимавшийся ее делом, долго мялся, вздыхал и мямлил себе под нос:

— Ну, и что мне с вами делать? Хасбулат разве не понимает, что он меня с городским прокурором лбами сталкивает?

Он немного помолчал, затем, тяжело вздохнув, взял телефонную трубку и куда-то позвонил. Вера не слышала разговора, но по выражению лица сотрудника прокуратуры и почтительному голосу, которым он соглашался с тем, что ему говорили, она поняла, что его собеседником был кто-то из очень высокого начальства. Закончив разговор, сотрудник произнес:

— Езжайте домой. Вера Михайловна. Ваш вопрос будет решен положительно.

Вскоре прежнее постановление прокурора города Кагана было отменено решением областной прокуратуры. Вера узнала об этом в день, назначенный для ее принудительного выселения. Ей по телефону сообщил об этом Хасбулат Абдулмуслимов.

Возвращаясь в этот день с работы домой, Вера увидела на своей улице живую цепь из людей, тянущуюся к храму. Люди смотрели на нее, улыбаясь. Из узбекских дворов выбегали дети с криками:

— Вера-хон! Вера-хон! Не бойтесь, Вера-хон! Все хорошо будет!

«Хон» по-узбекски означает высокую степень уважения.

У церкви Святого Николая собралась огромная толпа народу - более пятисот человек русских.

узбеков, татар, православных христиан и мусульман. Увидя множество людей и узнав, по какой причине сход, она стала всех благодарить. Говорила, что ее выселять не будут, что вопрос решен положительно, в ее пользу. Люди радовались, но расходиться не спешили. Говорили:

— Постоим еще немного, на всякий случай. Мало ли что. Может, они еще и это свое решение отменят.

Подойдя к дому, Вера увидела у себя во дворе человек триста мужчин-узбеков, которые вежливо приветствовали ее. Она также приветствовала их, поблагодарила за участие и снова объясняла, что угрозы выселения уже нет. Мужчины удовлетворенно покивали головами и, воздав хвалу Аллаху, стали расходиться по домам. Вроде бы все успокоилось и наладилось.

Не успокоился только городской прокурор товарищ Норов. Материалы по этому делу он отправил в суд, с соответствующим заявлением старосты храма Семена Климова. Было назначено судебное разбирательство по вопросу выселения семьи Адельгеймов из церковного дома. Интересы настоятеля церкви Святого Николая отца Григория представлял староста.

В назначенный день, 29 сентября 1971 года, Вера отправилась в Каганский городской суд. Перед зданием собралось человек двести узбеков — мужчин и женщин. Они ободряюще приветствовали Веру-хон. Оказавшись в зале суда, Вера была поражена количеством людей. Зал был переполнен. Люди сидели на полу в проходах, стояли в дверях. Процесс был недолгим. Огласив исковое заявление и выслушав мнение сторон, суд удалился на совещание. Во время этого перерыва невысокая хрупкая женщина-армянка, работавшая на почте, приблизилась к старосте собора, цепко схватила его и потащила в зал к народу.

— А ну иди сюда, шакал ты паршивый! Люди хватайте его!

Зал оживился, множество рук потянулось к насмерть перепуганному Семену Климову. Милиционеры из охраны суда бросились на помощь. С трудом отбив Климова от разгоряченной толпы, они спрятали его в камеру временного содержания подсудимых.

Вернувшиеся в зал заседания судьи огласили свое решение о неправомерности суда решать вопрос о выселении семьи из здания, принадлежащего религиозной общине.

Дело было прекращено, но собравшийся народ не успокаивался. Люди требовали выдачи старосты. Несмотря на заявления судебных исполнителей о том, что семью священника никто выселять не будет, народ не расходился и требовал:

— Дайте нам его сюда! Мы с ним сами разберемся! Как он смеет у детей дом отнимать! Порвать его на части мало!

Милиция тайно вывела старосту через запасной выход с заднего двора и порекомендовала бежать как можно быстрее. Он пустился со всех ног по центральной улице.

Проходившие мимо здания суда милиционеры спросили собравшихся людей, зачем они тут стоят. Кто-то им ответил:

— Там в суде один шайтан-староста жену русского муллы с детьми из дома выселяет!

— Так что вы тут стоите? Он только что по улице Ленина побежал.

Двор суда мгновенно опустел. Гнали старосту до самого вокзала, где ему удалось скрыться среди вагонов сортировочной станции.

Приходское собрание Церкви Святого Николая десять раз ставило вопрос о смещении Климова с должности старосты, но регистрационные органы горисполкома и уполномоченный по делам религий постоянно отклоняли эти решения. Неудовлетворенный решением суда, товарищ Норов

готовил против гражданки Адельгейм новый судебный процесс, который должен был состояться зимой 1971-1972 годов. Однако ему опять не повезло. И не повезло в этот раз очень серьезно.

Выполняя решение очередного пленума ЦК КПСС, Министерство сельского хозяйства Узбекистана приняло решение поставить Каганскому животноводческому племобъединению большую партию крупного рогатого скота. В день получения и оформления племенного стада в Каган приехала большая делегация чиновников из Ташкента. Когда сотрудники Минсельхоза и других центральных ведомств отправились на сортировочную станцию принимать груз, начальник управления госплемобъединения Федор Васильевич Баженов обратился к своей секретарше:

— Вера Михайловна, заварите нам, пожалуйста, хорошего русского чая. И принесите что-нибудь вкусненькое.

Выполнив поручение, Вера с подносом вошла в кабинет начальника. Федор Васильевич сидел на диване вместе с каким-то человеком, очевидно, из состава ташкентской делегации. Обратившись к нему по имени-отчеству, он, указывая на Веру, произнес:

— Вот жена осужденного священника и мать троих детей, которую непрерывно преследуют и угрожают отнять дом.

Гость с интересом посмотрел на нее и спросил:

— Что же вы, такая молодая, интересная женщина, вышли замуж за священника?

Вера удивленно посмотрела на него.

— Священники разве не люди?

— Да, конечно. Вы, наверное, правы. Спасибо вам за угощение. Думаю, вас не будут больше здесь преследовать.

— И вам спасибо. Угощайтесь на здоровье.

Вера поставила поднос на столик возле дивана и вышла из кабинета.

Неделю спустя начальник ей сообщил, что ее хочет видеть Норов и просит ее зайти в любое удобное для нее время. Вера категорически отказалась идти в прокуратуру, заявив, что пойдет туда только по повестке. Через день с той же просьбой к ней обратилась приятельница, работавшая курьером в прокуратуре. Она сказала, что Норов лично подходил к ней и упрашивал уговорить Веру Михайловну прийти к нему по очень важному делу. Вера опять ответила категорическим отказом и требованием повестки. На следующий день ей позвонил Хасбулат Абдулмуслимов:

— Вера, сходи к Норову. Это очень важно. У него большие неприятности на работе.

— Пусть вызывает повесткой.

— Вера, я тебя очень прошу, сходи к нему. Так надо.

Вера доверяла Хасбулату, и согласилась встретиться с Норовым. Тот встретил ее с чрезвычайной вежливостью и учтивостью. Предложил сесть и очень осторожно начал:

— Вера Михайловна, ну зачем же вы жалуетесь в Генеральную прокуратуру и в ЦК партии? Ведь мы все можем уладить спокойно, без лишнего шума.

Вера была очень удивлена. Она никак не ожидала такого поворота в отношении к себе.

— Я никому не жаловалась. И я понятия не имею, о чем вы мне сейчас говорите. Может быть, какие-то жалобы могли быть от сотрудников, но я никого ни о чем не просила.

— А вы что, на работе всем все рассказываете?

— Конечно, рассказываю. Хотя и не всем.

— Ну ладно, ладно. Забудем об этом. Я вам вот что хотел сказать. Дорогая, уважаемая Вера Михайловна, к сожалению, вас ждет еще один судебный процесс. Но вы не волнуйтесь. Все будет решено в вашу пользу. Вам нужно только поприсутствовать на нем. Ни о чем не переживайте.

Действительно, в январе Вера получила повестку в суд. Зал заседаний оказался очень маленьким. Кроме судейского стола, стояло еще три скамейки для участников процесса. Участников, как таковых, не было. Кроме трех судей, представителя церковной общины, выступавшей в качестве истца, и самой Веры — ответчицы по делу, в зале на последней скамейке сидел городской прокурор Норов. После зачтения искового заявления он взял слово.

— Уважаемые товарищи судьи, мы допустили в ходе расследования данного дела ряд серьезных ошибок. Полностью признавая свою вину, сторона обвинения снимает все претензии к ответчице и признает ее законное право на проживание с семьей на занимаемой жилплощади в доме, принадлежащем религиозной общине церкви Святого Николая.

На этом судебное заседание было закончено, и вопрос о выселении окончательно закрыт.

В то время, когда матушка Вера защищала свою семью и дом от посягательств нового настоятеля, обстановка в лагере «Кызыл-Тепа» продолжала накаляться. Конфликтная ситуация, порожденная противостоянием руководства ИТУ и заключенного Адельгейма, обострялась. Карпов и вся его администрация боялись, что образованный, культурный и юридически грамотный заключенный будет писать в вышестоящие инстанции обоснованные жалобы о положении дел в лагере.

В начале марта 1972 года для воздействия на заключенного Адельгейма, в виде исключения, в лагерь на свидание была вызвана его жена. Перед свиданием с ней учтиво поговорили офицеры ИТУ, объяснив, что они могли бы и даже очень желали бы поставить вопрос перед окружной комиссией об УДО (условно-досрочном освобождении) отца Павла, но он почему-то не желает идти навстречу администрации.

Во время свидания, которое проходило под надзором охраны, Вера с обидой в голосе сказала мужу:

- Павел, что тебе тут спокойно не сидится? Давай поменяемся. Ты думаешь, мне легко там - одной, с детьми?!

Отец Павел внимательно посмотрел ей в глаза и спокойно произнес:

- Вера, ты ничего не знаешь из того, что здесь творится. Ничему не верь!

На этом свидание закончилось. Мужа увели на зону, Вера в расстроенных и смятенных чувствах поехала домой.

Спустя месяц, 4 апреля, на отца Павла было совершено третье покушение. Оно хоть и тоже, слава Богу, не вполне удалось, однако имело тяжелые последствия.

В тот день он занимался сварочными работами на одном из башенных кранов. Когда Павел приваривал кронштейны лестницы, сзади на него неожиданно поехал второй кран. Двигаясь под откос и набирая скорость, эта махина должна была раздавить Павла насмерть. Буквально в последние секунды что-то заставило его снять защитную маску и оглянуться. Прямо перед собой он увидел надвигающиеся железные опоры крана. Тело мгновенно рванулось в сторону, но правую ногу уже придавило, металлической балкой. Жуткая боль пронзила тело. Отчаянно вскрикнув, он на какое-то время потерял сознание. Раздавлив плоть, порвав вены и сухожилия, железо уперлось в берцовую кость.

Сбежавшиеся на крик заключенные отнесли Павла в лагерный лазарет. Наложив жгуты и

перевязав рану, лагерные медики отправили его в районную больницу, где в это время находился хирург-травматолог из Бухары. Осмотрев рану, он тут же приступил к операции, но, к сожалению, провел ее не очень удачно. В районной больнице Кызыл-Тепе отец Павел неделю пролежал в отдельной палате под охраной двух вооруженных солдат. Отношения между больным заключенным и приставленными к нему охранниками сложились весьма оригинальные. Днем солдаты по очереди сидели у дверей палаты, время от времени слегка флиртуя с медсестрами, а ближе к ночи они сдавали свои пистолеты отцу Павлу и уходили в самоволку. До утра они развлекались в городе, а их подопечный хранил у себя под подушкой табельное оружие. Через этих охранников отец Павел смог передать жене весточку о случившемся несчастье.

Вера, получив известие о беде, оповестила прихожан и использовала все свои связи для поиска хороших врачей. Правдами и неправдами ей удалось выйти на главного врача областного Управления исполнения наказаний (УИН) и главного судмедэксперта Бухары. Взяв такси, она привезла их в Кызыл-Тепе. Врачи осмотрели ногу, констатировали врачебную ошибку, допущенную хирургом во время операции и дали заключение о необходимости срочного перевода пациента в областную больницу. Не выполнить рекомендации главврача УИН и главного судмедэксперта администрация лагеря не решилась. Вечером, в канун пасхального праздника, отца Павла увезли в Бухару.

*О, Воскресенье Христова Тела!
Церковь так и искрится свечами.
Вы, как ангелы в ризах белых,
Соберетесь туда с куличами.
Запоете пасхальные песни,
И рассыплется звоном звонница.
В эту ночь на носилках тесных
Увезли меня в облбольницу.
Два солдата в ногах сидели,
И дремал в головах лейтенант.
И луна вслед спокойно глядела
Монетою в целый талант.*

Павел Адельгейм, 9 апреля 1972 г.

В областной больнице врачебный консилиум принял решение о проведении срочной операции для спасения ноги. Оперировать предполагалось в два этапа с трехдневным адаптационным перерывом. Сначала следовало исправить врачебную ошибку районного хирурга, а затем в течение трех дней наблюдать за процессом восстановления. В зависимости от результата — принять решение о следующей операции.

Отцу Павлу сделали операцию в соответствии с намеченным планом. Теперь, лежа в палате, он мог сколько угодно видиться с женой и друзьями, приезжавшими из Кагана, Ташкента и других мест. На прикроватной тумбочке появилась чистая вышитая салфетка, ваза с цветами. Ему приносили разнообразную еду и фрукты. Отец Павел принимал посетителей, буквально утопая в их любви и заботе.

Но, увы, так продолжалось недолго. На третий день в больницу к заключенному Адельгейму прибыли офицеры из лагеря. Увидев, в каких условиях здесь находится осужденный, они возмутились таким вопиющим нарушением режима. Адельгейма на носилках вынесли из палаты и увезли в зону строгого режима Бухарского УИНа. Там, в камере, без медицинской помощи, отец Павел провел два дня. Вера, узнав, куда увезли мужа, опять бросилась искать «нужных» людей. Родным братом начальника той строгой зоны оказался начальник уголовного розыска Кагана. Он обещал помочь Вере и вместе с ней поехал в эту зону. Однако они опоздали. За два часа до их прибытия заключенного Адельгейма увезли в Ташкент, в специализированный госпиталь для отбывающих наказание в лагерях Узбекской ССР.

Госпиталь этот можно было назвать медицинским учреждением с большой натяжкой. Там в штате не было ни одного хирурга. У отца Павла из-за тромбоза артерий начала развиваться гангрена.

*В хирургической белой палате
Я лежал неподвижно в кровати,
Шевельнуться от болей не рад.
С автоматом на взводе,
Как в опасном походе,
Охранял мою койку солдат.
Жизнь никак уступить не хотела,
Жгла огнем умиравшее тело.
Крови замер живительный ток.
И зловещей гиеной
Проскользнула гангрена,
И никто помешать ей не смог.
Смертным тленом оделось тело,
Мерк в сознание и вспыхивал свет.
И теплом твоим ты хотела,
Чтоб я был оживлен и согрет.
Каждый день о свиданье молила,
Каждый день передачи носила,
И никто не пытался помочь.
Как ненастное море,
Безутешную в горе
Прогоняли безжалостно прочь.
Горы. Пропасть легла между нами.
Ты, с воздетыми к небу руками,
Перед краем другого мира.
И в закатном огне —
Или кажется мне? —
Красногубые пляшут вампиры.*

Павел Адельгейм, 15 мая 1972 г.

В госпитале Вере сказали, что необходима консультация и заключение хирурга Ташкентского медицинского института.

Бытовая коррупция в стране существовала всегда. Положив в конверт нужное количество денежных знаков, Вера смогла получить на кафедре хирургии ТМИ согласие на срочную консультацию больного. Взяв такси, она отвезла доктора в госпиталь, где он и дал заключение о необходимости ампутации правой ноги выше колена.

Теперь надо было найти хирурга, который мог бы сделать такую операцию. «Вооружившись» очередным конвертом, Вера обратилась к главному врачу госпиталя. Тот по специализации был терапевтом, но оперировать согласился.

Операция была успешно проведена 4 мая 1972 года.

Отец Павел лишился правой ноги и на всю жизнь остался инвалидом. До конца мая он находился в госпитале на реабилитационном лечении. Свидание с мужем Вере не разрешали, хотя она и дошла с этой просьбой до самого начальника ГУИН Узбекистана. Она часами простаивала у ворот госпиталя в надежде хотя бы переслать мужу передачу.

*Ты стоишь у ворот тюрьмы,
А тебя гонит прочь охрана.
Скорбно сжатые губы немы,
И глаза как открытая рана.
Но привычные к горю глядят
Равнодушно в тревожные очи,
От утра и до поздней ночи
Совершая свой грозный обряд.*

Павел Адельгейм, 12 мая 1972 г.

В начале июня 1972 года заключенного Павла Адельгейма этапировали в специализированную инвалидную зону ГУИН Узбекистана. Зона находилась в пятнадцати километрах к югу от Ташкента, в селении Зенгиата.

Об этом, третьем своем лагере отец Павел всегда вспоминал с горькой иронией:

«Меня отправили в инвалидный лагерь в одних кальсонах, да и то мне удалось их чудом увезти с собой, и то требовали отдать обратно. Я к офицеру просто подошел на пересылочном дворе, говорю: „Как, вы меня совершенно голым возьмете на этап или нет? “. Он прогнал этого завхоза, и я поехал вот так - до пояса голый, босиком, без костылей, на одной ноге прыгал. Там даже все окна пооткрывались - такого они не встречали с этапа. Там выдали мне одежду, понятно, и посадили меня шить простыни на электрической машинке. По 150 простыней была норма. Мне надо было тогда самому себе показать, что я остаюсь полноценным человеком, и я старался эту норму перевыполнять по-стахановски».

К новому состоянию привыкать было очень тяжело. Первое время, просыпаясь по утрам на лагерной «шконке», он с удивлением обнаруживал отсутствие правой ноги. Горечь, тоска и жгучая обида охватывали его в этот момент. Особенно тяжело было, если ночью ему снилось, как он, молодой и здоровый, бежит по полю навстречу своей Верочке.

Друзья, как могли, поддерживали его, писали письма. Его лагерный друг, татарский поэт Ленур Ибраимов посвятил ему стихи:

*А пальцы чешутся и чешутся на правой,
На правой, той, которой нет.
Есть рулька жуткая и бинт кровавый
И воспаленный полубред.
Твой лик так четок и понятен:
Черты лица чисты.
По словно вымершей палате
Свой путь проходишь ты.
И я в почтенье и во гневе
Вслед за тобой иду.
О, чьи глаза в тот миг горели,
Свершив продуманно беду!
Измята плоть, кровь вырвалась наружу,
В глазах круги и мрак.
Качался ты на дружеских руках,
Которым вечно дорог был и нужен.
Тянулись дни без скальпеля и йода.
И сколько нужно пережить,
Чтоб осознать, как мудрая природа
Неумолимо плоть склоняет гнить.
В огне нога — злоеущий спрут гангрены.*

*Блеск скальпеля, трещит под сталью ткань,
И правая — по самое колено.
Теперь попробуй, стройным стань!
На правой пальцы чешутся и чешутся,
На правой, той, которой не вернуть.
Твоя душа сильна, она утешится,
Свой продолжая путь.*

Ленур Ибраимов, 3 августа 1972 г., Крым, Симферополь

Поддержка друзей ободряла, помогала собраться с силами и вытерпеть все крестные муки. До окончания срока отцу Павлу оставалось сидеть чуть больше полугода. Он старался чаще думать о своем возвращении домой, мечтать о той минуте, когда сможет обнять жену и детей, войти в свой храм.

*В Каган, как в святую Мекку,
Из тюрьмы, где три года чах,
Придет одноногий калека
С холщовым мешком на плечах.
И грудью вдыхая свободу,
Обнимет жену и детей.
И слухи пройдут по народу
— Вернулся в свой храм иерей.*

Павел Адельгейм, 3 июня 1972 г.

Близость ожидаемой встречи и радовала, и страшила его. Особенно тяжелой и непереносимой казалась ему перспектива вернуться домой калекой и стать обузой для семьи. Этого он допустить не мог. Он усердно работал в мастерских, а в свободное время, не жалея себя, до пота и крови, учился ходить на выструганной деревянной чурке, привязанной веревками к обрубку ноги. А в письмах домой старался успокоить жену и детей. Пробовал даже рассмешить.

*Мне отрезали правую ногу.
Очень жаль. Но делать нечего.
Скоро к вам по знакомой дороге
Я припрыгаю, как кузнечик.
И за то уже слава Богу,
Что увижу свою детвору,
Что отрезали только ногу.
Превратили меня в кенгуру.
Нелегко травоядному зверю:
Всюду хищников алчущий взгляд.
Здесь в одну только истину верят:
«Не зевай, а не то — съедят».
Никого из них я не трушу,
Только мне непременно надо
Живой унести свою душу
Из этого зоосада.
Остается совсем немного,
Я считаю недели до встречи.
Скоро я, по знакомой дороге,
К вам припрыгаю, как кузнечик.*

Павел Адельгейм, 5 августа 1972 г.

Администрация инвалидного лагеря, видя старание и упорство заключенного Адельгейма, относилась к нему хорошо. Регулярно передавала передачи и два раза в течение последнего полугода разрешила длительные суточные свидания с женой.

О первом таком свидании отец Павел написал стихи:

*Скамейка на трех ногах
Неустойчива — сесть нельзя.
Так прыгаю на костылях,
По мокрым камням скользя.
Свиданье дали.
Но не дали дров, Чтобы сварить еду.
Я верю, что мне посылает любовь
Каждый сучок, что в траве найду.
Заранее надо. Не растеряй
Свои долгожданные сутки.
За каждой минуткой — потерянный рай,
Цвет голубой незабудки.
Вязанку я проволокой перекрутил.
Ну и что ж, что нести мне трудно?
Мы засветим очаг, чтобы каждый забыл
Хоть на час беспросветные будни.
Ты, сквозь боль, улыбнешься еще издали,
Подойдешь, и не дрогнут губы.
Ну, куда же, куда мне девать костыли
И ноги бесполезный обрубок?!*

Павел Адельгейм, 26 августа 1972 г.

На второе свидание Вера привезла с собой протезного мастера, который сделал замеры для изготовления искусственной ноги к третьей декаде декабря.

Приближалась зима, а вместе с ней и заветный день выхода на свободу. Отец Павел ждал его с нетерпением, страстно, торопя время, но вместе с тем и боялся этого часа. Какая жизнь будет там, за распахнутыми воротами лагеря? Этот вопрос его неумолимо преследовал в последние дни заключения.

*Время тоже потеряло ногу,
Ковыляют дни на костылях.
Уступает нехотя дорогу
Прошлое в прокуренных усах.
То как нищий милостыню просит,
То грозит костлявою рукой,
И кусок души моей уносит —
Часть того, что я зову собой.
Ухожу домой, прощайте, вышки,
Что меня три года стерегли.
Вы мне лучше, чем любые книжки
Разобраться в жизни помогли.
Ну и что ж, что ворота открыты,
Нету чудной рыбки в неводу,
К своему разбитому корыту
Я листком оторванным приду.*

Павел Адельгейм, 1 ноября 1972 г.

14 декабря 1972 года закончился срок заключения отца Павла. Наголо остриженный, без бороды, в тюремной робе и фуфайке, с холщовым мешком за плечами, на костылях и деревянной чурке, привязанной к поясу веревкой, вышел он за ворота лагеря.

Возле тюремного КПП его ждала Вера.

9 На свободе

Прямо из лагеря приехали они в Ташкент, в Епархиальное управление. В приемной Владыки Варфоломея отца Павла обрядили в чужую рясу, и он, на костылях, без креста, вошел в знакомый архиерейский кабинет. У архиерея слезы навернулись на глаза. Он крепко обнял его, поцеловал, затем склонился и потрогал деревянную чурку, заменявшую правую ногу. Отошел к сейфу, достал оттуда протоиерейский крест и возложил его на грудь священнику. Гнев уполномоченного по делам религий и партийных функционеров на Владыку за такой прием осужденного священника был страшен. Это его долетело до патриархии, и архиепископа Варфоломея чуть не лишили кафедры.

Через несколько дней отец Павел с Верой собрались домой, в Каган. Расположившись в вагоне на своих местах, они ожидали отправления поезда. К ним в купе зашел попутчик - подтянутый стройный офицер. Сняв шинель, и положив портфель на полку, он поздоровался. Отец Павел сухо и сдержанно ответил на его приветствие. Соседом по купе оказался капитан Карпов - начальник лагеря Кызыл-Тепе. Узнав Павла Анатольевича, он вышел в тамбур и больше на глаза не показывался.

В Кагане люди ждали возвращения своего священника и готовились его встречать. Матушка Вера страшно боялась этого. Пышная встреча могла еще больше разозлить и без того раздраженные местные власти. Матушка упрашивала друзей, знакомых и малознакомых прихожан не встречать отца Павла, чтобы не навредить ему. Просила даже своего знакомого начальника уголовного розыска, чтобы он принял меры к недопущению митингов.

Но все обошлось. Гости собрались дома. Накрыли стол. Отец Павел сидел с женой в окружении детей и близких, дорогих ему людей, которые ждали и молились о его благополучном возвращении.

Пробыв несколько дней дома, он отправился в Ташкент. Нужно было получить новое назначение на приход, да и разобраться с незаконным решением суда о конфискации денег, произведенной во время ареста. Деньги, после соответствующих адвокатских запросов и заявлений в прокуратуру, ему вернули, а вот с местом постоянной службы вопрос никак не решался. Временно послужить вторым священником его пригласил настоятель кладбищенской церкви Святого Александра Невского, секретарь Епархиального управления отец Федор. Началась регулярная служба с литургиями, требами и вечернями.

Архиепископу Варфоломею найти храм было несложно, трудность заключалась в государственной регистрации священника в Совете по делам религий. С одной стороны, советская власть не торопилась прощать отцу Павлу его прежние «провинности», с другой — функционерам хотелось использовать его авторитет в своих целях.

Однажды его пожелал увидеть заместитель уполномоченного по делам религий при Совете министров УзССР тов. Кривошеев Петр Спиридонович.

Из воспоминаний отца Павла:

«Архиерей относился заботливо. Скользко зимой ходить на протезе. Вызывая в епархию, присылал свою машину. Кормил обедом. Расспрашивал, ободрял.

— Немного потерпи. Определим.

Недели через три секретарь епархии отец Федор Семенов сказал:

— Спиридоныч обижается, что ты к нему не едешь.

По дороге к Спиридонычу обдумывал, как оправдать свое невнимание. Ведь не скажешь ему откровенно, что видеть его не хочешь. Но встретили его с восторгом:

— Ах, Павел Анатольевич! Рад вас видеть. Садитесь, садитесь.

— Спасибо.

— Ай-яй-яй, какое несчастье! Что же, выше колена? Не трудно вам без ноги-то служить?

— Что ж теперь делать?

— Да, да, да. А как себя чувствуете? Чем занимаетесь, как семья?

— Хотелось бы место получить. Семью кормить надо.

— Отдохните, дорогой Павел Анатольевич, отдохните. Всему свое время. Кстати, хороший приход освободился в Джизаке.

— Страшновато одному служить. Я ведь всего третью неделю на протезе хожу. Всякие неожиданности могут возникнуть. Хотя бы первый год послужить не одному.

Спиридоныч помрачнел:

— Мы это еще обсудим. Не трудитесь приезжать. Я дам ответ через вашего епископа».

В начале весны отца Павла пригласил на неофициальную встречу сотрудник Ташкентского управления Комитета госбезопасности. Встреча происходила на скамейке в сквере возле кинотеатра «Алишер Навои». Отца Павла вербовали в секретные сотрудники КГБ. Человек в штатском аргументированно приводил ему убедительные доводы в пользу своего предложения:

— Вы получите хорошую работу в доходном храме. Сможете достойно содержать семью. Подумайте, ведь у вас дочь — инвалид, ей требуется лечение. У вас не будет больше никогда проблем с уполномоченным. Более того, Петр Спиридонович будет оказывать вам всяческую помощь и поддержку.

— Да, я с радостью готов был бы сотрудничать с вами, но у меня есть один страшный недостаток. Я не умею держать язык за зубами. Иногда даже себе во вред что-то рассказываю. Даже сейчас, я вас слушаю, а мне уже не терпится передать наш разговор жене. Вон она стоит возле киоска.

Человек в штатском помрачнел и, не взглянув на отца Павла, произнес:

— У нас не было никакого разговора! Прощайте.

На следующий день священника Павла Адельгейма не допустили к службе, а 8 марта пригласили в Епархиальное управление.

Из воспоминаний отца Павла: «.. Вызвал Владыка:

— Отче, я не могу тебя устроить в пределах Ташкентской епархии нигде.

— Даже в Джизак?

— Нигде. Поезжай к владыке Антонию в Симферополь. Может, он сумеет устроить. Я напишу ему.

От архиерея отец Павел получил открепительный указ:

«Уволенный за штат, согласно указу №40 от 23 октября 1970 года священник Павел Адельгейм по окончании срока заключения 14 декабря 1972 года был направлен в Александро-Невский храм г. Ташкента для прохождения священнической практики, которую закончил 8 марта 1973 года. Священник Павел Адельгейм способен исполнять пастырское служение. Согласно поданному прошению, священник о. Павел освобождается из Ташкентской и Среднеазиатской епархии с правом перехода в другую епархию».

Вместе с указом он получил рекомендательные письма к архиереям нескольких епархий, хорошо знакомым Владыке Варфоломею.

Не теряя времени, отец Павел отправился в Симферополь. Крымский архиерей Антоний (О.И. Вакарик) принял его тепло и сердечно, но помочь не смог. Прочитав письмо, он покачал головой и сказал:

— У меня на тринадцать приходов четыреста кандидатов. Но раз просит Владыка Варфоломей, я сегодня же послал бы вас на приход. Один батюшка просится за штат.

Очень немощен. Только вот... не зарегистрируют вас.

Подумав немного, он добавил:

— Хорошо. Поезжайте домой. Я выясню все. Если что получится, немедленно напишу.

Письма от Владыки Антония так и не поступило.

Отец Павел полетел в Краснодар, к архиепископу Алексею. Этот сразу откровенно сказал:

— Ничего не выйдет. Один священник вот уже три месяца ждет регистрации. И биография чистая, а уполномоченный тянет.

Сколько ждать, было неясно. Семью кормить надо. И отец Павел отправился в Калинин. Епископ Калининский и Кашинский Гермоген (Г.В. Орехов) обещал устроить у себя, но через два месяца вынужден был отказать.

Дважды обращался отец Павел к епископу Владимирскому и Суздальскому Николаю (Н.В. Кутепову), но тот, зная Адельгейма еще по Киевской семинарии, вообще отказался принять опального священника. Через секретаря велел передать, что мест нет.

Такой же прием ожидал его и в Таллине. Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (А.М. Ридигер), будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси личной аудиенции отцу Павлу не дал. В Епархиальном управлении сказали, что Владыка болеет.

Оставалась надежда на архиепископа Ивановского и Кинешемского Феодосия — человека честного и принципиального. В свое время он, единственный из архиереев РПЦ, поддержал выступление священников отца Глеба Якунина и отца Николая Эшлимана, чем нажил себе множество врагов и среди партийно-советских функционеров, и среди епископата. Отец Павел поехал в Иваново, где когда-то погиб его отец, и где его, четырехлетнего мальчика, отняли от мамы и отправили в детский дом.

Владыка Феодосий встретил его радушно, но, прочитав письмо, только руками развел.

— Всей душой хочу помочь. Но не могу даже заикаться. Вам, скорей, может помочь такой архиерей, как митрополит Ювеналий. А я на таком счету... — Владыка махнул рукой.

Отец Павел поблагодарил архиерея за сердечную поддержку и, следуя его совету, отправился в Москву, к Ювеналию.

Митрополит Ювеналий (В.К. Поярков), председатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, был человеком, влиятельным, со связями как в церковных, так и в советских структурах. Его сотрудничество с Комитетом госбезопасности ни для кого не было тайной. За верную службу всем и везде он был награжден множеством церковных, советских, а впоследствии и российских орденов и медалей, среди которых есть и медаль «За укрепление уголовно-исполнительной системы» второй степени. Такой человек, конечно, мог помочь отцу Павлу в решении вопроса о его трудоустройстве.

Он принял отца Павла доброжелательно, выслушал внимательно, дал денег, но на просьбу принять в Тульскую епархию ласково, но твердо отказал:

— Это невозможно. Зайдите послезавтра.

Послезавтра сказал:

— Возвращайтесь в свою епархию. Владыка Варфоломей вас устроит.

Отец Павел не поверил. Он отправился в канцелярию Патриарха. Секретарь сообщил, что Святейший не занимается назначением священников. Это компетенция епархиальных архиереев. Получив отказ в патриаршей канцелярии, он поехал в Совет по делам религий при Совете министров СССР. Там инспектор по Средней Азии выслушал его историю и на вопрос «Что делать?» дал формальный ответ:

— Вам отказал архиерей. Мы в компетенцию епископа вмешиваться не можем. Обращайтесь в патриархию.

Возразить нечего. С юридической точки зрения чиновник был абсолютно прав.

О своих безрадостных перспективах отец Павел писал:

*А дальше что? Куда идти?
Где заработать детям хлеба?
В тупик заводят все пути
Под безразлично-серым небом.
Незванным гостем к архиерею
Войду в знакомый кабинет.
«Служить? Я вас принять не смею.
Судимый, анти. Что вы? Нет!».
«Мы вам помочь, конечно, рады,
Но, — отвечает горсовет, —
Для человека ваших взглядов
Интеллигентной службы нет».
Трудом тяжелым я бы мог
Хотя бы временно кормиться —
Тюрьма оставила без ног.
А инвалид куда годится?
Владыкам явно недосуг,
Моя судьба их не тревожит.
Виновен, прав ли — сбывать бы с рук,
А там. пускай живет, как может.
А сплетни ниткою незримой
Петлю на шею мне плетут:
«Калека, контра, поп, судимый —
И до сих пор еще он тут?
Таким нет места на земле,
Пусть задыхается в петле».
Тут спорить мне не по плечу И я молчу.
Молчу.*

Павел Адельгейм, 20 сентября 1972 г.

Осознавая, что истинная причина его бед находится вне сферы церковных отношений, он решил обратиться прямо на Лубянку. Там с ним разговаривать не хотели, но он, понимая, что идти больше некуда, все-таки добился приема.

Из воспоминаний отца Павла:

«Решил пойти в КГБ.

— Я священник. Мне нужно побеседовать с сотрудником из религиозного отдела.

— У нас нет такого отдела.

— Хорошо. Мне нужен сотрудник, компетентный в церковных вопросах.

Вышел упитанный и жизнерадостный чиновник с румяными щеками. Легко разговаривать, когда собеседник понимает тебя с полуслова. Беседа длилась больше часа.

— Все в этом — досадное недоразумение. Епископ вас не понял. Мы не можем вмешиваться. Я не могу взять трубку и позвонить. Поезжайте в Ташкент, еще раз попросите епископа. Объясните все, как мне сейчас. Он добрый человек. Он, конечно, поймет и поможет.

— А не придется мне вторично приезжать сюда?

— Думаю, не придется».

Отец Павел полетел в Ташкент. Прибыв в Епархиальное управление, был тотчас же принят архиереем.

— Где ты там ездешь по столицам столько времени? Я давно тебя на приход назначил. Поедешь в Фергану.

Владыка подал указ и радостно улыбнулся. Глядя на архиепископа, Павел вспомнил, как месяц назад тот вручал ему указ об увольнении за штат. Какая тоска была в его глазах!..

10 Ферганский кризис

Так отец Павел был назначен в ферганский храм Преподобного Сергия Радонежского вторым священником. Настоятелем в этой церкви служил отец Алексей (Зинченко), человек в общем неплохой, но совершенно не образованный и религиозно не грамотный. Вдобавок, он был алкоголиком. Когда-то, с горем пополам, закончил семь классов средней школы и курсы трактористов. Из первого класса Московской духовной семинарии был исключен за пьянство. Но в 1967 году был рукоположен в священники и за пять лет сменил шесть епархий и двадцать приходов. Ему не повезло и в личной жизни. Он женился на цыганке, которая в молодости занималась колдовством и чародейством, и став матушкой, не оставила этого занятия. Может быть, и из-за этой проблемы стал отец Алексей еще усерднее прикладываться к рюмке.

Прибыв в Фергану, отец Павел с семьей поселился на территории храма, напротив дома настоятеля. Отношения с настоятелем сначала складывались неплохо, хотя отец Алексей, стоявший на учете в наркологическом диспансере, побаивался нового священника, видя в нем сильного конкурента — грамотного, образованного и, главное, непьющего. Того и гляди с настоятеля снимут и поставят в подчинение отцу Павлу. Впрочем, несмотря на опасения, настоятель каждое утро бежал через двор в дом своего второго священника, отведать сваренного матушкой Верой кофе. Частенько он приходил в дом Адельгеймов и на обед, и на ужин. Худой мир лучше доброй ссоры. Гораздо хуже складывались отношения с женой отца Алексея, которая понимала шаткость положения мужа и возможную утрату имевшихся привилегий. Поддерживая видимость хороших отношений, матушка Александра периодически делала подарки Вере, непременно сопровождая их двумя церковными свечками, которые требовала тут же сжечь. Таков, якобы, был древний цыганский обычай. Зачем жене настоятеля православного храма исполнять цыганские обычаи и обряды, она не объясняла.

Однажды, в первые месяцы службы отца Павла в Фергане, когда настоятель отбыл в отпуск для поправления здоровья, матушка Александра обратилась к соседям с просьбой о помощи. Ей срочно понадобилось на два-три дня уехать к больным родственникам мужа, и она слезно просила отца Павла и матушку Веру посмотреть в эти дни за своими детьми и хозяйством. Те не могли отказать женщине в столь трудном положении и, конечно, согласились. Александра уехала, а ее два-три дня растянулись на два месяца. К такой нагрузке семья Адельгеймов была не готова, и отец Павел вынужден был послать настоятелю письмо следующего содержания.

«18 сентября 1973 г.

Дорогой о. Алексей!

Сегодня получил от Вас письмо. Благодарю за информацию о Вашем здоровье и планах. Рад, что отпуск проходит у Вас не даром — лечитесь. Мы здесь часто служим. Все маленькие праздники, предпраздненства и отдания. По воскресеньям не менее 30-ти крестин, так что в воскресенье очень устаю. Ваших кур кормим. Дома у Вас я ночевал с Аллочкой и Сережей. Взял их из сада, а вести домой не в чем. У них ни рубашечек, ни трусиков, ни верхней одежды нет. Дома тоже ничего не нашли у Вас. У нас дома Вера нашла трусы для Аллы, на Сережу одели костюм Вани. И так кой-как привели в церковь. Говорю я на утреннем мирную ектенью на солее и только до «Во Святем храме сем», подходит ко мне Аллочка и говорит громко на всю церковь: «Отец Павиль, я хочу писять», и молитвенно сложила ручки над головой.

Из сада взяли Аллочку с температурой. Всю ночь у нее был понос. Приходилось раза 4 сажать на горшок. Сережа обмочился. На воскресенье их взяла бабушка и утром отвела в ясли. У Аллы весь нос обметало от простуды. Я ее немного подлечил, но ей больно сморкаться. Как же дальше они у Вас без одежды будут? У нас холодно. Дети ходят в шерстяных кофтах.

Несмотря на значительную нагрузку, которую я сейчас несу, я со своей работой управляюсь и управляюсь в будущем.

Что касается присмотра за Вашим домом и хозяйством, уходом за курами и за детьми, то на это меня уже не хватит. Ведь кур-то около двухсот! Ездить на базар за кормами, кормить их 4 раза в день и ночевать с детишками - у меня просто нет времени. Мне надо ночью и правило прочесть, и проповедь подготовить, и выспаться. Да ведь на одной ноге и непросто с детьми прыгать. Накладывать же такую обузу на Веру я не имею права, так как жена у меня только одна. У нее и так трое детей и муж без ноги, за которым требуется больший уход, чем за здоровым человеком.

Я согласился Вас выручить, так как поверил матушке Александре. Оказалось, что она сказала мне неправду. Матушка попросила присмотреть за домом и детьми три дня - с 6-го по 10-е сентября.

- Я получила телеграмму. Мать о. Алексия при смерти. Сегодня должна вылететь. Оббежала всех, и никто не берется смотреть за домом и курами. Очень Вас прошу. Не знаю, что делать. Присмотрите и возьмите Аллочку и Сережу из сада. Пожалуйста, ночуйте у нас. Я в воскресенье приеду.

Что оставалось мне делать? Как священник, я не мог отказать человеку в несчастье и согласился на несколько дней позаботиться о доме, детях и курах.

Однако прошло одно воскресенье, за ним другое, а матушка не возвращается. Теперь из Вашего письма оказывается, что матушка вовсе не у постели умирающей матери в Мордовии, а отдыхает вместе с Вами под Москвой и собирается погостить еще месяц.

Отдохнуть, конечно, нужно. Но надо было, если уж едешь отдыхать, подыскать подходящего человека для ухода за домом, курами и детьми.

Я прочел Ваше письмо Анне Федоровне и просил заняться Вашим хозяйством. Завтра Анна Федоровна подыщет человека, которому бы мы передали все полномочия и ключи.

Желаю Вам хорошего отдыха!

С любовью во Христе, священник Павел».

Вообще, за матушкой отца Алексея водилось много странностей. Она, например, могла зайти в дом отца Павла и, полагая, что ее никто не видит, унести всю приготовленную для семьи еду. Прихожане жену настоятеля откровенно не любили и предупреждали Веру, чтоб держалась от нее

подальше. Впрочем, благодаря своей второй половине и собственным вредным привычкам, отец Алексей, мягко говоря, особым авторитетом в общине не пользовался. Основа прихода была крепкая и дружная. Незадолго до Зинченко настоятелем в этом храме служил отец Борис (Холчев), и традиции духовной жизни, сформированные при нем, чтились и сохранялись. Отцу Алексею было нелегко строить отношения с прихожанами. Много раз в непотребном виде попадался он на глаза своей пастве, да еще и куролесил так, что прихожане совестили его. А когда призывы к совести и разуму не имели должного успеха, его били, срывали с него крест и рясу и гоняли по церковному двору.

Но он был на хорошем счету у ферганского уполномоченного по делам религий Илии Рахимовича Рахимова. Оно и понятно — чем ниже авторитет священника, тем выше показатели атеистической работы среди населения. Из-за этого и отца Павла Рахимов невзлюбил. Их первое столкновение произошло вскоре после прибытия нового священника в Фергану.

Отец Павел вспоминал:

«Утром, часов около десяти, из-за забора слышался голос Рахимова... Вышел за калитку. Рахимов неподвижно созерцал забор. Не отрывая глаз, подал руку.

— *Это что?*

— *Забор.*

— *Я спрашиваю, кто здесь живет?*

— *Я живу, с семьей.*

— *Вам, что же, в Фергане не нравится?* — *расплылось широкоскулое лицо.*

— *Нравится, спасибо.*

— *Так почему вы своевольничаете? Снимите частную квартиру, если хотите здесь служить. Я запрещаю вам жить на церковной территории!*

— *Я не самовольно. Мне исполнительный орган.*

— *Я пле-е-е-е-вать хотел на исполнительный орган! Кто здесь хозяин?* — *взвизгнул Рахимов.*

Поток бессмысленного крика, брани и угроз. В голове возникали всякие предположения. Может, поступили на меня материалы? Откуда? Ведь я только из тюрьмы. Не может же так, без причины.

Крик оборвался на высокой ноте внезапно, как и начался. Рахимов резко захлопнул рот. Постоял, уставившись в лицо, явно наслаждаясь произведенным эффектом. Круто повернулся, надел шляпу, высоко задрал нос и пошел в открытые настежь ворота, манерно выворачивая ноги».

Впоследствии отцу Павлу пришлось столкнуться и противостоять этому человеку уже по серьезным вопросам организации приходской жизни. Дело в том, что по советскому законодательству входить в состав приходского собрания могли изъявившие такое желание верующие люди, принадлежащие к данной конфессии и проживающие на данной территории. Зарегистрированных членов прихода по закону должно быть не менее двадцати человек. Практическое правоприменение этого положения закона о свободе совести осуществлялось с искажениями. Так, к регистрации в состав прихода допускалось вместо «не менее», как сказано в законе, а исключительно «не более» двадцати человек, несмотря на то, что реально приход мог составлять сотен и тысяч членов. Иными словами, носителей «пережитков религиозного сознания» должно было оставаться не более двадцати человек на одну церковь. Так обеспечивалось победоносное шествие по стране идей научного атеизма.

Определение принадлежности к конфессии и статуса верующего по закону должно было принадлежать приходскому собранию, но и эту функцию часто узурпировали государственные чиновники. Например, ферганский уполномоченный Илий Рахимович Рахимов в феврале 1974 года поручил старосте храма Преподобного Сергия Радонежского Евдокии Даниловне Бушановой

подобрать несколько человек для пополнения «двадцатки». Общеприходское собрание выдвинуло достойных кандидатов — честных и авторитетных людей: ветеранов войны и труда, бывших депутатов Верховного и местных советов, орденосцев. Рахимов с этим списком согласился, но настоятельно такая «двадцатка» была не по душе. Он побежал к уполномоченному и стал убеждать его не регистрировать эти кандидатуры. Вняв аргументам отца Алексея, Рахимов поручил ему самому подобрать нужных кандидатов, пообещав заменить ими уже избранных и утвержденных.

Познакомившись с новыми кандидатами, Рахимов вновь вызвал к себе Бущанову.

Об этой встрече старосты и уполномоченного отец Павел вспоминал так:

«6 мая Рахимов вызвал Бущанову.

— Возьмите карандаш, бумагу, пишите, — Рахимов продиктовал Бущановой список «двадцатки» с фамилиями и адресами.

— А кто такие Черепанова, Тихонов...

— Надо не спрашивать, а писать. Советская власть знает, что делает.

— Но в этом списке нет Неделина, Сысойкиной, меня самой.

— Нет — значит не надо. Меньше говорить — больше слушать. 13 мая 1974 года в три часа дня будет собрание. Разошлите повестки согласно этому списку. Чтоб ни одного лишнего человека на собрании не было!».

Староста и весь церковно-приходской совет были возмущены действиями уполномоченного и настоятеля. Отец Алексей для укрепления своих позиций, помимо тайного сговора с Рахимовым, написал еще ложный донос на Бущанову в финансовые органы. Из горисполкома прибыла комиссия во главе с инспектором горфинотдела товарищем Урунбаевым. Не произведя тщательной проверки, комиссия обложила Евдокию Даниловну высоким штрафом. Отец Павел, как человек юридически грамотный и опытный, естественно, вмешался в это дело. Вместе со старостой написал заявления в прокуратуру и в областной финотдел. Штраф с Бущановой был снят, а Зинченко объяснялся с Ташкентским архиепископом. Владыке он честно признался, что «донес на Бущанову в финорганы, чтобы очернить и снять ее с работы».

Наступило 13 мая - день назначенного Рахимовым собрания новой «двадцатки». С утра огромный церковный двор начал заполняться народом.

«К девяти часам собралось человек двести, а к одиннадцати весь двор вместе с прилегающей территорией был заполнен многотысячной толпой. Народная масса возмущенно гудела.

— Дуся им церковные деньги красть не дает.

— Кого хотят поставить?

— Известно, Шапоренку!

— Пусти козла в огород!

— Да кто за него голосовать будет?

— Рахимов с Алексеем проголосуют.

— У Шапоренки на прошлой неделе обыск был. Двести литров самогону изъяли, да 150 бутылок церковного кагора. Из церкви накрал.

Люди были настроены решительно. Когда к назначенному времени к храму на велосипеде подъехал Шапоренко, разговоры стихли. Он приказал всем расходиться, поскольку все равно на собрание пустят только членов «двадцатки». Его властный голос взбудоражил толпу.

— А ты не командуй. Ты пока никто.

- Уполномоченный велел, чтобы посторонних не было.
- А мы не посторонние. Тридцать лет сюда хожу. Помогаю, деньги приношу.
- Столько лет за наш счет кормился! А теперь «посторонние»! Ишь ты!
- Все равно не пролезешь!
- Не пустим!
- Что вы кричите, все без толку?! Расходитесь по домам!..
- Да мы тебя самого домой отправим! Хватай его, бабы!

Шапоренко пытался обороняться, но десятки рук уже несли его по воздуху к воротам. Торжественно вынесли за калитку, выставили велосипед и калитку заперли. Через забор перекинули помятую шляпу.

Собрание в этот день так и не состоялось. Илий Рахимович сказался больным.

Вопрос о замене приходского совета был временно отложен, и еще в течение полугода Евдокия Даниловна выполняла обязанности церковного старосты. Однако возникшее противостояние между приходом и вторым священником, отцом Павлом Адельгеймом, с одной стороны, и уполномоченным совместно с горисполкомом и настоятелем церкви, отцом Алексеем Зинченко — с другой, обострялось.

Для ослабления многочисленных сторонников прежнего церковно-приходского совета отца Павла вызвали в Ташкент и продержали там около двух месяцев.

В ответ прихожане на богослужениях требовали от церковного совета снятия с должности настоятеля. Люди говорили прямо в лицо отцу Алексею: «Уезжай отсюда! Мы тебя видеть не можем!». Чаша терпения переполнилась. 1 июня 1974 года приходское собрание в лице своего исполнительного органа расторгло трудовое соглашение со священником Зинченко на основании «систематического нарушения законодательства о религиозных культах (венчание на дому и венчании несовершеннолетних); многократных нарушений трудового соглашения — пьянство, прогулы, присвоение денег и грубость».

Реакция ферганских властей не заставила себя долго ждать. 10 июня 1974 года, несмотря на законное увольнение священника, Рахимов разрешил Зинченко проводить богослужения в храме. В ответ на многочисленные жалобы верующих 8 октября заместитель председателя Ферганского горисполкома Абдуназарова сообщила о том, что поставлен вопрос об удалении из Ферганы священника Адельгейма.

Община приняла решение бороться за своего священника. В тот же день, 8 октября, приходской совет направил прошение Патриарху Московскому и всея Руси Пимену, в котором выражалось недоумение по поводу удаления отца Павла: «Со стороны горисполкома священнику Адельгейму не было предъявлено никаких претензий за весь период его службы в Фергане. Со стороны уполномоченного ему также не было предъявлено никаких претензий». Патриарх оставил прошение без ответа. Прихожане писали жалобы в Совет министров Узбекистана и в Верховный Совет СССР. Все безрезультатно.

Активные члены прихода написали докладную записку архиепископу Варфоломею, в которой просили: «Оставьте нам в утешение о. Павла. Мы хоть на его неделях будем Богу молиться. Нам больно писать, но многие верующие говорят, что если о. Павла уберут, будем ходить молиться к баптистам. Вас умоляют, святой Владыка, все верующие г. Ферганы. Неужели у Вас нет сердца? Весь храм плачет. Пожалейте Ферганский приход».

Прихожане ждали возвращения своего батюшки, но им на время его отсутствия прислали

другого второго священника — отца Валентина Рубановича. Этот священник тут же присоединился к сторонникам настоятеля, уполномоченного и насильно внедряемой новой «двадцатки».

Естественно, что с отъездом отца Павла спокойствие в церкви Преподобного Сергия было нарушено. Община требовала удаления отца Алексея, и архиепископ, в конце концов, снял его с должности настоятеля Ферганского храма. Все бы хорошо, но занявший его место отец Валентин (Рубанович) оказался намного хуже прежнего настоятеля, и община сразу же его не приняла. Правящему Архиерею в Ташкент одно за другим посыпались докладные, ходатайства и прошения от ферганских прихожан.

Вот строки из докладной записки архиепископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Варфоломею от 1 ноября 1974 года:

«В г. Фергану прибыл командированный Вами священник В. Рубанович. Этот священник еще хуже о. Алексея Зинченко. Если Вы ставите нас перед выбором, то пусть лучше у нас служит о. Алексей».

А это выписка из протокола №40 заседания церковно-приходского совета храма Преподобного Сергия Радонежского от 10 ноября 1974 года.

«Постановили:

1. Не заключать договор со священником В.В. Рубановичем.
2. Просить Епархиальное управление о немедленном удалении его из Ферганского прихода, не ожидая истечения срока командировки».

Эту же просьбу прихожане повторили в письме архиепископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Варфоломею от 12 ноября 1974 года: «Исполорган ходатайствует о немедленном удалении из прихода командированного Вами прот. В.В. Рубановича». Не дождавись положительного ответа на свои прошения, община пошла на крайние меры.

Вот выписка из докладной исполнительного органа церкви Преподобного Сергия Радонежского архиепископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Варфоломею от 26 ноября 1974 года: «11 ноября 1974 года члены «двадцатки» и народ решили закрыть церковь и не допускать отца В. Рубановича до службы. Что и было сделано».

Вход в храм опечатали, на дверь повесили замок, и сторож получил распоряжение никого в храм не пускать.

Обо всем, что происходило в Ферганском храме, прихожане подробно информировали отца Павла — писали ему письма, звонили. Матушка Вера также держала его в курсе всех событий, регулярно обмениваясь новостями по телефону.

О противостоянии с Рубановичем и городскими властями отцу Павлу сообщали следующее:

«Дежурили весь день. В пять пришел о. Валентин Рубанович:

— Где староста?

— Не знаем.

— Несите ключи. Уполномоченный приказал служить.

— Мы тебя не хотим. И ключи не дадим.

— Вы - контры! Советской власти не подчиняетесь! Вы не верующие, а шайка бандитов!

— А ты - авантюрист!

— Завтра придет Рахимов сам. Мы вас всех повыгоняем как собак!

Собравшаяся группа прихожан стала теснить Рубановича к церковной ограде. Непринятый

настоятель, пятясь задом, ныряет в калитку, и она за ним захлопывается. Однако вскоре Рубанович вернулся в сопровождении городских чиновников - зампреда горисполкома С. Абдуназаровой и фининспектора Урунбаева. С. Абдуназарова, обращаясь к собравшимся прихожанам, спросила:

— Почему закрыта церковь?

— Не хотим, чтобы Рубанович у нас служил.

— Его прислал вам имам из Ташкента.

— Почему отца Павла убрали?

Тут Абдуназаровой словно перцу насыпали. Деликатно говорила, а тут как гавкнет:

— Ноги его здесь не будет! Он вор, вор, вор!

Поднялся шум. Чиновница села в машину и уехала. После одержанной победы люди осмелели.

— Хватит с Рубановичем церемониться. Пойдемте к нему, скажем, чтоб уезжал.

Шесть человек направились к дому настоятеля. Постучали в ворота. Рубанович открыл сам. Увидев столько люда, с размаху захлопнул калитку, бросился в дом и закричал:

— Шурка! Звони в милицию. Меня бить пришли».

Пришедшие растерялись и, от греха подальше, разошлись по домам.

Приходское собрание хорошо знало свои права. По закону прием на работу священника решался церковноприходским советом, но такое положение дел совершенно не устраивало ни областного уполномоченного И.Р. Рахимова, ни Ферганский горисполком. В связи с событиями в храме горисполком арестовал банковский счет церковной общины и направил в приходской совет официальное предписание.

«13 ноября 1974 г. Уз.ССР Исполком Ферганского Горсовета №512 Церковному совету Гл. бухгалтеру Торопову А.А.

В настоящее время в русской православной церкви создалась группировка верующих против священника Адельгейма и Зинченко, которые переведены через Епиархиальное управление в другие города. Приглашен новый священник Рубанович Валентин Витальевич.

Однако временно исполняющий обязанности председателя исполнительного органа Бушанова Е.Д. без согласия Горисполкома и уполномоченного религиозного культа Облисполкома храм закрыли на замок от 12 ноября 1974 года, что запрещено законодательством о культе, она не сдает дела хозяйства новому утвержденному председателю исполнительного органа. Горисполком просит аннулировать протокол «двадцатки» о выборах временно исполняющего обязанности председателя исполнительного органа с 12 ноября 1974 года.

Заместитель председателя Ферганского Горисполкома С. Абдуназарова».

Однако церковный совет не поддался административному давлению и вынес твердое и окончательное решение о недопущении священника Рубановича к службе. Оно было оформлено протоколом №41 заседания церковно-приходского совета храма Преподобного Сергия Радонежского от 27 ноября 1974 года. Все члены церковно-приходского Совета единодушно постановили: «священнику Рубановичу исполорган отказывает в дальнейшем его пребывании в Ферганском храме».

Отец Павел, как мог, помогал прихожанам советами и юридическими консультациями по гражданскому и церковно-каноническому праву. Конечно, ему хотелось быть в Фергане, вместе со своим приходом, но его держали в Ташкенте. Владыка не отпускал, ссылаясь на указание республиканского Совета по делам религии.

Наконец, спустя почти два месяца, отца Павла пригласили для беседы в Совет министров к

республиканскому уполномоченному К.Б. Рузметову. Сначала Курбан Бабаджанович — бывший прокурор Узбекистана и генерал-майор КГБ — пытался договориться с не в меру принципиальным священником, а когда это не получилось, занял жесткую чекистскую позицию.

Из воспоминаний отца Павла:

«Огромный кабинет. За столом тучный Рузметов. Сбоку выглядывает кнопка Кривошеев. Чтобы выглядеть солиднее, он не садится.

— Вы знаете, что происходит в Фергане?

— Нет. Я не был там два месяца.

— Но вы звонили туда, писали письма.

— Еще бы. Там осталась моя жена, трое детей.

— Но в своих сообщениях вы настраивали народ не подчиняться уполномоченному.

— Вы вскрывали мои письма и подслушивали телефонные разговоры?

— Нет, у нас есть другие сведения.

— По ОБС?

— Что значит ОБС?

— Одна баба сказала.

— Павел Анатольевич, вы неглупый человек. Мне кажется, мы могли бы договориться. Пусть в Фергане восстановится порядок. Прекратятся жалобы в Москву. Пусть выберут исполорган, заслуживающий доверия местной власти. И вы будете спокойно служить в Фергане. У вас семья, дети. Фергана - хороший город. Разве вам не хочется жить спокойно?

— Хочется.

— Вот видите! А для этого надо быть сговорчивым. Учитывать обстановку. Уважать руководство. Прислушиваться. Надеюсь, вы меня поняли?

— Понял.

— И, надеетесь, что местная власть будет довольна составом «двадцатки» и исполоргана?

— Избираю не я. Народ.

— В таком случае я снимаю вас с регистрации. Вы больше не служите в Фергане. И вообще в пределах Узбекистана!

— В чем же моя вина?

— Вы создали нездоровую обстановку в Фергане. Вы всюду сеете смуту. После вашего отъезда из Кагана были волнения в народе. После вашего отъезда из Ферганы народ недоволен советской властью. Чем вы это объясняете?

— Из Кагана меня увезли в „черном вороне“. Из Ферганы удалили обманом. Обвинять меня за то, что происходит в мое отсутствие — бессмыслица. И что за обвинение „нездоровая обстановка“? Вы юрист, и прекрасно понимаете, что обвинение должно быть конкретным. Наказать можно только за установленную вину. Из ваших слов следует, что вы в Ферганской обстановке не разобрались. С ней связаны Рахимов, горисполком, кроме меня, еще два священника и много других официальных и неофициальных лиц...

— Не учите меня. Я не собираюсь вам ничего доказывать. Нам давно дано право принимать

решения. Мы следствие проводить не собираемся. Я отстраняю вас от работы. Недовольны — жалуйтесь.

— Куда?

Рузметов усмехнулся:

— В Москву пишите. Там прочитают. Разве Николай Николаевич не сказал, что вы сняты?

— Кто такой Николай Николаевич?

— Ваш архиепископ.

— Нет.

— Но я же ему ясно сказал. Ведь мы согласовали. Тогда мне непонятна позиция Николая Николаевича. - повернулся Рузметов к Кривошееву.

— Да, это странно, - поддержал Кривошеев».

После этой беседы отец Павел отправился в Епархиальное управление, где при нем был отпечатан указ архиепископа об удалении его из Ферганы. Чтобы избежать лишения государственной регистрации, указ правящего архиерея был помечен задним числом и вручен. Владыка отправил отца Павла служить подальше от Ферганы, в Туркменистан, в спокойный город Красноводск, в храм Архангела Михаила.

Матушка Вера уже привычно стала готовиться к переезду. Рассказала детям о грядущих переменах и начала паковать вещи для отправки на новое место жительства. В хозяйстве к этому времени уже появилась первая автомашина — «горбатый запорожец». Автомобили такого класса, как правило, без очереди предоставлялись инвалидам для приобретения в личную собственность. Вера Михайловна с детьми отправилась в Красноводск на поезде, а Павел Анатольевич поехал на машине через песчаные пустыни.

Отец Павел покинул Фергану, но приходская община, сформировавшаяся за время его служения в храме Преподобного Сергия, уже обрела сплоченность, почувствовала силу своей правоты и защиту Святого Духа. Как ни настаивали И. Рахимов и С. Абдуназарова на собрании в составе новой «двдцатки», у них ничего не получилось. Община добилась созыва общего открытого собрания всех прихожан.

Для подготовки собрания действующий приходской совет направил к уполномоченному двух своих представителей.

Рассказ об этой встрече и самом собрании отец Павел позднее привел в своих воспоминаниях, ссылаясь на впечатления очевидцев:

«Неделин пришел с Белоголовцевым. В кабинете Рахимова сидел Тихонов. Рахимов начал уговаривать, внимательно слушали. Рахимов вынул бумажку и подал Неделину.

— Вот список кандидатов в исполорган. Не потеряйте. Голосовать будете только за них. Чтобы никаких других кандидатур не было. Поняли?

— А, может, вовсе не будем голосовать? Так их в протокол запишем. Ведь все уже решено, — связвил Неделин.

Рахимов не понял иронии и шепчет:

— Так незаконно будет.

Собралось долгожданное собрание. Разместились в тех комнатах, где жил о. Павел. Со дня его отъезда они стояли пустыми. Пыль лежала на подоконнике. На полу — смятая бумага, обрывки

газет. Словно из дому вынесли покойника. Расставили скамейки. Посредине — стол. Рахимов важно устремился на председательское место. Вынул по своему обыкновению постановление и стал читать. Мучительно тянулось время — пять, шесть, семь, восемь, девять минут. Неделин не выдержал:

— А у нас на собрании всегда президиум выбирали, а потом объявляли собрание открытым.

Рахимов замолчал. Посмотрел на Неделина. Выпученными глазами обвел собравшихся. Стояла выжидающая тишина.

Встал. Отставил стул к стенке и сел:

— Проводите собрание.

В президиум избрали Белоголовцева, Неделина, Буцанову. Рахимов протянул Белоголовцеву список:

— Вот кандидаты. Избирайте их.

Белоголовцев зачитал первого кандидата:

— Тихонов Алексей. Собравшимся предлагается проголосовать. Кто за Тихонова, прошу поднять руку.

Никто не пошевелился.

— Где Тихонов? Может, кто не знает его? Выдь, покажись народу.

Тихонов стоял, укрывшись за печкой. Медленно вылез. Вышел к столу.

— Ну, вот он я!

— Кто за Тихонова, прошу поднять руку.

Снова наступило молчание. Его нарушил Рахимов: — Товарищи, надо избирать товарища Тихонова. Вы

должны все поднимать руку. Поднимайте руку! Поднимайте руку! Вы почему не поднимаете?

— Да мы его не хотим! — раздался одинокий голос. И все как по команде зашумели:

— Не надо нам его!

— Не место ему в храме.

— Не нужен!

Рахимов только молча вертел совиными глазами.

— Тише! — поднял руку Белоголовцев. — А кто же вы

двигал Тихонова? Почему не голосуете? Ставите человека в неловкое положение.

Николай Ильич отступил в соседнюю комнату и нерешительно вскинул руку. Белоголовцев заметил.

— Ну вот, один голос есть.

Все обернулись.

Николай Ильич готов был сквозь землю провалиться.

— Потахова! А ты что руку не поднимаешь? Ты же за Тихонова!

Потахова подняла руку.

— Тупикова! Михайлова! Мне вас что, по одной уговаривать? Поднимайте руки!

— Не хотим!

— Не нужен! — уже не смущаясь, шумело собрание. Белоголовцев повернулся к Рахимову:

— Видно, кандидатура Тихонова не пройдет. Как вам кажется? Может, перейдем к следующей?

— Избирайте без меня. Завтра занесете протокол, — Рахимов угрюмо поднялся и вышел, ни на кого не глядя.

Ни одна из кандидатур Рахимова не прошла. Ферганская община вышла из борьбы сплоченной и дружной.

Для церковной жизни это самое главное» (6.19).

Весь этот правовой и административный беспредел в Фергане был типичен и для других регионов страны. Перед отцом Павлом встала трудная духовная проблема: что делать? Молчать и покорно идти на заклатие?

Свой христианский долг отец Павел видел в защите православия от пагубного сергианского единения церкви с карательными институтами советской власти. Из собственного жизненного опыта он знал, что в борьбе с Церковью и христианством государственный воинствующий атеизм повсеместно использует ложь и обман. Отец Павел решил придать огласке факты, которым он был свидетелем сам или узнал от других очевидцев. Так была задумана книга «Своими глазами». Он прекрасно понимал, что книга об отчаянной борьбе Церкви Христовой с государственным сатанизмом не может быть издана в Советском Союзе, но написать ее, даже для ограниченного круга современников было необходимо.

15 октября 1974 года отец Павел взялся за перо.

11. Осмысление (Красноводск - Алуksне)

В ноябре 1974 года отец Павел прибыл в Красноводск Туркменской ССР и стал служить в храме Архангела Михаила. Люди были рады появлению доброго, разумного и ответственного батюшки. Отношения с церковно-приходским советом и прихожанами установились вполне добросердечные. Местный уполномоченный особо не докучал. Но, привыкший к неприятным неожиданностям, Адельгейм не особенно верил этому временному спокойствию. Постепенно зрело решение перебраться на жительство в Россию. Хотелось служить Богу в родной среде православной культуры, где его труды, казалось, будут более востребованы.

Отец Павел писал прошения всем знакомым архиереям. Ответов не было. Зато приходили сообщения, касающиеся событий недавнего прошлого. Они были разные: и печальные, и радостные. Так, Вере Михайловне потребовалось по какой-то надобности поехать на несколько дней в Каган. Там ее радостно встретили друзья, прихожане и коллеги. Приглашали в гости, вместе вспоминали истории прежней жизни. Однажды кто-то из прихожан ей сказал:

— Знаешь, Вера, ведь есть Бог на свете!

Вера удивилась:

— А вы разве сомневались?

— Нет. Мы это к тому, что с Колендой-то, с отцом Григорием, произошло. Жена у него совсем спилась. Так в запое и померла. Сына в драке убили, дочь в тюрьме сидит, а сам он у себя в доме на чердаке повесился.

Что тут скажешь. Вера пожала плечами и тихо произнесла:

— Помилуй их, Господи, спаси их души грешные.

Но были и радостные события, связанные с теми тяжелыми временами. Как-то после утренней литургии в дверь дома отца Павла робко постучали.

— Заходите, у нас не заперто.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла Мария Федоровна Втулкина — бывшая староста Каганского храма. Увидев идущего к ней на костылях отца Павла, она заплакала, опустилась перед ним на колени и произнесла:

— Простите мне, батюшка! Большой грех перед вами совершила. Оболгала и оговорила вас на суде. Простите мне! Не могу я дальше так жить, вот с этим. Простите, ради Бога!

Отец Павел поднял ее. Перекрестил, обнял.

— Ну, ну, ничего. Бог простит! Успокойтесь. Пойдемте в дом. Отобедайте с нами. Вы ведь с дороги. Устали. Пойдемте.

Женщина плакала. Она не могла остановиться. Это были слезы очищения, смиренного покаяния и благодарности. Великой благодарности за возможность вернуться к Богу и к самой себе. До вечера они пробыли вместе. Мария рассказывала о своей жизни, отец Павел слушал и утешал ее. Прощаясь, он благословил ее, обнял и тихо сказал:

— Идите с миром. Ангела вам в дорогу.

На душе у него было светло и спокойно.

В свободное от службы время отец Павел писал книгу. Книгу свидетельств и анализа соотношений теории и практики, декларативного законодательства и реального правоприменения в отношениях Церкви и советского государства. Исследуя феномен «сергианства», отец Павел старался на конкретных примерах и документах показать процесс уничтожения духовной сущности христианской Церкви при сохранении ее обрядовой формы.

Стратегия богоборческой власти сводилась к принципу уничтожения соборности и апостольского духа Церкви руками самих священнослужителей. Для осуществления этой цели государству необходимо было решить две важные задачи. Первая — лишить возможности служения священников, преданных духовным идеалам христианства, и вторая — обеспечить благоприятные условия работы в церкви своим сторонникам, пребывающим в духовном сани.

Первая задача начала осуществляться в первые годы становления советской власти. Об этом свидетельствует указание советского правительства №13666/2 от 1 мая 1919 года:

«Председателю ВЦК тов. Дзержинскому Ф.Э. УКАЗАНИЕ. В соответствии с решением ВЦИК и Сов. Нар. Комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатать и превращать в склады.

Председатель ВЦИК Калинин, Председатель Сов. Нар. Комиссаров Ульянов (Ленин)».

Принималось данное решение в то же самое время, когда декреты советской власти декларировали свободу совести и вероисповеданий. Так, пункт третий декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви гласил: «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Это же положение было закреплено и в 13-й статье первой советской Конституции 1918 года: «В целях обеспечения за трудящимися

действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Таковы были законодательные декларации. В реальности же 19 марта 1922 года В.И. Ленин в письме к съезду партии предлагал:

«Провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Органы ВЧК активно выполняли распоряжения В.И. Ленина о физическом уничтожении священников. Отмена этого указания и других подобных решений произошла только в 1939 году специальным постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября. К этому времени первая задача богоборческой власти была частично решена, и советское государство приступило к решению второй. Начало положило послание заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти». Эта декларация 1927 года митрополита Сергия (Старгородского), провозгласила полную лояльность церкви по отношению к государству и заложила основу их союза, направленного на уничтожение духовных ценностей православия.

Книга писалась быстро. Материала у отца Павла было в изобилии. Предпринятое им сопоставление законов и других официальных документов о церковной жизни в Советском Союзе с реальной практикой показывало широкую картину трагического состояния духовной жизни народа. Изначально церковь была поставлена не под надзор наркомпроса или хотя бы наркомюста, что было бы вполне логично и естественно. Для решения первой задачи церковная жизнь изначально была отдана под контроль карательных органов власти. Отец Павел подтверждал это конкретными примерами:

«В прежние времена обер-прокуроры ставились из „верноподданных офицеров доброго нрава“. Советские уполномоченные по религии ставятся из сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, то есть представляют самую консервативную и косную часть чиновничьего аппарата, привыкшую к сталинским методам руководства. Уполномоченный по Узбекистану Рузметов — бывший председатель Ташкентского КГБ, затем прокурор Узбекистана, смещенный за провинности в уполномоченные. Его заместитель — Кривошеев, чекист. Бухарский уполномоченный Шамсутдинов — чекист. Ферганский уполномоченный Рахимов — чекист. По Казахской республике уполномоченный Вахменин — чекист. /.../ Состав Совета определяет стиль его работы. Все деяния Совета окружены тайной. Уполномоченные не юристы, а чекисты по духу. Они мыслят не правовыми и моральными категориями, они руководствуются принципами вреда и пользы государству. Впрочем, вред и пользу понимают своеобразно».

В своей книге отец Павел приводит характерный образчик методов чекистских манипуляций, контроля и регулирования церковной жизни казахстанским уполномоченным Вахмениным.

«Автомобиль подъехал около трех часов ночи. Долго стучали в ставни, в ворота. Наконец, мелькнул свет.

— Кто там?

— Батюшка, ребенок умирает. Покрестите.

— Да я не имею права.

— Ночь. Кто узнает?

— Не могу. Только в церкви. Меня с регистрации снимут.

— Да батюшка, он же умрет до завтра!

Вошли в дом. Священник приготовил на столе тазик, согрел воду, затеплил свечи. Развернули младенца. Оказалась — большая кукла.

— Вашу регистрацию! Я — новый уполномоченный по области.

Вахменин занимает свое кресло около тридцати лет. Он известен как „лютый“. Человек немногословный. Берегись, священник!».

Решение второй задачи осуществлялось методом подбора и назначения в приходы священнослужителей, обладающих необходимыми качествами для усиления эффективности атеистической пропаганды. Такие священники, несмотря ни на какие нарушения канонических правил, уверенно сидели на своих местах и никого не боялись. Отец Павел свидетельствовал об этом яркими примерами из жизни Ташкентской епархии:

«В 1960 году „Правда Востока“ сообщила, что в сточной канаве найден и доставлен в вытрезвитель пьяный поп по имени Василий Картавцев, 1915 года рождения. Картавцев был запрещен в священнослужении за пьянство еще архиепископом Ермогеном.

В 1961 году архиепископ Гавриил назначил Картавцева в г. Курган-Тюбе. Вскоре пьяный Картавцев оскорбил женщину в общественном месте. Потом влез в чье-то окно. Пьяный служил Литургию и вызывал бурное возмущение в приходе. Архиепископ Гавриил послал комиссию для расследования поведения Картавцева. Факты подтвердились. Однако уполномоченный отклонил запрещение Картавцева или увольнение за штат. Он предложил перевести Картавцева в Душанбе „под надзор благочинного“. Картавцев переведен за свои „подвиги“ из маленького прихода в республиканский центр. Два года издевался Картавцев над религиозными чувствами верующих Душанбинского храма. Служил пьяный, засыпал на аналое при чтении акафиста, дышал в лицо исповедникам винным перегаром, устраивал скандалы в храме... Архиепископ Гавриил регулярно получал официальные и неофициальные письма с мольбами верующих убрать Картавцева из храма и разводил руками:

— Что я могу сделать?

— Уберите его, Владыка!

— А уполномоченный что скажет?

— Уполномоченный нам сказал — это дело архиерея.

— Это он вам сказал. А мне позвонил: „Пусть служит. Надо его перевоспитать, а не выгонять“. Поймите, я не могу пойти против Хамидова.

Куда только ни обращались верующие! Куда они ни писали! Откровеннее всех ответил второй секретарь горкома Душанбе:

— Что вы от меня хотите? Чтобы я помог вам избавиться от пьяницы-попа?

— Да, да, — обрадовались верующие. — Помогите нам!

— Да меня за это из партии выгонят.

И, увидев вытянувшиеся лица и удивленные глаза, пояснил, что в Душанбе сотни агитаторов-атеистов. Они обходятся государству в копейчку. Для атеистической пропаганды от Картавцева

больше пользы, чем от них вместе взятых. Они работают с неверующими. Картавицеv — с верующими. Они работают языком, Картавицеv — личным примером. Они — на государственных харчах, он — за счет вас, верующих. И вы хотите, чтобы я отказался от такого ценного сотрудника?

Верующие ушли, понутив головы».

Автор приводил примеры и своих личных наблюдений:

«В конце церковного двора помещается склад горбыта. За деревянным столом во дворе сидят рабочие разных национальностей. Среди них выделяется резкой бледностью лицо настоятеля. Всклокоченная борода, засаленный ярко-зеленый подрясник нараспашку. Щелкает домино. Широким жестом настоятель протягивает трешницу.

— Шавкат, неси полбанки. Я угощаю!

Пьют из граненого стакана и алюминиевой кружки. По очереди. Затягиваются настоятельскими сигаретами. Настоятель стоит среди двора, опершись на святой колодец. Дальше ноги его не несут.

— Ты откуда такой?

— Из бардака. А что ты мне сделаешь?

— Иди спать, бессовестный!

— Где совесть была, там. - и, не стесняясь присутствия пожилой женщины, мочится на святой колодец.

Шесть месяцев терпели прихожане. Жаловались, но попусту. И грянул гром. Настоятель слег в белой горячке. Семь недель выхаживали его врачи. Молодой организм победил.

И все началось сначала. Устав жаловаться, прихожане начали Зинченко бить. Неоднократно ему плевали в лицо, срывали облачение. Спасали молодые ноги. И снова откровенность сотрудника горкома: если в город попадет хороший священник, это для нас плохо, мы ищем причину его убрать».

Властям были нужны такие, как Зинченко и Картавицеv. Доказательством этому служит то, что в 1974 году негласным распоряжением уполномоченного Картавицеv был назначен священником Ташкентского кафедрального собора.

При решении второй задачи богоборческое государство старалось тайно воздействовать на жизнь Церкви посредством изменения положений гражданского законодательства и канонического права. Для этого использовались постановления Архиерейских Соборов и решений высшей церковной власти. Так, отношения Церкви и государства регулировались положениями Постановления ВЦИК и Совнаркома «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. На основании этого документа Архиерейский Собор 1945 года принял каноническое «Положение об управлении РПЦ», канонически определявшее полномочия Соборов, Патриарха, епархиальных архиереев, основы организации приходской жизни. В 1961 году архиерейский собор, следуя указаниям Совета министров СССР, внес принципиальные изменения в текст «Положения».

Освещая этот вопрос, отец Павел писал: «Архиерейский Собор 1961 года исключил из „Положения“ раздел IV „Приходы“ и заменил его новой схемой управления приходом, изложенной на стр. 15-17 „ЖМП“ №8 за 1961 год в 12-ти статьях. По прямому смыслу этой схемы настоятель отстраняется от участия в хозяйственных функциях, связанных с пребыванием в „двадцатке“ и ее исполоргане. Комментируя решение Архиерейского Собора, свят. патр. Алексий пишет: „Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безупречной жизни всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что хозяйственные заботы уже не лежат на нем, и что он может спокойно

отдаться духовному руководству своими пасомыми. /./ Как рядовые прихожане, так и члены церковных советов видят в священнике своего духовного отца и пастыря, обращаются к нему за советом и благословением, как в личной духовной жизни, так и в приходской жизни в целом“.

Уполномоченный смотрит реалистичнее:

1. Священник не может быть членом „двадцатки“.
2. Не должен выдвигать кандидатов в исполорган, голосовать и участвовать в собрании.
3. Не должен даже присутствовать на собрании „двадцатки“.

Заканчивая к середине мая 1975 года свою книгу, отец Павел пришел к заключению, которое изложил в пяти тезисах:

«Можно считать достоверными следующие выводы.

1. Атеистическая идеология оказалась неспособной бороться с религией равным оружием, и была вынуждена опереться на государственный аппарат принуждения. Советское государство сделалось по существу своему атеистическим. В нем нет, и не может быть свободы совести. В то же время Советское государство не хочет в этом откровенно признаться и ставит свои органы в двусмысленное положение. Они вынуждены вести двойную игру. Это извращает правовую природу. В своем отношении к религии Советское государство перестает быть правовым институтом и определяет себя как диктатура.

2. В этой двусмысленной ситуации церковная иерархия пытается сохранить дух и формы православия путем постепенного отступления по всему фронту. Последовательно проводимая политика уступок привела к антиканоническому „Положению об управлении РПЦ“ 1961 года. Следствием нового „Положения“ явилась изоляция общины от приходского духовенства и епископа, изоляция епископа от приходского духовенства. Произошло разрушение иерархической структуры РПЦ. Звенья иерархии разрублены и поставлены под видом „контроля“ в абсолютную зависимость от государственных органов.

3. Повеждь церкви. (Мф. 18:17)

Такое положение вызывает тревогу православного народа: что ждет Церковь завтра?

Одни надеются, что иерархия РПЦ остановится у того предела, за которым уступка становится предательством. Тогда мученическая кровь снова станет семенем возрождения церковной жизни. Другие сомневаются, что этот предел можно четко обозначить. В этом случае уступки приведут к безоговорочной капитуляции. Церковь сведется к идеологическому отделу пропаганды и сохранит внешние формы за счет духовной смерти.

4. Третьи полагают, что предел давно пройден. Бессловесная покорность логически и практически привела к отказу от принципиального уклада и задач Церкви. В этом случае Церковь из инородного станет однородным с Советским государством телом. Она не впитается, а растворится в государстве и прекратит свое существование как форма. А Дух неуловим: „Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит“ (Ин. 3:8).

5. Тревога православного народа не только понятна. Она необходима. Это инстинкт самосохранения, присущий каждому живому организму. В равнодушии - смерть. Тревога свидетельствует, что судьба Церкви православному народу безразлична. Пульс общественной жизни еще бьется».

15 мая 1975 года, допечатав последнюю страницу, отец Павел сложил листы рукописи в папку и спрятал ее на верхней полке книжного стеллажа до лучших времен (в 2010 году книга «Своими глазами» была опубликована).

Через некоторое время отец Павел получил известие от архиепископа Рижского и Латвийского Леонида (Л.Л. Полякова) с приглашением служить в Рижской епархии в местечке Алуksне. Там освободилось место настоятеля православного храма Живоначальной Троицы. После недолгих обсуждений с матушкой Верой Михайловной было принято решение переезжать. Рижская епархия хоть и не Россия, но к Москве, Новгороду и Пскову гораздо ближе, чем средняя Азия. Да к тому же Прибалтика — историческая родина дальних предков рода Адельгеймов, и там отношения с уполномоченными еще не испорчены.

Получив открепительные документы в Ташкенте, отец Павел отправил жену с детьми самолетом в Ригу, а сам с машиной на пароме через Каспий и дальше по российским дорогам поехал на новое место службы.

Городок Алуksне — бывший Мариенбург — оказался довольно живописным местом. Расположен он на берегу озера в двухстах километрах от Риги и в шестидесяти — от Пскова. Прибывшему настоятелю с семьей выделили недостроенный дом в полутора километрах от храма, и они стали обживать на новом месте.

Дети поступили в местную школу. Сначала их определили в русский класс, где учились дети военнослужащих. Однако директор школы, испугавшись возможного возмущения родителей тем, что их дети учатся вместе с верующими поповскими детьми, перевела их в другой класс. Вот тут и началось возмущение. Дети офицеров стали категорически требовать от школьной администрации возвращения Вани и Ани в свой класс. На ноги был поднят родительский комитет, организовано родительское собрание, и все закончилось возвращением детей на прежнее место учебы.

Отец Павел начал служить. Прихожане приняли его радушно. Между ними и священником установились добрые дружеские отношения. В свободное время Павел Анатольевич привычно, по-хозяйски взялся достраивать и обустроить дом. Ну а если дома идет строительство, то как заодно не сделать ремонт в храме — обновить и подштукатурить стены, покрасить полы и двери. Пригодился опыт маляра-штукатура, полученный в следственном изоляторе Ташкентского КГБ.

По окончании работ в Алуksне внезапно приехал Владыка Леонид. Вера Михайловна с утра прибиралась в доме, отец Павел писал проповеди у себя в кабинете — готовился к службе. На улице возле дома остановился автомобиль — черная «Волга». Матушка выглянула в окно и увидела выходящего из машины архиепископа Леонида.

— Павел! Владыка приехал! Иди, встречай скорее.

Пока отец Павел собирал костыли и надевал подрясник, архиерей уже подошел к крыльцу. Вера бросилась прятать в туалет собаку — огромного водолаза Кару, живущего у них в доме. За этим занятием и застал ее вошедший в дом архиепископ.

— Что ж вы, матушка, такую красоту прячете?

Вера растерялась и выпустила собаку, которая тут же бросилась навстречу гостю. Встав на задние лапы и положив передние на архиерейские плечи, она принялась неистово лизать его лицо, усы и бороду. Владыка смеялся.

— Вот это прием! Ну, здравствуй, здравствуй!

Вера оттащила собаку, вышел отец Павел и приветствовал Владыку.

- Благословите, Владыка.

— Мир вам, отче. Ну, как вы тут устроились? Показывайте.

Пока отец Павел показывал Владыке дом, Вера Михайловна хлопотала на кухне. Затем они сели пить чай и обсуждать вопросы церковной жизни. Владыка расспрашивал о здоровье, о детях.

Интересовался, есть ли в чем нужда. После чая поехали в храм. Состоянием церкви Владыка остался доволен и, пообщавшись с прихожанами, отправился в обратный путь.

Отец Павел часто выезжал из Алуksне в Москву и Псков. Ему очень не хватало общения с умными, думающими людьми. В какой-то степени его заменяла переписка с опальным Владыкой Ергоном, старенькой матушкой Евгенией, со знакомым ему по Ташкенту ссыльным диссидентом и религиозным публицистом Феликсом Карелиным и другими. В Москве он погружался в историко-философскую и религиозно-богословскую среду, полную духовного творчества и независимой свободной мысли. Вернувшийся в столицу Карелин пригласил его участвовать в домашних семинарах религиозных диссидентов. Там отец Павел близко сошелся со священниками Глебом Якуниным, Николаем Эшлиманом, Александром Менем (знакомым по учебе в Духовной Академии) и православным историком и богословом Львом Регельсоном.

Лев Львович Регельсон — автор известной книги «Трагедия русской церкви 1917-1945», видел стержневую проблему Церкви в искажении ее устройства после великого Поместного Собора 1917 года и восстановления патриаршества. Глубокому анализу он подвергал соблазны обновленчества и сергианства. Много из того, что происходило в современной церковной жизни, его огорчало и ранило. Болезни Церкви он переживал изнутри, как свои собственные.

В эти годы отец Павел заочно познакомился с заведующим кафедрой славистики парижского университета профессором Никитой Алексеевичем Струве и стал регулярно отправлять ему свои статьи для публикации в журнале «Вестник РСХД».

В этом кругу отец Павел мог без боязни делиться своими размышлениями. Там же он познакомился с псковским священником Сергием Желудковым. Скромный сельский батюшка, отец Сергей был одним из ярчайших современных богословов, глубоко переживавшим трагическое положение христианства не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Приняв вызов повсеместно распространяющегося атеистического мировоззрения, он в конце 1960-х годов занялся анализом современного состояния христианской мысли и изложил его в своем труде. В ответ апологету атеизма - всемирно известному философу и математику Бертрану Расселу, написавшему популярную книгу «Почему я не христианин», отец Сергей назвал свой труд «Почему и я - христианин». В ней он призывал к бесстрашию и свободе мысли, искал пути осмысления труднейших базовых вопросов мироздания, на которые современная Церковь ответов не давала. Говоря о кризисе современного христианского сознания, он вскрывал слабость и нежизнеспособность церковного толкования догматических учений. Делал это в предельно резкой и ясной форме:

«Вот некоторые образчики нашего церковного учительства из совсем уж недавнего времени:

„В смерти Иисуса Христа открылась высочайшая правда Божия, когда Бог потребовал столь важной, кровавой жертвы для заглаждения вины человечества“. (А. Иванов. Руководство к изучению священных книг Нового Завета /для духовных семинарий/. Пгр., 1915. (Стр. 164).

„Он (автор говорит о Боге), обладая высшими совершенствами разума и воли, наслаждается ощущением согласного действия всех сил и поэтому бесконечно счастлив.“. (Прот. И. Богоявленский. Православный Символ веры. Таллин, 1939. (Стр. 24).

„Пусть благодатный Покров Божией Матери защищает нас от праведных стрел гнева Божия за грехи наши“. (Митрополит Николай, Проповедь, 1958).

„И на глазах у апостолов Христос, живой, радостный, торжествующий, оторвался от земли, преодолев законы земного притяжения, и отошел в заоблачные дали, в лучезарную синеву, освятив воздух восшествием Своим, пройдя через все небесные круги: атмосферу, стратосферу и ионосферу. Это было, и я это вижу так ясно, как будто был при этом - и всякое сомнение в этом факте, запечатленном очевидцами, немыслимо и невозможно“. (Из письма Л., 1964).

При всем почтении к авторам, подобные выражения христианства внушают уныние, гораздо более тягостное, чем любая антирелигиозная пропаганда. Эти условности и пошлости непременно должны умереть; но ведь не в них же заключается и не умрет с ними вечная святость христианства. Такова природа нашего кризиса в приведенных простейших примерах. // Бывший „Закон Божий“, Катехизис, душеполезная литература - ничто это сегодня уже не годится и даже в устах очень достойных людей внушает недостойное впечатление».

Трудные извечные вопросы требуют вразумительных ответов. Думая об этом, отец Сергей не удовлетворялся прекраснотелными рассуждениями о том, что величие Господа отражается в красоте и разумности Его творения. Он честно, не лукавя перед собой, смотрел на реальность бытия.

«Говорят, что прекрасна Природа, отображающая своего Художника. Это пейзажное впечатление рушится при ближайшем знакомстве с осьминогом, со вшами. Внешняя красота мира условна, общий же принцип природного бытия чудовищно безобразен. Мы - постоянные зрители и участники безмолвной битвы за существование в странном и страшном мире, где всякая жизнь живет только за счет другой, пожираемой или вытесняемой жизни. /.../ Обращаясь к земной судьбе человека, мы видим и здесь всюду великие страдания, великие уродства, великие бедствия».

Отец Сергей анализировал труднейшие аспекты современного богословия и ставил принципиальный вопрос о том, почему люди сознательно приходят к вере в Бога и христианству. В начале 1970-х его книга уже широко распространялась по стране в самиздатском варианте, а в 1975 году была издана в ФРГ.

Непомерно тяжелая и вместе с тем в высшей степени достойная христианина задача, взятая на себя отцом Сергием, безусловно, впечатляла отца Павла. Общение с выдающимися богословами и религиозными мыслителями вдохновляло его, определяло цели и смысл его дальнейшего жизненного пути.

В тихом и спокойном Алуksне ему становилось тесно. В 1976 году секретарь митрополита Псковского и Порховского Иоанна (Д.А. Разумова) отец Владимир Попов сообщил, что в епархии освобождается место настоятеля храма в городе Великие Луки, и что митрополит не против предложения этой вакансии отцу Павлу. У митрополита произошел конфликт с великолукским священником, и он решил отправить его за штат. Воодушевленный надеждой перебраться в Россию, отец Павел поехал в Ригу к архиепископу Леониду. Тот с большим сожалением услышал о намерении настоятеля Троицкого храма покинуть Рижскую епархию, но насильно удерживать не стал. Выдал открепительную грамоту и отпустил с Богом. В глубине души латвийский Владыка, наверное, надеялся, что отец Павел передумает и вернется на прежнее место, и на какое-то время оставил дом в Алуksне за ним.

12. Псков

Когда отец Павел прибыл к Псковскому митрополиту на прием за обещанным назначением, его ожидал неприятный сюрприз. Настоятель храма в Великих Луках, испугавшись увольнения за штат, опомнился и покаялся перед Владыкой Иоанном в своих неразумных заблуждениях. Митрополит великодушно простил его и оставил служить на прежнем месте. Таким образом, вакансии не стало, и отец Павел оказался не у дел, а его семья - без средств к существованию. Обескураженный, он спросил у митрополита:

— Как же мне теперь быть, Ваше Преосвященство? Ведь в Алуksне я уже не служу, а у меня семья, дети.

— А что теперь поделаешь? Это место занято. Видать, поторопился ты уходить от Владыки Леонида.

— Я же не сам ушел, Ваше Преосвященство. Я по Вашему благословиению.

— И что мне теперь с тобой делать?

Архиерей задумался, посмотрел какие-то бумаги, взглянул на священника-инвалида и произнес:

— Ладно, если хочешь, езжай служить в Велье, там на днях настоятель умер. Деревня эта небольшая, но ничего другого у меня нет.

— Выбора нет. Благословите, Владыка, я согласен.

Умерший настоятель деревенской церкви оказался отцом Владимиром Носовым — давним знакомым отца Павла, который преследовал его с 1954 года (после того самого гомосексуального скандала в Новосибирской епархии настоятеля сняли с должности и вывели за штат).

Пока семья готовилась к переезду, паковала вещи, среди которых главной ценностью была большая библиотека, отец Павел по воскресным и праздничным дням начал служить в Велье. Зимой, каждую субботу, в морозы, по скользкой ночной дороге на своем «Запорожце» ездил он за сто километров исповедовать и причащать вельевских старушек, крестить и отпевать местных жителей. Приход немногочисленный, службы — один раз в неделю. Это не приносило ни дохода, ни зарплаты священнику. Средств едва хватало на дорогу туда и обратно. Да и машина не новая — постоянно нуждалась в ремонте. Деньги нужны были и на переезд, и на обустройство, и на семью. Маше постоянно требовались лекарства, у Ани с Ваней, старшекласников, не было ни праздничного платья, ни выходного костюма для выпускного вечера.

Понимая тяжелое положение отца Павла, епархиальный секретарь отец Владимир предложил ему служить вторым священником у себя в церкви Св. Николая Чудотворца. Здесь и службы каждый день, и приход побольше, и требы регулярные, поскольку храм располагался на кладбище в районе Любятово на окраине Пскова. Отец Павел с радостью принял это предложение.

Посчитав все оставшиеся у него деньги и взяв займы у друзей, этим же летом купил маленький домик возле речки Псковы, на Красногорской улице. В него перевезли вещи, и семья окончательно переехала в Псков. Стали обживать, дети осенью пошли в школу. До конца зимы прожили в тесноте, а с началом весны затеяли большую перестройку дома. Сделали со всех сторон кирпичные пристройки, надстроили второй этаж с большой верандой. В строительстве много и активно помогали прихожане Троицкого храма из Алуksне. Двое из них — Арнольд Гулбас и Иван Семкин — приехали в Псков и все лето трудились с утра до вечера. Отец Павел месил цемент, пилил доски, выполнял все подсобные работы. Дети с Арнольдом и Иваном возводили стены и крыли крышу. Матушка Вера хлопотала по хозяйству. К концу осени большой добротный дом был в основном построен. Помещение старой маленькой избушки превратилось в большую гостинную, у детей появились свои комнаты, а у отца Павла - рабочий кабинет. Жизнь потихоньку налаживалась, хотя денег по-прежнему катастрофически не хватало. Почти вся его зарплата уходила на строительство дома.

В начале 1977 года мать одного из однокласников Вани и Ани, зная о тяжелом материальном положении семьи Адельгеймов, предложила Вере Михайловне вакантную должность делопроизводителя в городском Доме пионеров. Матушка, не раздумывая, согласилась. Предложившая работу женщина - Надежда Павловна Иванова - была директором станции юных натуралистов (СЮН) областного отдела народного образования и через некоторое время устроила перевод Веры Михайловны в свою организацию на должность завхоза.

Надо отметить, что коллектив Псковской станции юных натуралистов был еще тот «клубок друзей» и «серпентарий единомышленников». Ругались и скандалили друг с другом по любому поводу. Предшественника Веры Михайловны - единственного мужчину в коллективе, отставного

полковника, крепко треснули стулом по голове. Полковник обиделся и написал заявление об увольнении по собственному желанию. Нового завхоза женщины приняли настороженно. Директору стали высказывать претензии:

— Ты что, Надежда, совсем с ума сошла?! Мы тут все учителя - люди интеллигентные, а ты жену попа притащила!

Надежда Павловна заволновалась и пошла на прием к заведующему ОблОНО - Петру Филипповичу Лукину. Тот внимательно выслушал ее и сказал:

— Если она нужна тебе, то бери. Пусть работает, а ты ничего не бойся.

Надежда Павловна, получив поддержку высокого начальства, успокоилась. Однако не успокоился коллектив, и антирелигиозные брюзжания, добавившиеся к привычным склокам, продолжались, то нарастая, то затихая.

Вера Михайловна в споры не вступала, а спокойно и качественно выполняла свои обязанности. При ее опыте множества переездов и ремонтно-строительных кампаний, проведенных вместе с отцом Павлом, работа завхоза не казалась ей особенно сложной. У нее всегда было все необходимое, заказы сотрудников выполнялись своевременно и точно. Вскоре почти все сотрудницы СЮНа успокоились и стали конструктивно и по-доброму общаться с Верой Михайловной. Не могла успокоиться и долго мучила воду только методист станции Раиса Максимовна — женщина энергичная и скандальная (та, что чуть было не сломала казенный стул об голову предыдущего завхоза). Все сотрудницы станции работали в одном большом кабинете, и эмоциональное напряжение там ощущалось постоянно. Скандал мог вспыхнуть по любому поводу и в любую минуту.

Однажды, во время очередной перепалки сотрудниц, Вера Михайловна, сидя за рабочим столом, закрыла глаза и молча стала читать про себя Иисусову молитву. На нее никто не обращал внимания. Вдруг Раиса Максимовна, сидевшая напротив, вскочила и с диким криком бросилась к столу Веры Михайловны. Постояв рядом, не переставая кричать, она со страшным воем бросилась вон из кабинета. Все женщины переполошились, стали спрашивать:

— Что случилось?

— Вера, что ты ей сделала?

— Да ничего я не делала. Я спала.

— Нет, ты что-то сделала, признайся. С чего это она на тебя так бросилась?

- Я молилась. Читала Иисусову молитву.

Вскоре в кабинет вернулась Раиса Максимовна. Она была тихая и спокойная. Некое подобие кроткой и, даже можно сказать, смиренной улыбки застыло на ее лице. Она села за свой стол и продолжила работу. Женщины, увидев это, удивились, но промолчали и тихо разошлись по своим местам. В конце рабочего дня каждая из них, выбрав момент, чтобы не видели другие, подошла к Вере Михайловне и, смущаясь, попросила написать ей слова той молитвы.

После этого странного случая отношения в коллективе стали меняться в лучшую сторону, а Раиса Максимовна на долгие годы стала хорошей и доброй подругой матушки Веры.

Отец Павел служил в Любятковском храме. Отношения с настоятелем отцом Владимиром складывались замечательные, они были единомышленниками и хорошо понимали друг друга. С приходом второго священника община церкви Св. Николая значительно выросла и в количественном, и в качественном отношении. Люди часто приезжали с других концов города послушать его проповеди.

На время болезни настоятеля кафедрального собора Святой Живоначальной Троицы отца

Павла назначили временно исполнять его обязанности. В этой должности он прослужил десять месяцев, затем вернулся в Любятово, в церковь св. Николая Чудотворца. Так незаметно, в трудах и заботах, пролетело почти два года. Работал он в это время много и продуктивно. Кроме богослужений, делал доклады и читал публичные лекции в городских учреждениях культуры, часто встречался с научной и творческой интеллигенцией.

В те годы стали популярными неофициальные встречи и семинары, посвященные религиозно-философским вопросам. Создавались даже неформальные религиозные просветительские организации. Так, в Ленинграде в течение многих лет действовал тайный христианский кружок на квартире доктора физико-математических наук, профессора астрономии, впоследствии православной монахини Елены Ивановны Казимирчак-Полонской. Создание этого кружка благословил известный ленинградский священник отец Василий Лесняк.

У Елены Ивановны собирались и ученые — математики, физики, астрономы, гуманитарии, и литераторы, и священники Русской Православной Церкви. Впоследствии этот кружок преобразовался в религиозно-философское общество имени Владимира Соловьева, которое возглавил доктор физико-математических наук, профессор Сергей Анатольевич Гриб. В работе организации активно помогал его брат, также доктор физико-математических наук, академик РАЕН Андрей Анатольевич Гриб. Оба они были частыми и желанными гостями в доме отца Павла.

Кроме встреч и бесед с приходившими и приезжавшими к нему отовсюду людьми, батюшка вел обширную переписку со многими известными философами и богословами Москвы, Ленинграда и других городов. По возможности старался принимать участие в различных философских и богословских семинарах и конференциях. Как правило, такие собрания носили характер неформальных домашних встреч. В 1970-е годы молодые ученые — аспирант философского факультета ЛГУ Константин Иванов и аспирант института культуры Владимир Шаронов, создали в Ленинграде нелегальное религиозно-философское общество «Открытое Христианство». Одной из его главных задач было религиозное просвещение интеллигенции. На домашних философских и богословских семинарах участники «Открытого Христианства» обсуждали вопросы церковной истории и положения Церкви в современном мире.

На одной из таких встреч ленинградский философ Константин Иванов предложил отцу Павлу поучаствовать в нелегальном выпуске серии книг, посвященных вопросам религии и атеизма. Издавать их планировалось за рубежом, в Швейцарии. И авторы, и составители выступали под псевдонимами. Материалы предполагалось оформлять как публикацию личной переписки между атеистами и верующими людьми. Сторону атеизма представляли не примитивно-вульгарные безбожники, а умные, честные и достойные люди. Одним из них был известный советский диссидент, убежденный атеист Кронид Любарский. Вопросы он ставил сложные, трудные и приводил достаточно весомые аргументы в пользу своей позиции.

Отец Павел откликнулся на это предложение и вместе с отцом Сергием Желудковым стал активно участвовать в проекте. Его глубокие познания в богословии и христианской философии позволяли ему смело вступать в дискуссию по самым сложным вопросам человеческой жизни. Четкая, логичная аргументация взглядов сочеталась у него с удивительнейшим смирением, искренним уважением и любовью к оппоненту. Книга была издана в 1982 году фондом швейцарского объединения «Вера во втором мире», в двух томах под названием «Христианство и атеизм. Личная переписка». Ее небольшой тираж, нелегально привезенный в Советский Союз, быстро разошелся по крупным городам, где она вручную перепечатывалась и распространялась.

Известность отца Павла росла с каждым днем. Его хорошо знали не только в Пскове, но и в других городах. О нем говорили, его читали и слушали не только православные христиане. Часто к нему обращались за разъяснением трудных вопросов представители других конфессий и религий.

Пристально наблюдали за ним и органы госбезопасности. Со священником Павлом Адельгеймом регулярно встречались кураторы из состава старших офицеров КГБ. Один из них - майор Николай Петрович Васильев, вел себя на этих встречах достаточно жестко. Кричал, ругался, стучал кулаками по столу, угрожал новым сроком. С его точки зрения Адельгейм, в отличие от многих других священников, вел себя безобразно. Другие священники служат спокойно, непонятных сборищ по домам не устраивают, «стучат» по мере сил и возможностей, а этот - как не от мира сего. Толку с него никакого, один вред и беспокойство.

К счастью, майора Васильева уволили из органов, и его обязанности стал исполнять подполковник Петр Яковлевич Гусев - человек разумный, интеллигентный и спокойный. Он, в отличие от других своих коллег, уважительно относился к своему подопечному, вел с ним долгие беседы на различные темы и активной деятельности священника не препятствовал. Выйдя в отставку, полковник КГБ Гусев стал одним из ближайших помощников отца Павла. Но это произошло много лет спустя, а в то время распоряжением правящего архиерея священника Павла Адельгейма перевели служить в церковь св. Дмитрия Солунского, что находилась недалеко от его дома.

Настоятель храма - отец Валентин, по слухам, был секретным сотрудником комитета госбезопасности. Так или иначе, добросердечные отношения между настоятелем и вторым священником никак не складывались. Открыто они не враждовали, общались по рабочим вопросам, служили каждый в свою очередь, иногда и в гости друг к другу ходили, но общение было сугубо формальным. По мнению настоятеля, отец Павел занимался какими-то темными делами: что-то для кого-то писал, водил дружбу с неблагонадежным священником-диссидентом отцом Сергием Желудковым, часто ездил в Москву и Ленинград и общался с тамошними диссидентами, кто-то постоянно приезжал к нему. С гостями, да и с прихожанами он у себя дома, вне храма и службы, вел какие-то непонятные разговоры, которые порой затягивались далеко за полночь. Смутные подозрения и догадки отца Валентина регулярно подтверждались реальными фактами.

Как-то приехал к отцу Павлу домой учитель русского языка и литературы, завуч одной из московских школ Сергей Ганьковский. Он был человеком некрещеным и в Бога особенно не веровал, но о душе задумавшись, и отношения со своей совестью хотел как-то упорядочить. Он смутно догадывался, что живет как-то не так и учит своих питомцев не совсем тому, что им реально нужно. Как всякий мыслящий человек, он не мог не видеть огромной пропасти между реальной жизнью и тем, что про нее говорят по радио. В поисках ответа на трудные вопросы он стал активно читать самиздатовскую литературу и посещать диссидентские собрания. Чем больше Сергей узнавал, тем муторней и отвратительней становилось у него на душе. Смысл катастрофически исчезал, и жить порой не хотелось. Отношения с идеологической партийно-государственной властью и системой образования не складывались. Нужна была какая-то жизненная опора, и он стал думать о Церкви. Одна из его знакомых, человек верующий и воцерковленный, посоветовала съездить к отцу Павлу в Псков.

— Поезжай, Сережа, отец Павел священник честный и разумный. И не сдаст тебя, у него самого отношения с властью не ладятся.

Последний аргумент стал определяющим, и Сергей, набрав по совету той же подруги целый рюкзак продуктов, отправился в Псков. В советских областных и районных центрах того времени снабжение продуктами питания было очень плохим, на прилавках магазинов хоть шаром покати. Вот и везли все из крупных городов - Москвы и Ленинграда. В народе тогда такая загадка загадывалась — что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой? Это электричка из Москвы на Ярославль.

Приехав в Псков, Ганьковский нашел дом и постучал в ворота. Во дворе залаяла собака, а затем хозяин открыл калитку. Это был человек лет сорока с очень светлым, молодым, почти юношеским лицом. Он пригласил гостя в дом. Сели обедать. За столом Сергей стал рассказывать о своей жизни. Отец Павел слушал внимательно и в конце рассказа задумчиво произнес:

— Надо разбираться. Тут все непросто.

В это время на кухню вошла одна из прихожанок и, увидев батюшку в глубокой задумчивости, сказала:

— Отец Павел, вам ведь служить вечером. Поспали бы хоть немного.

Сергею показалось, что он злоупотребляет гостеприимством и вниманием священника. Извинившись и поблагодарив за угощение, сказал, что ему надо срочно сходить на почту — позвонить в Москву. На улице он подумал, что зря приехал в незнакомый город, зря докучает чужому человеку своими проблемами. Что ему такого принципиально нового может сказать какой-то поп? Это иллюзии и пустые надежды — искать от вет ы на свои глубоко личные вопросы где-то на стороне, у кого-то другого. Каким бы разумным человек ни был, свою голову он тебе не приставит.

Рассуждая так, Сергей решил отправиться на вокзал и ближайшим поездом уехать в Москву. Однако на вокзале его одолели сомнения. Что-то непонятное, неосознанное удерживало его здесь. Чувства и мысли, противоречиво сталкиваясь, создавали сумбур в душе и неопределенность в желаниях. Уже стоя в очереди за билетами, он нашел компромиссное решение. Уехать, ничего не объяснив и не предупредив, выходило как-то по-свински. Люди будут беспокоиться. Может, подумают, что его машина сбила или еще какое несчастье приключилось. В общем, Сергей решил отложить свой отъезд. Он придумал, что в дом священника возвращаться не будет, а придет к нему на службу к самому ее окончанию, объяснит, что обстоятельства требуют его скорейшего возвращения, простится и спокойно отправится домой.

Зайдя в храм, он встал в стороне, осматривая убранство церкви, слушая пение хора и внятное чтение отца Павла. Внезапно на него накатила непонятная тоска, чувство жалости, и слезы сами собой полились из глаз. Он не помнил, как закончилась служба, как они с отцом Павлом вышли из церкви и отправились к дому. По дороге отец Павел сказал ему:

— Вам, Сережа, надо бы как-то причаститься.

— А вы, батюшка не боитесь причащать нераскаявшегося грешника?

Тот усмехнулся и немного погодя вполне серьезно ответил:

— Я ни разу в жизни не встречал раскаявшихся грешников. Я и сам нераскаявшийся грешник.

Откровенность и искренность священника удивила и ободрила Сергея. Какая-то неясная и неосознаваемая надежда затеплилась в его душе. Он внимательно посмотрел на собеседника, который шел, прихрамывая на правую ногу и думая о чем-то своем. Хромота отца Павла вызывала в нем невольное уважение - артрит, наверное, мучает, а он ходит и служит, преодолевая боль. Сильный человек.

Так, рассуждая о нем и думая о себе, Сергей решил быть тоже до конца откровенным и искренним.

— Вы знаете, я постоянно живу в страхе. Я боюсь почти всего - ареста, пыток, боли. А больше всего я боюсь, что в случае если меня арестуют и станут пытаться, я выдам всех своих друзей, всех кого знаю. Я жутко боюсь боли и смерти. Я не выдержу.

— Отец Павел ответил не сразу. Пристально посмотрел на него и уверенно произнес:

— Успокойтесь, никого вы не выдадите. Когда бьют, сначала можно терпеть, потом от боли не можешь говорить, а затем просто теряешь сознание.

— Вам-то откуда это знать?

— Знаю. Мне когда-то ногу отпилили хирургической пилой без наркоза.

Ошеломленный, Сергей не мог произнести ни слова, и они долго шли молча. Молчание нарушил отец Павел:

— А насчет смерти, Сережа, я так думаю, что умереть в своей постели - это, знаете ли, как-то буржуазно..

Последняя сентенция рассмешила Сергея. На дворе стоял 1980 год, год Московских олимпийских игр - апофеоз брежневской «стабильности» и застоя, а он добропорядочную, спокойную смерть называл буржуазным предрассудком. Лед возникшего вначале недоверия к отцу Павлу был сломлен. С тех пор почти каждый месяц Сергей, а затем и его бывшие ученики стали регулярно посещать дом этого удивительного священника.

Встреча с отцом Павлом стала для Сергея судьбоносной. В 1992 году он с благословения батюшки был рукоположен в сан иерея Православной Церкви, а позже стал настоятелем храма Владимира Священномученика в городе Королеве под Москвой.

В отличие от многих других людей, общавшихся с отцом Павлом, настоятель храма св. Дмитрия Солунского — отец Валентин — совершенно не понимал и категорически не принимал его образ церковного служения. Он терпел Адельгейма в своем храме, но очень хотел от него избавиться. Об этом он периодически просил правящего архиерея — Владыку Владимира. Неизвестно, как бы разразился и чем закончился назревавший в Дмитриевском храме конфликт, если бы не вмешательство в эту ситуацию игумена Псковско-Печерского Успенского монастыря отца Гавриила. Будучи священнослужителем с далеко не однозначной репутацией, он всегда оставался человеком разумным и в меру прагматичным. Обратившись как-то к отцу Павлу, он сказал:

— Если вам не очень принципиально служить именно в Пскове, то поменяйтесь с отцом Петром. Он служит настоятелем в поселке Писковичи под Псковом, в церкви св. Евангелиста Апостола Матфея. Он спит и видит, как бы ему перебраться в город.

Отец Павел согласился без колебаний, договорился с отцом Петром, и правящий архиерей удовлетворил обоюдную просьбу двух священников.

В 1981 году храм в Писковичах находился в весьма плачевном состоянии. В церкви не было икон и облачения, оконные проемы местами были заткнуты ветошью и заколочены досками, стены и потолок закопчены сажей от недавнего пожара. В центральной части храма не было пола. Увидев эту разруху, отец Павел печально вздохнул, перекрестился и принялся за работу. Службы начали проводить в наиболее сохранившемся приделе, где был хотя бы пол. Поначалу новому настоятелю помогали чтецы и певчие из псковских церквей, затем сформировался свой небольшой хор. Так, с молитвами о Божьей милости, отец Павел с друзьями и единомышленниками приступили к ремонту и восстановлению храма.

Помощь поступала отовсюду, где знали, любили и помнили священника Павла Адельгейма. Со всех приходов, где он служил, потянулись в Писковичи добровольные помощники. Пришли на помощь и местные жители. Помогали, кто чем мог: деньгами, стройматериалами, своим трудом. Из Ташкента и Кагана прислали новое облачение и свечи. Из Ленинграда братья Константин и Михаил привезли собранные ими иконы. Новые иконы написали ленинградские иконописцы Евгений Перл и его ученик Михаил Принцев. Запрестольный образ-витраж выполнил известный ленинградский художник, лидер группы «Митьков» Дмитрий Шагин. Храм постепенно очищался, преображался, светлел и наполнялся новой церковной жизнью. Люди, приходившие в храм к отцу Павлу, часто оставались с ним надолго, многие навсегда.

Вот как об этом времени вспоминает актер Псковского драматического театра им. А.С. Пушкина Виктор Яковлев, ставший на долгие годы верным другом, помощником и соратником отца Павла:

«Тогда, в начале 1980-х, о. Павел служил в церкви св. Апостола Матфея в селе Писковичи, пригороде Пскова. Мысль поговорить о своих остро назревших внутренних проблемах (личных и связанных с работой на драматической сцене) с батюшкой зрела давно. Сейчас не вспомнить, кто именно из друзей назвал имя священника Павла Адельгейма, но однажды темным зимним воскресным утром, выйдя из промерзшего автобуса, я подошел к сельскому храму на высоком погосте на берегу реки Великой. Вошел и встал среди немногочисленных прихожан. Несколько горящих свечей, освещенный одинокой лампой клирос правее иконостаса, монотонный голос чтеца с редко долетающими до слуха отдельными словами. Из алтаря вышел батюшка (совсем еще не старый, подумалось) и, заметно припадая на правую ногу (оказалось, протез), размеренно позвякивая кадиллом, обошел храм. Все преобразилось с первым возгласом: „Благословен Бог наш!..“ (служили только по воскресеньям, и литургии предшествовала вечерня с утреней). Началась ни на что не похожая из виданного мною раньше высокая служба- служение. Сильный, ясный голос, не роняя ни единого звука, вел вдумчивый, неспешный диалог с Подателем всех благ. С ним явно диссонировал дребезжащий хорик из нескольких старушек. „Ми-ир всем!“ - торжественно возвещал священник. „И духови твояму-у-у.“ - отвечал хорик. (Знаменитый псковский говорок: „ня надо“ вместо „не надо“, „клявать“ вместо „клевать“.).

А потом, к концу литургии, перед самым причастием, была проповедь, от которой бросило в дрожь. Каждое слово - про меня! Оно обжигало, обличало, призывало, указуя путь и средства передвижения от тьмы к свету. Мысленно перебирал, откуда могло быть известно батюшке про меня, незаметно, как мне казалось, вошедшего в храм. Искал и не находил. Косил глазом на сторону: ничем не примечательный деревенский люд, в основном старушки. Зачем им здесь такое вдохновенье, в котором евангельский слог перемежается строками классической поэзии, где вполне обыденная и доходчивая по форме речь касается таких предметов, что множество причинноследственных нитей, обнажаясь одна за другой, начинают светиться?! Такова природа проповеди отца Павла, да и, думается, любой подлинной проповеди. ./.

На следующей неделе я приехал в храм днем. Батюшка в повязанном на затылке платочке отбивал шпукатурку в притворе. Повязав так же, „по-пиратски“, платок, я присоединился. ./. После шпукатурки были еще какие-то храмовые работы. Тогда уже начались долгие домашние чаепития с расспросами, рассказами, теперь уже в подробностях, старыми фотографиями и чтением вслух. С удивлением узнал, что батюшка знал Надежду Яковлевну Мандельштам, что он - внучатый племянник тех самых Рафаила и Роберта Адельгеймов, знаменитых трагиков, известных мне по курсу истории русского театра. Открылся поток совершенно новой для меня литературы: святоотеческой, эмигрантской, неопубликованной русско-советской. Были и дореволюционные издания, и западные (УМСА-Press, „Посев“, другие), что-то на кустарной фотобумаге, но в основном — машинописный самиздат. Б. Пастернак (наконец-то прочитан „Доктор Живаго“), А. Солженицын (помимо романов — перефотографированный „Бодался теленок с дубом“), В. Максимов, В. Войнович, Г. Владимов, А. Галич, переписка о. Сергия Желудкова и рассказы о встречах с ним. /.../ Контекст встречи с этим удивительным человеком, священником Павлом Адельгеймом, встречи, граничащей с откровением и определившей жизнь на четверть века вперед (и далее — сколько Бог даст), с поразительной быстротой расширялся».

Большой дом отца Павла и матушки Веры на Красногорской улице всегда был полон гостей. Приходили со своими проблемами соседи, друзья детей, врачи, преподаватели.

Вспоминает Виктор Николаевич:

«Всегда кто-то ночевал: знакомые священники, монахи, семинаристы из Ленинграда, Прибалтики, Средней Азии и еще Бог весть откуда. Целая колония молодежи из подмосковного Королева во главе с бывшим учителем русского языка и литературы остроумнейшим Сергеем

Ганьковским, потом отцом Сергием, замечательным проповедником и строителем первого в Королеве храма».

Примерно в это же время с необычным псковским священником познакомились замечательные ленинградские поэты Олег Охапкин, Елена Пудовкина и Сергей Стратановский. Приехав в Псков, они прожили в доме отца Павла несколько дней. Читали друг другу стихи, говорили о Боге, религии, Церкви, о положении в стране, о семейной жизни. Как вспоминала впоследствии Елена Олеговна, она была поражена «масштабом личности этого священника, и атмосферой любви, окружавшей его, как облако. С отцом Павлом можно было говорить свободно о чем угодно — о Боге, о своих сомнениях и любых возникавших проблемах. У него не всегда были готовые ответы на задаваемые вопросы. Можно даже сказать, что чаще их не было, но его доброжелательность и умение поставить себя на место собеседника, взглянуть на ситуацию не только со стороны, но и глазами страждущего обращали встречу с ним в едва ли не главное событие в жизни многих и многих».

Каждого человека он слушал внимательно, старался понять суть вопроса и отвечал всегда просто, разумно, с уместным юмором. В нем сразу чувствовалась вера в Бога. Отец Павел ею жил, дышал, разговаривал, она была неотъемлемой частью его самого. Или, может быть, он был ее неотъемлемой частью.

Обычно беседы проходили у него дома, за большим кухонным столом, на котором всегда было угощение, заботливо приготовленное матушкой Верой. Люди часто приходили вместе с батюшкой после дневной службы. Все садились обедать и за едой обсуждали свои проблемы. Кто-то из гостей, поблагодарив хозяев, уходил, кто-то еще оставался, потом приходили другие и также садились за стол, ели, пили чай и беседовали. Вера Михайловна всегда была рядом, в поле зрения, но ее труды и заботы оставались тихими и незаметными. Она постоянно следила за столом, на котором то и дело появлялись новые порции приготовленного ею салата или горячего для вновь прибывших гостей. Обед нередко растягивался на несколько часов. Но сколько бы он ни длился, у гостей всегда была еда, чай и бутерброды. Многие продукты были со своего огорода, который также заботливо возделывался матушкой Верой. Труженицей она была замечательной, под стать своему мужу. И на своей работе справлялась, и весь дом был на ней, да еще и в церкви помогала.

Иногда люди приходили к отцу Павлу и за конкретной бытовой помощью: за деньгами, за советом или поддержкой в трудной жизненной ситуации. Он всегда откликнулся своим участием на чужие проблемы. Как позднее вспоминала матушка Вера, если кто-то просил у него займы денег, он мог из церковной кассы вынуть всю свою зарплату и отдать нуждающимся. Вера Михайловна порой сетовала:

— Павлик! Денег и так нет. На что жить будем? Ведь детям нужно обувь к зиме купить.

— Ничего. Верочка. Бог не оставит, проживем как-нибудь.

И Бог не оставлял. Когда оказалось, что у детей к выпускному вечеру нет никакой приличной одежды, кто-то из гостей принес новую рубашку для Вани, кто-то подарил Анне отрез хорошей ткани на платье, кто-то еще что-то принес. В результате дети на выпускном вечере смотрелись отлично. В этой же праздничной одежде они благополучно сдали вступительные экзамены и поступили в Ленинградский государственный гидрометеорологический институт.

При хроническом недостатке денег семью выручало подсобное хозяйство в виде огорода с теплицами и нескольких клеток с кроликами, которых Вера Михайловна приобретала по сходной цене на своей станции юных натуралистов. Одно время в хозяйстве даже была коза. Появилась она под рождество 1982 года. Как-то после вечерней службы отец Павел подвозил на своем «Запорожце» домой храмовую работницу. Она жила в соседней деревне, и в этот день у нее были очень тяжелые сумки с кормом для домашней скотины. Батюшка помог старушке занести сумки в дом и уже собрался

уходить, как вдруг к нему из-под стола выбежала маленькая белая козочка двух недель от роду.

— Какая хорошенькая, какая славная, — умилился отец Павел.

— Хорошая. Перед новым годом родилась, — ответила хозяйка. — Жалко ее, а к Рождеству придется зарезать. Мясо-то покупать дорого, а к празднику надо на стол что-нибудь.

Козочка, еще не совсем уверенно стоявшая на ногах, задрал вверх голову, смотрела на священника своими ясными светлыми глазами. Посмотрев на нее и на хозяйку, отец Павел вздохнул и произнес:

— Давайте мы, баба Феня, так поступим: вы мне подарите эту козочку, а я куплю вам мяса к празднику. Жалко ведь ее. Маленькая совсем.

— Конечно, жалко, тоже ведь тварь Божия, — сказала хозяйка и согласилась.

Так в хозяйстве семьи Адельгеймов появилась коза. Назвали ее Белкой, и Павел Анатольевич регулярно пас ее на травке возле дома.

13. Жизнь стала меняться

В 1982 году, 10 ноября, на 76-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда и четырежды Герой Советского Союза, Кавалер шестнадцати орденов Советского Союза и 66 орденов иностранных государств, Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Ленинской премии по литературе Леонид Ильич Брежнев.

В партийном руководстве страны началась предсмертная чехарда генсеков. За три года сменились трое. В стране назревал политический и экономический кризис. Коммунистическая марксистско-ленинская идеология трещала по всем швам. Компартия, проводя государственные реформы, изо всех сил пыталась удержать власть. Приближалась эпоха глобальных перемен, появились и первые признаки возрождения Церкви.

Так, в первой половине 1980-х, особенно после подписания Хельсинских соглашений, несколько смягчилось действие репрессивных механизмов в отношении Церкви. Однако до 1988 года оставались в силе многочисленные подзаконные акты, имевшие секретный характер, которые ограничивали деятельность религиозных объединений. Еще действовали «Инструкция по применению законодательства о религиозных культах» 1961 года и «Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа» от 31 октября 1968 года. Согласно этим документам регистрации подлежали не только религиозные объединения, но и служители культа, которые не могли выполнять своих «религиозных функций» без соответствующей справки.

Борьба коммунистической идеологии с религией шла не только в юридической сфере, но и в области пропаганды — через средства массовой информации. Используя ложь и клевету, коммунистические адепты пытались подорвать авторитет наиболее значимых и чтимых священников.

Под жернова этой пропагандистской кампании попал и отец Павел. 6 июня 1984 года в газете «Труд» под рубрикой «Из зала суда» была опубликована заметка «Грешный батюшка», в которой общественный корреспондент газеты Э. Гомолинский обвинял бывшего настоятеля храма св. прп. Сергия в городе Красноводске Туркменской ССР отца Павла Адельгейма в краже ценных икон и подмене их дешевыми копиями.

«Труд» — газета центральная, выходящая 15-миллионным тиражом. Оговор и клевета, опубликованные в ней, разошлись по всей стране. 20 июня 1984 года в официальной беседе Псковский митрополит Иоанн сказал священнику, что эта статья может иметь для него очень печальные последствия. Защищая свою репутацию, отец Павел написал жалобу в редакцию газеты с требованием либо предоставить аргументированные доказательства его причастности к этому преступлению и возбудить против него уголовное дело, либо напечатать опровержение. Ответа на нее не последовало. Оно и понятно - что могла сделать редакция профсоюзной газеты против воли всесильного КГБ и партноменклатуры.

Но начавшиеся процессы демократизации и обновления уже было не остановить. Перемены, происходившие в стране, настоятельно требовали переосмысления роли и места Церкви в жизни общества на принципиально новых позициях. В это время начали предприниматься первые попытки критики государственной религиозной политики на отдельных этапах советской истории. Вопреки всем стараниям господствующей коммунистической системы, религиозная идея набирала силу и становилась все более популярной в самых различных слоях общества.

Существенные изменения в церковной жизни Советского Союза начались в 1985 году, с приходом к власти нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и началом «гласности» и «перестройки». Во второй половине 1980-х годов Горбачев вынужден был перейти к новой политике в отношении религии. Нарастающий экономический кризис, недовольство народа ростом социальных и экономических проблем и отсутствие поддержки партии заставили его принимать половинчатые и противоречивые реформы в отношении Церкви и вовлекать верующих в процесс перестройки. С одной стороны, как неверующие, так и верующие должны были вместе трудиться во имя укрепления позиций социализма. С другой - партия и правительство полагали, что свобода действий Церкви, и особенно приходских священников, должна быть ограничена дополнительным государственным контролем.

Тогдашний председатель Совета по делам религий Константин Михайлович Харчев, следуя генеральной линии ЦК, в апреле 1987 года красноречиво говорил о поддержке, оказываемой перестроечной властью верующим: «Верующие поддерживают курс партии на коренное обновление нашего общества. Они видят в перестройке заботу партии, государства о сохранении мира, об утверждении принципов социальной справедливости, о чистой нравственной атмосфере общества».

В то же время, выступая перед преподавателями Высшей партийной школы, он цинично заявлял, что в стране 70 процентов населения являются верующими людьми и их мировоззренческие позиции находятся вне зоны контроля партии и правительства. Такое положение опасно и совершенно недопустимо. Призывая коммунистов к активизации идеологической работы, он говорил: «Можно сделать вывод, что идет интенсивный процесс проникновения Церкви в государственную политику. И давайте смотреть трезво: по нашей воле или против, но религия входит в социализм, и даже не входит, а въезжает, как по рельсам. И так как власть полностью принадлежит нам, то, я думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону, в зависимости от наших интересов... И тут перед нами встает задача: воспитание нового типа священника. Подбор и постановка священников — дело партии!».

Конечно, К.М. Харчева и идеологические структуры партии волновало не сращивание высших иерархов РПЦ с чиновниками госаппарата. Оно уже давно состоялось и активно служило делу разрушения Церкви. Высшие иерархи, в основной своей массе, были достаточно хорошо прикармливаемы и послушны всем решениям коммунистической власти. Партийный и государственный аппарат серьезно беспокоила политическая активизация верующего населения на местах, в церковных приходах, где деятельность некоторых священников оказывалась неподконтрольна правящему синоду РПЦ. Органы госбезопасности пресекали деятельность нелегальных и полунелегальных религиозных организаций, но старые репрессивные методы уже не были столь эффективны, как раньше. Общее

развитие правозащитного движения, в свою очередь, породило всплеск борьбы верующих за свои права.

Многие из тех, кто еще вчера были убежденными атеистами, стали менять свои мировоззренческие позиции. В основном обращалась к Богу думающая и перспективная часть населения — интеллигенция и молодежь. Огромной бедой православной Церкви было то, что этот процесс происходил помимо Московской Патриархии. Более того, трагизм положения заключался в том, что «Московская Патриархия, вопреки ее воле, объективно оказывается препятствием на его пути, его тормозом». Все легальные формы отстаивания верующими своих прав выражались в виде различных обращений к светским и церковным властям.

Вот, к примеру, одно из них, предпринятое в мае 1987 года Комитетом по защите прав верующих в СССР, возглавляемом священником Глебом Якуниным.

«Обращение верующих к Патриарху Московскому и всея Руси Пимену и архипастырям Русской Православной Церкви. Ваше Святейшество! Ваши Высокопреосвященства!

Мы, рядовые верующие нашей страны, обратились к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, чтобы высказать наши надежды и тревоги, связанные с положением Русской Православной Церкви.

Мы приветствуем начавшиеся изменения в политической, общественной и культурной жизни нашей страны, которые Святейший Патриарх Пимен в своем Пасхальном послании назвал „всеобъемлющим обновлением“. Признаки этого обновления очевидны. И мы хотели, чтобы в стороне от него не осталась бы и Русская Православная Церковь.

По нашему мнению, оно могло бы выразиться в следующих актах доброй воли:

1. Широком открытии новых храмов (закрытых в прежние времена или вновь построенных), в особенности в тех районах, где на огромные пространства и на миллионы людей приходится пока лишь одно-два молитвенных здания.

2. Значительном увеличении тиражей Библии, массовом и доступном издании Евангелия для рядовых верующих. Пересмотре явно устаревшего законодательства о культах, отмене многих унижительных запретов, неприемлемых для христианской совести или жестко ограничивающих деятельность священнослужителей.

3. Разрешении проводить внебогослужебные беседы в храме, разъясняющие основы православного вероучения.

4. Устранении любых форм давления на детей, родившихся в верующих семьях или желающих быть христианами. Мы считаем, что для общества полезнее хорошие христиане, чем номинальные пионеры.

5. Возвращении Церкви ряда монастырей, закрытых в последние десятилетия, и прежде всего Киево-Печерской лавры.

6. Возвращении Церкви святых мощей Святителей Московских Петра, Филиппа, Ионы, Гермогена, пребывающих в настоящее время в Успенском соборе в Кремле, а также возвращении некоторых особо чтимых икон, находящихся в музеях.

7. Предоставлении Церкви доступа к государственным средствам массовой информации.

8. Издании древней и современной литературы, отражающей Предание и историю Православной Церкви.

9. Открытии при храмах религиозно-богословских библиотек, доступных для рядовых прихожан.

10. Упразднении ограничительных средств, насильственно сковывающих жизнь Церкви. Освобождение таинства Крещения и таинства венчания от принудительной регистрации.

11. Признании за Церковью права на „милость к падшим“: на посещение священником больниц, психиатрических лечебниц, мест заключения.

Священник Глеб Якунин, священник Николай Гайнов, Андрей Бессмертный, Валерий Борщов, Виктор Бурдюг, Владимир Зелинский, Евгений Пазухин, Виктор Попков, Владимир Пореш».

Руководство страны реагировало на подобные обращения, как всегда, противоречиво. Например, перед празднованием 1000-летия крещения Руси, которое должно было отмечаться в 1988 году, были образованы две комиссии: при Патриархии и при идеологическом отделе ЦК КПСС. Первая - для организации торжеств, а вторая — для их всемерного умаления и ограничения. Во всех обкомах и райкомах партии были созданы комиссии по контрпропаганде, одной из задач которых была борьба с религиозными идеями на местах. Однако нарастающая динамика социально-политических изменений в жизни страны вносила свои значимые коррективы в отношения церковной и государственной власти. Партийное руководство страны было вынуждено менять тактику идеологической борьбы с возрастающим религиозным самосознанием народа.

К празднику 1000-летия крещения Руси в стране начали печатать религиозную литературу, открывать старые храмы и возрождать монастыри. Церкви были возвращены Козельская введенская Оптина пустынь в Калуге, Толгский монастырь в Ярославле, часть построек Киево-Печерской лавры и переданы мощи, находившиеся на хранении в государственных музеях Московского Кремля.

29 апреля 1988 года состоялась встреча Патриарха и постоянных членов Синода с Михаилом Горбачевым «в связи с 1000-летием введения христианства на Руси», которая послужила сигналом для партийных и советских органов об освещении празднования юбилея как общенационального мероприятия. В одном из официальных изданий Московской Патриархии того времени сообщалось: «29 апреля 1988 года в Кремле состоялась историческая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного Синода Русской Православной Церкви. В беседе М.С. Горбачев отметил, что в условиях перестройки стало возможным более активное участие религиозных деятелей в жизни общества».

В общественно-политической ситуации, когда религиозное сознание возрождается снизу и завуалированно угнетается сверху, отец Павел не мог оставаться в стороне и не подать свой голос в защиту Православной Церкви и ее служителей. Грядущее празднование 1000-летия крещения Руси и ожидаемое проведение Поместного Собора Русской Православной Церкви послужило прекрасным поводом для заявления о необходимости решать важнейшие проблемы, назревшие в церковной жизни.

«Обращение к Поместному Собору Русской Православной Церкви защитить духовенство от социально-экономической дискриминации в СССР

Ваше Святейшество! Досточтимые отцы Поместного Собора!

Прошу вас воспользоваться доброжелательностью, которую Советское правительство проявляет к Русской Православной Церкви в настоящий момент и ходатайствовать о предоставлении духовенству социального равноправия со всеми советскими гражданами.

I

Размеры подоходного налога с церковнослужителей несоизмеримы с налогообложением остальных советских граждан. Подоходный налог отбирает у церковнослужителей половину ежемесячного оклада. Для примера возьмем указ Президиума ВС СССР „Об исчислении прогрессивного налога с доходов кооператоров“ от 14.03.88. С суммы 500 рублей налог с кооператоров исчисляется на общих основаниях с рабочими и служащими и составляет 60 руб. С той

же суммы 500 рублей налог со священнослужителей составляет 215 руб. В отличие от кооператоров священнослужители получают не доход, а строго определенную ежемесячную зарплату, как все советские рабочие и служащие. В основной массе храмов зарплата священно- и церковнослужителей не выходит за пределы 100-200 руб. Только в богатых храмах их зарплата превышает 200 рублей. Со 100 рублей в месяц налог составляет 18,5 процента. С 200 рублей в месяц налог составляет 27,6 процента. Вот уже тридцать лет в нашей стране духовенство существует на твердых окладах. Тем не менее обложение духовенства осуществляется по финансовой статье, рассчитанной на исчисление прогрессивного налога с суммы изменяющегося годового дохода.

Поскольку духовенство получает не доход, а твердый оклад, Министерство финансов искусственно преобразует его в годовой доход посредством несложной операции: ежемесячный оклад умножают на 12 месяцев и с полученной суммы исчисляют подоходный налог. Смысл прогрессивного налога в ограничении верхнего предела неограниченно возрастающего дохода. С увеличением суммы дохода круче вздымается парабола прогрессивного налога. „Доход“ священнослужителей ежегодно выражается одной и той же строго определенной суммой. Соответственно, и налог выражается каждый год повторяющейся суммой. Тогда в чем же смысл прогрессивного налога на духовенство? Прогрессивный налог вместо естественной функции ограничения сверхдоходов выполняет по отношению к духовенству две дискриминирующие функции.

1) С суммы 70 руб. в месяц налог по статье об обложении духовенства составит 3 руб. в месяц или 36 руб. в год. При прогрессивном исчислении налог с суммы $70 \times 12 = 840$ составит 120 руб. в год или 10 руб. в месяц. Под именем прогрессивного налога Министерство финансов утраивает установленную правилами сумму обложения.

2) По существующим в СССР правилам об исчислении подоходного налога с населения обложению подлежит заработок, превышающий 70 руб. в месяц. Заработок 70 руб. и ниже признан в СССР лежащим за „порогом бедности“ и не подлежит обложению подоходным налогом. Только духовенство облагается подоходным налогом с месячного заработка 50-70 руб. в месяц.

Прогрессивный налог лишает религиозные организации возможности увеличивать зарплату духовенству пропорционально возрастанию цен на продукты и промтовары, оставляя беззащитным перед повышением стоимости жизни. Надвигающийся на страну рост цен на продукты угрожает духовенству нищетой. Разумеется, нищета не грозит тем священнослужителям, которые являются сотрудниками издательского и иностранного отделов Московской Патриархии. Эти священнослужители могут получать неограниченно высокие оклады, поскольку облагаются на общих основаниях с рабочими и служащими / ст. 5 налогообложения/.

Духовенство и церковнослужители облагаются по статье, введенной для обложения частных предпринимателей и торговцев, которых социалистическая экономика стремилась вытеснить. Инструмент оказался эффективным: частные предприниматели и торговцы прекратили свое существование. Какую же цель сегодня преследует обложение духовенства по той же статье?

II

Налогообложение духовенства сопоставимо в настоящий момент только с одной категорией граждан в нашей стране — с лишенными свободы по приговору суда. С них тоже удерживается половина ежемесячного заработка в пользу администрации и охраны тюрем и лагерей. Обе категории граждан имеют еще более важное сходство: ни на тех, ни на других не распространяется государственное социальное страхование. Это означает, что государство не принимает на себя ответственность за жизнь и здоровье этих граждан. Они лишены государственных пенсий по болезни и старости, возмещения ущерба за причиненное увечье, охраны их труда. Исключительное положение заключенных оказывается следствием приговора суда в связи с совершенным

преступлением. Его можно объяснить частичным поражением гражданских прав. Но как объяснить, что той же мере подвергнуто духовенство Русской Православной Церкви — без вины и суда? Поражение социальных прав духовенства не основано на законе. Оно является следствием законов, утверждающих не общечеловеческие ценности, а так называемые „классовые интересы“.

III

В нашей стране распределение социальных благ централизовано. Жилища, автомобили, путевки в лечебные учреждения не поступают в свободную продажу. Приобрести их возможно лишь в порядке централизованного распределения. Духовенство исключено из такого распределения. Это существенное ограничение социально-экономических прав. Для приобретения жилища, автомобиля, лечебной путевки духовенству оставлены только „неправые пути“.

В правовом государстве не должна быть ущемлена в гражданских правах ни одна категория граждан. Необходимо устранить все три признака, дискриминирующие церковно- и священнослужителей в Советском Союзе.

Ваше Святейшество! Досточтимые отцы Поместного Собора! Ввиду ожидаемой в ближайшие два года реформы цен социальное неравенство духовенства вызывает тревогу. Готовясь к реформе, государство предполагает значительно повысить зарплату низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих. При существующей сетке прогрессивного налога даже крупные приходы не смогут значительно увеличить реальный заработок священнослужителей. Не возникнет ли в ближайшие годы критическая ситуация, когда многие маломощные приходы останутся без духовенства и ликвидируются?

Вам вверена Богом забота о судьбе Русской Церкви. Поэтому я дерзаю обратить высокое внимание Собора к вопросу, который вскоре приобретет чрезвычайную остроту.

Священник Павел Адельгейм, май 1988 г., Псков».

Говоря об угнетенном и бесправном положении духовенства в Советском Союзе, о лишении всех священнослужителей централизованных социальных благ в виде бесплатного страхового медицинского обслуживания по больничному листу и получения путевок для прохождения курортно-санаторного лечения, отец Павел, конечно, слегка заблуждался. Не все духовенство РПЦ находилось в столь бедственном положении, и этому есть вполне конкретные документальные подтверждения. Вот, например, официальное письмо управляющего делами Московской Патриархии председателю Совета по делам религий при Совете министров СССР, написанное в 1985 году.

«Управляющий делами Московской Патриархии

2 июля 1985 г.

Председателю Совета по делам религий при Совете министров СССР

Константину Михайловичу Харчеву

Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой.

Постоянные члены Священного Синода, проживающие в Москве (митрополит Филарет [Вахромеев], митрополит Ювеналий [Поярков], митрополит Алексей [Ридигер]), а также архиепископ Питирим [Нечаев]), прикреплены для медицинского обслуживания к поликлинике Четвертого управления Минздрава РСФСР. Мы ставили перед Вашим предшественником вопрос о включении нас и на санаторно-курортное обслуживание по линии этого Управления, и по этому вопросу была достигнута устная договоренность с бывшим начальником Управления Живодеровым, однако письменно это нигде не было зафиксировано. За это время начальник Управления сменился.

Очень прошу Вашего авторитетного содействия перед соответствующими органами РСФСР о включении указанных лиц на санаторно-курортное обслуживание Четвертого управления Минздрава РСФСР.

С искренним уважением,

Митрополит Галлинский и Эстонский, управляющий делами Московской Патриархии Алексей».

Атеистическое богоборческое государство всегда трогательно заботилось о своих сторонниках в церковной среде. Так, в самый канун празднования большого церковного юбилея Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1988 года «за активную миротворческую деятельность и в связи с 1000-летием крещения Руси» Патриарх Пимен, Митрополит Киевский Филарет (Денисенко), Митрополит Ленинградский Алексей (Ридигер), Архиепископ Горьковский Николай (Кутепов), Архиепископ Дмитровский Александр (Тимофеев) (ректор МДА) были награждены орденом Трудового Красного знамени; ряд других иерархов — орденом Дружбы народов.

Так же, наверное, по своей наивности или от чрезмерного доверия популистским лозунгам перестроечного периода, отец Павел надеялся, что его обращение будет всерьез воспринято участниками Поместного Собора, и они примут соответствующие постановления. Увы.. У Церкви в то время еще не было достаточно сил для решения подобных вопросов.

Собор проходил в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры с 6 по 9 июня 1988 года. Дискуссии по вопросам церковного устройства были весьма оживленными и порой приобретали острый характер. Главным событием собора стало обсуждение и принятие нового Устава Русской Православной Церкви. Автором его был архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (Гундяев), который использовал наработки собора 1917-1918 годов.

Устав ввел периодичность созыва Поместных и Архиерейских Соборов - не реже одного раза в два года. Число временных членов Священного Синода увеличено до пяти.

Были восстановлены епархиальные собрания (из равного числа клириков и мирян), при содействии которых правящий епископ должен был руководить церковной жизнью в епархии. Его права и возможности значительно расширились. Так, при Владыке учреждался Епархиальный совет, одна половина которого должна назначаться самим архиереем, а другая - избираться Епархиальным собранием на один год. При таком псевдodemократическом раскладе любое решение епископа всегда будет утверждено большинством голосов Епархиального совета. Несмотря на все недостатки принятого Устава, решения Поместного Собора ослабляли зависимость Церкви от государства.

Важнейшим изменением, зафиксированным в Уставе, стала отмена антицерковного решения Архиерейского Собора 1961 года об отстранении священника от финансово-хозяйственной деятельности. По новому Уставу высшим органом в приходском управлении становилось приходское собрание из клириков и мирян — членов прихода, обязательно возглавляемое настоятелем храма. 26-й пункт Устава, в «лучших» традициях советской казуистики, гласил: «Председателем приходского собрания избирается настоятель, который по своей должности — непрременный член прихода». Очевидно, автор Устава считал вполне естественным, что председатель собрания избирается «из числа» единственного настоятеля в приходе.

Исполнительным органом приходского собрания, призванным реализовывать его решения и подотчетным ему, стал приходской совет из трех членов: председатель, его помощник и казначей.

Положительное значение решений Собора 1988 года хорошо выразил иеродиакон Евлогий: «На волне проводимых в стране демократических реформ Церковь получила самостоятельность в вопросах собственности, проповеди, духовного образования и просвещения, кадровой политики, установления

сотрудничества с государственными и общественными организациями». Впервые после многих десятилетий. Церковь начала выходить из вынужденной изоляции, священники стали появляться на общественных трибунах. Среди верующих поговаривали даже о возможности частичной реституции — передачи церковных зданий религиозным общинам на основании решений местной власти.

Однако в Пскове, несмотря на то, что первая русская христианка — великая княгиня Ольга, начавшая вводить христианство на Руси задолго до своего внука св. Владимира, была родом из этих мест, активного движения по передаче храмов верующим не наблюдалось. Многие церкви были закрыты. Некоторые использовались как культурноисторическая декорация древнего города, другие лежали в руинах. До революции 1917 года в Псковской епархии было: 554 церкви, 969 часовен, тринадцать монастырей (восемь мужских, пять женских), три женские общины, два подворья, 409 церковных школ, духовная семинария, четыре духовных училища, 178 церковных библиотек, четыре больницы, 39 богаделен. К празднованию 1000-летия крещения Руси в Пскове из 43 храмов действующими остались только три церкви и кафедральный собор. И этот печальный количественный показатель не шел ни в какое сравнение с удручающим качественным показателем состояния духовной жизни существующих приходов.

На праздновании 1000-летия крещения Руси, во время службы вместе с другими священниками в кафедральном соборе, отец Павел в своей проповеди проникновенно говорил об христианском понимании духовности:

«В наши дни слово „духовность“ мелькает в книгах и журналах, но употребляется не в христианском смысле. Для тех, кто не признает ни Духа Божия, ни человеческой души, слово „духовность“ имеет неопределенный смысл. Для христиан „духовная жизнь“ наполнена конкретным содержанием. Это подвиг покаяния, противостояние греху, воздержание, молитва и милосердие.

Христианство открыло новый круг духовного общения: Бог, ангелы и святые. В крещении христианин принимает имя святого, чтобы как факел пронести его через всю жизнь. Это славное имя освящено подвигом. Носивший его святой состоялся как Человек. Он раскрыл в себе не образ зверя, а образ Божий. В нем явилась слава Божия: „дивен Бог во святых своих“... Церковь и русская культура почерпали из одного источника — христианского понятия о Боге. Они имеют и общее детище — храм.

За 1000-летнюю историю в Русской земле великое множество храмов вознесли к небу золотые купола и напитали землю колокольным звоном. По архитектурному замыслу храм выражает духовно-нравственный идеал 2000-летней христианской культуры: единение Бога и человека. Никакой другой образ не выразил дух христианства с такой определенностью. В то же время это — русский храм, архитектуру которого не спутаешь ни с какой другой. Эти формы сложились в русской культурной традиции. Они составляют ее богатство.

Вот почему символом духовного запустения и культурного одичания Русской земли смотрятся заброшенные и оскверненные храмы. Слепшими глазницами глядят они сегодня на торжество, смиряя наше ликование. Печаль сопутствует всякому юбилею. С возрастом мы не только приобретаем. Каждый юбилей подводит итог историческому периоду, за который много пройдено путей и много сделано ошибок. В этих храмах нет ни икон, ни Престола. Умолкли хоры и нет молящихся. Их лишили содержания и превратили в „памятники старины“. Что бывает с телом, когда из него уходит дух? Оно умирает. Только формы, по прежнему возносящие к небу израненные купола, напоминают, что здесь некогда обитал Дух Божий, созидая человеческие души. „Бывшие“ храмы стоят свидетелями величия ушедшей культуры. Стоят, как надгробные плиты, как кресты над могилами.

Апостол Павел видел в храме образ человеческой души: „Разве вы не знаете, что вы — храм

Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм — вы“ (1 Кор. 3, 16-17). Жизнь храма связана с нравственным состоянием человеческой души. Много примеров тому мы видим в библейской истории. Когда Израиль забывал Бога и служил иным богам, он утрачивал храм, а порой и Отчизну. Заброшенные храмы свидетельствуют о духовной опустошенности и культурном одичании русских людей. Душа народа веками собирает свои духовные ценности, как храм хранит свои святыни. Так происходит становление культуры и национального духа.

Идеи социальной справедливости, свободы и равенства, которые составляют предмет гражданской гордости, выросли не на пустом месте. В их основе лежат добродетели, выношенные многовековой культурой: милосердие и великодушие, воздержание и терпение, благородство и честь, целомудрие и верность. Эти понятия забылись, превратились в „устаревшие“ слова, звучащие старомодно и смешно для современного слуха. Увы, и сами понятия свободы, равенства и социальной справедливости, лишившись своей культурной основы, повисли в нашем сознании ни на чем. На место отвергнутых ценностей просачиваются ненависть и нетерпимость, зависть и подозрительность, равнодушие и недобросовестность. Христос называет это „мерзостью запустения на святом месте“ (Мф. 24, 15). // „Восстановить“ разрушенный храм означает не только „отремонтировать“. Храму необходимо вернуть его сакральное и просветительное значение, чтобы он снова стал „источником воды, текущей в жизнь вечную“ (Ин. 4, 14). В этом миссия храма.

Когда опустошенная человеческая душа обретет забытые святыни, она станет „светом миру и солью земли“ (Мф. 5,13-14). В этом миссия христианина. Сегодня мы радуемся и печалимся. Радуемся, ибо нам много было дано. Печалимся, что мы мало сохранили. Но в печали, как и в радости, оживает надежда. „Радуюсь, — пишет апостол, — что вы опечалились к покаянию. Ибо печаль по Боге производит неизменное покаяние ко спасению“ (2 Кор. 7, 9-10). Через покаяние пролегла дорога к возрождению каждой человеческой души и всего русского народа» (24).

Эта проповедь отца Павла в некотором смысле определила основные направления его последующей деятельности.

С середины 1988 года стало очевидно, что отношение партии и государства к строительству и восстановлению храмов начинает меняться.

В Пскове это особенно чувствовалось, потому что именно тогда Совет министров СССР принял постановление «О реконструкции Новгорода и Пскова, восстановлении памятников архитектуры и развитии туризма». Горисполком разработал проект, предусматривающий приспособление значительного числа церквей и монастырей под кафе, дискотеки. Автором и активным исполнителем этих нововведений стал заместитель председателя Псковского городского исполнительного комитета Иван Егорович Калинин.

В Вознесенской церкви он открыл городской Дом культуры с кинотеатром, танцевальным залом и клубом собаководства. В церкви Успения с Полонища он разместил Молодежный театр с кафе и барами. Во многих других храмах разместились кафе, рестораны, спортивные залы и досуговые центры. В лучшем случае, храмовые здания превращались в музеи церковного искусства. Так, Министерству культуры был передан комплекс Мирожского монастыря с сохранившимися в нем фресками XII века. Опасность использования древних храмов в качестве увеселительных заведений заключалась не только в оскорблении религиозных чувств верующих, но и грозило разрушением самих зданий - хрупких творений древних мастеров. Товарищ И.Е. Калинин, наверно, был вполне доволен итогами своей бурной деятельности: и указание начальства выполнено, и храмы у него зря не простаивают, а дают доход в казну.

В одном из своих интервью отец Павел с горечью говорил:

«Нельзя относиться к храму, как к рентабельному или нерентабельному производству. Недаром купол церкви подобен язычку горящей свечи. Смысл свечи — жертва; свеча сгорает, пользы не приносит. Если экономическое, производственное, коммерческое не оставляет места бескорыстию, человек превращается в нравственного уродца. А храмы, которые начинают воспринимать только как экзотические сооружения, привлекающие туристов, или как материал для исторических исследований, — храмы становятся действительно памятниками. Надгробиями самим себе».

Слова отца Павла находили горячий отклик в сердцах и умах людей. За свои «труды» по сохранению памятников истории культуры Иван Егорович Калинин заслуженно получил от жителей Пскова кличку «Ванька Каин».

Вслед за отцом Павлом подняли голос в защиту церковных зданий и представители псковской интеллигенции. Существовавший в Пскове с 1987 года клуб местной интеллигенции «Псковичи» озаботился судьбой культурного наследия и потребовал от горсовета отказаться от непродуманного проекта. Именно этот клуб и позже выделившиеся из него общество «Мемориал» вместе с «зелеными» первыми в начале 1988 года поставили вопрос о возвращении храмов верующим.

Представители этих организаций обратились к отцу Павлу с просьбой составить обращение к властям и общественности с требованием отказаться от кощунственных проектов.

Священник вполне разделял их взгляды и живо откликнулся на призыв. Вот некоторые выдержки из того, что он тогда написал:

«Не всякое „приспособление“ храмов и монастырей под общественные нужды города будет способствовать их сохранности и экспонированию. Необходимо четко различить допустимое и недопустимое использование храмов, чтобы частные интересы городских властей не подменили общенациональную задачу сохранения культурных ценностей».

Любая вещь лучше всего сохраняется при использовании по прямому назначению. Для сохранения храмов и монастырей надежнее всего передать их религиозным общинам. Крыпецкий монастырь мог бы стать скитом Псково-Печерского монастыря. Соответствие экс- и интерьеров обеспечит наиболее выгодное экспонирование храмов. Если горсовет не найдет возможным использовать по прямому назначению все храмы, можно передать религиозным общинам часть псковских храмов: Жен Мироносиц, Иоанна Предтечи, Петра и Павла, Покрова от торгу, Константина и Елены, Михаила Архангела...

Христианская общественность Пскова считает категорически недопустимым использовать храмы и монастыри для развлекательных программ и шоу-бизнеса, закамуфлированных в листовке ВООПИиКа (Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры) под названиями „Молодежный клуб“, „Центр молодежного досуга“, „Спортивно-оздоровительный комплекс“, „Центр туризма“, „Дом музыки“, „Музей музыкальной культуры с продажей сувениров, гуслей балалаек“. В Вознесенском монастыре по ул. Советской в прежние годы находилась тюрьма НКВД, в которой происходили массовые расстрелы. В настоящее время в храме Вознесения функционирует ночное кафе под невинным названием „Дом музыки“. Молодежь танцует рок на прахе своих предков. Было бы естественно возродить богослужение в этом храме или создать мемориал в память обо всех невинно убиенных...

... Просим горсовет:

1. Не допускать использование храмов и монастырей в качестве „молодежных клубов“, „центров молодежного досуга“, „спортивно-оздоровительных комплексов“, „центров туризма“, дискотек, торговых точек и т.д.

2. Передать общинам верующих хотя бы некоторые храмы: Жен-Мироносиц, Иоанна Предтечи,

Константина и Елены, Богоявления, Архангела Михаила, Георгия со ввоза, Покрова от торгу. (К началу 1991 г. верующим были переданы церкви Жен-Мироносиц, Иоанна Предтечи, Константина и Елены, Крыпецкий монастырь. Наиболее решительно до сих пор отказывают в передаче Вознесенского монастыря — предполагаемого духовного центра „Мемориал“.)

3. *Организовать мемориал, посвященный всем невинно убиенным, чтобы в памятные даты можно было совершать поминовение убиенных в 1380 г., 1581 г., жертв Ивана Грозного, жертв сталинизма и фашизма, всех убиенных Русской земли.*

4. *Опубликовать новый проект использования архитектурных памятников Пскова для всенародного обсуждения...».*

В этом же юбилейном году отец Павел со своими псковскими прихожанами задумал возобновить богослужения в одном из недействующих городских храмов. Псковичам было неудобно постоянно ездить на службы в Писковичи, и они давно просили батюшку перебраться в город. При этом и священник, и община прекрасно понимали, что храм, находящийся в хорошем состоянии, ни уполномоченный, ни инспекция по охране памятников им взять не позволят. Необходимо было найти такой вариант, чтобы первое разрешение на открытие новой церкви было получено наверняка.

Такой храм нашелся. Это была давно заброшенная и полуразвалившаяся кладбищенская церковь святых Жен-Мироносиц. Рядом с ней, вдоль центральной кладбищенской дороги, стояли развалины дома причта, а сам вход на кладбище представлял собой остов надвратной колокольни с погнутым, голым, без креста, шпилем. На стене рядом с колокольней выросла ветвистая береза. Закрыли и разорили эту церковь в 1935 году. Как рассказывали старожилы, после закрытия храма к нему по реке Великой подогнали баржу, и комсомольцы, встав цепочкой, загрузили ее иконами, разобранными иконостасами и престолами. Все это они вывезли за город и устроили там атеистическую маевку с костром из святынь. К тому моменту, когда община отца Павла собиралась ее восстанавливать, церковь свв. Жен-Мироносиц стояла с обвалившейся крышей и смотрела в мир пустыми глазницами оконных проемов. Штукатурка давно облетела, местами была повреждена и кирпичная кладка. От дома церковного причта, когда-то стоявшего недалеко от церкви, остались только редкие фрагменты стен и фундамент, засыпанный строительным мусором. Внутри остатков дома росли кусты и деревья.

Для передачи храмового здания верующим необходимо было создать церковную общину из двадцати человек. Когда отец Павел вместе с Виктором Яковлевым обратились к инициативным прихожанам и друзьям, необходимая по закону «двадцатка» образовалась моментально. Почти половину ее составляли актеры и служащие областного театра драмы им. А.С. Пушкина.

В декабре, на учредительном собрании общины, председателем приходского совета избрали Виктора Яковлева. На его плечи легли основные хлопоты по оформлению документов и почти двухмесячному хождению по административным инстанциям. 26 января 1989 года было получено постановление горисполкома Пскова о регистрации общины и передачи ей церкви святых Жен Мироносиц. Условием передачи остатков церковных зданий ставило обязательство общины восстановить древний храм — памятник архитектуры XVI века. В Пскове это был первый случай, когда церковное имущество, пусть даже в таком плачевном виде, передавалось верующим.

До начала ремонтно-восстановительных и реставрационных работ необходимо было получить подтверждение регистрации общины из Центрального Совета по делам религий в Москве. Ожидание этого документа затянулось на несколько месяцев. Долгожданное подтверждение пришло 17 апреля 1989 года. На следующий день отец Павел вместе с Виктором Николаевичем пошли на прием к архиепископу Владимиру (В.С. Котлярову), сменившему Владыку Иоанна в мае 1987 года, и вручили ему прошение общины о назначении отца Павла настоятелем первого возвращенного псковского

храма. Владыка с радостью удовлетворил прошение. Правящий архиерей назначил отца Павла настоятелем храма свв. Жен-Мироносиц, оставив за ним и место настоятеля церкви св. Апостола и Евангелиста Матфея в Писковичах.

Радость первой одержанной победы в борьбе за возрождение Церкви дополнялась осознанием того тяжелого бремени, которое ложится на плечи настоятелю. 24 апреля 1989 года он писал своим друзьям Вячеславу и Елене в Ленинград: «Архиерей дал мне указ на храм свв. Жен-Мироносиц. Не знаю, как я сумею управиться. В храме нет ничего, и денег ни копейки. Надеяться можно только на милость Божию. Но как я буду кормить семью? Зато есть перспектива. Мне очень хочется открыть читальный зал при храме, который может стать источником христианского просвещения. Только позволяют ли власти заниматься таким делом? Пока закона все-таки еще нет».

Крест, возложенный на отца Павла, был тяжелым, задача восстановления храма казалась невыполнимой, но люди горели желанием взяться за дело, а у настоятеля был за плечами его каганский опыт. Совмещение настоятельства в двух приходах отнимало много сил, но позволяло координировать средства для восстановления Мироносицкого храма.

В конце апреля на стене надвратной колокольни повесили большое объявление, призывающее добровольцев на работы по расчистке территории храма, переданного православной общине. На следующий день у ворот собралось множество добровольных помощников, и работа закипела. Перед колокольней вырастали горы выносимого носилками мусора, городские службы едва успевали вывозить его.

8 мая 1989 года с торжественного молебна, собравшего множество людей, началось возрождение церкви свв. Жен-Мироносиц.

«Первое богослужение состоялось на Радоницу, 8 мая 1989 года. - вспоминает В.Н. Яковлев. - Народу собралось видимо-невидимо. Не было и речи, что храм вместит хотя бы малую часть (да и входить в храм было еще опасно: сверху постоянно падали то штукатурка, то куски кирпича), распятие и аналой поставили на крыльце. Люди заполнили дорогу до колокольни, пространство вокруг храма, кладбищенские проходы. Родовались, плакали, кто умел и не умел — пели. Проповедь отца Павла была вдохновенной, как никогда, и каждое слово ложилось в добрую, изголодавшую по семени почву. Это была не оттепель — была весна, с бурным, омывающим землю половодьем, солнечной глубиной небес и цветением всего, что способно цвести» .

*В храме Жен-Мироносиц, вернее, в развалинах храма
Снова служба идет, и молитва уносится прямо
В оголенное небо. И тщетно крыло херувима
Укрывает колонну: он — нет, а она — уязвима.
Отлетели от стен шестикрылые в оные годы,
Но сегодня вернулись они под церковные своды.
А внизу, а внизу собрались разведенные жены,
Чьи разрушены души не меньше, чем эти колонны.
Как светильник зажечь, если вместо лампы — осколки?
Но стоят перед Богом военной поры комсомолки.
Пустота ли вокруг? Или чуда душа не вмещает?
«Он не умер — воскрес!» — Мироносицы нам возвещают.*

Е. Пудовкина, 1989 г.

С верою и молитвою народ взялся за работу. На расчищенную территорию под сколоченные навесы стали свозить разными способами добытые стройматериалы. Что-то удалось купить на пожертвования прихожан и сборы с церковных служб в Писковичевском храме, что-то люди приносили из дома, что-то удавалось выпрашивать у различных строительных организаций. Однако уже через две недели после освящения храма община пострадала от постоянного бича всех церковных

приходов — воровства. Даже действующие церкви, где были и сторожа, и капитальные запоры, и местная сигнализация, не могли защититься от этой напасти. Естественно, что реставрируемый храм, стоящий без надежной охраны, вызывал повышенный интерес воров: за прошедшие после освящения полтора года его обворовывали восемь раз.

После передачи храма началась долгая подготовка к его возрождению. Во-первых, реставрация невозможна без утвержденного проекта, во-вторых, нужны деньги, в-третьих — дефицитные строительные материалы (а в магазинах пусто), в-четвертых, требуются квалифицированные мастера.

Для начала здание было необходимо законсервировать: закрыть оконные и дверные проемы, а заодно провести газ, отопление, электричество. На все эти работы в древнем храме требуется официальная документация.

По настойчивой рекомендации государственной инспекции по охране памятников церковный Совет заказал ее кооперативу при архитектурно-реставрационных мастерских, уровень компетенции которых вызывал сильные сомнения. Сразу после заключения договора начались трудности: от четырехкратного завышения первоначально оговоренной стоимости проекта до бесконечных нарушений сроков предоставления документации. Ситуацию усугубляли и требования архитектурного надзора - иногда заведомо невыполнимые.

Полный пакет проектной документации стоил более 100 тысяч рублей. Единственным, хоть и небольшим, но стабильным источником денежных поступлений был сбор пожертвований за богослужения. Но для регулярных служб храм надо было подготовить: осветить, утеплить, защитить от грабителей. Что-то пожертвовал архиерей, десять тысяч собрали на банковский счет горожане. Этих денег, конечно, не доставало, а банки не предоставляли кредита религиозным организациям. Но тут Мироносицкой общине повезло. В Пскове была организована Генеральная дирекция объединения «Псковреконструкция», которой государство выделило несколько сотен миллионов рублей на реставрацию памятников в городе и Псковской области. Относясь с глубоким уважением к отцу Павлу и видя, что община церкви свв. Жен-Мироносиц уже активно выполняет работу их ведомства, дирекция приняла решение об оказании помощи в реставрации храма и оплатила всю проектную документацию.

После получения необходимых документов нужно было как можно скорее восстановить стены, поставить крышу. Кроме того, невозможно было продолжать реставрационные работы зимой без электроснабжения и отопления, а прерывать ремонт не хотелось. Очистка территории, выполняемая добровольцами-энтузиастами, к осени была завершена, а для продолжения работ нужны были мастера-профессионалы. Строительные организации города неохотно откликнулись на просьбы священника и общины. Для них этот объект не представлял интереса — и объемы не большие, и заказчик небогатый. Что бы не потерять и храм и приход, пришлось формировать бригады самим, набирая в них случайных людей по трудовым соглашениям и договорным ценам. К середине осени 1989 года работы в Мироносицком храме остановились. Казалось, община уже не сможет выполнить намеченный минимум работ.

Из воспоминаний отца Павла:

«Все наши усилия разбились о стену непонимания одних и хищничество других. Мы не встретили поддержки со стороны общества и государства. Тогда в октябре мы перестали обращать внимание на все запреты архитектурного надзора и проектных организаций: без утвержденной документации провели освещение, газ, отопление, так что зимой в храме можно было проводить службу, и приход был сохранен».

Сдвинуть процесс восстановления храма с мертвой точки удалось благодаря тому, что не иначе как по милости Божьей, в общину пришел Владимир Петрович Георгиев, опытный профессиональный

инженер-строитель и настоящий труженик. Он был избран помощником старосты и смог быстро и правильно наладить рабочий процесс. Многие в храме сделано его руками и стараниями. Владимир Петрович был человеком православным, а совместная работа с отцом Павлом еще более укрепила его веру и сподвигла к решению посвятить себя церковному служению. Батюшка благословил его намерения. В 1993 году Владимир Петрович был рукоположен в сан священника и некоторое время служил вместе с отцом Павлом. Позднее отец Владимир был назначен настоятелем вновь возвращенной разрушенной церкви прп. Алексия, человека Божьего, которую восстановил из руин. Его трудами был восстановлен и один из красивейших Псковских храмов — церковь святых Иоакима и Анны.

Одновременно с приходом Владимира Петровича начавшееся строительство ждала еще одна удача. Генеральная дирекция «Псковреконструкции» приняла решение полностью финансировать весь комплекс восстановительных работ. Проблема нехватки материалов и рабочей силы была в значительной степени решена. Храм начал быстро восстанавливаться, и церковные службы стали проводиться регулярно. Возрождение церкви заключалось не только в восстановление здания, но и в формировании активного, сплоченного прихода.

Сказано в Священном писании: «Вера без дела — мертва». В общине отца Павла вера была живой и деятельной. Люди трудились на стройплощадке, пели в хоре, работали чтецами, псаломщиками, сторожами, уборщицами и делали все это бесплатно, поскольку каждая копейка была на счету и шла на реставрационные работы.

С 1989 года в богослужебных делах отцу Павлу помогал переведенный к нему из собора вторым священником игумен Елевферий (Попов). Он прослужил в Мироносицкой церкви до конца 1992 года и был назначен настоятелем возвращенного храма Успения с Полонища. Покинув восстановленный храм свв. Жен-Мироносиц, он сохранил добрые дружеские отношения с отцом Павлом на долгие годы.

Осенью 1989 года Елена Пудовкина по приглашению русской эмигрантской общины «Православное дело» на торговом судне отправилась в Австралию. Она привезла с собой в Мельбурн несколько машинописных текстов его проповедей, которые эмигранты издали за свой счет, организовав сбор пожертвований на восстановление храма свв. Жен-Мироносиц. Ей передали часть тиража и собранные общиной три тысячи долларов (деньги по тем временам немалые). На прощание погрузили на судно и несколько коробок с православной литературой. В Советском Союзе они практически не издавались. Провезти на территорию СССР такой груз было почти нереально, но проблема решилась сама собой.

Надо сказать, что порядка в стране в то время было мало. Не хватало его и в таможенном ведомстве. Сойдя на сушу в Ленинградском торговом порту, Елена поймала какой-то служебный автобус и попросила отвезти ее в город. Шофер согласился, а на таможенном пункте его машину почему-то не стали досматривать. Бесценный груз домой был беспрепятственно доставлен домой. В Пскове на привезенные Еленой деньги закупили церковную утварь, а книги и изданные в Австралии проповеди сразу выложили для продажи на свечном ящике.

Однако, как говорит народная мудрость: «Хорошо долго не бывает». В январе 1990 года отец Павел был неожиданно отстранен и от настоятельства, и служения в Мироносицком храме. Чья это была инициатива - осталось неизвестным, но активная социально-политическая деятельность священника давно вызывала недовольствие партийного руководства города. В то же время никаких проступков, к которым могли бы придраться власти, за ним не числилось.

Церковно-приходской совет и вся община восприняли эту новость как выражение явного недовольства власти их «чрезмерной» активностью и быстрыми темпами возрождения храма. Отстранение настоятеля вызвало протесты прихожан и городской общественности, и через две недели

отец Павел был возвращен в храм - но не настоятелем, а штатным священником. Номинально настоятелем числился отец Елевферий, а реально приходом и всеми работами продолжал руководить отец Павел. Других серьезных противодействий со стороны властей не было. К концу 1991 года основные реставрационные работы завершились, и церковная жизнь пошла своим чередом. В 1992 году, благодаря настойчивым просьбам отца Елевферия, священника Павла Адельгейма вновь назначили настоятелем храма.

Правящий архиерей, архиепископ Владимир, внимательно следил за работами и оказывал храму посильную помощь. Церковный староста Виктор Николаевич чуть ли не ежедневно бывал на приеме у Владыки и сообщал ему о храмовых нуждах. Архиепископ принимал его запросто, без лишних церемоний.

— Ну, что у тебя там? Какие проблемы? — спрашивал он, благословив пришедшего старосту.

— Владыка, нам семисвечник нужен и иконы в алтарь. Свечи заканчиваются, скоро понадобятся. И литературы бы еще для прихожан.

— Ладно, решим. Придумаем что-нибудь. С литературой плохо пока, но закажем.

Приход храма свв. Жен-Мироносиц увеличивался с каждым днем. Православие становилось все более популярным. По всей стране атеистически воспитанное население ринулось в храмы. Бывшие комсомольцы, коммунисты и беспартийные стали массово креститься. Люди шли в Церковь в надежде, что обратясь к Господу, они станут жить лучше, а в стране установятся порядок и справедливость. Но сами они вряд ли были готовы к серьезным изменениям своей жизни.

Не готовой к переменам оказалась и Церковь, обескровленная десятилетиями богоборческого насилия и разлагаемая изнутри порочными связями с атеистическим государством. Издававшаяся религиозная литература в основном была представлена репринтными изданиями дореволюционных книг — Закона Божия и Писания Святых Отцов. Нового слова, обращенного к современникам и отвечающего на их актуальные жизненные вопросы, остро не хватало. Отец Павел прекрасно видел духовную опасность, которую несет в себе подобное поверхностное и легкомысленное воцерковление народа. Изданные в Австралии тонкие брошюры с проповедями отца Павла были каплей в море и разошлись по рукам мгновенно.

Их переписывали, перепечатывали, копировали и распространяли. Второй каплей стало первое издание проповедей батюшки в России, предпринятое Владимиром Шароновым. «Помню светящиеся радостью глаза отца Павла, - вспоминал Владимир Иванович, - когда я четверть века назад внес кипы формата А-3 в знакомый дом №7 по улице Красногорской. Это была издание цикла его последних проповедей „Ищите горне- го...“. Издать их удалось под видом приложения к Коми-республиканской стройотрядовской газете в глухой районной типографии в Усть-Цильме. Мне тогда казалось, что радость отца Павла совершенно не соответствовала ни худой газетной бумаге, ни скромному тиражу. Эта, по нынешним меркам, нелепая типографская продукция была ПЕРВОЙ отечественной публикацией его проповедей! До того Елена Пудовкина опубликовала подборки проповедей где-то, кажется, в Австралии. Отец Павел радовался так несоразмерно от того, что его давняя надежда свободно служить людям и печатным словом о Христе наконец- то становила реальностью. Она воплотилась в тех давно пожелтевших уже листиках, которые тогда я привез в Псков».

Отец Павел прекрасно понимал, что проблема возрождения основ духовной жизни в России является системной, и решить ее только в рамках Церкви невозможно. Тут необходимы взаимные усилия общества, государства и всех религиозных объединений. Исходя из этих насущных задач социальной жизни страны и Церкви, он дал свое согласие на предложение объединения избирателей Пскова «Вече» и правозащитного общества «Мемориал», членом правления которого он тогда был, баллотироваться в кандидаты на выборы депутатов Верховного Совета Союза ССР.

Это были первые выборы в условиях зарождающейся демократии. В ту памятную весну 1989 года интерес к этому событию охватил всю страну. По сути, это было первое легальное противоборство народа и государственной власти, руководимой коммунистической партией. Разумеется, эта власть не могла допустить избрания священника в высший законодательный орган страны, и избирательная комиссия отказала ему в регистрации, мотивируя свое решение наличием у отца Павла судимости. Более того, к предвыборному собранию окружная комиссия подготовила биографическую справку на кандидата Адельгейма, в которой, среди прочего, говорилось, что он: «по характеру человек активный и инициативный, но не всегда искренний. Религиозное объединение русской православной церкви в д. Писковичи, где священником является Адельгейм П.А., слабо участвует в движении милосердия, в охране памятников истории и культуры».

Эти действия, конечно, были противозаконны. Во-первых, стихи А. Ахматовой и М. Волошина, за хранение которых был осужден священник Павел Адельгейм, уже перестали считаться антисоветскими и свободно продавались в книжных магазинах; во-вторых, избирательная комиссия обязана размещать в официальных сообщениях только биографические факты и не допускать каких-либо оценочных суждений о качествах кандидатов.

После обращения сторонников отца Павла в Центральную избирательную комиссию его зарегистрировали кандидатом на выборы депутатов Верховного Совета СССР. Он начал готовиться к встречам с избирателями, написал проект своей предвыборной программы. В кратком изложении она выглядела так:

«Программа кандидата в народные депутаты СССР по Псковскому избирательному округу №234 священника Павла Адельгейма

Государство я понимаю как институт, который принял на себя высокую ответственность заботиться о доверившихся ему гражданах. Права государства основаны исключительно на доверии граждан. Это не безличное доверие. Граждане адресуют свое доверие конкретному народному депутату. Голосовать за народного депутата — значит доверить своему избраннику жизнь, благополучие, будущее. Значит верить, что депутат будет защищать его материальные, культурные и нравственные нужды и никогда не предаст интересы, свободу и достоинство гражданина. Чувство ответственности за свой народ я считаю главным достоинством народного депутата.

В основе всех задач депутата лежит важнейшая проблема, которая сегодня волнует всех советских граждан. Это проблема защищенности. Советский гражданин до сих пор беззащитен.

Беззащитен перед произволом исполнительной власти, которая может посягать на его свободу и личное достоинство, перед ведомствами Внутренних дел и Государственной безопасности, перед следствием и судом.

Беззащитен перед административно-хозяйственным аппаратом, который может его эксплуатировать.

Беззащитен перед бюрократическим аппаратом, который, вместо равенства всех граждан, проводит принцип социальных привилегий, создавая кастовое общество.

Беззащитен перед болезнью и смертью. Наше здравоохранение существует на „остаточном принципе“, что значит на средства, остающиеся от всех других расходов.

Беззащитен перед нуждой. Несколько миллионов граждан получают пенсию меньше 40 руб. Есть одинокие старики, живущие на пособие 16 руб. На эти деньги нельзя прокормить даже козу! Неудовлетворительно состояние детских домов и домов престарелых.

Беззащитна наша земля перед ведомствами, которые нарушают ее водный баланс, отравляют отходами производства воду, воздух и почву. Сельскохозяйственные угодья отравлены

химизацией. Мы едим отравленную пищу.

Беззащитна культура. Разрушены храмы, загублены парки, уничтожены и исчезли из музеев национальные ценности. Мы лишены сокровищ мировой и русской литературы. Не издается Библия, из которой выросла русская культура и без знания которой ее невозможно понять.

Первую причину нашей беззащитности я нахожу в разрушении нравственной структуры, которая оберегала народную жизнь и репродуцировалась в человеческой личности как совесть. Такие понятия как милосердие, великодушие, благородство, целомудрие потеряли для нас смысл вне нравственного контекста. Утрата нравственных ценностей ведет к качественному изменению человеческой личности.

От граждан требовали постоянного, возведенного в систему криводушия. Нельзя без последствий проявлять себя вопреки тому, что чувствуешь, распинаться перед тем, чего не любишь, радоваться тому, что приносит тебе несчастье.

Вторая причина беззащитности граждан в том, что не было правового государства, его важнейшего принципа - многокандидатных выборов.

У нас в стране всегда было прямое, равное и всеобщее избирательное право. Но что дает такое право, если приходится избирать из одной кандидатуры? Единственность кандидата лишала граждан возможности заявить свою позицию и осуществить выбор. Недемократично выбранные депутаты осознавали себя представителями правящей бюрократии и служили ее интересам.

В нашей стране всегда были законы. Но они не защитили граждан от произвола власти. „В 1936 году была принята самая демократичная, самая гуманная в мире Сталинская Конституция“. В это время высшая исполнительная власть находилась в руках Сталина, Ежова, Кагановича, Жданова и других злодеев. Начались репрессии по всей стране. Миллионы невинных были арестованы, подвергнуты бесчеловечным пыткам, расстреляны, отправлены в тюрьмы и лагеря. Почему ЗАКОН не защитил их? Почему Верховный Совет молчал? Его обязанность протестовать против нарушения законов. Задача, долг депутата проявить не овечью покорность, а гражданское мужество. Почему не оказалось в Верховном Совете депутата, который бы отстаивал интересы граждан?

Необходимым принципом правового государства должен стать Закон об общественной организации. Этот закон должен предоставить статус общественных организаций и определить равные права всем обществам, объединениям и клубам, кроме запрещенных законом. Эти общества могут иметь политические, экономические, философские, литературные, экологические и др. цели при определенном и тождественном статусе общественной организации.

Политическая платформа КПСС, выдвинутая на предвыборном Пленуме ЦК в марте, предусматривает „разграничение партийных и государственных органов“. Но ст. 6 Конституции СССР 1977 г. лишила определенности общественный статус КПСС и вошла в противоречие со ст. 108 Конституции прежней редакции.

Согласно ст. 108 Конституции СССР, „Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР. Верховный совет СССР правомочен решать все вопросы, отнесенные настоящей Конституцией к ведению Союза СССР“.

Согласно ст. 6 Конституции СССР, „коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР“. Непонятно, за кем остается решающий голос в определении принципиальной позиции в развитии страны: за КПСС или Верховным Советом?

Я предлагаю исключить ст. 6 из Конституции СССР, поскольку эта статья ставит КПСС вне определенного общественного статуса и срачивает ее с аппаратом государственной власти.

Исключительность любой общественной организации должна иметь под собой не правовые, а этические основания, на которых стоит всякий подлинный авторитет. Авторитет, навязанный силой закона, вырождается в авторитарность, при которой власть не несет ответственности за свои ошибки.

В Советском государстве существует два вида организаций: государственные и общественные. Других нет. Согласно Декрету от 21 января 1918 года, „Церковь отделена от государства“ /ст. 1/ и не имеет статуса общественной организации /ст. 10/. Это значит, что Церковь в СССР „не прописана“ ни в обществе, ни в государстве. Иногда исполнительная власть разрешает Церкви пользоваться не принадлежащими ей правами. Телефонные разрешения не могут компенсировать прав, которые обеспечивает законный статус.

Правовое государство должно иметь закон о свободе совести, отвечающий принципу справедливости. Этот закон должен предоставить равные права, как атеистам, так и верующим, в выражении своих взглядов.

Восстановление доброго имени и человеческого достоинства советских граждан требует закона о государственной тайне. С помощью тайны сталинская бюрократия формировала образ „врага народа“. Только открыв тайну, можно разоблачить обман. В печати публикуют частные воспоминания репрессированных. Нет публикации архивных документов. Без них информация останется неполной. В правовом государстве рассекречивание архивов должно стать дополнительной гарантией законной и открытой деятельности государственного аппарата. Все архивы: КПСС, МВД, КГБ, Министерства иностранных дел и Министерства обороны — должны быть подчинены единому центру при Верховном Совете СССР. Срок секретности не должен превышать 25 лет. Гриф „ДСП“ должен быть снят. Архивы должны быть доступны гражданам и их общественным организациям.

В 1917 г. был выдвинут лозунг: „Земля — крестьянам, фабрики — рабочим“. Эта идея не была осуществлена. Общественная собственность была реализована как государственная. Огосударствление собственности на землю сделало сельское хозяйство неэффективным. Пора исполнить обещание и отдать землю в собственность крестьянину, который ее обрабатывает. Эта собственность может быть передана по наследству, но не может быть продана. По древней русской традиции земля не может быть предметом купли-продажи. Ее нельзя продать, как нельзя продать жену или ребенка. Для русского крестьянина земля была членом его семьи. /.../

Фабрики должны принадлежать рабочим. Рабочие будут держателями акций фабрики. Чем больше акций — тем больше, следовательно, прибыли. Уходя на пенсию, рабочий может вернуть своей фабрике акции по номинальной стоимости. Децентрализация производства откроет путь свободной конкуренции социалистических предприятий. Необходимо предусмотреть антимонопольные ограничения, чтобы предотвратить диктат производителя в ценообразовании.

Никакие экономические соображения не могут оправдать наносимый природе вред. Выдвигая охрану и восстановление окружающей среды в качестве приоритетной цели экономического развития, я считаю необходимым:

- 1. Внедрить на предприятиях замкнутые технологические циклы и безотходную технологию.*
- 2. Закрывать экологически вредные производства и прекращать хозяйственную деятельность, ведущую к сверхнормативному загрязнению окружающей среды.*
- 3. Проводить обязательную экологическую экспертизу всех экономических проектов прежде их внедрения и осуществлять публикацию в печати всех ее результатов.*
- 4. Возвращение земледелия к естественному циклу: земля — зерно — навоз — земля. Очищение пахотных земель от ядов и химикатов.*

5. *Перевод транспорта на неэтилированный бензин.*
6. Обеспечить независимый контроль за состоянием воды, воздуха и почвы. Информирование населения о результатах контроля.

Необходима консолидация граждан нашей страны, независимо от национальных, религиозных и партийных различий. Мы должны научиться жить вместе, в рамках той исторической общности, которая сложилась к настоящему времени. Прошло время бросать друг в друга камнями по разным поводам и искать виновных. Пора осознать драматичность положения и соединить усилия в поисках конструктивного выхода.

Церковь и государство, атеисты и верующие должны соединиться в этом поиске. „У нас общая история, одно Отечество, одно будущее. Так давайте и поразмышляем обо всем этом вместе“.

Когда я принимал сан священника, я давал клятву хранить верность Церкви, своей пастве, то есть народу, который доверился моему духовному руководству.

Сегодня я повторяю это обещание перед всеми гражданами, верующими и атеистами: я осознаю свою ответственность за вас и ваши нужды.

Я буду нести свое депутатское служение, как до сих пор нес пастырское служение, опираясь на те нравственные принципы, которые за тысячелетие своего бытия сформулировала Церковь.

Я буду отстаивать интересы граждан на любом уровне и перед любой властью и никогда не предаю интересы граждан, независимо от их религиозных убеждений.

Священник Павел Адельгейм».

Времени на полноценную предвыборную кампанию было мало. Активисты объединения «Вече» и общества «Мемориал» стали быстро развешивать по городу и поселку Писковичи наспех написанные объявления о встрече избирателей с кандидатом — священником Павлом Адельгеймом. Первое собрание избирателей для утверждения отца Павла кандидатом в народные депутаты должно было состояться 10 апреля в зале Дома культуры профсоюзов на площади Ленина. Однако людей собралось столько, что ни о каком зале не могло быть и речи. Возник стихийный митинг. Люди требовали проведения собрания прямо на площади. Растерянная, напуганная до паники милиция не знала, что делать. В конце концов, милицейский полковник попросил отца Павла успокоить толпу. На ступенях перед колоннами Дома культуры установили микрофон.

Об этом собрании-митинге позднее вспоминал Виктор Николаевич Яковлев, ставший доверенным лицом отца Павла:

«Я впервые выступал на митинге, но впечатление осталось сильнее, до сих пор памятное, и не могу сказать, что приятное. Тогда я в полной мере ощутил страшную силу толпы, способной разнести, раздавить до хруста, затоптать до асфальта все, что окажется не по ее неуправляемому нутру. Она слушала и слышала только то, что хотела. Каждая фраза, едва ли не каждое слово отзывалось аплодисментами и одобрительным ревом — лишь бы не против шерсти. Говорить можно было исключительно лозунгами: „Народу нужны депутаты от народа! (Аплодисменты.) Долой власть партократии!“ — „Долооой!“ — мощно гудело в ответ. Говорить толпе что-либо ей неуютное было немыслимо. Но отцу Павлу удалось невозможное: обратить внимание людей к смыслу происходящего. Не берусь вспоминать его речь дословно, но заговорил он об уважении к человеку, которое мы все должны возродить, в том числе уважение к себе. Слушали его внимательно. И, поскольку каждый у нас себя уважает и считает уважаемым, настроение подтаяло. Фактически он убедил толпу не быть толпой. И под конец все удовлетворенно и с чувством собственного достоинства разошлись, согласившись собраться на следующий день в Зеленом театре городского парка и провести там предвыборное собрание».

Окружная комиссия взяла Зеленый театр под свой контроль. Чтобы не допустить стихийного и свободного волеизъявления народа, было изготовлено ограниченное количество мандатов для голосования — 2325 штук. Встречу избирателей решили провести не только с отцом Павлом, но еще с тремя кандидатами.

Аргументируя свое решение необходимостью плюрализма мнений, организаторы собрания смогли привести на встречу «своих», нужных им людей. Ко времени начала собрания большинство скамеек было уже занято.

Многие сторонники отца Павла вынуждены были стоять в проходах. Пришли более трех тысяч человек.

Начались выступления четырех кандидатов, их доверенных лиц и представителей общественности, некоторые из которых были явно «в штатском». Дебаты были жаркими. Конструктивных предложений, понижающих значимость программы Павла Адельгейма, не было. Зато было множество эмоциональных выпадов и призывов: «Будьте бдительны к проискам врагов!», «Это покушение на социализм!», «Церковное мракобесие в двадцатом веке недопустимо!», «Почитайте его биографию — это же уголовник!».

Говоря о непорядочности и безнравственности оппонентов отца Павла, следует отметить, что, кроме клеветы о его деятельности, распускались грязные слухи и о его семейной жизни. Так, во время перерыва на собрании в Зеленом театре к Вере Михайловне подошла незнакомая женщина:

— Скажите, Вера Михайловна, вы какая по счету жена у отца Павла? Сколько у него любовниц, и сколько детей он имеет на стороне?

От подобных вопросов матушка опешила.

— Что значит, какая по счету? Я первая и единственная. У нас трое взрослых детей. Старшая дочь - инвалид детства. А на любовниц у батюшки времени нет, он с утра до вечера или служит, или на стройке пропадает, или у себя в кабинете работает.

После этих слов женщина с вызовом обратилась к стоящему рядом мужчине:

— Что же вы грязные слухи распускаете? Ведете себя как баба базарная. А еще коммунистом называетесь. Стыдно!

Мужчина опустил голову, лицо его покрылось красными пятнами. Пробормотав что-то невнятное, он отошел в сторону, а затем направился в зал на свое место. После окончания собрания он подошел к Вере Михайловне и, не поднимая на нее глаз, тихо произнес:

— Простите меня.

Несмотря на все усилия, предпринятые избирательной комиссией, и старания конкурентов и противников, результаты выборов оказались не в их пользу. Из 2325 мандатов, опущенных в урну для голосования, 1465 было отдано за отца Павла.

«Народ встречал батюшку, как встречали победителей на улицах освобожденных от оккупации городов: с цветами и слезами на глазах. И непременно быть бы ему депутатом того первого Верховного Совета, прославленного телетрансляциями, приковавшими страну к приемникам крепче любого сериала, и в который все же были избраны некоторые священники и архиереи, и даже члены Священного Синода РПЦ во главе с будущим Патриархом, митрополитом Ленинградским Алексием Ридигером, если бы не последняя препона — окружное собрание избирателей, которое и утверждало окончательный бюллетень для голосования».

Ни государственная власть, ни ее руководящая и направляющая сила в лице КПСС не желали никаких демократических выборов. Они их откровенно боялись, но выбирать по-старому было уже

невозможно. Начались манипуляции с окружными избирательными собраниями. «Ситуация с Адельгеймом примечательна еще и тем, - писали «Московские новости», - что показывает: собрания-фильтры позволяют отсеивать кандидатов числом голосов меньшим, чем число выдвигавших. Священник был выдвинут на собрании избирателей по месту жительства, где за Адельгейма проголосовало 1465 человек. А для того, чтобы отвергнуть его кандидатуру, хватило 597 голосов из 691 участника окружного собрания».

В Пскове собрание проходило 15 апреля в Доме политического просвещения. Специально подобранных участников собрали со всей области и привезли на автобусах. У входа стояла милиция и впускала в зал исключительно по заранее распределенным мандатам. Сторонникам отца Павла досталось только три мандата, а право выступить предоставили только доверенному лицу. Выйдя на трибуну, Виктор Николаевич предложил включить в избирательный бюллетень всех выдвинутых кандидатов, чтобы в день голосования люди могли сами выбрать своего депутата, но его предложение, естественно, не прошло. На кандидата — священника Павла Адельгейма — обрушился каскад антирелигиозных выступлений, полились потоки грязных домыслов и беспочвенных обвинений. Одним из таких было то, что он разместил в своей предвыборной газете «цитату из воззвания сионистов». Так оценили известное изречение Вольтера: «Я могу быть не согласным с вашим мнением, но я готов отдать жизнь за ваше право высказывать его». В результате кандидатура отца Павла получила всего 98 голосов и не вошла в итоговый бюллетень для голосования.

Долго и тяжело переживать свое политическое поражение отец Павел не имел возможности. Все силы забирало восстановление храма с чередующимися регулярными богослужениями в двух церквях. Однако осадок все равно оставался. «Насколько я понимаю, - писал он своим друзьям Вячеславу и Елене, - предвыборная кампания проиграна до начала выборов. Власть победила без боя. Как у Вас в Ленинграде? Как Ваше выдвижение? Синод принял решение только через его благословение пропускать кандидатов к выборам. Так что духовенство и даже диаконы не могут быть выдвинуты демократическим путем».

Действительно, на Архиерейском Соборе в октябре 1989 года дискутировался вопрос о возможности участвовать священнослужителям в выборах в органы государственной власти. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер) выступил с резкой критикой участия духовенства в работе выборных органов власти. Это мнение будущего Патриарха нашло свою поддержку у всех членов Святейшего Синода.

14. Дела семейные. Взрослые дети

Несмотря на значительную нагрузку, отец Павел не снижал своей социальной активности. Он по-прежнему вел обширную переписку с богословами, философами, научной и творческой интеллигенцией, часто выезжал в другие города на семинары и конференции, принимал у себя дома гостей со всех уголков страны.

Приезжавшие и приходившие в его дом люди как-то незаметно для себя вливались в его семью и становились ее естественной частью. Многие потом вспоминали, как легко и непринужденно чувствовали себя в этом доме. К домашним заботам отец Павел относился как к христианской обязанности и старался, насколько возможно, организовать и облегчить жизнь близких ему людей. Это было нелегко, и не всегда удавалось. Особенное беспокойство вызывали выросшие и повзрослевшие

дети. Родителям всегда трудно признать, что это уже не несмышлениши, а самостоятельные и относительно независимые люди. По-прежнему хочется им помочь и защитить от возможных ошибок. Отец Павел старался участвовать в жизни детей осторожно и деликатно. Когда Аня с Ваней после сдачи сессий приезжали домой на каникулы, семья собиралась за большим столом, и они подолгу беседовали, обсуждая самые разные вопросы. Доминирующей темой, конечно, была проблема человеческих взаимоотношений. Когда дети уезжали на учебу, отец писал им письма, продолжая обсуждение жизненно важных тем. Вот одно из них:

«Мои дорогие детки Ваня и Аня!

В последнем письме Ане я назвал Ивана лодырем - не пишет родителям писем. На следующий день мы получили от Ивана письмо. „Errare humanum est“ - человеку свойственно ошибаться.

Сегодня с горя от холостой одинокой жизни посмотрел югославский фильм „Пришло время любить“. Фильм из той же серии, что „Вам и не снилось“, про глупых родителей, которым открывает глаза на жизнь самоотверженная любовь детей.

Правда, этот фильм чуть посерьезнее, поскольку обращает внимание, что проблемы в любви и жизни бывают не только у родителей, а ошибки могут делать даже и дети. Он указывает не на одну отрицательную сторону отношений - доведенное до крайности родительское насилие. Но и на другую - доведенную до крайности свободу детей со всеми ее последствиями для них самих.

Все кончается хорошо, как в сказке, так что зрители даже забывают, что для этой истории, во-первых, вполне логичны и другие продолжения, подозрения о которых возникает во время разговора на мосту. А во-вторых, не рассеялась туча над их головой: „возможно, она никогда не сможет иметь детей“.

Если будет время, посмотрите, фильм хорошо поставлен. Не знаю, насколько входило это в задачу авторов, резко бросается в глаза главная причина бед каждого из двух поколений — раболепие, забота о своем самолюбии, прощание — духовная ограниченность. Причиной бед всех героев, и зрелых, и юных, является именно неспособность перешагнуть через самолюбие. И только там, где через него перешагивают, оказывается возможным продолжение жизни. Перешагнуть приходится всем, но как-то в этом больше чувствуется воля обстоятельств, сила любви друг к другу, т.е. все до предела детерминировано (вам теперь знаком этот термин). А вот внутреннего подвига преодоления самого себя не чувствуется, как будто фильм идет не о любви, а о стаде, до такой степени все взаимообусловлено.

И еще. Фильм иллюстрирует верную мысль, что семья рождается, как и ребенок, в муках, что счастье любви тесно связано с болью, горем.

Человек несет ответственность за каждый свой поступок, понимает ли он это теперь или поймет позже.

До свидания, крепко вас обоих целую, мои любимые.

Ваш папа.

P.S. Может быть, вам будет интересно почитать о Святогорском монастыре. Прилагаю вырезку».

В 1985 году взрослые дети окончили институт и вернулись домой. Иван стал младшим научным сотрудником в Псковском НИИ озерного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ), а Анна — метеорологом на Псковской метеостанции. Пришла пора обзаводиться своими семьями. И возраст, и обстановка этому весьма способствовали. В доме часто собиралась молодежь, приходили бывшие одноклассники, приезжали однокурсники из Ленинграда и молодежь из Москвы - вместе с Сергеем Ганьковским или по его рекомендации.

Отец Павел собирал всех за своим столом, и умело «провоцировал» дискуссии о мужчине и женщине, о разнице мужского и женского начал, о смысле супружества, о влюбленности и любви. Самые жаркие споры разгорались на тему «кто в доме главнее». Для многих было в новинку слышать о семье как о малой церкви, а о главенстве в ней - как о жертвенной ответственности, которую супруги несут до самой смерти. (Суть идеи главенства и власти, которую отец Павел старался донести до своих молодых собеседников хорошо выразил в своем романе «Бремя власти» Дмитрий Балашов: «Каждый достойный возлагает на рамена своя крест по крайним силам своим. Абы токмо снести. И несет! До конца. До Голгофы. До последнего суда Господня!»).

Любовь — это и жертвенная ответственность по отношению к своему избраннику, и огромная зависимость, которая сочетается с заботой о любимом человеке. Для любящего ценность любимого значительно превышает свою собственную. Именно о такой любви писал в первом послании к коринфянам святой апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Проповедуя христианские основы семейной жизни, отец Павел в первую очередь предъявлял соответствующие требования к своим взрослым детям. Порой они воспринимались детьми не так однозначно, как хотелось бы их отцу. Иван приглядывался и к своим однокурсницам, и девушкам, что появлялись у них в доме. Анна о замужестве еще не думала, хотя молодых людей вокруг нее было много. Это беспокоило отца Павла, он нервничал.

- Анечка, надо ведь о будущем подумать. Пора уже и семьей обзаводиться. Замуж пора, - говорил он ей. - Посмотри, сколько вокруг хороших юношей.

Анна по натуре своей была человеком, органически не приемлющим насилия. С самого раннего детства она отторгала его в любых формах и проявлениях. Часто это выглядело, как борьба за свою личностную независимость и стремление к эмансипации. Отцу Павлу такие черты характера дочери были непонятны. Он мог вспылить, и в их отношениях иногда возникала легкая напряженность. Случались и конфликты, но при всей своей импульсивности, отец Павел был человеком необычайно добрым и отходчивым. Он старался объяснить дочери, что близкие люди всегда зависят друг от друга, что зависимость порождает ответственность за любимого человека, а она, в свою очередь, укрепляет любовь. На этом стоит мир.

У Веры Михайловны с дочерью были более близкие отношения, и она не торопила ее с решением семейного вопроса, но периодически говорила о переживаниях отца. Иногда они вместе обсуждали перспективы будущего замужества. Среди поклонников и претендентов на руку и сердце более других пришелся ей по душе московский студент Вадим. Он выделялся особой скромностью и какой-то основательной надежностью. Отец Павел, узнав, что у Анны появились некоторые предпочтения, решил немного поторопить события. Он предложил молодым людям поговорить со старцем отцом Иоанном Крестьянкиным и сам отвез их в Псково-Печерский монастырь. Отец Иоанн вышел навстречу молодой паре, обнял и, склонив их головы друг к другу, ласково произнес:

— Ну, вот и хорошо, вот и слава Богу! Живите и родите нам какого-нибудь святого. Святых нам сейчас очень не хватает.

Анна подумала — а почему бы и нет, и решила дать согласие на брак с Вадимом.

Иван, в отличие от сестры, еще не определился в своих предпочтениях. Ему нравились многие, и многим нравился он. Ни в годы студенчества, ни после окончания вуза никакого серьезного выбора

он сделать не смог. Ему нравились и Вика, и Таня, приезжавшие к отцу Павлу из подмосковного города Королева, и какие-то ленинградские подруги, у которых он регулярно гостил. В 1986 году после одного из таких визитов в Ленинград отец жестко потребовал: или женись, или прекрати ездить. Иван резонно возразил, что жениться пока не готов, но и монахом быть тоже не собирается. Мужской разговор отца с сыном получился суровым. На категоричный запрет батюшки в очередной раз отправляться на выходные дни в Ленинград, Иван Павлович не менее категорично заявил, что эти отношения - его личное дело, и он сам будет определять, когда и на ком ему жениться. Конфликт быстро дошел до точки кипения. Не договорившись ни о чем, обиженные друг на друга ближайшие родственники разошлись по своим комнатам и демонстративно прекратили общение.

Вера Михайловна металась между мужем и сыном, пытаясь склонить их к примирению. Беседуя с Ваней, она объясняла ему, что создание семьи — шаг очень ответственный, что его ленинградская подруга кажется ей несколько вульгарной, и что ей, наверное, будет тяжело вливаться в новую семью. Просила его серьезно об этом подумать. Разговаривая с отцом Павлом, она просила его не быть таким категоричным и дать Ване возможность разобраться в себе. Надо сказать, что миротворческая миссия удавалась ей плохо: каждый был убежден в своей правоте, а аргументы другого всерьез не воспринимал. От этого противостояния у Веры Михайловны случился сердечный приступ, и пришлось обратиться к врачу. Кардиолог диагностировал прединфарктное состояние и дал направление на госпитализацию. С этим направлением она и пришла к своим конфликтующим мужчинам. Иван, прочитав медицинское заключение, произнес:

— Мама, не переживай ты так. Если вы хотите — я женюсь, на ком скажете.

Вера Михайловна медленно опустила на стул и тихо ответила:

— Как мы можем решать за тебя, с кем тебе жить. Ты уж сам как-нибудь определись. Тебе ведь вроде Таня нравилась, из Москвы.

— Хорошо, мама, я женюсь на Тане.

Решение было принято, и на следующей неделе Иван Павлович вместе отцом поехали в Королев - делать предложение руки и сердца. Родители невесты были не в восторге от будущего брака их дочери, выпускницы филологического факультета МГУ, с сыном священника, но возражать и препятствовать не стали. В апреле Татьяна, уже в качестве невесты, должна была переехать в Псков. Предчувствия у Ивана были нехорошие, и он было собирался отказаться от своего предложения, но Вера Михайловна, устрасшись скандала и нового конфликта с отцом, уговорила его этого не делать. Авань, стерпится - слюбится. Татьяна приехала в Псков, поселилась в доме отца Павла, устроилась на работу учителем русского языка и литературы в среднюю школу №8.

В это же время из Королева приехал Вадик и сделал предложение Ане. Она ответила согласием, и родители благословили их брак. Молодые жених и невеста уехали в Королев, где 19 мая официально зарегистрировали свои отношения, а Ваня с Таней зарегистрировались в июне того же, 1986 года, в Пскове. 13 июля в церкви св. Апостола и Евангелиста Матфея в Писковичах отец Павел обвенчал обе пары, благословив их на долгую счастливую совместную жизнь. Через семь дней после венчания Вадика призвали на службу в армию, и молодой лейтенант поехал на Дальний Восток, в городок Барабаш, что недалеко от Находки. Следом за ним в дальний гарнизон отправилась и его молодая жена.

Менее чем через год, 1 мая, у Ани и Вадика в Барабаше родился первый ребенок — дочка Настенька. Получив известие о рождении внучки, дедушка радостно поздравил дочку праздничной песней:

*Солнце светит жарко и упрямо. Кончилась зима. Набухли почки.
Утром получил я телеграмму: у тебя вчера родилась дочка.
Боже мой, давно ли из невест! Но свою судьбу не выбирают:
сына ждал пасхальный благовест, а родилась дочка к первому.
Еще стоишь ты под своим крестом, но небо над тобою прояснилось.
Младенец спит, не ведая о том, что ты со смертью за него сразилась.
Выпостав натруженное лоно, баржа разгрузилась у причала:
нерукотворенная икона праздник первомайский увенчала.
Всех святынь придуманных дорожке неискоренимый духом века
в тайне сокровенный образ Божий, как огонь, вселенный в человека.
Еще стоишь ты под своим крестом, но небо над тобою прояснилось.
Младенец спит, не ведая о том, что ты со смертью за него сразилась.
Вашу связь разлукой не порвать, не купить ценою всей вселенной.
Слово человеческое «мать» — не название. Это дар священный.
Колыбельку детскую качая, станешь песни напевать над ним.
Пусть укроет ото всех печалей вас шестокрылатый серафим.
Еще стоишь ты под своим крестом, но небо над тобою прояснилось.
Младенец спит, не ведая о том, что ты со смертью за него сразилась.*

Павел Адельгейм, май 1987 г.

На помощь дочери ближайшим самолетом матушка Вера полетела на Дальний Восток. Отец Павел вспоминал:

«Путешествие до Владивостока было для нее сложным приключением. Но путь не закончился во Владивостоке. Пришлось ехать гораздо дальше. Последнюю часть пути добиралась на машине по бездорожью. Петля между сопками, машина внезапно остановилась. Жена испугалась. Место дикое. „Убьют, никто не узнает“, — пронеслось в голове. Шофер сказал: „Опустите стекло, только тихо. А теперь посмотрите вверх и направо“. Метрах в тридцати на склоне сопки лежал большой тигр. Он грелся на солнышке и лениво отгонял осу. Ехать нельзя. Хищник может броситься на движущийся предмет. Довольно долго пришлось ждать, пока тигру надоест загорать. Наконец, он поднялся и медленно скрылся за сопкой. Машина тронулась дальше по военной дороге, предназначенной для танков и вездеходов. Было сухо, горела трава, и обугленные сопки уходили за горизонт. Добрались поздно вечером».

Сказать, что гарнизонная жизнь в Барабаше ее впечатлила, значит, не сказать ничего. Роддом находился в 60 километрах от города. Вадим смог достать машину только на второй день, а доехали они туда к семи вечера. Ни одного специалиста на месте уже не было. Получасовое блуждание по пустым больничным коридорам в надежде найти хоть одного врача, оказалось безуспешным. Какая-то санитарка, встретившаяся им в вестибюле, сказала, что ребенок родился слепым. У Веры Михайловны потемнело в глазах, ноги подкосились. Ухватившись за руку Вадика, она еле устояла на месте. Тот, как мог, старался успокоить тещу. Они вышли на улицу и стали звать Анну под окнами родильного отделения. Наконец, в окне показалась Анна с малышкой на руках — вполне здоровой, с ясными глазками. Оказалось, санитарка что-то перепутала. Прости ее, Господи!

На обратном пути в гарнизон матушка попросила отвезти ее на почту, и отправила мужу телеграмму: «Добралась. Все в порядке. Нужна твоя помощь. Вера». После трех недель, проведенных в Барабаше, она поняла, что дочку и внучку надо как можно скорее перевозить в Псков, под родительское крыло.

Вернувшись домой, она рассказала мужу о своих впечатлениях, и тот написал зятю письмо:

«1 июня 1987 г.

Мой дорогой Вадик!

С приездом мамы выяснилась, наконец, объективная картина вашей жизни в Барабаше. Вы изображали ее в приукрашенном виде, чтобы мы не волновались: не настаивали на возвращении Ани домой для родов.

Да, конечно, переживать трудности надо вместе: „друг друга тяготы носите“. Совместное переживание трудностей и радостей создает семью. Но одно дело вместе нести общие трудности, другое дело ставить роженницу в экстремальную ситуацию по собственной беспечности и недомыслию.

Вадюша, не хочу тебя ни в чем упрекать. Но муж отличается от мальчишки способностью анализировать поступки и делать выводы, чтобы вторично не поломать ногу в той же яме. Давай сопоставим, как отличалась изображенная в письме ситуация от действительной. Вот твой текст: „У нас все идет по плану. Аня ходит раз в две недели в госпиталь к врачу-гинекологу, чувствует себя хорошо. Почему трудные роды для Ани реальность?“. „Отправляя Аню на Запад, я перекладываю тяжелый, хотя и благородный труд на чужие плечи. Это может быть оправдано только почти полным отсутствием условий для родов и жизни младенца“. Письмо Вадика от 25.02.87 г. №13/. „Проблемы „скорой помощи“ не существует, т.к. соседний дом — больница (30 метров). В госпитале есть родильное отделение. Госпиталь большой, поэтому родильное отделение нормальное, при нем, как полагается, штат мед. персонала“. /Письмо Вадика от 01.87 г. №7/».

Что же было на самом деле? К врачу-гинекологу Аня не ходила. Она ходила к акушерке, которая, понимая сложность родов, в решительный момент отказалась их принимать. Ни в больницу, ни в госпиталь Аню не взяли. „Скорой помощи“ действительно не было. Когда начались родовые схватки, тебе пришлось везти Аню ночью, по бездорожью и ухабам, на грузовике, за 50-60 километров в Славянку, где вас никто не знает. При начавшихся родах Аня могла „не разродиться“, истечь кровью, мог погибнуть ребенок. Думаю, ты не понимал, что рискуешь жизнью обоих. Катастрофа не произошла. Жена и ребенок остались живы. Слава Богу. Но совершенно очевидно, что ты не контролировал ситуацию. Ты ее не продумал и не подготовил, легкомысленно подвергнув ненужному риску жизнь жены и ребенка.

Пишу это тебе, а не Ане. Во-первых, потому что ты глава семьи и твоя ответственность за семью — не пустое слово, не несущее никакой смысловой нагрузки. Во-вторых, принимая решение рожать в Барабаше, вы с Аней оказывались в разном положении. Аня рисковала своей жизнью. Ты рисковал Аниной жизнью. Это не одно и то же. Каждый из нас вправе рисковать своей жизнью. С моей стороны было бы непростительным малодушием промолчать об этом из страха обидеть тебя и испортить наши отношения.

В-третьих, наступает лето с опасностью желудочнокишечных заболеваний. Особенно актуально это ввиду бескрайней помойки, раскинувшейся перед вашими домами и обсиженной громадными красно-зелеными мухами.

Осень и зима опасны простудными заболеваниями, усиливающимися бытовой сложностью купания ребенка. Вызывает сомнения квалификация и своевременность медицинской помощи ребенку в случае нужды. Если возникнет необходимость прикорма, условий для этого тоже — никаких.

Обращать на все это внимание Ани бесполезно. Аня будет учитывать в первую очередь не собственные „тяготы“, даже не Настенькину безопасность, а твои интересы и удобства. Поэтому я и обращаюсь к тебе. Взвесь все „за“ и „против“ и прими решение, учитывающее в первую очередь интересы и безопасность ребенка и жены. Конечно, для этого придется отказываться от известных удобств и удовольствий. Но ведь это и означает „носить тяготы друг друга“.

В заключение — моя просьба. Строго-настрого запрети Ане ездить одной в Пороховую. Слишком велика опасность, что по дороге ее могут обидеть. Ты на меня не обижайся, Вадюша. С моей точки зрения, необходимо строить отношения с близкими людьми на полной ясности и откровенности, а не камуфлировать вежливостью.

Радуюсь за всех вас, что живы и здоровы, крепко целую тебя, Аннушку и Настеньку. Ваш папа и дедушка».

Послание возымело свое действие, и Аня с дочкой вскоре приехала в Псков, а к осени перебралась в Москву, к родственникам мужа.

У Ивана семейная жизнь складывалась иначе. В 1986 году он продолжал работать в своем ГосНИОРХе. Татьяна преподавала в школе, отец Павел регулярно вечерами проверял за нее ученические тетради, Вера Михайловна хлопотала по хозяйству. Молодые супруги жили мирно, не ссорились, но и любви у них между собой не было. Каждый сам по себе. Так прошло полгода. Матушка молилась о благополучии в семье и надеялась, что со временем отношения у Вани с Таней улучшатся.

Чтобы добиться для сына отсрочки от призыва в армию, она познакомилась с сотрудниками псковского военкомата. Ей обещали посодействовать и, по возможности, не призывать Ивана на службу, однако материнские старания оказались напрасными. Сын вопрос о своем воинском долге перед Родиной решил иначе и установил собственные отношения с бывавшими в их доме сотрудниками горвоенкомата.

Однажды перед рождеством 1987 года Иван необычайно рано вернулся с работы.

— Что случилось, Ваня, ты заболел? Что-нибудь на работе произошло?

— Нет, все в порядке. Я здоров и на работе все хорошо — я получил расчет.

— Ты уволился? Почему?

— Иду служить в армию.

Вера Михайловна ничего не понимала. У нее ведь была договоренность с военкомом.

— Как это — служить в армию? Зачем? Когда?

— Сегодня вечером, мама. Вот удостоверение личности офицера, предписание и билеты на поезд.

— Какие билеты? Куда?

— Приволжский военный округ, Волгодонск, Качинское высшее военное авиационное училище. Служить буду по своей специальности — инженер-метеоролог. Через два года вернусь.

Матушка тяжело опустилась на скамью возле стола и обняла голову руками.

— Павлик, ты слышишь, Ваня в армию уходит. Сегодня. Как нам теперь быть?

Родители явно были в растерянности.

— А что нам с Таней делать?

— Что делать? Воспитывайте.

— А где она будет жить?

— У вас.

Собрав в дорогу небольшой чемоданчик, Иван Павлович попрощался с родителями и женой, и отправился к месту службы. Татьяна, в отличие от Анны, не последовала за мужем — разделять тяготы армейской жизни. Вера Михайловна периодически советовала невестке хотя бы съездить навестить

мужа, объясняла, что отношения надо укреплять, а не пускать все на самотек. На весенних каникулах Татьяна поехала, но не к мужу, а в Королев, к своим родителям.

Летом матушка снова, и уже более настойчиво, попросила Таню съездить навестить мужа. Понятно, что такие длительные перерывы в отношениях никак не способствуют укреплению семьи. Татьяна поехала, но прожила у мужа не более двух дней. В военном городке, где все друг другу уже примелькались, появление нового человека, а особенно молодой женщины, вызвало бурный интерес и даже некий ажиотаж среди офицеров. За Татьяной начали ухаживать, а она благосклонно принимала эти знаки внимания. Она совершенно не понимала, что положение ее мужа — не кадрового офицера, а по сути гражданского лица, прибывшего в часть на временную двухгодичную военную стажировку, было и без того довольно уязвимым. Кадровые офицеры относились к таким стажерам без особого уважения и при случае всячески старались показать свое превосходство. В общем, Ивану не понравилось поведение жены, и он, купив проездной билет, отправил ее обратно. Через год, зимой 1988 года он приехал домой в краткосрочный отпуск. Утром прямо с вокзала пошел к матери на работу. По случаю приезда сына руководство станции юных натуралистов предоставило Вере Михайловне на этот день отгул. По дороге домой Иван сказал матери, что приехал разводиться с Татьяной.

— Ты это серьезно, Ваня?

— Да, мама, я окончательно все решил. Да и время показало, что нам не стоит жить вместе. Незачем.

— Ваня, я сегодня с Аней и Настей уезжаю в Москву. Надо помочь им переехать. У нас уже билеты куплены. Я тебя очень прошу, умоляю! Ничего не говори папе до моего возвращения. Подожди два дня.

— Хорошо, мама, отложим этот разговор до твоего приезда.

Вечером Вера Михайловна отозвала Татьяну в сторону и очень серьезно сказала:

— Делай, что хочешь и как хочешь, но сегодня вы с Ваней должны спать вместе. От этого зависит будущее твоей семьи. Я тебя очень прошу — постарайся сохранить отношения! Сделай все, что можешь, и даже то, что не можешь.

Татьяна согласно кивнула головой. С тяжким сердцем Вера Михайловна с дочерью и внучкой отправилась в Москву. Рано утром они приехали домой к родителям Вадима, стали распаковывать чемоданы и раскладывать вещи. Около восьми часов раздался телефонный звонок. Вера Михайловна взяла трубку. Это был отец Павел. Голос его звучал глухо и сдавленно.

— Вера, ты знала, зачем Ваня приехал?

Сердце дрогнуло в предчувствии беды.

— Нет, — соврала она мужу. — Что случилось?

— Он хочет развестись с Таней. Я не знаю, что мне делать. Хоть под автобус бросайся.

— Павлик, ты только не волнуйся! Я срочно выезжаю! К вечеру буду дома. Не переживай, мы что-нибудь придумаем.

Схватив свою сумочку и наспех попрощавшись со всеми, Вера помчалась на вокзал. Всю дорогу она молилась и думала, как теперь быть, что делать. Дома она первым делом направилась в комнату сына.

— Ваня, как же так? Ты же мне обещал.

— Я ничего не говорил, мама. Таня ночью — папа еще не спал, работал у себя — пошла к нему жаловаться и сказала о разводе.

Отец Павел помрачнел, закрылся у себя в кабинете и ни с кем не разговаривал. Вера Михайловна, как могла, успокаивала его. Он почти ничего не ел и из своей комнаты выходил только на службу в храм.

Иван подал заявление о разводе. Был назначен день судебного разбирательства. Отец Павел и Вера Михайловна снова, как могли, пытались его отговорить. Через знакомых адвокатов матушка попросила судью отложить решение вопроса о разводе на максимальный срок. Судья пошла навстречу и предоставила истцу и ответчице возможность обдумать свое решение в течение трех месяцев. Иван уехал к месту службы, а родителям осталось надеяться, что, может быть, за это время в отношениях молодых супругов что-нибудь поменяется и все как-нибудь образуется. Отсрочка развода несколько успокоила и отца Павла. Он снова втянулся в работу, окунулся в бурный поток событий, происходивших в стране.

Через три месяца Иван вновь приехал в Псков и на повторном судебном заседании подтвердил свое решение о разводе. Выслушав позицию истца, судья обратилась к ответчице с вопросом о том, что та предприняла для сохранения семьи? Услышав в ответ Татьянино «ничего», она объявила их брак расторгнутым.

Родители тяжело переживали развал семьи сына. Когда Вера Михайловна сообщила мужу о состоявшемся разводе, Павел Анатольевич тяжело вздохнул и с болью произнес:

— Ну, что ж. Пусть это будет на его совести.

— Да, конечно. Но знаешь, Павлик, если по совести, то ведь это мы виноваты. Ведь мы его женили. Он не хотел.

— Да, Верочка, наверное, ты права. Если бы я тогда... Что теперь об этом говорить.

И он опять тяжело вздохнул.

К расстройству от неудавшейся семейной жизни сына добавились тяжелые переживания о жизни дочери.

Анна, с детства мечтавшая уехать из СССР, уговорила мужа подать заявление для выезда на постоянное место жительства.

В 1987 году отец Павел получил от Вадима - мужа своей дочери, письмо:

«Дорогой батюшка! Мы встали на очередь на эмиграцию из СССР в США. В этом году они пообещали дать ответ, „если не изменится договоренность с вашим государством“, сказали, чтобы мы им позвонили в сентябре. Я собираюсь двигать это дело вперед.

Аня тоже очень воодушевлена грядущей перспективой. Я бы разделил предстоящие проблемы на две части: те, которые надо решить здесь, и те, которые надо будет решить там.

Здесь: а) проблема отношений с родителями, близкими и друзьями; б) возможно, меня некоторое время не выпустят, т.к. я писал диплом по форме секретности. Но главное, я боюсь, что у моих родителей будут неприятности на работе, я намерен не говорить им ничего до тех пор, пока это будет возможным. Несмотря на нам кажущуюся реальность отъезда, мы с Аней решили не менять стиль жизни, поэтому все договоренности, в том числе и об автомобиле, остаются в силе. Подрамник я уже вырезал, лежит в гараже. Достал сидения передние от 412-го и кое-что по мелочи.

Там: а) все-таки нам бы хотелось в Австралию, там очень хорошие условия для иммигрантов и для семей с детьми; б) хотелось бы найти людей в США, которые приняли бы в первый момент и нашли работу.

До свидания. Очень ждем ответа и конструктивных предложений. Если можно, пришлите Библию и Новый Завет, деньги передадим в следующий раз».

Известие о грядущем отъезде дочери отец Павел воспринял с огорчением, но отговаривать не стал. С одной стороны, он понимал бесполезность отговоров — Анна все равно сделает по-своему, с другой - он прекрасно видел, что творится в стране, и понимал, что в ближайшем будущем улучшений не предвидится. ОВИР (отдел виз и регистраций) долго не давал разрешения на выезд, ожидание отъезда растянулось на несколько лет.

Зимой 1989 года, после демобилизации, Иван вернулся домой и, прожив в Пскове одну неделю, уехал обратно в Волгодонск. Летом родители получили письмо, в котором Ваня сообщал, что женится и приглашает их на свадьбу.

Отец Павел положил приглашение на стол и как-то глухо произнес:

— Это боль всей моей жизни.

Вспомнил, как требовал от сына скорее жениться... Венчание... Развод.

Вера Михайловна вздохнула, обняла мужа за плечи и тихо сказала:

— Теперь это его самостоятельный выбор. Пусть нам не жалуются. Давай, Павлик, собираться.

Сообщив новость дочери, они втроем поехали в Волгодонск.

Через некоторое время Иван с женой Еленой переехали жить в Псков, где у них родилось двое детей — сын Иван и дочь Анна.

В 1992 году, после неудавшегося путча ГКЧП и развала СССР, новые российские власти разрешили Анне и Вадиму с дочерью Настей выезд за рубеж. Они уехали в Соединенные Штаты и поселились в городке Троя, недалеко от Детройта, штат Мичиган. В эмиграции у них родились еще трое детей — сыновья Павел, Алексей и Марк.

Отец Павел был сильным человеком, умел признавать свои ошибки и делать из них выводы. Впоследствии, характеризуя его отношение к людям, диакон Илья Ерохин писал: «Он не был категоричен, никогда никому не говорил: „Делай так, и никак иначе“, всегда давал возможность человеку самому разобраться, что-то советовал, но не давил и не подавлял чужую волю».

Жизнь его в эти годы хорошо описал диакон Илия Ерохин. В 1985 году он, молодой и перспективный ученый-математик, приехал из Москвы в Псков. Пообщавшись с отцом Павлом, решил креститься, а затем на два года перебрался жить в Писковичи и помогать батюшке в службах и в восстановлении храма. Об этом периоде своей жизни он вспоминал:

«Когда я пономарил у отца Павла, он мне платил небольшую зарплату. Потом я даже устроился программистом в городе, а весной 1988-го еще и в кафедральном соборе стал чтецом. Приходит начальник и говорит: „Мы знаем, что ты в Церкви, так что лучше пиши заявление об уходе. Выгонять я тебя не хочу, но неприятности мне не нужны“. Еще сохранялись старые советские порядки, но везде чувствовалось возрождение церковной жизни... В духовном плане я тогда открыл для себя главное — увидел, что есть мир любви, настоящей христианской жизни. Двери его дома, как и сейчас, вплоть до последнего дня, были открыты для всех. Круглый год к нему приезжали люди, он каждого стремился согреть своей любовью, растопить ему сердце, помочь человеку увидеть свой внутренний мир. Для отца Павла не существовало чужих проблем, чужой боли, он всем сопереживал, старался утешить, помочь, духовно укрепить.

Люди приезжали очень разные: научная и творческая интеллигенция и совсем простые. Некоторые — партийные и ответственные работники. Каждый вечер кто-то приходил: пили чай, обсуждали разные проблемы. Очень широкий кругозор был у отца Павла, его интересовало буквально все: жизнь во всем ее разнообразии, поэзия, музыка, наука. Например, со мной, как математиком, он любил говорить о логике. Естественно, высшую математику ему трудно было понять, но логикой он интересовался.

Он всегда чувствовал, что интересно собеседнику, ни перед кем не заискивал, но и ни над кем не возносился, ровно относился ко всем, в каждом видел образ Божий. И каждый, кто к нему приходил, мог стать отцу Павлу другом — сердце его вмещало всех.

Много интересных людей повидал я в доме у отца Павла, не всех сейчас вспомню, но хочу рассказать о Борисе Георгиевиче Врангеле. Племянник генерала Врангеля, невысокий, худенький, но настоящий барон, и с очень интересной судьбой. Он родился в 1917 году. В 1918 году на глазах семьи расстреляли отца, человека сугубо штатского. Борис Георгиевич рассказывал, что его отец считал преступлением против России держать свои деньги в иностранных банках, и им пришлось бедствовать, оказавшись за границей — в Бельгии. Детей пришлось распределить по разным католическим пансионатам. Он окончил филологический факультет Брюссельского университета. Так ему хотелось вернуться на Родину, что он пришел с немцами на оккупированную территорию, в Прибалтику. Он не служил в немецкой армии, устроился по хозяйственной части, а когда немцы отступали, решил остаться. Знал, на что идет, что его здесь ждет, но остался. Сколько мужества надо иметь! Вскоре его арестовали и дали 25 лет лагерей — хорошо не расстреляли. Когда после XX съезда началась реабилитация, ему скостили срок, он отсидел 14 лет в лагере и пять — в ссылке, а потом вернулся на Псковщину. В юности он потерял веру в Бога, но к концу жизни пришел в храм, познакомился с отцом Павлом, часто бывал у него дома. Уверовал глубоко и ревностно, стал алтарничать в храме. Похоронен он у Мироносицкого храма, где служил отец Павел. Такая удивительная судьба!

В уютном доме Адельгеймов всегда стоял шум: лаяли собаки, звонил телефон, столовались гости, булькали на плите кастрюли. Дом был открыт для всех, ночевали иногда по 20 человек сразу. Приходили за едой, одеждой, деньгами, но чаще — за поддержкой и разговором.

Дистанция, которую держал отец Павел с людьми, равнялась ширине стола на его кухне. Других ограничений не было: ни в мысли, ни в темах».

15. Молитва, просвещение, милосердие

В основе своей церковной деятельности отец Павел определил три главных направления: богослужение, просвещение и милосердие.

Первое он реализовывал через восстановление храмов и организацию в них регулярных богослужений. Благо социально-политическая ситуация в стране в конце 1980-х — начале 1990-х способствовала притоку народа в лоно церкви. Многие тогда крестились, начали соблюдать посты и посещать церковные службы. По мере восстановления церкви свв. Жен-Мироносиц отец Павел непрерывно увеличивал количество служб в течение недели. В конце 1990 года в храме они уже совершались ежедневно. Кстати, так же регулярно в Пскове служили только в Троицком кафедральном соборе, позднее ежедневные службы стали проходить и в церкви св. Александра Невского.

Количество прихожан росло, но подавляющее большинство людей, присутствующих в храме, не понимали сути и смысла богослужений. При этом люди уже связывали свои чаяния и надежды с верой в Бога, с религией и Церковью. На священников в 1990-е годы смотрели, как в 1960-е - на космонавтов. Их приглашали в школы и больницы, в студенческие аудитории и на предприятия, их останавливали на улицах и задавали вопросы. Про это время отец Павел вспоминал:

«Стоило мне сесть на поезд и поехать в Петербург (с отцом Владимиром Цветковым мы часто ездили, оба были в подрысниках), и собирался весь вагон. Тут же в купе собирался со всех сторон народ, и задавались вопросы. И все пять часов путешествия проходили в очень жарком разговоре. Причем совершенно разные вопросы, люди и спрашивали или с ожесточением возмущались, не

согласны были. С другой стороны, многие очень положительно воспринимали эти разговоры, за всем чувствовалась глубокая заинтересованность. Церкви со стороны народа был сделан вызов, на который надо было откликнуться».

Интерес к религиозным вопросам у людей в то время был действительно огромен, а Церковь, в лице своих священнослужителей, не всегда могла его удовлетворить. Вспоминаю, как в 1990 году на реабилитационное отделение наркологической клиники, где я работал психотерапевтом, пришел приглашенный администрацией священник для выступления перед пациентами и медперсоналом. Говорил он долго, красиво, витиевато, но порой не очень понятно. Спросить у него что-либо было невозможно, поскольку это был полуторачасовой монолог. Вывод из этой встречи мной и многими моими коллегами был сделан такой — батюшка умный и говорит все правильно, а мы религиозно необразованные, поэтому и не понимаем.

Церковь откликнулась на социальный вызов времени, но недостаточно активно. Духовенству необходимо было срочно разрабатывать и внедрять новые массовые формы религиозного просвещения. Отец Павел выступал с публичными лекциями и докладами всюду, куда звали. О его просветительской деятельности хорошо написал Виктор Яковлев:

«Отец Павел становится первым в Пскове миссионером Церкви Христовой и проповедником Слова Божия за ее оградой. Его приглашают в школы и вузы, в библиотеки и различные учреждения (помню, даже в милицию), на предприятия. Он включается в общественную жизнь Пскова и живо реагирует выступлениями, докладами, статьями на все более-менее значимые события в городе и стране... К нему тянулись люди творческие, образованные, и самые разные — все, кто, „духовной жаждой томим“, надеялся найти во Христе и Церкви Его ответы на главные вопросы бытия. В нем словно открылась способность говорить на разных языках, с каждым — на языке его души. Он посещал больницы, дома инвалидов, места лишения свободы, служил молебны и Божественную Литургию в больничных палатах, фойе и тюремных камерах».

Проповеди отца Павла представляли собой органическое соединение просветительской деятельности и молитвы. Впервые опубликованные тексты его проповедей разошлись по миру. О нем узнавали и хотели познакомиться с ним поближе. Приезжали из разных уголков страны и мира — Средней Азии, Сибири, Германии, Голландии, Англии.

Так, в 1990 году девять представителей англиканской церкви приехали в Псков и в течение десяти дней жили в его доме. Они посещали службы отца Павла, принимали участие в восстановлении храма, а по вечерам в кругу приходивших и приезжавших к нему друзей-единомышленников обсуждали положение дел в стране, проблемы возрождения духовности и церковной жизни.

Случалось, что зарубежные гости приезжали к нему нелегально, обходя препоны советского законодательства. Порой не обходилось без приключений. В 1990 году в Ленинград к Елене Пудовкиной приехала из Австралии Кира Владимировна Чернова — дочь эмигрантов первой волны, родившаяся в Прибалтике и никогда не бывавшая в России. Елена предложила ей съездить в гости к отцу Павлу. По советским законам иностранцы не имели права без специального разрешения перемещаться по стране и покидать место своей регистрации. Поскольку Псков от Ленинграда недалеко, дамы посчитали, что риск небольшой и отправились в дорогу.

На привокзальной площади их встретил батюшка на своей машине — «Москвиче» с грузовым фургоном, который в народе называли «каблуком». Киру Владимировну, от греха подальше, вместе с вещами спрятали в фургоне, что, в свою очередь, являлось нарушением правил перевозки пассажиров. Милицейский наряд ГАИ, дежуривший на привокзальной площади, заподозрил неладное, но подойти с проверкой не успел. «Москвич» уже поворачивал на улицу. Милиционеры безрезультатно свистели и махали жезлами. Видя, что «Москвич» уходит, они бросились в свою машину и пустились в погоню.

Отец Павел надавил на газ и, резко свернув в проулок, стал уходить от преследователей. Петляя по закоулкам и дворам, он быстро добрался до Красногорской и помчался к дому. Буквально через минуту к его «Москвичу» подъехала патрульная машина, но гости с вещами уже были за воротами во дворе. На вопрос милиционеров: почему он не остановился по требованию инспекторов, батюшка сделал удивленное лицо и сказал, что ничего не видел и не слышал. Может, музыка громко играла в салоне. Сделав священнику замечание, милиционеры уехали, и все с облегчением вздохнули.

Кира Владимировна — активная участница «Православного дела» - очень хотела увидеть священника, о котором много слышала и для которого они всей общиной собирали книги.

Библиотеку отец Павел организовал в 1992 году в Рождественском приделе храма, поскольку использовать это помещение в богослужебных целях ему было запрещено. Об этом он позднее рассказал в своей книге «Догмат о Церкви»: «Храм наш был трехпрестольным. Центральный храм 16 века окружала галерея. В 19 веке часть галереи перестроили в придел святого пророка Илии. В северной части галереи сохранился придел Рождества Христова. Охрана памятников запретила восстанавливать алтарь Рождественского придела под предлогом изучения. Пришлось алтарь отделить завесой. 10 лет алтарь понапрасну ожидал обещанного изучения. Оставшуюся часть храма в 1992 г. оштукатурили, побелили и разместили в ней библиотеку».

При организации библиотеки настоятель основывался на решениях Поместного Собора 1917-1918 годов, который постановил: «При каждой приходской церкви должна быть в ведении священника церковная библиотека, не только из богослужебных книг, но и из нужных для клира, в целях расширения и углубления богословских познаний его, и из книг, полезных для прихожан, религиозно-нравственных и церковно-исторического содержания. Библиотека эта должна учреждаться и пополняться на средства Церкви и на пожертвования прихожан. Кроме духовных книг, следует иметь отдел из книг светских авторов».

Библиотека была необходима для просветительской деятельности отца Павла. Здесь люди могли не только получать нужную им информацию, но и встречаться друг с другом и обсуждать волнующие их проблемы. При храмовой библиотеке регулярно проводились «библейские чтения», на которые мог прийти любой желающий. Здесь читали и обсуждали тексты Ветхого и Нового Заветов, вникали в структуру, смысл и содержание богослужения, говорили о церковной и светской истории, затрагивали мировоззренческие и философские проблемы. Кроме сугубо богословских тем, обсуждали вопросы, возникающие в повседневной жизни прихожан — семейных отношениях, воспитании детей и на работе. С докладами и сообщениями выступали члены церковной общины.

Часто что-нибудь рассказывал удивительно образованный и мудрый человек — Борис Георгиевич Врангель, до самой смерти служивший в храме Жен-Мироносиц алтарником. На эти вечерние собрания приходило народу не меньше, чем на утреннюю литургию.

Участвуя в «чтениях», батюшка наравне со всеми искал ответы на поставленные вопросы. Он рассуждал и вместе со всеми участниками чтений искал ответы на поставленные вопросы. Рассудительность отец Павел считал одним из важнейших даров, данных Богом человеку. О ее значении в духовном руководстве он говорил так:

«Вот у меня, в моем опыте, был отец Иоанн Крестьянкин. Я к нему часто обращался в Печерском монастыре и всегда старался свой вопрос свести к такому ответу, чтобы он мог сказать „да“ или „нет“, чтобы его особенно не загружать. И вот когда он говорил „да“, то мне становилось совершенно ясно, что много ответа быть не может. Он умел так правильно уловить и расставить акценты, что вопрос казался каждый раз исчерпанным. То есть это называется не дар прозорливости, это называется дар рассудительности.

Я, наверно, руководствуюсь тем же принципом, стараюсь увидеть верные акценты в этой

ситуации и на эти акценты обратить внимание. Вообще, когда-то отец Борис Холчев, мой духовник в юности, говорил о том, что священнику следует давать ответы на вопросы только в том случае, если он четко себе представляет, как Церковь на это смотрит (под словом „Церковь“ в данном случае имелся в виду определенный круг духоносных отцов, которые такие ответы давали). То есть получается такой общий ответ, или когда ему эта ситуация очень внутренне понятна и священник уверен в ответе. В других случаях лучше, конечно, избегать советов, то есть советы - вещь очень ответственная. Всегда нужно помнить о том, что, давая ответ человеку, ты принимаешь на себя ответственность за этот ответ.

Если же у меня нет ответа. То какой выход у меня есть еще? Я могу только сказать ему: „Ну, давай с тобой помолимся, подумаем“. И оказывается, что очень часто достаточно вполне помолиться, какой-то молебен совершить, прочесть Канон Божией Матери, и в конце вот этого Канона начинаешь понимать, как правильно поступить, то есть ответ приходит».

Имея несомненный дар рассудительности, отец Павел понимал, что для формирования полноценной христианской культуры религиозное просвещение должно начинаться с детства, со школьной скамьи. В одной из школ Пскова он начал преподавать Закон Божий для учащихся старших классов. Впоследствии у него возникла идея создать при храме свв. Жен-Мироносиц свою церковную православную общеобразовательную школу, где наряду со светскими дисциплинами можно было бы преподавать основы церковных знаний и даже давать профессиональное образование регента церковного хора.

Идея была замечательная. На первое время школу можно было бы разместить в бывшем доме церковного причта, остатки развалин которого стояли почти напротив храма, сразу за надвратной колокольней. Здание, лежавшее в руинах, поросших кустами и деревьями, необходимо было восстановить. Средств на восстановление дома, конечно, никто не давал, рассчитывать можно было только на свои силы. Стройматериалы закупались на храмовые деньги, а реставрационно-строительные работы выполняли энтузиасты-добровольцы, среди которых было немало строителей-профессионалов. Регулярно объявлялись субботники, на которые приходило много псковской интеллигенции и молодежи. В таком режиме работы продолжались два года и завершились полным восстановлением здания. Оставалось решить вопрос с преподавательским составом, аккредитацией в системе народного образования и, что самое трудное, с финансовым обеспечением школы. Реальными источниками финансирования могли быть помощь храма, государственные субсидии, полагающиеся по закону на каждого ученика, и чья-либо спонсорская помощь.

В храме еще не закончилась реставрация и, несмотря на то, что службы шли ежедневно, каждая копейка была на счету. На епархию, как на спонсора, надеяться тоже не приходилось. После передачи Мироносицкой церкви многие храмы в Пскове и области стали активно передаваться верующим. Их надо было восстанавливать и, следовательно, лишних денег на создание православной школы у епархии не было.

Спонсорская помощь появилась неожиданно. В 1995 году весь мир готовился отмечать пятидесятую годовщину победы над фашистской Германией. Готовясь к этому юбилею, общественная евангелическая организация из Западной Германии — клуб «Мюльхаймская инициатива» - решила оказать гуманитарную помощь российским территориям, бывшим в оккупации в годы войны. Для реализации этой идеи немецкая сторона организовала в мае 1991 года Международную советско-германскую конференцию, на которую пригласила представителей администрации, прессы, общественных и религиозных организаций Пскова. Узнав о предстоящей поездке представителей города в Западную Германию, полковник госбезопасности Петр Яковлевич Гусев тут же предложил отцу Павлу подать прошение правящему архиерею о включении своей кандидатуры в состав делегации. Соответствующее прошение было подано и благосклонно принято Владыкой. Отец Павел вместе с женой и сыном были включены в состав группы делегатов.

Конференция, посвященная преодолению проблем прошлого, проходила в Мюльхайме под девизом «Через познание — к пониманию, через понимание — к примирению, через примирение — к сотрудничеству». Руководил конференцией директор Евангелической академии доктор Дитер Бах. От имени советской стороны на конференции выступили зам. председателя Псковского горисполкома И.Е. Калинин, ректор Псковского государственного педагогического института В.Н. Лещиков и настоятель кафедрального Троицкого собора протоиерей Константин (Малык). Один из немецких журналистов, находившихся в зале, обратил внимание на однообразный характер выступлений русских ораторов.

— Неужели в Советском Союзе, несмотря на перестройку и гласность, все еще запрещено иметь свое личное мнение, отличающееся от мнения партии и руководства страны?

В ответ на эту реплику поднялся отец Павел и попросил слова. Подойдя к микрофону, он начал говорить от себя лично, без бумажки и без заранее подготовленного и согласованного текста. Уже вернувшись домой, он восстановил по памяти и записал свое выступление. Вот его основные фрагменты:

«Нынешняя конференция приурочена к конкретному историческому событию. Однако задачи конференции сформулированы гораздо шире: утвердить мир и справедливость, защитить от гибели творения Божии — Землю и Человека. Обсуждая прошлое, мы почему-то остаемся на социально-политической поверхности событий. Я приглашаю вас заглянуть глубже - в недра христианской культуры.

Вчера и сегодня Вторая мировая война приковывает наше внимание как исключительное явление насилия. Такая позиция искажает историческую перспективу. Психологически понятно, почему мы выделяем эту войну из ряда событий того же рода, она особенно поражает сознание западного человека, которому не пришлось пережить ничего более ужасного. Война и геноцид, проводимые Гитлером, были беспощадны, они унесли двадцать миллионов жизней только в нашей стране. Это очень много. Можно понять, что значит один, два, десять убитых. Большее число не вмещает человеческое сознание.

В нашей стране геноцид и война против собственного народа длилась семь десятилетий. Изоциренная жестокость, которую проявили Ленин, Сталин и их соратники, даже Гитлеру не снилась в страшном сне. Официально геноцид в нашей стране назывался „классовой борьбой“. Человека лишали жизни за его социальное или национальное происхождение. Между геноцидом Гитлера и геноцидом Ленина-Сталина есть существенное различие, и не только в масштабах. Немецкий народ осознал свою вину перед Богом и человечеством, покался и сумел изжить нацизм из своего сознания. Мы, русские, до сих пор не покались в большевизме и не изжили его ни в бытии, ни в сознании. Не стоит себя обманывать. Пока мы не покаемся и не изживем большевизм из своего бытия и сознания, мы по-прежнему будем страшны себе самим и всему человечеству.

Конфликты XX века ставят под вопрос духовный и нравственный прогресс человечества. Как могли они созреть в недрах христианской культуры? Все вы знаете историю Вавилонской башни: люди захотели построить ее до неба и тем самым создать себе имя. Бог смешал их языки, и люди перестали понимать друг друга. Их грех заключается в том, что „они возлюбили славу человеческую более, нежели славу Божию“ и отвергли Бога. Это событие объясняет нам, что случилось с христианской культурой в эпоху Ренессанса.

Понятие „Возрождение“ требует родительного падежа: „возрождение чего“? Началось возрождение античности, поворот назад: от христианства к языческой культуре. Мощный взлет искусства был куплен дорогой ценой. Началось внутреннее раздвоение человека, положившее начало секуляризации, последовало утверждение человека в самом себе без Бога, самоутверждение

искусства и науки. До возрождения храм был синтезом искусства: архитектура, живопись, поэзия, музыка создавали единый образ. С Возрождения начинается обособление искусства, отделение от Церкви и самодостаточность.

Обратите внимание на античную статую. Мы видим обнаженное человеческое тело, красота которого доведена до совершенства. Эти прекрасные статуи имеют странную особенность — вместо глаз у них бельма. Античность не интересовал внутренний мир человека. Она не знала человеческой личности. Термин „личность“ и содержание этого понятия возникли со времени Вселенских Соборов, в IV-VIII веках. Это понятие породило новое видение человека. Оно открывается в иконе. На византийской иконе тело не исчезает, но теряет объем, драпируется в ткани, зато отверзаются глаза — огромные, как озера. Пробуждая интерес к внутреннему миру человека, христианство открывает личность. Возрождение возвращает нас в дохристианскую культуру. В гуманизме Возрождения возникает новый образ человека с секулярным сознанием, постепенно приобретающего антихристианский характер. Позднее этот образ раскроется в мифе Фридриха Ницше о „сверхчеловеке“ и в „Бесах“ Достоевского. В своей последней книге „Три разговора“ В. Соловьев доводит секулярный гуманизм до его логического и исторического конца в образе Антихриста. Такую концепцию человеческой истории мы находим в последней книге Божественного Откровения — Апокалипсисе. О развитии истории в русле апокалиптической концепции свидетельствуют два исторических явления: фашизм и большевизм.

У человека нет другого пути к возрождению, кроме покаяния. Человек, как свободное существо, должен повернуться лицом к Богу. Человеческую свободу Бог утверждает в Откровении: „Жизнь и смерть предложил я тебе. Избери жизнь!“».

Выступление отца Павла было встречено с необыкновенным оживлением и интересом. Зал аплодировал ему стоя, в перерывах подходили люди, знакомились и задавали множество вопросов. В один из перерывов к нему подошел настоятель Троицкого собора отец Константин (Мальк), посмотрел пристально и с нескрываемым удивлением произнес:

— Ну ты, отец Павел, и даешь!

Затем, покачал головой и отошел в сторону. Ему, как и многим членам советской делегации, такое выступление и поведение священника казалось странным, непривычным и чуждым. В прежние времена не сносить бы отцу Павлу головы за подобную выходку, но времена уже были другие, да и самому Советскому Союзу существовать оставалось чуть более полугода. 26 декабря 1991 года эта империя рухнула.

После конференции членов Псковской делегации разобрали по своим домам члены клуба «Мюльхаймская инициатива». Отец Павел с Верой Михайловной и Ваней оказался в доме пастора Клауса Домена, которого позднее, в 1996 году, как дорогого гостя они принимали у себя дома. Клаус, близко познакомившись с русским священником и его семьей, рассказал о них своим голландским друзьям, и те, используя связи Общества советско-голландской дружбы, пригласили семью Адельгеймов к себе в Нейменген — город-побратим Пскова. Делегация Нейменгена зимой посещала Псков и встречалась с отцом Павлом. Теперь его с большой радостью готовы были принять в Голландии. Согласовав вопрос с советским посольством в Берлине, отца Павла с семьей перевезли в Нидерланды и поселили в доме замечательного человека, дипломата — бывшего полномочного посла Нидерландов в Советском Союзе Франца-Йозефа ван Агта. Он прекрасно знал русский язык и переводил на голландский стихи А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Б.Л. Пастернака и многих других русских классиков. Знакомство с ним оказалось в высшей степени интересным и полезным для отца Павла. Франц Францевич, как он просил себя называть, был опытным дипломатом и политиком. Вечерами, сидя в уютной гостиной, он обсуждал со своим русским гостем события, происходившие тогда в России и перспективы грядущих перемен. Рассказывая о своей работе в Советском Союзе, он

живо интересовался трудами и заботами отца Павла, его строительными, социальными, богословскими проектами. Впоследствии он очень уважительно и тепло отзывался о своем госте и старался оказать посильную помощь в его делах.

Основным инициатором визита семьи Адельгеймов в Нейменген был активный член Общества голландско-советского партнерства Пауль Барс. Он организовал выступление псковского священника на голландском радио и познакомил его с местным протестантским и греко-католическим духовенством. Результатом этого знакомства стали две экуменические службы отца Павла вместе с голландскими священниками. На каждом из богослужений он произносил проповедь.

Результатом этой первой заграничной поездки отца Павла стало длительное плодотворное сотрудничество и с немецкими, и с голландскими коллегами. Доктор Дитер Бах от имени Евангелической академии предложил ему поучаствовать в совместных социальных и образовательных проектах. В то время в Пскове занимались благотворительностью и другие немецкие церковные общины. Ими, в частности, были созданы приют для детей-инвалидов, страдающих болезнью Дауна, и благотворительная столовая. В этой работе отец Павел тоже принимал непосредственное участие. Благодаря активной социальной деятельности у него сложились достаточно тесные и конструктивные отношения с городской администрацией.

Во время второй российско-германской конференции клуба «Мюльхаймская инициатива», которая в этот раз проходила в Пскове, городская исполнительная власть предложила немецкой стороне участвовать в совместном проекте по поддержке православной школы при храме свв. Жен-Мироносиц. Немецкая евангелическая община обязалась выделять ежегодно по 8-11 тысяч марок на содержание школы. Так появился третий источник финансирования первой православной общеобразовательной школы регентов. Иван Павлович Адельгейм стал директором новой школы и с энтузиазмом принялся формировать педагогический коллектив, приглашая в него лучших учителей Пскова. Многих из них рекомендовала Вера Михайловна, работавшая в системе образования.

Школа открылась в 1992 году в восстановленном, а точнее - заново отстроенном на старом фундаменте доме причта. Дом получился невелик: один учебный класс, крохотная учительская, столовая и кухня. Позже удалось пристроить еще один класс, потом еще. В отличие от воскресных школ, повсеместно появлявшихся на приходах, эта работала как полноценная общеобразовательная с полным циклом обучения по общешкольной программе плюс предметы церковные — Ветхий и Новый Заветы, Священная история, церковно-славянский язык, Богослужебный устав. Позднее для старших классов стали преподавать еkkлезиологию и христианскую этику. Все учащиеся получали музыкальное образование в полном объеме музыкальной школы с добавлением курса церковного пения. Вначале удалось набрать учеников в один пятый класс, но на следующий год, когда те стали шестиклассниками, появились первоклашки. Школа росла. Учащиеся пользовались храмовой библиотекой и пели в церковном хоре.

Параллельно с организацией работы школы отцу Павлу пришлось неожиданно для себя решать еще одну проблему, относящуюся к третьей составляющей его христианского служения — милосердию.

Произошло это так. Через Веру Михайловну некоторые чиновники Псковского областного управления народного образования (ОбЛУНО) иногда обращались за помощью к отцу Павлу. Однажды, в 1992 году, заведующая отделом детских домов и коррекционных интернатов в Псковской области Елена Степановна Петрова попросила помочь пристроить двух пареньков пятнадцати лет с органической психопатологией в монастырь. Она рассказала о том, что таких детей-инвалидов никуда не пристроить, а самим им в этом мире не выжить. Батюшка глубоко проникся проблемой и обратился с просьбой к правящему архиерею архиепископу Владимиру. Тот, поразмыслив здраво о лишних хлопотах и ответственности, решил отказать.

Это очень огорчило отца Павла. Передать педагогам решение начальства и «умыть руки», по примеру Понтия Пилата, он не мог. Но, с другой стороны, что он мог сделать в этой ситуации? Взять ответственность перед Богом и людьми за жизнь детей-инвалидов - очень тяжкий крест, но уклониться от него отец Павел не мог.

*Каменистая почва, в которую сеют зерно.
Безнадежное дело, которое Богом дано
Во смирение пахарю, прочим же — во искушение.
Но дебилные дети блаженно пускают слюну
И безгрешно смеются, возможно, спасая страну
От чего-то еще страшнее.
Разум наш развратился, и соль потеряли слова.
Будут новые люди безмолвно расти, как трава,
К ним никто докричаться не сможет.
Им неведомо будет добро и неведомо зло.
Ной построил ковчег,
Так когда-то зверькам повезло.
Все по Книге... Но смилуйся, Боже.*

Е. Пудовкина, 1993 г.

Дома, за ужином, отец Павел долго и пристально смотрел на свою старшую дочь Машу — инвалида детства. Потом тяжело вздохнул и обратился к жене:

— Что же нам делать, Вера? Архиепископ в помощи отказал, а детей жалко.

Вера задумалась.

— Конечно, жалко. И Елена Степановна очень за них просила.

— Может, возьмем к себе под временную опеку? Поселим их в комнате на втором этаже, и пусть себе живут. Будут мне в храме помогать.

— Ладно, Павлик, давай возьмем. Две тарелки супа всегда найдем. Беднее не станем.

На том и порешили. На следующий день сообщили о своем решении в ОбЛУНО. Там обрадовались и прислали детей. Пареньки пареньками были только наполовину, второй ребенок оказался девочкой. Это обстоятельство несколько осложнило задачу. Пришлось поселять детей в двух разных комнатах. Попав в семью отца Павла и Веры Михайловны, Валера Скляр и Наташа Семенова достаточно быстро адаптировались к новым условиям, где не было никакого насилия, а правила разумны и понятны. С ними уважительно разговаривали, называли по имени, а не по фамилии, как в интернате, периодически просили о помощи по дому и благодарили за сделанную работу. К молитвам и чтению длинных акафистов их никто не принуждал. В церковь свв. Жен-Мироносиц или в Писковичи ездили вместе с отцом Павлом, матушкой Верой и их детьми. Молитв они не знали, но крестились и клали поклоны вместе со всеми. В силу своих возможностей и мальчики, и девочки помогали в работе по восстановлению и ремонту храма, уборке территории.

Весть об отце Павле, как о добром самаритянине, быстро распространилась по всем детским домам и интернатам Псковской области. Вскре к нему домой стали отовсюду привозить детей. Случалось, что семью священника ставили перед уже свершившимся фактом. Звонили Вере Михайловне на станцию юных натуралистов и сообщали:

— Вера Михайловна, мы к вам на Красногорскую ребенка привезли, оставили в доме. Вы его примите, зовут Димой, документы мы на столе в кухне оставили.

На всех детей, поступающих к нему, отец Павел оформлял опеку. Через полгода дети в

доме уже не помешались, но тут отцу Павлу кто-то из его прихожан предложил взять заброшенный дачный сруб в Писковичах, стоявший недалеко от церкви. Его достроили, разделили на несколько комнат и переселили туда детей. Когда детей стало еще больше, батюшка купил щитовой дом и пристроил его к основному срубам. А детей присылали и присылали. Вскоре у него при храме проживало уже пятнадцать сирот. Сначала за детьми присматривала староста Писковичевского храма тетя Шура. Она привязалась к ребятам, поселилась вместе с ними, готовила еду, учила девочек стирать и убираться. Прихожане-мужчины опекали мальчиков. Позднее приют стали обслуживать четыре человека из общины храма св. Апостола Матфея. Вскоре и сруб, и щитовой дом были переполнены. Часть детей жила в доме на Красногорской улице, остальные приходили туда в свободное время — пообедать и душевно отогреться в семье Адельгеймов.

Отец Павел прекрасно понимал, что этих имбецильных детей нужно не только кормить и одевать, но и по мере возможности развивать, готовить к самостоятельной жизни, давать им какие-то трудовые навыки. Более того, когда они вырастут, надо будет как-то решать их жилищный вопрос. Он задумал многоцелевой проект - строительство большого дома. Это решало сразу несколько проблем. Во-первых, дети, работая на строительстве, приобретали трудовые навыки, во-вторых, в перспективе получали собственное жилье. Однако для осуществления задуманного требовались большие деньги, а их у отца Павла не было. Поразмыслив, он решил обратиться к Владыке Владимиру с предложением открыть на базе своего приюта свечную мастерскую для нужд епархии. Если Владыка благословит, свечи будут покупать все храмы Пскова и Псковской области, появятся средства на строительство дома, а дети освоят еще одну профессию.

Архиепископ Владимир был не против хорошего дела, особенно если оно его не обременяло заботами. Он прикинул, что если будут в Пскове свои свечи, то не надо будет их из Москвы возить и тратить на это деньги. Продажа в псковских храмах своих свечей сулила и немалый доход в епархиальную казну. Так, взвесив все «за» и «против», он благословил отца Павла на создание епархиальной свечной мастерской.

Отец Павел, в свою очередь, обратился за помощью к прихожанам. Один из них — талантливый механик и шофер Александр Андреев, взялся за создание необходимого оборудования для свечной мастерской. Сначала Александр поехал в Ленинград для ознакомления с работой подобного производства. В течение месяца он досконально изучал устройство всех станков и агрегатов на Ленинградском епархиальном свечном заводе и, вернувшись в Псков, собрал по гаражам, автопредприятиям и свалкам все необходимые запчасти. Что не смог достать, сварил сам из брошенного металлолома. Остальное оборудование приобрели на деньги, взятые отцом Павлом в долг. В закупке и поставке необходимых деталей значительную помощь оказал Владимир Иванович Шаронов. По окончании сборки и установки станков Александр подвел силовые электрокабели, и через два месяца мастерская была готова к работе. Дети быстро освоили нехитрую специфику производства, и вскоре первая партия свечей отправилась в псковские храмы.

От общения с батюшкой и совместной работы по восстановлению Мироносицкой церкви и строительству здания школы дети буквально преобразались. Из затюканных, озлобленных и агрессивных подростков они постепенно превращались в людей с чувством собственного достоинства и уважения к другим.

Вида замечательные результаты социальной адаптации детей-инвалидов в приюте отца Павла. Елена Степановна Петрова из ОбЛУНО попросила его взять под свою опеку детское отделение Псковской областной психиатрической больницы. Батюшка, хорошо понимая проблему, живо откликнулся на эту просьбу. В больнице священнику пошли навстречу, разрешили посещение пациентов, проведение молебнов и других церковных служб. Придя в первый раз, отец Павел был до ужаса поражен концентрацией горя, несчастья и обездоленности, скопившейся за серыми стенами

больничных корпусов. С этого момента его посещения детского отделения стали регулярными. Он приносил детям игрушки, угощения — фрукты, домашние пироги, конфеты, подолгу беседовал с ними, причащал Святых Тайн.

Дети быстро полюбили доброго батюшку и каждый раз с нетерпением ждали его прихода. Как только он появлялся, со всех сторон — из палат, кабинетов, столовой, душевой, дети бежали к нему, бросая все дела. Многие желали покреститься, и отец Павел договорился с главным врачом о том, что будет иногда забирать детей на целый день и отвозить их в Писковичевский храм. Такие поездки стали для маленьких пациентов настоящим праздником. После крещения и причастия в храме накрывали столы, ставили угощения, и начинался пир. К приезду детей загодя готовился весь приход. Пекли пироги, на местной птицефабрике закупали кур, готовили салаты, ставили на столы арбузы и блюда с фруктами. Дети возвращались в больницу полные впечатлений, сытые и радостные. За время своего служения в Богдановской больнице отец Павел покрестил более ста детей. Некоторые, покидая по возрасту больничные палаты, вливались в состав Писковичевского приюта.

В эти годы отец Павел много трудился, щедро даря радость всем, кто оказывался в сфере его забот. Однако при этом все его служение незримо входило в противоречие с существующей социально-экономической и политической системой и системой государственного и церковного управления. Оттепель конца 1980-х — начала 1990-х, навевавшая надежды на изменение жизни и возрождение Церкви, заканчивалась. Стали расти коррупция и криминализация власти. Скоро это почувствовал на себе и отец Павел.

Обширнейшая социальная катастрофа 1990-х, приведшая к распаду Советского Союза, совершилась, в числе прочего, и из-за кризиса государственной марксистско-ленинской идеологии. В ее основе лежал тотальный и всеобъемлющий обман, проникший во все сферы взаи - модействия государства и общества. Обман являлся сутью советской системы, когда декларированные ценности, в лучшем случае не совпадали, а зачастую и полностью противоречили реальной практике жизни. В качестве основного закона в стране была принята одна из самых демократичных конституций в мире, но она никогда не выполнялась на практике. В государственном устройстве декларировалась народная власть Советов — в реальности никакой власти ни у Советов народных депутатов, ни у самого народа не было. Была жесточайшая диктатура горстки коммунистических циников — тоталитарная власть ВКПБ, КПСС. В Советском Союзе декларировался атеизм — как отрицание каких-либо религиозных концепций и церковных систем. В реальности государственная идеология была сугубо религиозной и предполагала веру в коммунизм, как в построение земного рая без Бога...

В конце 1970-х — начале 1980-х годов мне довелось инспектировать состояние атеистического воспитания в средних школах Ломоносовского района Ленинградской области. Мой доклад на коллегии районного отдела народного образования вызвал бурю возмущения директоров школ, поскольку содержал в себе заключение о сугубо религиозном мировоззрении учащихся средних и старших классов. Я с трудом отбилась от нападок тем, что рассказал о том, как получил подобные результаты своей инспекции:

- Я входил в класс и спрашивал: «Скажите, пожалуйста, вы в Бога верите?». Дети дружно отвечали: «Нет!». Тогда следовал другой вопрос: «А в коммунизм вы верите?». Еще более дружно класс кричал: «Да!!!».

И первый, и второй ответ основывался исключительно на вере, и не имел под собой никаких научных аргументов и, соответственно, относился к области религиозных систем...

Более того, советская государственная идеология по форме была еще и сугубо христианско-церковной, только с приставкой «анти». В ней было все, что есть в Христовой Церкви. Только Христа заменил товарищ В.И. Ульянов (Ленин), а Святых апостолов - первые члены совнаркома - Троцкий

Бухарин, Рыков и другие. Роль Фомы исполнял сомневающийся Пятаков, а Иудами стали Зиновьев и Каменев. Роль апостола Петра - преемника и основателя института Церкви, принял на себя Иосиф Сталин. Были и свои мученики за веру — Моисей Урицкий, Павлик Морозов, Вацлав Воровский, Тер-Петросян (Камо) и другие. Были узаконенные крестные ходы с хоругвями на 1 мая и 7 ноября, были и нетленные мощи в мавзолее на Красной площади. Были и свои коммунистические церкви для «крещеных» в коммунистическую веру — райкомы КПСС, епархиальные объединения — обкомы, крайкомы, епископат — Центральный комитет партии, синодальное управление в виде Политбюро ЦК КПСС, и патриарх в виде Генерального Секретаря этого ЦК.

Данная структура еще раз подтверждает вывод о том, что неверующих людей не бывает. Веруют все, но по-разному. Одни верят в Бога, другие верят в Его отсутствие и заменяют кем-либо или чем-либо другим, например, природой или материей. Исходя из этого положения, становится вполне понятна и объяснима та непримиримость и ненависть к Христовой Церкви и ее служителям со стороны Советского государства.

Антихрист — великий лжец! Он, по своей природе, лишен возможности творить и создавать что-либо новое — свое. Он использует уже сотворенное, но искажает его с точностью до наоборот, подменяет и извращает начальную суть.

Так, первые декреты Советской власти и все последующие законодательные акты декларировали свободу совести и отделение Церкви от государства. На деле власть пыталась, и не безуспешно, присоединить к себе центральный аппарат церковного управления и использовала Церковь для уничтожения духовного содержания христианской религии и веры. Нравственные законы жизни, утверждаемые христианством, большевики заменили положениями «морального кодекса строителя коммунизма», в котором заповедь «возлюби ближнего как самого себя» превратилась в установку «человек человеку - друг, товарищ и брат», заповедь о святости «будьте святые как отец ваш небесный» - в декларативный императив «честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни». Положение о том, что для Христа нет ни иудея, ни эллина было представлено ценностным утверждением об интернациональной идее - «Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни», «Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами». Однако заповедь «возлюбите врагов ваших», неприемлемая для сатанизма в любом виде, звучала в «моральном кодексе» как «нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов».

Государство с такой идеологической системой было колоссом на глиняных ногах. Гибель огромной Советской империи породила не только сложнейшие экономические проблемы, она сопровождалась и мощным мировоззренческим кризисом. Новое российское государство, формировавшееся в начале 1990-х годов, нуждалось в новой идеологии, которая смогла бы удержать страну от гражданской войны и окончательного распада, а ее руководство, вышедшее из недр советско-партийной номенклатуры, - от утраты их прежней власти. Взоры властьпредержащих обратились в сторону традиционной для России религиозной конфессии - православия. Русская Православная церковь, как ее «окрестил» Иосиф Сталин³, опять была призвана на службу государству. Церковь была популярна в народе. В крупных городских храмах крестились десятки, а то и сотни людей ежедневно.

Церковное возрождение было больше внешним, чем внутренним. С одной стороны, духовенство, ослабленное годами гонений и греховным сотрудничеством с карательными органами,

³ До осени 1943 года Православная Церковь Московского патриархата именовалась Российской. И. В Сталин придал ей свойство сугубо национальное, назвав «Русской», что не соответствует христианской традиции: «Во Христе нет ни эллина, ни иудея», зато вполне соответствует антихристианскому принципу «разделяй и властвуй».

не было готово к покаянию и к христианскому соборному единению с быстро растущей паствой. Церковные иерархи устремились к симфоническому союзу с новым государством, которое все больше погрязало в казнокрадстве, лихоимстве и коррупции. С другой стороны, и народ, впитавший в себя основы многолетней атеистической пропаганды, не был готов к полноценной церковной жизни. Народ жаждал чуда и избавления от неприятностей. Религиозная безграмотность и отсутствие опыта церковной жизни порождали у людей тяжелый духовный недуг — обрядоверие. Живая и деятельная вера в Бога заменялась верой в «магию» православных ритуалов. Главное выполнять в церкви определенные правила: мужчины в штанах и без головных уборов, женщины в юбках (желательно подлиннее) и в платках или шляпках. Свечки надо ставить на правильные места и вовремя осенять себя крестным знаменем. Если еще приложиться к нужной иконе и поцеловать руку священнослужителя — благодать, удача и исполнение желаний должны быть обеспечены. Большинство людей принимали церковные обряды и таинства как таблетки от своих проблем: пьянства мужа, болезней детей, неприятностей на работе и т.п. Отец Павел называл таких обрядоверующих псевдохристиан «захожанами» или «подсвечниками».

Государственная статистика начала 1990-х годов показывала бурный рост верующего населения страны. В России православными по факту крещения признавали себя до 85 процентов населения. Как правило, они принимали за веру языческие ритуалы типа купания в проруби на праздник Крещения, поедание блинов на Масленицу и крашения яиц на Пасху. Реально церковных православных людей, регулярно посещающих храмы, в стране было не более трех процентов, а действительно активных христиан среди них еще меньше — в пределах одного процента. Вот она, заветная мечта Антихриста: по форме — христианство, а по сути — магия и колдовство, по форме — российская демократия, а по сути — Советский Союз хуже прежнего, с его раздутым военно-полицейским аппаратом и вертикалью власти, сменившей принцип демократического централизма. Все то же, только власть слабее и коррумпированное, и полный беспредел в сфере социально-экономической дифференциации, что порождает зависть, злобу и ненависть людей друг к другу.

Глубокий нравственный кризис Церкви и общества, унаследованный от советских времен, стал очевиден для всех честных и думающих христиан — и мирян, и священнослужителей. Когда в конце 1980-х годов Владимир Шаронов наивно спрашивал отца Павла о том, какой путь тот видит для лучшего и скорейшего возрождения Церкви, батюшка, горько усмехнувшись, отвечал:

— Какое возрождение? Какие каноны и традиции, дорогой Володя? В церкви одни головешки вместо канонів и традицій...

О внутренних проблемах в Церкви обычно молчали, и от этого они еще больше усугублялись.

16. Евсевий

В конце февраля 1993 года на место возглавившего Петербургскую епархию митрополита Владимира (В.С. Котлярова) в Псков прибыл новый архиерей — архиепископ Евсевий (Н.А. Саввин). Новый Владыка оказался человеком властным и деспотичным.

Знакомство отца Павла с новым архиереем было довольно неприятным. Высокомерно выслушав рассказ отца Павла о положении в Мироносицком и Матфеевском храмах, о его благотворительных социальных проектах — библиотеке, школе, приюте, богдановской больнице, архиепископ с раздражением произнес:

— Это не ваши задачи. Задача священника — совершать богослужения в храме. Вы беретесь не за свое дело. Мы с вами не сработаемся. Я имею очень плохие отзывы о вас, верю им и менять своего мнения не собираюсь.

— Кто же, Ваше Высокопреосвященство, мог вам меня так рекомендовать?

— О вас мне много рассказывал один уважаемый епископ, очень хорошо вас знающий. Я рекомендую вам покинуть пределы Псковской епархии.

— Это совершенно невозможно, Ваше Высокопреосвященство. У меня два прихода, школа и приют. Я не могу их оставить.

Владыка ничего не ответил, и на этом аудиенция была закончена. Возвращался домой отец Павел в расстроенных чувствах. Перебирал в уме всех архиереев, под началом которых ему довелось служить, и кто мог бы хорошо его знать. Таковых было пятеро — Владыки Ермоген, Гавриил, Варфоломей, Иоанн и Владимир. Но это были достойные, разумные и честные архиереи. Они не могли дать отрицательную характеристику. И тут в памяти всплыл юношеский образ бывшего семинарского друга — Лени Свистуна, который теперь был Высокопреосвященнейшим митрополитом Макарием. Этот архиерей действительно хорошо знал отца Павла и вполне мог дать нелестный отзыв. Сомнения в этой версии еще более развеялись, когда он узнал, что оба архиерея, Евсевий и Макарий, вместе учились в Московской духовной академии.

Перспектива служить под началом Владыки, который изначально негативно настроен, для любого священника не сулит ничего хорошего. В таких случаях неугодные священнослужители обычно просят у архиерея открепительные грамоты и переходят служить в другие епархии. У отца Павла такой возможности не было. Вокруг него сконцентрировались прихожане и сложились две крепкие и деятельные общины, начала работать школа и сформировался приют для детей-инвалидов. Сбежать, бросив на произвол судьбы все свои начинания, он не мог. Оставалось только с миром принять те условия, в которых предстоит жить и работать. Отец Павел решил положиться на Божью волю, и продолжать свою деятельность. «Не съест же меня архиерей, в самом деле, - подумал он, — а служить в немилости у властей — так это не привыкать». Для отца Павла вновь возникли трудные времена, о начале которых он вспоминал так:

«С 1987 г. я включился в общественную жизнь города и отзывался выступлениями, докладами и статьями на каждое значимое событие, посещал тюрьмы, дома инвалидов, психбольницу и совершал Божественную Литургию в палатах, фойе и камерах. Выступал с докладами и лекциями на различных форумах в Москве и Петербурге, в Германии и Голландии, в Лондоне и Оксфорде в поисках взаимопомощания, контактов, помощи. Моя общественная работа в Пскове пресеклась в 1993 г., с приходом нового епископа. Он связал ее условием своего благословения и обратился к областной и городской администрациям с требованием никогда не привлекать священника Павла Адельгейма к общественным мероприятиям и не оказывать ему содействия и помощи в социальной деятельности».

Перемены в отношении к себе со стороны госчиновников отец Павел почувствовал очень скоро. Как-то сразу сократилась его востребованность в учреждениях культуры, образования, здравоохранения и социальной защиты.

В мае 1993 г. его пригласили по школьным делам в Kirchenkreis Lenner и, проезжая через Москву, он зашел в Патриархию и написал там жалобу на правящего архиерея. Описывая притеснения и преграды, чинимые Владыкой, отец Павел написал про архиепископа Евсевия: «Он проедет, как танк, и даже не обернется взглянуть, кого раздавил».

Говорили, что в ответ на жалобу Святейший Патриарх написал Псковскому архиепископу увещание, и поэтому отец Павел не был изгнан, запрещен или отлучен.

Архиерея мало интересовали социальные проекты священника Адельгейма, его внимание больше привлекали доходы двух храмов, часть которых должна была поступать в епархиальную казну. Вскоре отцу Павлу пришло извещение о необходимости внесения определенной дополнительной суммы в кассу епархиального управления. По поводу этого распоряжения отец Павел советовался с

Владимиром Шароновым. «Володя, архиерей требует от меня мзду... Стоит ли давать? Соглашаться ли на поборы?». А потом, спустя несколько дней, как всегда, уведомил о своем решении: «Пожалуй, соглашусь, стану отдавать. От Орды откупилась, и от архиереев откупимся.».

Но финансовой покорности опального священника архиерею было недостаточно. Ему хотелось полного униженного и раболепного признания своей абсолютной власти. Неумное властолюбие и тщеславие характерно для людей с выраженным комплексом неполноценности, самоутверждающимся за счет своего окружения. Эти особенности личности Владыки вскоре ощутили на себе и ближайшие соратники отца Павла.

Из воспоминаний Виктора Яковлева:

«Вспоминается первая встреча с архиепископом Евсевием 18 мая 1993 года, вскоре после его приезда на Псковскую кафедру. Дело было мелкое, формальное: школа регентов заканчивала свой первый учебный год, готовилась ко второму, необходимо было подтверждение государственной регистрации, а перед этим — подтверждение епархиальной власти, что школа существует в рамках образовательной системы РПЦ. Проще говоря — письменное благословение нового архиерея. Я и влетел в его кабинет — по инерции от встреч с предыдущим Владыкой, с которым вопросы решались легко и просто. Испросил благословения. И встретил недоумение, быстро обращенное во гнев: дескать, как я посмел явиться к Владыке один, без настоятеля!

— Но, Владыка, вопрос-то простой, нужно только подтверждение, что наша школа — церковная, иначе не получить государственной регистрации.

— Если школа действительно церковная — какую вам еще государственную регистрацию?!

— Но без нее наши выпускники не получают аттестата государственного образца, без которого не смогут продолжить образование, — заговорил я, удивляясь про себя, что такие вещи нужно объяснять.

— Идите и без настоятеля не смейте являться ко мне!

Вышел обескураженный, подавленный. Позвонил Ивану, директору школы, и через час они вместе с о. Павлом и завучем подъехали к Епархиальному управлению. Вошли вместе. Это был мой последний визит в архиерейский кабинет».

*Как Христос на иконе,
В золоченой короне
Восседает на троне
Искусственный бог. Аллилуя!
Как орел меднокрылый
Воцаренный над клиром,
Распростерся над миром,
Лежащим у ног. Аллилуя!
А попов вереница
С восхищенными лицами
И пустыми сердцами
звонит бубенцами: Аллилуя!
Похвалами умасленный
и цветами увитый,
на поповскую плесень — лукавую свиту
он смотрит неприязненно,
словно гриб ядовитый: Аллилуя!*

о. Павел Адельгейм

Для полноценной работы школы, с ежегодным набором учащихся, требовалось гораздо большее здание, и отец Павел стал настойчиво добиваться его от городских властей. После многих непростых встреч и переговоров с администрацией города вопрос был решен положительно. В начале 1993 года приходу передали двухэтажное здание в центре города, на улице Некрасова. До революции в этом доме также размещалась православная школа. Отец Павел договорился с «Мюльхаймской инициативой» о финансировании необходимых восстановительных работ в новом учебном корпусе школы. Однако архиепископ Евсевий, узнав о передаваемом отцу Павлу здании, решил воспрепятствовать этому и издал распоряжение о постановке дома на баланс Епархиального управления для открытия в нем духовного училища.

Узнав, что здание, предназначенное для школы, епархия забирает для своих нужд, учителя и родители обратились к церковной и светской власти с открытым письмом: «Нынешняя недостаточность помещений ставит под угрозу существование школы. Государственные стандарты образования в наш век недостижимы без специализированных классов физики, химии, биологии. Православные гимназии и школы появляются во многих городах России. Неужели в древнем Пскове, украшенном десятками храмов, не найдется места для церковной школы? Как же возрождать русскую культуру без православного просвещения, если семья и общество давно утратили православные традиции, святыни, ориентиры? Мы продолжаем надеяться, что церковная власть и администрация города все же до конца поддержат первую попытку создания полной православной школы. Ни для кого не секрет: если эта попытка сегодня не удастся, то создание школы отсрочится на долгие годы».

Письмо осталось без ответа.

На пути развития и расширения созданной отцом Павлом православной школы регентов стараниями архиепископа Евсевия были воздвигнуты существенные препятствия.

Помощь неожиданно поступила от англикан, которые жили в доме Адельгеймов в 1991 году. Они пригласили его вместе с прихожанами посетить их общину храма Петра и Павла в Лондоне. Оформив визы, отец Павел, Вера Михайловна и группа прихожан в середине лета 1993 года отправились в Англию, в местечко Тринг — пригород Лондона. Псковская группа встречалась с англиканской общиной, присутствовала на богослужениях, посещала театры, музеи, зоопарк и другие достопримечательности Лондона. Официальный прием для псковских гостей устроили мэр Тринга Пени Херн (Penny Hearn) и мэр Хэмпстеда Кэтрин Аппелбей (Catherine Appleby).

По этому случаю над зданием мэрии был поднят государственный российский флаг. Гости встречались и с епископом англиканской церкви в Сент-Олбансе Его Высокопреподобием Джоном Тейлором, который предложил отцу Павлу прочитать проповеди в приходах Сент-Олбанской епархии.

Итогом встреч с английскими друзьями стало приобретение ими микроавтобуса Isuzu для нужд школы и приюта. Этот свой подарок представители англиканской церкви доставили в Псков в сентябре того же года.

Конечно же, находясь в Лондоне, они посетили митрополита Антония Сурожского (А.Б. Блума), с которым у отца Павла сложились теплые дружеские отношения. Сурожский архипастырь был удивительно прост и доступен в общении. Он живо интересовался современным положением Церкви в России. Батюшка поделился с Владыкой своими сомнениями по поводу скорого возрождения духовных традиций в РПЦ и рассказал о своих трениях с архиепископом Евсеем. Митрополит слушал молча, не перебивая, и в конце рассказа произнес:

- Да, отец Павел, такие отношения, конечно, не способствуют росту авторитета Церкви и достойны глубокого сожаления. Но, знаете, я думаю, что в задачу приходского священника входит не только духовное окормление паствы, но и воспитание своего архиерея.

Заметив удивление своего гостя, он рассказал ему случай из собственной практики. Как-то к

нему после утренней литургии подошла прихожанка. Она высказала недовольство тем, что он каждый раз на проповеди «долдонит» одно и то же, что это уже всем надоело слушать. Сначала Владыка сильно обиделся и какое-то время переживал «черствость и неблагодарность» своих прихожан, но, трезво поразмыслив, пришел к выводу, что женщина была права и он действительно «долдонит» вместо того, чтобы проповедовать. Поняв это, он надолго замолчал. Более двух лет он не произносил проповедей, пока вдруг не почувствовал, что ему есть что сказать своей пастве и что это действительно важно и нужно сказать. Так, благодаря той прихожанке, он обрел действительный дар проповедывания.

Отец Павел еще несколько раз приезжал в Лондон (в 1996 и 1999 годах) и служил вместе с митрополитом Антонием. В общении с Владыкой его всегда поражала глубина веры и широта мысли этого архиерея в сочетании с его простотой и непритязательностью. Например, к своему высокому сану он относился с юмором и шутливо говорил, что митрополит он по совместительству, а основная его работа - быть церковным сторожем.

Впоследствии отец Павел сравнивал Владыку Антония с архиепископом Ермогеном. На обычном богослужении митрополит мог быть не только в епископском облачении, но и в простом священническом: риза и малый омофор. Он не уделял особого внимания внешней торжественности, чтобы она не затмевала того внутреннего устройства, которое у него можно было чувствовать - в его служении, в его молитве. «Он весь погружался в эту молитву, был в ней сосредоточен, потому что внутреннее было гораздо значительнее внешнего блеска». Точно такое же отношение к внешней обрядности он наблюдал у Владыки Ермогена в Ташкенте. В полном епископском облачении архиерей появлялся только в особых случаях: на торжественных встречах или на освящении собора. В воскресные дни он служил в очень скромном епископском облачении. Владыка Антоний так же, как и архиепископ Ермоген, облачался внутри алтаря сам, без иподьяконов. Конечно, сослужившие им священники и дьяконы старались помочь, но специальных иподьяконов у них не было.

Отец Павел рассказывал:

«Сурожский архиерей был человеком очень шепетильным, поэтому не давал никому мыть пол, а с палкой, с тряпкой сам наводил чистоту в храме. Но, конечно, до определенного возраста. Когда ему за 80 было, то, конечно, это было уже практически невозможно. Он и ходить начал с палочкой и как-то очень извинялся: вы уж простите мою немощь, я вот тут вынужден стоять с палочкой, потому что не могу сам сохранить равновесие. От денег он отказывался, считал, что вполне достаточно того, что покормят, „а деньги, ну зачем мне деньги?“. Семьи нет, копить не для кого. Он был человек чрезвычайно доступный, простой в обращении, к нему не надо было добиваться попасть на прием. Он выходил навстречу, приглашал. То есть общение с ним как-то приносило радость такого вот соприсутствия с человеком чрезвычайно духовно значимым, с другой стороны, удивительно доступным. Так, как доступен Бог. Я думаю, что вот этот момент как-то в нем очень чувствовался: с одной стороны, он человек, а с другой — в нем говорит иное начало, пронизанность Духом Святым. То есть ты чувствуешь присутствие Бога» (26).

Общение с митрополитом Антонием вдохновляло и воодушевляло. Однако, приезжая на Родину, в своей Псковской епархии отец Павел был вынужден заниматься защитой и сохранением своих дел от нападков архиерея.

Так, в 1994 году Владыка Евсевий предпринял попытку развала школы изнутри. Перед началом нового учебного года Его Высокопреосвященство Преосвященнейший Евсевий благословил создание в Пскове православной общеобразовательной гимназии. Накануне 1 сентября родители около половины учеников православной школы регентов принесли заявления о том, что они своих детей забирают и переводят в только что открывшуюся классическую Православную гимназию. Об этом эпизоде в истории школы Виктор Яковлев позднее писал:

«Для всех нас — отца настоятеля, приходского совета, директора школы — это был шок. Скоро стало ясно, что все готовилось загодя. Позже родители ушедших учеников свидетельствовали, что в течение лета с ними неоднократно беседовал Владыка, предлагал забрать детей из Мироносицкой школы и определить их в новую гимназию, для которой обещал помещение и спонсора. Должность директора гимназии (то бишь роль подрывника в приходе и школе отца Павла) была предложена Михаилу Николаевичу Федорову, регенту храма и преподавателю церковного пения, но директорствовал он в новой гимназии, по неведомым мне причинам, недолго. Рискну предположить, что расчет был на то, что, оставшись без учеников, школа прекратит существование и можно будет снять о. Павла с настоятельства, оставив ему храм в Писковичах, а здание школы отдать гимназии».

Созданная архиепископом Евсевием православная гимназия быстро превратилась в коммерческое учебное заведение и просуществовала всего восемь лет, не сделав ни одного успешного выпуска.

Одновременно с попытками уничтожить приходскую школу отца Павла правящий архиерей попытался закрыть или, по крайней мере, значительно ограничить возможности существования его приюта для детей-инвалидов при церкви Св. апостола Матфея. Происходило это так. Узнав о том, что в Писковичах активно работает свечная мастерская, на доходы от которой содержится приют, Владыка распорядился заказать там две тонны свечей для нужд епархии. Получив большой заказ, ребята стали работать в две смены, и вскоре готовая продукция была отправлена на епархиальный склад. Получив свечи, архиерей явно не торопился с оплатой заказа. Письма, посылаемые отцом Павлом в епархиальную бухгалтерию и лично Владыке, раздражали Его Высокопреосвященство, и однажды он вызвал настоятеля к себе. В устной беседе он приказал прекратить все работы, оборудование и сырье перевести на баланс епархии, мастерскую закрыть на замок и ключи сдать в канцелярию.

Когда же отец Павел сказал Владыке, что мастерская имеет неоплаченные долги за поставленное оборудование, тот дал распоряжение об отсрочке ее передачи в епархию до ликвидации задолженности. Священник также сообщил архиерею, что не может выполнить его распоряжение относительно закрытия мастерской на замок и сдачи ключей по ряду причин. Во-первых, работа мастерской обеспечивает содержание детей, во-вторых, мастерская находится в подвале дома, где проживают дети, и там же находится бойлерная, котлы отопительной системы и склад продуктов. В таких обстоятельствах он никак не может быть лишен доступа в помещение мастерской.

В ответ на эти доводы архиепископ отдал распоряжение, запрещающее всем храмам Псковской епархии приобретать свечи в мастерской приюта отца Павла. С этого момента мастерская стала работать только для нужд храмов св. апостола Матфея и свв. Жен-Мироносиц. Сокращение объемов работы свечной мастерской лишало приют значительной доли финансовой поддержки и крайне негативно сказывалось на темпах строительства жилого дома. Поскольку все дети в приюте были инвалидами второй группы, они получали государственное пособие — пенсию по инвалидности. Деньги хоть и небольшие, но, сложенные вместе в бюджет приюта плюс дотация церковного прихода Мафеевского храма вкупе с доходом от продаж свечей в двух церквях, позволили приюту продолжить свое существование. В строительстве большого многоквартирного дома с помещениями для мастерских и гаража финансовую поддержку оказывали зарубежные христианские организации.

Вполне вероятно, что в данном случае расчет мог быть такой же, как и с уничтожением школы: закрытие приюта и снятие отца Павла с должности настоятеля Мафеевского храма. Понятно, что увольнение настоятеля церкви, обеспечивающей деятельность приюта детей-инвалидов, могло вызвать нежелательный общественный резонанс. Из-за школы и приюта архиерею приходилось терпеть крайне неприятного ему Адельгейма. Однако, как ни старался Владыка, сколько усилий не прилагал, ни приют, ни школа не закрылись. Господь не оставлял деятельного священника в его трудах.

После ухода многих учащихся в школе был объявлен дополнительный набор, и в полуопустевшие классы пришли новенькие. В следующем, 1995-м, вновь приняли первоклашек, и в таком составе — три учебных класса — школа продолжила свою работу. С одной из близлежащих городских школ договорились об аренде спортзала и специализированных учебных классов. А на стадион «Электрон», тоже недалеко от Мироносиц, дети ходили в бассейн.

Школьный хор регулярно выезжал на богослужения в приходы и монастыри области, давал благотворительные концерты, выступал с исполнением авторских песен и неоднократно был лауреатом конкурса хоровых исполнителей «Псковская весна». Учащиеся принимали участие в конкурсе молодых дарований, отмечались областным управлением культуры за свои музыкальные композиции для хорового исполнения, написанные на вполне профессиональном уровне. Ученики православной школы получали первые места на областном конкурсе «Юный литератор».

В 1997-м появились и первые выпускники-девятиклассники, многие из которых поступили в музыкальные училища. На их место были приняты новые первоклассники. Эти учащиеся набора 1997 года получили уже полное одиннадцатилетнее среднее образование, а Мироносицкая школа вышла на второе место в городе по результатам сдачи ЕГЭ. Все ее выпускники поступили в высшие учебные заведения на бюджетной основе.

Постоянная напряженность в отношениях с архиереем и чрезмерная физическая нагрузка в трудах отца Павла не могла не сказаться на состоянии его здоровья. В начале февраля 1997 года, после службы в храме, он почувствовал себя плохо, но поехал служить обещанную литургию в дом престарелых. Оттуда его с тяжелым приступом желчевыводящих путей на «скорой помощи» доставили в Псковскую городскую больницу. Сделали срочную операцию по удалению желчного пузыря.

Правду говорят: беда одна не ходит. На следующий день после операции отца Павла навестила супруга. Больной чувствовал себя уже значительно лучше, и, посидев немного с ним, Вера Михайловна пошла по своим делам. На автобусной остановке возле больницы она ожидала сына, который должен был забрать ее на машине. Глядя на дорогу, она заметила мчащийся на огромной скорости автомобиль. Объезжая припаркованные недалеко машины, «Жигули» выскочили на остановку и сбили стоящую там матушку. Машина не остановилась, и отброшенная далеко вперед Вера Михайловна вскоре оказалась под колесами. Машина остановилась, протавив ее метров двадцать по дороге.

Подбежали люди, приехала «скорая помощь». Проведенное обследование показало множественные травмы: перелом левого бедра, сотрясение головного мозга, ушибы сердца и брюшной полости. Наиболее тяжелые последствия пришлось на сердечно-сосудистую систему. Сердце постоянно болело, тяжело было дышать. После выписки из больницы матушка продолжила амбулаторное лечение у специалистов-кардиологов. Лечение не давало положительных результатов, и через год врачи пришли к заключению о необходимости установки искусственного кардиостимулятора.

Первую операцию провели в Пскове, но она только ухудшила положение. Очевидно, в результате врачебной ошибки был травмирован миокард, пошел воспалительный процесс, и состояние Веры Михайловны стало ухудшаться с каждым днем. Отец Павел был в отчаянии, он звонил всем друзьям и знакомым в Москву и Петербург, умолял найти хороших специалистов. Елена Пудовкина, работавшая тогда корреспондентом газеты «Час пик», смогла связаться с доктором медицинских наук, профессором Дмитрием Федоровичем Егоровым, который согласился дать консультацию. Когда матушку привезли к нему в 31-ю городскую больницу, она уже не могла говорить и дышала с большим трудом. Профессор Егоров диагностировал тяжелый перикардит, и врачи тут же приступили к срочным реабилитационным процедурам.

В скором времени Вере Михайловне сделали вторую операцию и установили новый кардиостимулятор. Благодаря умелым профессиональным действиям врачей здоровье пошло на поправку. На ближайшие несколько лет деятельность сердечно-сосудистой системы была нормализована, но требовала постоянного наблюдения и регулярных осмотров специалистов. На долгие годы лечащим врачом Веры Михайловны стал ученик профессора Егорова, замечательный доктор, кандидат медицинских наук Илья Наумович Гинзбург.

У Д.Ф. Егорова и И.Н. Гинзбурга сложились крепкие дружеские отношения с отцом Павлом и его семьей. Они часто гостили в доме на Красногорской улице, подолгу беседовали с батюшкой, обсуждая самые разные вопросы. Отец Павел, следуя рекомендациям врачей, старался меньше волновать и беспокоить Веру Михайловну. Пытаясь всемерно разгрузить ее от чрезмерных домашних хлопот, стал активнее привлекать к работам по дому и хозяйству и своих, и приемных детей. С укреплением здоровья матушки жизнь стала потихоньку нормализоваться и входить в привычную колею. Батюшка по-прежнему служил в двух храмах, преподавал в школе и вел большую благотворительную и социальную работу. Он регулярно посещал дом престарелых, тюрьму и лечебные заведения.

Бескорыстное служение отца Павла в Богдановской психиатрической больнице продолжалось уже несколько лет и могло бы продолжаться дольше, но после прибытия в Псков архиепископа Евсевия отношение больничной администрации к нему стало меняться. Может быть, это просто совпало по времени, но к середине 1990-х администрация уже не так рьяно приветствовала служение о. Павла на своей территории. Появились жалобы на то, что его активная деятельность мешает сотрудникам больницы. Неудобством стали не столько службы, сколько влияние отца Павла на детей. Они быстро привыкали к доброму отношению и ждали того же от персонала.

Когда отца Павла стали ограничивать в посещениях, у него возникла идея построить на территории больницы храм во имя св. великомученика и целителя Пантелеймона — покровителя врачебной профессии. Главный врач и управление здравоохранения, в принципе, были не против и выделили на больничной земле самое заболоченное место для строительства церкви. Работа предстояла большая. За финансовой помощью отец Павел обратился к зарубежным христианским общинам. На его призыв откликнулись голландские друзья - Франц ван Агт, Пауль Барс и другие члены лютеранской общины Нейменгена, которые приняли решение о финансировании строительства храма в Богданово. В 1994 году группа голландских лютеран во главе с Паулем приехала в Псков и посетила больницу. Впечатление было сильное, почти шокирующее. Выходя из корпуса детского отделения, гости не могли сдерживать слез. Посмотрев на огромную лужу на месте будущего храма, они сделали первый взнос. На эти деньги отец Павел заказал проект, купил в леспромхозе участок леса для стройматериалов и двести машин земли. Воспитанники приюта взялись засыпать болото, валить лес и заготавливать бревна. Вскоре на месте большой лужи вырос рукотворный холм. Руководить строительством взялись два плотника — дядя Володя (Владимир Михайлович Степанов) и дядя Саша (Александр Михайлович Павлов). Бригаду они себе набрали из тех же молодых ребят — воспитанников приюта. 1 февраля 1995 года начались строительные работы. Трудились ребята ударно, и уже к весне 1998 года среди серых больничных корпусов, за бетонным забором, на холме выросла красивая рубленая деревянная церковь.

Храм св. Пантелеймона должен был стать третьим приходом отца Павла, в котором могли бы окормляться жители поселка Богданово и, конечно же, пациенты больницы. Благотворное церковное общение, молитва, проповедь, исповедь и причастие Святых Тайн стали бы регулярными. Конечно, одному настоятелю со службой в трех храмах не справиться, нужны вторые священники, а их может назначить только правящий архиерей — архиепископ Евсевий. В конце лета 1997 года в беседе с Виктором Яковлевым отец Павел говорил:

«Ожидать от правящего архиерея материальной поддержки мне и в голову никогда не приходило, и к этому я никак не хотел бы его обязывать. Здесь необходимы только понимание и моральная поддержка, больше ничего. Этого было бы достаточно. Ну и, конечно, есть организационные вопросы, без которых не обойтись. Существуют два прихода — Мироносицкий храм в Пскове и Матфеевский в Писковичах, на средства которых в основном и существуют школа и приют. Помимо этого, с началом учебного года возобновится моя совсем не шуточная преподавательская работа в школе и Духовном училище, которое тоже является нашим общим епархиальным делом. В такой ситуации необходимость третьего священника становится просто жизненно важной и для приюта, и для школы. Да еще продолжается и, надеюсь, скоро завершится (остались небольшие внутренние работы) строительство храма в Богданово, которое, кстати, Владыка Евсевий посетил и очень благожелательно о нем отозвался..»

5 июня 1998 года архиепископ Евсевий с духовенством провел первое торжественное богослужение и совершил освящение храма. Церковь архиепископу действительно понравилась. Но ему не нравился отец Павел, и Евсевий в категоричной форме запретил ему служить в Богданово. По распоряжению архиерея все отделочные работы были прекращены, и храм еще несколько лет простоял недоделанным, без окон, которые так и не успели прорубить. Как образно сказал об этой ситуации Виктор Яковлев: «На еще одну из проложенных отцом Павлом дорог опустился архиерейский шлагбаум».

Несмотря на запрет служения отца Павла в психиатрической больнице, архиепископ Евсевий удовлетворил его просьбу о назначении к нему в церковь свв. Жен-Мироносиц еще одного священнослужителя. Этим вторым священником стал иерей отец Владимир Будилин — человек необразованный и страдающий серьезным психическим расстройством. Отец Павел сам его нашел и сам пригласил на службу.

Однажды, подходя к храму, он увидел бродящего среди могил Мироносицкого кладбища человека бомжеватого вида в грязном рваном подряснике и с большой сумкой через плечо. Присмотревшись, признал в нем заштатного священника отца Владимира. Когда-то он служил в Псковской епархии в двух сельских приходах, но из обоих ушел без объяснения причин. Вышел из храма и не вернулся в него больше. После двух таких выходов архиерей перестал его назначать куда-либо. Ни к какой трудовой деятельности отец Владимир не был способен и жил на скромную пенсию своей престарелой матери.

Отцу Павлу для службы в двух храмах нужен был второй священник и он уже с интересом посмотрел на него. Позже батюшка рассказывал об этой встрече так:

«Я долго его не видел, но знал, что он рукоположен. А через несколько лет встретил на Мироносицком кладбище и не сразу узнал. Он там что-то среди могил ходил. Я спросил, где он служит. Он ответил, что нигде. „Так, может, вы у нас послужите?“ — „Да я бы с радостью“, — был ответ.

Я отправился к Владыке и говорю:

— Вот о. Владимир Будилин нигде не служит, нельзя ли его определить к нам?

— Да ведь он сумасшедший! - удивился Владыка.

На что я сказал, что, может быть, богослужение ему поможет встать на ноги.

— Ну, забирайте, если он вам нужен, - сказал Владыка и подписал указ».

Время показало, что реально нужным он оказался для архиерея, поскольку изрядно помогал Владыке Евсевию изводить отца Павла и разорять его приход. Как священник, он был достаточно безграмотным и безответственным, литургику знал плохо, путал последовательности или вообще не

использовал какие-то каноны. К началу богослужения мог опоздать на час, в то время как его ждали диакон, алтарник, хор и все собравшиеся прихожане.

Вокруг отца Владимира постепенно сформировалась группа его почитателей. Это были люди под стать ему - маргинальные, малообразованные и психически не очень здоровые окрестные жители. Служа божественную литургию, он делал перерывы на два с лишним часа для проведения индивидуальных бесед со своими единомышленниками, называя это исповедью. Соответственно, остальные прихожане, певчие и служители ожидали его у солеи, поскольку никто не знал, когда он появится.

Выглядел он всегда неопрятно - грязные, давно невымытые волосы, нестриженные, с «черноземом» ногти. Настоятель тактично делал ему замечания, которые он с завидным упорством игнорировал. Впрочем, реакция, демонстрирующая его отношение к отцу Павлу, периодически проявлялась в весьма неожиданных формах. Как-то заглянув в церковную библиотеку, отец Владимир обнаружил за занавеской алтарь Рождественского придела и страшно возмущенный тем, что придел используется не по назначению, написал донос правящему архиерею. Владыка Евсейий тут же обвинил настоятеля в осквернении храма и потребовал немедленно ликвидировать библиотеку. Тот обратился к архиерею с вопросом:

— Куда же девать книги, Ваше Высокопреосвященство?

— Куда хотите.

Отец Павел тяжело вздохнул и не выполнил распоряжение Владыки.

Мало того, что отец Владимир писал клеветы и доносы архиерею, он еще умудрялся устраивать крестные ходы и служить молебны об избавлении храма от действующего настоятеля.

Поначалу отец Павел удивлялся поведению своего второго священника и даже обижался на него, но уволить со службы не мог, поскольку это прерогатива правящего архиерея. Писать Владыке жалобы тоже было несподручно, поскольку, с одной стороны, сам же за него просил когда-то, а с другой - в случае увольнения Будилина он бы опять остался один на два прихода. В общем, учитывая все эти обстоятельства и тяжелое психическое расстройство своего подчиненного, отец Павел решил относиться к своему положению спокойно и с юмором. Свою досаду он компенсировал описанием событий в храме в виде коротких юмористических рассказов об отце Сырое, прототипом которого был отец Владимир.

Но были в эти тяжелые для отца Павла времена и светлые, радостные события. К таковым следует, в первую очередь, отнести его знакомство с замечательным известным русским иконописцем, архимандритом Спасо-Преображенского Мирожского монастыря отцом Зином Теодором. В то время архимандрит был главой монастырской иконописной школы и одним из авторитетных мастеров современной русской иконописи, придерживающейся древних византийских традиций живописи. Отец Зинон много работал в Москве — его росписи украшают стены Троицкой лавры и Данилова монастыря. Он расписывал соборы во Франции, Финляндии, Бельгии, Австрии, преподавал в иконописной школе в Сериате, в Италии. В 1995 году за вклад в церковное искусство первым из церковных деятелей получил Государственную премию России. В 1996 году в Пскове отец Зинон создал оригинальный каменный иконостас с образами Спасителя, Богородицы и святых в медальонах в надвратной церкви Св. Стефана Первомученика.

С первой же встречи отец Павел и отец Зинон почувствовали духовное родство. Оба священника были высокообразованными, творческими и глубоко верующими людьми и, конечно же, были одинаково неприятны правящему архиерею.

Отец Павел вместе с матушкой Верой часто навещали отца Зинона в его мастерской.

Священники обсуждали сложные богословские вопросы, обменивались мнениями о происходящих событиях. Архимандрит, в свою очередь, тоже часто бывал у них, посещал храм свв. Жен Мироносиц и православную школу. Иконостас в Мироносицкой церкви расписывали его ученики.

В ноябре 1996 года Указом архиепископа Евсевия архимандрит Зинов был запрещен в служении, изгнан из клира Псковской епархии и выслан из Мирожского монастыря. Поводом послужило то, что отец Зинов разрешил католическому священнику Романо Скальфи, директору Центра «Христианская Россия» из Италии, отслужить литургию в неосвященной часовне Спасо-Преображенского Мирожского монастыря, а в конце причастился вместе с католиками.

«Московская Патриархия

Евсевий, Архиепископ Псковский и Великолукский

№880, 28 ноября 1996 г.

Указ

Архимандриту Зинову (Теодору Владимиру Михайловичу)

Настоящим Вы, по решению Епархиального Совета от 14 ноября 1996 г., запрещаетесь в священнослужении:

1. За нарушение присяги, данной Вами при рукоположении в священный сан;
2. За нарушение 10, 11, 39, 45 и 55 Правил св. Апостолов;
3. За нарушение 33-го Правила святого Лаодикийского Собора и 2-го Правила Святого Антиохийского Собора, до признания своей вины и раскаяния в ней.

При сем Вам необходимо иметь в памяти своей:

31-е Правило Святых Апостолов,

10-е Правило Святого Карфагенского Собора,

5-е Правило Святого Антиохийского Собора.

Благодатная помощь Божия да поможет Вам прийти к раскаянию и исправлению. Инокам Иоанну и Павлу, причастившимся вместе с Вами у инославных раскольников и отступников от Православной Церкви, запрещается принимать св. Христовы Тайны в Православной Церкви и носить иноческие одежды до их раскаяния. Бог да поможет Вам утвердиться в Православной вере, в которой Вы были научены и крещены. При сем напоминаю о Вашем заявлении при встрече со мною, что Вы покидаете и уезжаете из Мирожского монастыря. На сем основании Вы, с того момента, клириком Псковской епархии не числитесь.

Евсевий, Архиепископ Псковский и Великолукский».

В этой экуменистической литургии принимал участие монах Павел, еще более жестоко наказанный Владыкой — на него был наложен запрет причастия св. Христовых Таин, что почти равно анафеме и отлучению от церкви. Вместе с отцом Зиновом и монахом Павлом под эти прещения попал и монах Иоанн, имя которого почему-то оказалось в доносе, хотя его вообще не было в этот день в монастыре. Позднее Владыке доложили об этой досадной ошибке, и он принял это к сведению, но отменять своего решения не стал.

Запретив монахам Павлу и Иоанну причащаться, архиепископ Евсевий поставил архимандрита Зинова перед весьма трудным выбором — принимать причастие Святых Таин и, тем самым, предать своего ученика, или разделить с ним его участь и остаться без Святого причастия. В беседе с журналистом И. Виноградовым отец Зинов сказал:

«[Архиерей] запретил причащаться монаху Павлу. Он прекрасно знал, что этот человек пострадал из-за меня, и ему было ясно, что я в этой ситуации и сам не смогу причащаться. Как же — я буду причащаться, а он будет на это смотреть? Он заранее знал, что я так же не буду причащаться, то есть фактически отлучил меня от Церкви. /.../ Если я буду просить Патриарха или Синод... об изменении... своей участи... я буду просить только о том, чтобы позволили монаху Павлу причащаться. Больше мне ничего не нужно. Служить я впредь не намерен. Когда я поступал в монастырь, я хотел быть простым монахом. А без причащения мне, конечно, очень трудно. Да и богослужение я и знаю, и люблю, это наполняло мою жизнь смыслом, и мне непонятно, какая может быть духовная польза от такого прещения».

В свою очередь, монах Павел, видя духовные страдания своего наставника, написал правящему архиерею покаянное письмо с просьбой простить его и снять запрет причастия Святых тела и крови Христовых.

В качестве условия для прощения монаха архиепископ предлагает ему совершить предательство по отношению к учителю — уйти от него и прекратить с ним всякое общение. Это свое требование Владыка Евсевий изложил в ответном послании: «У запрещенного в священнослужении архимандрита Зинова Вы не можете исповедоваться и причащаться. Вам необходимо определиться в какой-либо монастырь и понести там монашеское послушание, а затем уже по ходатайству игумена...». Разумеется, монах Павел этого требования не исполнил и прощения архиепископа не получил.

Сам же отец Зинов искренне недоумевал, за что он наказан. Его богословская позиция заключается в том, что: «Церковь не может разделиться, как не может разделиться Христос. Разделились и враждуют люди. Этот разрыв кровоточащая рана на теле Церкви, и считать его нормальным явлением нельзя. После взаимного упразднения анафем папой Павлом VI и патриархом Афиногором в 1964 году ни один серьезный богослов не решится заявить, что Римская Церковь - не Церковь, и таинства ее недействительны и не действительны». Поэтому он действительно не понимал, какого покаяния ждет от него архиерей. Если архиепископ Евсевий признает действительность и святость католической литургии, то раскаяние отца Зинова в том, что он причастился Святых Тела и Крови Христовых будет кощунством и глумлением над Господом. Если же Владыка не признает действительности этих Таинств и полагает, что это не более чем хлеб и вино, то почему он так жестоко наказывает монахов за легкий завтрак вместе с католиками?

Действительно, позиция архиепископа была очень путанной, противоречивой и необоснованной. Более пяти лет архимандрит Зинов с братией находился под тяжелым прещением. Его дело скрупулезно изучил и проанализировал с точки зрения канонического права отец Павел. Результатом была публикация в журнале «Континент» №2 (108) за 2001 год статьи Ивана Захарова «Дело архимандрита Зинова с братией». Выступая под этим псевдонимом, отец Павел использовал обширнейший богословский материал и на его основе вскрыл всю лживую преднамеренность обвинений и их противоречие церковным канонам.

Он аргументированно доказал полную несостоятельность этого «дела» и незаконность архиерейской расправы.

Позднее эта статья отдельной главой была опубликована в его книге. Отец Павел хорошо понимал ситуацию архимандрита Зинова, поскольку у него самого также не было с архиереем никакого диалога. Зато было ничем не обоснованное преследование.

Архиепископ был хорошо осведомлен о большой нагрузке отца Павла. Знал, что он служит и в Псковичах, и в Мироносицах, и в открывшемся храме псковского следственного изолятора, а кроме того преподает в школе, заботится о приюте, пишет богословские статьи. «И откуда у него только силы берутся? — недоумевал архиерей. — Ведь еще и строит, и что-то постоянно благоустраивает. К школе

новые помещения добавил, газ провел, кухню оборудовал, столовую сделал. В Писковичах, в Никольском приделе, установил первую в епархии купель для взрослых, где можно креститься погружением — в соответствии с канонем. Регулярно выступает с публичными лекциями и хоровыми концертами, принимает паломников».

А ведь в этом, 1998-м, году отцу Павлу исполнялось шестьдесят лет! На юбилей приехали множество друзей-единомышленников. Дома все не смогли разместиться, праздновали в помещении школы. Вперемежку с поздравлениями и пожеланиями обсуждались текущие дела и сложные богословские вопросы. Помнится, что, когда ближе к ночи псковичи разошлись по домам, мы, приехавшие из других городов, переместились к отцу Павлу и еще долго сидели и беседовали за большим кухонным столом. Говорили и о трудностях взаимоотношений с местной церковной властью. Несмотря на явную нелюбовь правящего архиерея, придаться к деятельности священника Павла Адельгейма было невозможно. Труды его служили ему защитой. Он в них как в неприступной крепости. Конечно, у него сильные сплоченные приходы и хорошие помощники. Помогают и здешние, и из-за границы.

Архиепископа это раздражало - ведь не только с местной интеллигенцией дружбу водит, но и со всякими католиками, лютеранами и баптистами якшается. В Москве знается с о. Георгием Кочетковым, принимает у себя его преображенское братство. Приходилось мыслить стратегически - если крепость нельзя взять штурмом или осадой, надо взорвать ее изнутри. Хорошо бы «троянского коня» или хотя бы «казачка» своего туда заслать.

Рассуждая таким образом и зная о тяжелом положении отца Павла, Владыка решил проявить к нему «милосердие» и в начале марта 1999 года назначил в его приходы третьего священника. Выбор архиепископа Евсевия остановился на молодом и напористом отце Евгении Найдине - человеке, так же, как и отец Владимир, малообразованном, но при этом чрезвычайно амбициозном и агрессивном.

Прихожане понадеялись, что теперь, с новым священником, батюшке станет полегче служить. Поначалу их ожидания вполне оправдывались - отец Евгений взял на себя часть воскресных богослужений в Писковичах, а в Мироносицах все трое батюшек служили по очереди. Церковная жизнь в приходах стала улучшаться. Однако со временем новый священник стал проявлять недовольство всем, что делалось в обоих храмах: и настоятель служит не так, и проповедует он не то, и хор поет неправильно, и иконы висят не там, и аналои стоят не на месте. Сначала осторожно, а затем все более явно и нетерпимо он стал высказывать критические замечания и свои претензии. Стали доходить сведения, что отец Евгений за глаза всячески порочит отца Павла, распуская о нем дурные слухи и небылицы. Многим стало понятно, что все это делалось с санкции либо по прямому указанию правящего архиерея. Ни один священник никогда не позволил бы себе демонстративно не подчиняться настоятелю и противостоять ему, не будь соизволения свыше.

Осенью конфликтная ситуация стала обостряться, грубость и хамство в отношении настоятеля со стороны молодого священника сделались регулярными. В начале зимы, во время Всенощной, Найдин спровоцировал преднамеренный скандал в алтаре, отказавшись выполнить требование настоятеля о чтении молитв в соответствии с каноническим чинопоследованием. Когда же отец Павел вторично напомнил о своем требовании, в ответ услышал грубую ругань и оскорбления. 16 декабря отец Евгений с амвона обвинил отца Павла в «насаждении в храме жиловской ереси».

В ответ на его поведение отец Павел написал докладную записку правящему архиерею, в которой просил принять срочные меры для нормализации отношений в приходе. Владыка отреагировал и 21 декабря собрал Епархиальный совет, а затем дал указание провести на следующий день расширенное приходское собрание с участием членов Епархиального совета для примирения настоятеля и второго священника, чтобы они служили вместе и дальше.

Из воспоминаний Виктора Яковлева:

«Собрание, согласно архиерейскому указанию, состоялось 22 декабря, в присутствии пяти настоятелей псковских храмов: протоиереев Иоанна Муханова (благочинный г. Пскова, Свято-Троицкий кафедральный собор), Олега Тэора (храм св. Александра Невского), Михаила Мельника (духовник епархии, храм Воскресения Христова), Георгия Быкова (благочинный Псковского района, храм Михаила Архангела) и архимандрита Елевферия (храм Успения с Полонища). В самом начале о. Павел, настоятель и — согласно Уставу РПЦ - председатель приходского собрания, заявил, что, как лицо, втянутое в обсуждаемый конфликт, не может председательствовать на собрании и предложил, чтобы собрание вел председатель приходского совета. К моему удивлению, все, включая благочинного о. Иоанна, легко согласились. По моим предположениям, благочинный должен был попытаться взять собрание в свои руки, но, вовремя не сообразив, упустил момент (за что и получил потом нагоняй от Владыки), и у собрания появился шанс принять решение, не навязанное церковным начальством, а вполне самостоятельное.

Поблагодарив отцов-настоятелей за внимание к нашей общине и заботу о благополучии прихода (особо - архимандрита Елевферия и протоиерея Михаила, в свое время немало здесь потрудившихся), я кратко изложил суть конфликта, обратив особое внимание на то, что о. Евгений публично обвинил настоятеля в ереси: „Ересь есть серьезнейшее преступление против Церкви, связанное с покушением на догматы православия. Обвиненный в ереси заслуживает высшей меры церковного наказания — отлучения, в противном случае, если обвинение ложно, должен быть наказан обвинитель“. И предложил высказаться обеим сторонам конфликта.

Затем высказались наши клирики, священник Владимир Будилин, дьякон Сергей Завьялов, и члены приходского собрания. Не стану приводить здесь подробности выступлений, споров и новых, порой до смешного мелочных, обвинений в адрес о. Павла, достаточно подробно изложенных в оформленном по всем правилам протоколе. Скажу лишь, что, по мнению большинства собрания, восстановление мира в приходе было признано возможным только после исключения священника Евгения Найдина из состава клира. Приведу фрагмент из сказанного дьяконом Сергием: „Я о ереси судить не буду, но о. Евгений просто неуживчив по складу характера. В храме должна быть одна голова, один хозяин. С приходом о. Евгения их стало две. Во всяком случае, о. Евгений претендует на это. Здесь и кроется причина конфликта, по которой дальнейшее их служение в одном приходе невозможно“.

Высказались и отцы-настоятели, особенно активно — благочинный о. Иоанн, и попытались склонить собрание к решению о примирении священников и дальнейшему совместному служению, но безрезультатно — лишнее доказательство того, что невозможно убедить других в том, во что сам не веришь. Большинством голосов — девять против трех - собрание приняло ходатайство к правящему архиерею:

„Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному

Архиепископу Псковскому и Великолукскому Евсевию

Ходатайство

Ваше Высокопреосвященство!

Во исполнение Вашего указания 22 декабря с.г. состоялось приходское собрание храма святых Жен Мироносиц, на котором была рассмотрена возникшая в приходе конфликтная ситуация. Приходское собрание обращается к Вам с ходатайством об исключении священника Евгения Найдина из состава клира нашего храма, так как, по общему мнению, именно его нетерпимость стала причиной возникновения конфликта и нестроений в приходе.

Собрание находит, что действия, поступки и человеческие качества иерея Евгения несовместимы со ст. 9 разд. VIII Устава об управлении РПЦ, требующей подчинения клириков настоятелю храма.

Приложение: протокол №1 приходского собрания от 22 декабря 1999 года.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц протоиерей Павел Адельгейм, председатель приходского совета В.Н. Яковлев, секретарь собрания Т.С. Меньшикова“.

Ходатайство и протокол перерал лично в руки архиепископу Евсевию настоятель храма священник Павел Адельгейм. Архиепископ прочел ходатайство, сложил вместе с неп прочитанным протоколом, порвал на четыре части и бросил в урну для бумаг».

Реакция Владыки показала, что задача собрания заключалась в сохранении текущего положения - чтобы Е. Найдин и впредь мог раскалывать приход.

И все осталось по-прежнему еще на долгих два года. Молодой хам в священническом одеянии продолжал глумиться над отцом Павлом, прекрасно понимая, что этот старый инвалид, пребывающий в немилости у начальства, не сможет ничем ему противостоять. Отец Павел терпел обиды и оскорбления, но, когда становилось невагоду видеть, как разрушают его приход, он опять писал жалобы архиерею. Вот, например, письмо от 2 декабря 2001 года:

«Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященному Евсевию, Архиепископу Псковскому и Великолукскому Докладная записка.

Ваше Высокопреосвященство, выполняя чреду треб- ного священника в субботу 01.12.01, свящ. Евгений Найдин отказался служить заказные молебны и панихиду. Отслужив Божественную Литургию, я должен был уехать на отпевание в Писковичи. Диакон попросил свящ. Е. Найдина отслужить панихиду. Народ и певчие ждали в храме, а он беседовал с прихожанином.

— Видите, что я занят? Пусть Павел служит.

— Он уезжает в Писковичи отпевать.

— Это его проблемы.

Я подошел и попросил свящ. Е. Найдина послужить панихиду. В ответ он приказал мне закрыть дверь с другой стороны. Я настаивал, и свящ. Е. Найдин расправил плечи и двинулся на меня с угрожающим видом. Не знаю, соби - рался он ударить меня или вытолкать. Я вышел, не дожидаясь исполнения угрозы. Следует подчеркнуть, что свящ. Е. Найдин никогда не совершает ни заказных молебнов, ни панихид в свою требную чреду. Избегая скандала, я постоянно служу их сам по субботам все три года. Ему понравилась практика перекладывать на меня свои обязанности. Однако невозможно годами жить в атмосфере нетерпимости, шантажа и угроз скандала в храме Божиим.

Я постоянно уступаю всем его требованиям. Понимая свою безнаказанность, он все больше распоясывается. Необходимы какие-то меры воздействия.

Если Вы благословите, приход будет удерживать из его зарплаты деньги, которые он утаивает от церковной кассы, вычитывать за уклонение от богослужений и треб.

Прошу Вас, Владыко, принять какое-то решение, чтобы прекратить уголовную обстановку в храме.

Настоятель храма свящ. П. Адельгейм».

А это от 12 декабря того же года:

«Московская Патриархия Псковская епархия Храм Святых Жен Мироносиц

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному Евсевию, Архиепископу Псковскому и Великолукскому. Повинуясь решению Вашего Высокопреосвященства, уже три года я терплю в алтаре храма святых Жен-Мироносиц агрессию, алчность и хамское поведение свящ. Евгения Найдина. Принципиально не признавая настоятеля храма и не подчиняясь его указаниям, он систематически провоцирует в алтаре конфликты, делает „назло“, требует денег и одновременно подрывает экономику храма. Не наделенный никакими правами, настоятель храма не имеет средств воздействия на клирика храма, если не опирается на поддержку правящего архиерея. Я не могу защитить св. алтарь от перманентной коммунальной склоки, а свое человеческое достоинство - от оскорблений и унижений, доходящих до угроз и демонстрации физического насилия. Церковный суд, определенный Уставом РПЦ, на практике не существует, а обращение в уголовный суд запрещено Уставом РПЦ /гл. 1, 9/.

Опускаться до методов свящ. Е. Найдина я считаю недопустимым и потому не имею адекватного ответа на его провокации. Единственный выход из этой ситуации я вижу в полном прекращении всякого общения со свящ. Е. Найди-ным. До сих пор я делал исключение для приветствия его при встречах, что создавало видимость общения и оставляло для него возможность говорить мне гадости, оскорблять, обращаться в недопустимом тоне, кричать и устраивать сцены. Теперь я исключаю всякое общение и снимаю с себя ответственность в случаях нарушения свящ. Е. Найдиным распорядка, срывов богослужений и треб.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц свящ. Павел Адельгейм».

На эти и другие жалобы отца Павла архиепископ Евсевий отреагировал весьма оригинально. Своим указом №398 от 26 декабря 2001 года он лишил отца Павла возвращенного им на протяжении почти 21 года прихода церкви св. Апостола Матфея в Писковичах и назначил туда настоятелем Евгения Найдина, лишив тем самым и существенной поддержки сиротский приют.

Однако и после передачи Писковичевской церкви новому настоятелю разъединения конфликтующих сторон не произошло, и Е. Найдин продолжал свои провокации в отношении бывшего руководителя. Об этом красноречиво свидетельствует очередная докладная записка отца Павла.

«Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному Евсевию,

Архиепископу Псковскому и Великолукскому от настоятеля храма свв. Жен-Мироносиц свящ. Павла Адельгейма

Докладная записка

Ваше Высокопреосвященство, по Вашему благословению я передал по описи храм и храмовое имущество в приходе св. Апостола Матфея новому настоятелю, свящ. Евгению Найдину. Передача прошла мирно, в присутствии благочинного Псковского района свящ. Георгия Быкова. Священник Евгений Найдин предложил мне никогда не совершать в его приходе никакие требы. Это требование для меня излишнее, поскольку канонически недопустимо и неэтично священнодействовать на территории чужого прихода без ведома настоятеля. Я никогда себе таких действий не позволял.

К сожалению, сам свящ. Евгений Найдин поступает иначе. Он систематически посещает храм свв. Жен-Мироносиц, в отсутствие настоятеля входит в алтарь, совершает богослужение, ведет беседы с прихожанами, договаривается с ними о совершении треб, ищет информацию о требах и совершает требы в приходе без моего ведома и не стесняясь даже моим присутствием.

Свящ. Евгений Найдин переманивает прихожан в свой новый приход, настраивает против настоятеля. Из алтаря храма свв. Жен-Мироносиц пропадают вещи, иконы. Дароносица и крест

пропали 26 января 2002 г., с уходом свящ. Евгения Найдина. Я не могу свидетельствовать, что он украл, поскольку не видел своими глазами, однако посещения алтаря, кладовых и других помещений храма тайком от настоятеля рожают самые неприятные подозрения. Действия свящ. Евгения Найдина нарушают церковные каноны и священническую этику. Если нетерпимые отношения священника Евгения Найдина к настоятелю храма потребовали развести нас по разным храмам, то какую цель преследует свящ. Евгений Найдин, продолжая раздувать пожар в чужом приходе? Получив Писковичи, один из двух моих приходов, он мог бы успокоиться и не вредить приходу свв. Жен-Мироносиц.

Ваше Высокопреосвященство, прошу Вас воспрепятствовать подрывной деятельности свящ. Евгения Найдина в приходе свв. Жен-Мироносиц. Для него и для храма гораздо полезнее, если он займется собственным приходом.

5 января 2002 г.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц священник Павел Адельгейм».

Буквально через пять дней ему пришлось вновь писать Владыке Евсевию и отбиваться от очередной клеветнической провокации со стороны Е. Найдина.

«Его Высокопреосвященству, 10 января 2002 г.

Высокопреосвященному Евсевию,

Архиепископу Псковскому и Великолукскому.

Ваше Высокопреосвященство!

9 января 2002 г. благочинный г. Пскова, настоятель Кафедрального собора и секретарь Епархиального управления священник Иоанн Муханов сообщил мне (со слов священника Евгения Найдина), якобы священнику Евгению Найдину угрожали неизвестные люди, требуя, чтобы он ушел из Писковичского храма. В течение следующих суток ко мне домой поступили десятки звонков от городских священников и прихожан, взволнованных нападением на квартиру священника Е. Найдина. Рассказывают, что священник Павел Адельгейм „заказал“ священника Евгения Найдина, что бандиты взломали двери его квартиры, обидели его супругу, угрожали убить сына, взорвать автомобиль.

Для таких случаев существуют органы охраны общественного порядка, в которые священник Е. Найдин мог обратиться с заявлением о случившемся факте, если он действительно имел место. Милиция обязана разыскать и наказать виновных. Поскольку священник Е. Найдин обращается не в надлежащую инстанцию, а к настоятелю Кафедрального собора, очевидно, не имея убедительных оснований, он не рискнул обратиться в компетентный орган. Возможно, такого факта не было. Возможно, священнику Е. Найдину угрожали за неблагоприятные поступки, не связанные с его новым назначением. В любом случае, нет оснований обвинять меня в шантаже, заказном убийстве, взрыве автомобиля и распространять нелепую клевету по храмам г. Пскова. Если бы я использовал криминальные методы, то сделал бы это раньше, не дожидаясь пока лишусь Писковичского прихода, вместо того, чтобы посылать Вам докладные записки, которые каждый раз мне приносят одни неприятности. /.../

Исходя из логики развития событий и „пророчества“ священника Е. Найдина о моем скором изгнании, полагаю, последним ударом будет мое отстранение от настоятельства и службы в храме свв. Жен-Мироносиц.

Мне совершенно непонятна Ваша позиция. За что? Бог Вам судья.

10 января 2002 г.

Пока еще настоятель храма свв. Жен-Мироносиц протоиерей Павел Адельгейм».

После многочисленных попыток лично убедить правящего архиерея в его неправоте, понимая всю бесполезность своих обращений, отец Павел начал анализировать и другие свидетельства ненормального положения дел в Псковской епархии и в Русской Православной Церкви в целом. Так была задумана книга «Догмат о церкви в канонах и практике».

В своих отношениях с правящим архиереем он старался действовать в строгом соответствии с церковными канонами, изложенными в Священном Писании: *«Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви»* (Мф. 18, 15-20). Отец Павел обратился к Церкви книгой, выразив в ней свою боль и муку от великого разлада и нестроения в жизни Божьего народа.

17. «Догмат о Церкви»

*От земного нас бога Господь упаси.
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога.*

А.К. Толстой. «Поток-богатырь»

Первое издание книги отца Павла «Догмат о Церкви» вышло в ноябре 2002 года. Книга поднимала сложнейшие, жизненно важные вопросы о судьбе Церкви, о том, какими должны были бы быть и какими на самом деле являются отношения между людьми, называющими себя православными христианами. Остро ставя вопрос о христианском самосознании и отношении членов церкви друг к другу, книга приглашала к размышлению и открытому диалогу всех сторонников подлинного возрождения Православной Веры. Чутко реагируя на все, что мешает реальному христианскому служению, отец Павел считал для себя невозможным замалчивать существующие изъяны церковной жизни. Он полагал, что их скрывать и тем самым накапливать - грех не менее тяжкий, чем сами эти проблемы. Никакое очищение невозможно без свободного доступа всех членов Церкви к полной и объективной информации о том, что в ней происходит, и гласного обсуждения. Рассматривая несоответствие между канонами и практикой, отец Павел опирался на официальные документы и факты из личного опыта сорокапятилетней службы.

За основу отец Павел брал древнюю традицию, выраженную в Никео-Цареградском Символе Веры. Анализируя действующий Устав Русской Православной Церкви, он вводит в книгу вымышленный собирательный персонаж епископа Акакия Урюпинского и Ангорского, формирующего церковную жизнь в своей епархии. В своем предисловии, обозначенном как «Приглашение к диалогу», отец Павел писал: *«Наблюдать епархиальную жизнь мне было доступно с „приходской колокольни”. С нее открывается недалекий горизонт, и епархиальная жизнь просматривается фрагментарно. Достоинство „приходской колокольни” в том, что перспектива открывается личному опыту. Этот опыт не опосредован чужими словами: „О том, /.../ что мы слышали, что видели своими глазами, /.../ и что осязали руки наши свидетельствуем и возвещаем вам...”* (1 Ин. 1:1-2). В отличие от апостольского, наше свидетельство не очищено Духом Святым от искажений и ошибок. Их порождают различные человеческие страсти: обиды, зависть, тщеславие и проч. Поэтому я не преувеличиваю истинное значение своих размышлений и приветствую обоснованные возражения. Нащупывая осторожной ногой твердую почву среди топи сомнений и заблуждений, мысль всегда рискует оступиться и соскользнуть в бездну. Ей необходимо держаться за нить богооткровенного Слова и церковного предания. Она нуждается в рецепции живого голоса Церкви, чтобы удержаться на невидимой тропе. *„Гневаясь, не согрешайте”*

(Еф. 4:26), ибо разумное общение предполагает признание своих ошибок и раскаяние в них. Христианское общение ведет не к разрыву отношений, а к взаимопониманию, устранению соблазнов и препятствий „для созидания самого себя в любви” (Еф. 4:16)».

Говоря о святости, единстве и соборности, как главных сущностных составляющих Церкви, отец Павел определяет их как «целое в сплоченном множестве», пределом которого является единство любви, сохраняемое в апостольской традиции. Опираясь на эти четыре качества, определенные Никейским Собором и запечатленные в Символе Веры: «Верую во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», он определяет епархию как местную церковь.

«Полнота местно-конкретной Церкви в современной практике представлена епархией во главе с епископом, который является личным выразителем ее внутренних связей. Епископ „представляет единство евхаристической общины, собранной вокруг своего Предстоятеля, соединяющего всех в одну Христову семью узами взаимной любви“. Отсюда исходит и великое литургическое достоинство епископа. В богослужении ему воздается божественное поклонение, его называют божественным именем „святой Владыко“. В определениях Иерусалимского Собора 1672 года епископ именуется как „живой образ Бога на земле и обильный источник всех таинств вселенской Церкви, которыми приобретает спасение“».

Однако пышные ритуалы почитания и славословия епископа, великолепия и грандиозность архиерейского богослужения таят в себе немалые опасности попадания в сети прелести и необузданной гордыни. «Епископ является точкой отсчета, началом оси координат ритуала, живой иконой Христа Спасителя. Епископ - не Богочеловек. Он являет собою живой образ Богочеловека. Если епископ перестает отличать себя от Христа Спасителя, возникает сознание ослицы, на которой входил в Иерусалим Христос, если бы она отнесла к своему достоинству вайи⁴ и одежды, постилаемые к ее копытам. В этом случае Богочеловечество подменяется человекобожеством. Тень сверхчеловека ложится на все отношения епископа с клиром и мирянами. Тень Антихриста», - писал в своей книге отец Павел.

Глубочайшее смирение и немалая трезвость ума необходимы архиерею, чтобы пережить свое литургическое величие как принадлежащее не его личностным достоинствам, а его статусной харизме⁵. «В речах, которые обычно произносят ставленники при наречении в епископа из века в век, отражается священный ужас, охватывающий человека перед ответственностью архиерейского служения. Величайшие святители уклонялись от этого призвания, буквально убегая от хиротонии, подобно пророку Ионе. Их священный ужас перед ответственностью архиерейского служения не был ложным смирением. Они стремились присвоить себе славу, принадлежащую только Богу. Они не смели заслонить Лик Божий собственной персоной».

Таким образом, как утверждал в своей книге отец Павел, обожествление епархиального архиерея ограничивается временем его евхаристического служения. Епископская хиротония не передает человеку личной святости и непогрешимости. «Принимая дар освящать других, епископ сам может оставаться непричастным освящению. Возвещая волю Божию другим, он может не слышать ее в своем собственном сердце».

Архиерейство — это тяжелый крест и страшное испытание, опасность, которые в современной церковной практике воспринимаются порой как некое благо и возможность пользоваться почетом, властью и различными привилегиями, полагающимися сану. Митрополит Антоний Сурожский вспоминал, как один из архиереев РПЦ откровенно признавался ему: «Когда на меня возложили руки при хиротонии, я почувствовал, что я теперь архиерей, и ЧТО У МЕНЯ ВЛАСТЬ». Это привело в ужас

4 Пальмовые ветви.

5 Харизма (милость, дар) — особая одаренность, исключительность личности.

владыку Антония, поскольку он всю жизнь верил, что архипастыри призваны СЛУЖИТЬ, а не властвовать.

Архипастырское служение в значительной степени определяет состояние местной церкви — ее единство, соборность, святость и апостольскую преемственность. Все эти четыре фундаментальные основы взаимно проникают друг в друга, неразделимо смешиваются и проявляются в своей нерушимой взаимосвязи. Единство невозможно без соборности, ибо оно неизбежно превращается в одиночество, равно как и соборность без единства утрачивает свои системные свойства и обращается в совокупность разобщенных элементов. Соборное единство немыслимо без любви, лежащей в основе святости, ибо без любви невозможна сопричастность Божественному началу. Без любви любое сообщество становится жестко структурированной массой, сохраняющей свою целостность на основе страха и властного насилия — излюбленного оружия князя Тьмы. Только святая любовь является сущностным содержанием церковного единства и соборности - основой апостольской преемственности духовной традиции христианства.

«Соборное единство Церкви являет икону божественной жизни в человеческой истории, как человек являет собой икону Бога. /.../ Единство Церкви не может быть принудительным. Оно должно сохраняться соборным, - писал в своей книге отец Павел, - Здесь не может быть внешней необходимости, нет насилия и принуждения к единству: „Страха нет в любви, ибо любовь вон изгоняет страх“ (Ин. 4, 18). Только любовь и свобода, как корни, питают церковное единство: „К свободе призваны вы, братья... любовью служите друг другу“ (Гал. 5, 13)».

Исходя из этого, власть архиерея в Церкви не должна быть авторитарной. Самодержавный диктат исключает любовь, соборность, единство и апостольскую традицию. Своей человеческой волей епископ не должен препятствовать Святому Духу действовать в соборной Церкви.

«В основе соборности Церкви лежит дух свободного общения: „Где двое или трое соберутся во имя Мое, ту есмь посреде их“ (Мф. 18, 20.) /.../ Общение приносит не только радость. Оно требует подвига, вплоть до самоотвержения и самопожертвования. Здоровое общение требует самоограничения и воздержания, терпения и смирения, внимания к себе и к другому - ближнему, взаимного уважения, прощения и доверия. Высшую и совершенную форму общения, которая вырастает из этих подвигов, мы называем „любовью“ . „Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем“» (1 Ин. 4, 16).

На основе официальных документов и личного опыта отец Павел рассматривает динамику изменений взаимоотношений между членами РПЦ за период с 1917 по 2000 годы. В частности, в книге говорится:

«Устав Церкви, определяющий основы ее организационной структуры, принципы управления и характер взаимоотношений епископа, клира и мирян, неоднократно пересматривался Русской Православной Церковью за период с 1917 по 2000 год. К настоящему времени мы имеем четыре редакции Устава: 1917 г., 1945 г., 1988 г. и 2000 г. Появилась возможность сравнить эти Уставы между собой, чтобы увидеть, какие пути и тенденции в развитии церковной жизни выбирает Русская Православная Церковь».

Результаты сравнения оказались следующими.

Поместный Собор 1917-1918 годов оставлял за собой всю полноту церковной власти: законодательную, административную, судебную и контролирующую. «Положение об управлении Русской Православной Церковью», принятое в 1945 году⁶, и Устав 1988 г. исключали

6 Поместный Собор 1945 года принял «Положение об управлении РПЦ» и учредил новый орган власти - Архиерейский Собор: «Патриарх созывает, с разрешения Правительства, Собор Преосвященных Архиереев и председательствует на нем».

«контролирующую» власть из компетенции Поместного Собора и никому ее не передавали. Устав 2000 года полностью исключил из компетенции Поместного Собора «законодательную», «контролирующую», «административную» и «судебную» власть. По данному Уставу высшая «законодательная и судебная» власть была передана Архиерейскому Собору, учрежденному в 1945 году, а «исполнительная» — Патриарху и Синоду. О «контролирующей» власти в уставе 2000 года ничего не говорится. Она, по выражению автора, «приказала долго жить», уступив место возможности церковного административного беспредела. Устав не ограничивает власть Архиерейского Собора никакими пределами и не связывает его подотчетностью Поместному Собору. Его новый статус делает Поместный Собор лишним органом власти — декоративной бутафорской имитацией церковной соборности.

Анализируя данное положение, отец Павел задается вполне резонным вопросом: «Если Церковь отождествляется с архиерейской корпорацией, куда выпадают клир и народ из Тела Христова? Где их место? Если же Тело Христово вмещает клир и народ, придется признать, что архиерейская корпорация составляет не всю Церковь, а ее часть. Тогда корпоративные интересы епископов могут не совпадать с общецерковными. Частное не всегда адекватно выражает общее. Частное может деформировать общее в силу своей ограниченности. // Соборное сознание Церкви требует в каждом решении неперемного участия клириков и мирян. Архиерейский собор представлен только архиерейской корпорацией. Исключив участие клира и мирян, исключив рецепцию церковного тела. Архиерейский Собор не может выразить сознание Поместной Церкви. Он выражает корпоративный консенсус епископата».

Уставы 1988 года и 2000 года указывают, что «членами собора являются епархиальные и викарные архиереи РПЦ по своему положению». Остальных делегатов Устав нигде не называет «членами собора». Соборный статус и права «делегатов от клира, монашествующих и мирян, избранных на Собор», не определены, поэтому из текстов Уставов невозможно понять, являются делегаты полноправными членами Собора наравне с «епархиальными и викарными архиереями РПЦ» или имеют другой статус наравне с «приглашенными богословами, специалистами, наблюдателями и гостями», степень участия которых не предполагает участия в голосовании.

Более того, Устав в примечании к гл. II, 16, подчеркивает, что «избрание Патриарха Московского и всея Руси проводится в закрытом заседании», и ни клир, ни народ не могут принимать участие в его избрании. Такая практика отменяет принцип всенародного избрания Патриарха, учрежденный Поместным Собором 1917-18 г., и ставит его в некоторую зависимость от епископата.

В данном случае православная традиция подменяется установками и правилами католической церкви. Об этом писал отец Павел: «Новая практика вводит принцип „белого дыма“, свидетельствующего, что конклав кардиналов за закрытыми дверями пришел к согласию относительно кандидатуры Первосвященника. Такая же практика существовала на выборах генсека в политбюро».

В епархиальной структуре не предусмотрен орган, который мог бы высказать суждение общины, не зависящее от правящего архиерея. Поскольку местная церковь не может иметь независимого голоса или мнения, она не может считаться соборной. Место соборности занимает епископ, поскольку только он может выражать значимое мнение всей епархии. На практике: «Епархиальные собрания подменены собраниями епархиального духовенства. Мирян туда физически не допускают, а клирики молчат в страхе перед епископом, поскольку клир „не должен сметь свое суждение иметь“. Клир и народ не могут влиять на церковную жизнь. Вынужденное молчание народа Божия препятствует Святому Духу „дышать идеже хочет“».

Таким образом, современная церковная практика законодательно лишила голоса и клир, и народ. Церковь стала глухонемой. Клир онемел, и «народ безмолвствует», поскольку действующий

Устав не гарантирует, а епархиальная практика исключает орган, способный донести до слуха Церкви суждения клириков и мирян, не зависящие от исполнительной власти.

Сравнительный анализ четырех Уставов, проведенный отцом Павлом, выявляет явную тенденцию, «дозревшую в Уставе 2000 г., к оттеснению Поместного Собора от принятия решений, сохранив за ним две функции: представительства и избрания Патриарха. Архиерейский Собор постепенно сосредоточивает полноту церковной власти в руках архиерейской корпорации».

На епархиальном уровне это приводит к тому, что индивидуальное мнение епископа становится всегда безошибочным и окончательным, «поскольку выражает собой мнение всей местной Церкви: „Мое мнение я уже не считаю только своим, а мнением епархии...“, — говорит архиепископ Евсевий. Категорично навязывая свою волю Церкви, епископ предъявляет ультиматум Святому Духу, действующему в Церкви. Он не прислушивается к Его тихому дыханию, но смело связывает решением своей авторитарной воли». Так происходит обожение единоличной административной власти, подменяющей собой церковную соборность.

Псковский архиерей доходит до того, что полагает вполне возможным подчинение себе благодати Святого Духа. В своей книге отец Павел свидетельствует: «На епархиальном собрании архиепископ Евсевий недоумевает: „Когда я запретил Зинова, он лишился божественной благодати, и уже не может писать иконы. Почему он получает заказы?“. Епископ уверен, что Святой Дух подчиняется епархиальной дисциплине и действует в соответствии с указами правящего архиерея».

С удалением соборности из церковной жизни устраняется и единство всех ее членов. Ссылаясь на жития святых, отец Павел рассказывает о древних первохристианских общинах, где пресвитерами и епископами ставили достойнейших людей, избираемых из своей среды. Все члены церкви скрепляли свой выбор возгласом «аксиос» — достоин.

«Согласно „Апостольскому Преданию“ св. Ипполита Римского, “избрание епископа совершается местной церковью без участия других епископов“. «Апостольские постановления указывают „рукополагать в епископа того, кто беспорочен во всем, избран всем народом, как наилучший“. Как и в „Апостольском Предании“, избрание совершается местной церковью без участия других епископов. /.../

Избрание епископов местной церковью было и в России. Например, в Новгороде до 1478 г. епископов избирали на вече. После избрания они поставлялись митрополитом Киевским, а позднее Московским».

В синодальный период, начавшийся благодаря реформам Петра Великого, избрание епископов было отменено. Они стали назначаться указами Государя императора: «Честный отец архимандрит (имярек царя), всесветлейший и самодержавнейший великий государь самодержец всероссийский именным указом своего величества повелевает и Святейший Правительствующий Синод благословляет Вашу святыню быти епископом благословенных градов». Синодальная практика назначений обеспечивала полную лояльность епископата к государственной власти, но отнюдь не гарантировала качество его деятельности. Безпатриарший синодальный период продлился до 1917 года, когда на Поместном Соборе был вновь всенародно избран Патриарх Московский и всея Руси Тихон.

Положение о созыве Собора 1917-1918 годов предусматривало избрание на епархиальных собраниях закрытым голосованием пяти делегатов - членов Собора, в составе: трех мирян и двух клириков, из которых один должен был быть в сане пресвитера, а другой мог быть в сане епископа, пресвитера, диакона или из числа псаломщиков (46).

На Поместном Соборе рассматривался вопрос о восстановлении древней практики избрания епископа местной церковью, но эта идея не нашла поддержки у большинства делегатов. Церковные

уставы 1988 и 2000 годов закрепили синодальную практику централизованных назначений, и местная церковь так и не получила права участвовать в решении своей судьбы.

Об этом явно не христианском положении у отца Павла говорится: «Назначая епископа, Синод не принимает во внимание мнение клириков и мирян его будущей епархии. Они обязаны подчиниться воле Синода и принять чужого, совершенно неизвестного им человека в качестве отца, оказывая ему сыновнее доверие».

Ни права выбора, ни права отвода, ни права оценки местная церковь не имеет. Огромная опасность для соборного единства Церкви заключается в том, что положение современного епископа принципиально отличается от положения епископа в раннехристианской Церкви.

Согласно древней традиции, когда епископа избирала местная церковь, он, в качестве ее избранника, представлял свою епархию на соборах. Епископ, назначенный Синодом, представляет в епархии его интересы, а на соборах он лишь числится предстоятелем епархии в силу своего административного назначения.

Говоря о разрушении единства церкви, отец Павел обращал внимание на разделение и разобщение ее основных элементов — архиереев, клира и мирян.

Древняя церковь не знала разделения своих членов на посвященных и профанов. В Священном Писании и Предании нет терминов, соответствующих современному понятию «миряне». В те времена народ Божий обозначал всю церковную полноту: епископов, клириков и прихожан. Все христиане имели единый экклезиологический статус царственного священства. Общий церковный статус был окончательно отменен лишь в 1563 году постановлением Тридентского Собора 1545-1563 гг., который установил для католической церкви онтологическое различие между клириками и мирянами.

Анализ содержания церковных уставов, проведенный отцом Павлом, показывает все растущее разобщение в структуре РПЦ. Так, приходской Устав 1917-1918 годов называет членов церковной общины, не проводящих богослужений, «прихожанами», наделяя их каноническим статусом в правовом пространстве общины конкретного храма. Канонический статус «прихожанина» был обоснован договором, который заключался между ним и общиной храма.

Устав 1988 года вводит в приходскую жизнь Церкви каноническое разделение общины на «прихожан» и «мирян». Согласно ст. 22, прихожанами являются лица православного исповедания, сохраняющие живую связь со своим приходским храмом. Они составляют самую многочисленную часть прихода: десятки, сотни, тысячи христиан, но не имеют в нем никакого правового статуса. Они не заключают договор с церковной общиной и, будучи бесправными, не могут влиять на ее жизнь и деятельность. Об их положении в церковной жизни отец Павел писал так:

«Нерегулярные и кратковременные посещения храма, примитивное понимание храмовой жизни диктуются побуждениями не столько религиозного, сколько магического сознания. Одни прихожане ограничивают связь с храмом возжжением свечей. Проходя мимо храма, они заходят, покупают свечи, ставят их перед иконами и следуют дальше по своим делам. Многие заходят освятить крестик или иконку, обращаются с просьбой освятить квартиру или автомобиль, послужить на могилке близких. Евхаристия, содержание христианского вероучения им непонятны и не встречают отклика в их душе. В ритуалах они не ищут Царства Божия и возрождения. Они ищут защиты от волхвований, от сглаза и прочих несчастий. Ритуал имеет для них магическое значение. Небольшая часть прихожан участвует в Евхаристии, исповедуется и причащается, соблюдает посты и молитвенные правила. Совсем редкие прихожане интересуются смыслом богослужения и догматов, вдумываются в проповедь. /.../

За пределами богослужения прихожане востребованы еще меньше. Они непричастны к управлению приходом, лишены участия в обсуждении проблем приходской жизни и практики,

отстранены от церковной инициативы и творчества... Личные качества, умение и возможности прихожан не задействованы в приходской и епархиальной практике. Храм и причт видят в них только источник своего материального содержания».

Из-за неопределенности понятия «прихожане» никто не знает, сколько в приходе прихожан, где и как они живут, в чем нуждаются и как веруют. «В РПЦ христиане принадлежат ко всем приходам одинаково, поскольку ни с одним приходом их связь никак не запечатлена. Чужих приходов нет. В любом можно креститься, причащаться, венчаться».

В отличие от прихожан, миряне обладают определенными правами. Устав 1988 года наделяет правовым каноническим статусом случайную группу лиц в количестве двадцати человек, никем не выбранных, не назначенных, представляющих не общину, а только самих себя. При образовании церковной общины эти люди регистрируются в департаменте уполномоченного по делам религий. По положениям устава они вместе с причтом храма составляют приходское собрание. Эта группа «клириков и мирян» представляет узаконенную Уставом 1988 года приходскую общину.

«Ей предоставлено право избирать приходской совет и ревизионную комиссию, принимать решения по всем вопросам текущей церковной жизни. „Мирянам“ предоставляется право участвовать в Епархиальном собрании, а также представлять епархию на Поместном Соборе РПЦ. Прихожане представляют реальную общину, лишенную канонического статуса и прав. Миряне представляют мнимую общину, наделенную каноническим статусом и правами». Права у мирян в церковной общине тоже мнимые, и в практическом смысле они мало чем отличаются от прихожан.

Устав 2000 года отказался от употребления различия терминов «прихожане» и «миряне», но сохранил разделительный принцип прежнего Устава, добавив лишь новое право епархиального архиерея частично или полностью, по своему усмотрению, разгонять приходскую общину.

Отец Павел полагал, что именно в каноническом и практическом отчуждении мирян-прихожан от приходской активности на протяжении многих лет кроется причина их массового отпадения от Церкви. «Прихожане, не связанные общением ни с клиром, ни между собой, разбредаются, „как овцы, не имеющие пастыря“». (Мф. 9.36.) Взаимная не востребованность прихожан и прихода настораживает».

Точно такое же разрушение единства Церкви отец Павел обнаруживает и на епархиальном уровне. Так, согласно «Определению об епархиальном управлении», принятом на Соборе 1918 года, «архиерей, по преемству власти от святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян». В этом же «Определении» зафиксировано, что высшим органом управления местной церковью является епархиальное собрание, при содействии которого архиерей управляет епархией. Епархиальное собрание является выборным органом с равным представительством клира и мирян и с установленным сроком их полномочий в три года.

Решения всех последующих Соборов имели стойкую тенденцию к усилению и расширению власти епископа и сокращению влияния клира и мирян. Так, Устав 1988 года не уточняет сроков полномочий членов собрания, а Устав 2000 года, в дополнение к предыдущему, не определяет численное соотношение клириков и мирян. Данный устав также заменяет «избрание» членов Собрания их «созывом». На практике «созыв» определяется волей правящего архиерея.

Такое же положение наблюдается и в отношении Епархиального совета, который был учрежден Собором 1918 года как «постоянное, непрерывно действующее административно-исполнительное учреждение, состоящее из выборных членов, при содействии которых епархиальным архиереем производится управление епархией». Изначально в Совет входили пять человек, избираемых Епархиальным собранием из клириков и мирян сроком на шесть лет и утвержденных епархиальным архиереем. Епархиальный совет избирал председателя в пресвитерском сане.

Согласно Уставу 1988 года, это уже больше назначаемый, чем выборный орган, председателем которого становится епархиальный епископ. Из состава Епархиального совета исключены миряне. Из четырех лиц в пресвитерском сане двое должны быть избраны Епархиальным собранием сроком на один год, а двое назначаются епархиальным архиереем. Срок их полномочий не определен. Исходя из этого положения, Епархиальный совет ставился в зависимость от личной власти правящего архиерея.

По уставу 2000 года Епархиальный совет имеет тот же состав и частичную выборность. Срок полномочий его членов продлен до трех лет. Архиерею предоставлено право отстранять членов Епархиального совета от должности. Собирается Епархиальный совет реже, чем определено в предыдущем уставе: дважды в год.

Эти положения церковного управления зафиксированы в официальных документах, имеющих в РПЦ силу закона. Но, как гласит народная мудрость, «строгость любого закона с лихвой компенсируется его неисполнением». Описывая реальное положение дел в епархиальном управлении, отец Павел констатировал:

«В конкретной епархиальной практике все выглядит гораздо печальнее. Епархиальное собрание не избирает, а епископ не назначает ни одного члена Епархиального совета. Списка его состава не существует. Ни один „участник“ Епархиального совета не получает законного статуса „члена Епархиального совета“. Все они играют роль, только на сегодняшний день изображая „членов“. Поскольку Епархиальный совет, созываемый епископом, не имеет законных „членов“, архиерей рассылает приглашение, адресуя его „всем участникам Епархиального совета“. /.../ Епископ всегда приглашает на Епархиальный совет 20-25 участников: благочинных, наместников монастырей, епархиального духовника и трех-четырёх настоятелей храмов. Все они оказываются в унижительном положении архиерейских попугаев. /.../ Регламент Епархиального совета так же не существует в природе, как и регламент Епархиального собрания. Повестка дня никогда не оглашается, а журналы заседаний Епархиального совета его участники не подписывают. Эти журналы вообще не существуют. Принятие решений не предваряется голосованием. Обычно епископ сообщает свое мнение, а присутствующие единогласно и горячо одобряют и поддерживают его. Как писали в сталинские времена, „бурные аплодисменты, переходящие в овации“». О церковном единстве епископата, клира и мирян в РПЦ можно сказать, перефразируя слова известной песни:

*Просто встретились три одиночества,
Развели возле храма костер.
А костру разгораться не хочется,
И не ладится их разговор.*

Ни единство, ни соборность невозможны там, где нет любви. Внутрицерковные отношения изначально были основаны на любви и строились по подобию внутрибожественного бытия святой Троицы. Постоянно звучит за Божественной Литургией призыв: «Возлюбим друг друга, да единомыслие исповем». И стоя у Святого Престола, епископ и клирики целуют друг друга со словами «Христос среди нас есть и будет».

Но, как писал в своей книге отец Павел, «это интимное выражение любви в церковной практике редко бывает согрето подлинным чувством. Касаясь друг друга бородой, мы демонстрируем поцелуй, сохраняя при этом взаимное безразличие, а то и неприязнь». Иуда тоже целовал Христа.

Трудно стяжать любовь — основу соборного единства в церковных отношениях, гораздо проще подменить ее формальными словами и знаками, но они сохраняют только видимость христианства, выхолащивая его сущность. Иисус говорил ученикам: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк. 9. 35.) В современной церковной практике эта заповедь часто нарушается — желающие быть первыми рвутся к власти, подавляя при этом других.

Когда в отношениях нет любви, ее отчасти заменяет право. Об этом у отца Павла говорится: «Право необходимо там, где оскудела любовь. Пока люди любят друг друга, у них нет нужды ограждать свои взаимоотношения правом. Охлаждение любви, недоверие разделяют их, вызывая необходимость в правовой защите друг от друга». Каково же состояние права в РПЦ? В поисках ответа на этот вопрос автор провел анализ соответствия канонов и реальной церковной практики.

В своей деятельности правящий архиерей совмещает две ветви власти: исполнительную и судебную, что само по себе является огромным соблазном. Предназначение судебной власти — ограничивать произвол исполнительной, а если обе властные ветви представлены одним человеком, эта функция становится невыполнимой. Исполнительная власть епархиального архиерея реализуется через епархиальное управление, то, что раньше называлось консисторией и действовало на основах соборного содействия клира и мирян. В реальной жизни епископ правит единолично, поскольку «без согласия епархиального архиерея ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь». Как епархиальный предстоятель, архиерей пользуется всей полнотой «иерархической власти в делах священнодействия, вероучения и пастырства. // Смещение благодатных и правовых начал в епархиальной практике привело к обожествлению формальной власти епископа».

При этом отсутствие любви и замещение ее обожествлением формальной, административной власти епископа все права подданных сводит на «нет». Об этой опасности предупреждал отец Павел:

«Когда право действует или бездействует по воле администратора, подданные бесправны и беззащитны. Церковные каноны не могут действовать сами по себе. Их приводит в действие власть Владыки. В его руках они могут охранять церковное право и могут терять свое правовое значение, превращаясь в инструмент дисциплинарного подавления... Взамен соборности, отличающей евхаристическую еклесиологию Восточной Церкви, епархиальная власть копирует схему управления, принятую в католической традиции Запада, где церковный уклад обоснован волей Римского Первосвященника. Практика епархиального управления осуществляет ту же вертикаль власти, жестко направленную сверху вниз, которая выражает издержки бюрократии в государстве, когда граждане-овцы теряют в его глазах статус личности и превращаются в безликую толпу, в стадо особей, чьи судьбы определяются мнением, настроением и жезлом правящего архиерея. // Епископ может обосновать свои поступки иногда правом, иногда харизмой, иногда икономией⁷, как ему удобнее в конкретном случае. Поэтому епископ всегда прав. Клирики и миряне не могут обжаловать действия архиерея, природа которых неуловима и разнородна до несовместимости».

Вынося единоличные решения, наделенный божественной властью епархиальный администратор находит в святых канонах церковное обоснование собственным волевым импульсам. «Нехитрая казуистика позволяет трансформировать любую каноническую норму в желаемом формате. В руках исполнительной власти канонические нормы то сохраняют, то утрачивают объективное значение и подменяются произвольным истолкованием.

В правовом пространстве Церкви размывается понятие и принцип права. «„Право есть свобода, предоставленная и ограниченная нормой“ до тех пор, пока сама норма имеет универсальное и бесспорное значение. Когда исполнительная власть получает свободу менять нормы по собственному

⁷ Икономия — церковный принцип терпимости к ошибкам тех, кто заблуждается не догматически, а в предметах второстепенных. Икономия — это неприменение канона или дисциплинарного правила там, где его настойчивое применение может вызвать соблазн и новый грех. Два подхода к вопросу называются обычно: строгость — акривией, а послабление — икономией. Однако слово «икономия» совсем не означает непременно снисхождение. В I правиле св. Василия оно переведено в Книге Правил как «некое благоусмотрение», т.е. мера, направленная к созиданию Церкви.

усмотрению, она присваивает себе законодательные функции, принадлежащие в Церкви только Собору».

Тут возникает очевидная опасность утратить аутентичность канонов, поскольку во имя сиюминутных потребностей они лишаются своего изначального смысла. Одновременно с манипулированием интерпретациями смыслов святых канонов в РПЦ появляются новые правила. Например, «Устав РПЦ, принятый 8 июня 1988 года, возвел в каноническую норму перемещение и увольнение клириков „по церковной целесообразности“. Эту неканоническую норму закрепил ныне действующий Устав РПЦ. Любой пресвитер может быть разлучен с паствой и насильственно удален из прихода указом архиерея без обозначения мотивов увольнения, без вины, только „по церковной целесообразности“».

Правовой основой в данном случае служит весьма неопределенное понятие «церковной целесообразности», которое всецело зависит от мнения правящего архиерея. Такое положение дел «вынуждает священника не столько служить Богу, сколько „выслуживаться“ перед епископом, поскольку не нравственные качества и профессионализм, а личное расположение архиерея гарантирует ему стабильное положение и продвижение по службе».

Утверждение власти епархиального архиерея закреплено в 2000 году. С этого времени:

«Устав РПЦ:

1. Не ограничивает конкретным сроком действие дисциплинарных взысканий епископа. Неопределенное понятие „временное“ запрещение и отлучение, не ограниченное допустимым сроком, на практике превращается в „пожизненное“ запрещение и отлучение. Высшая мера наказания применяется без суда.

2. Не ограничивает административное право епископа перечнем конкретных проступков, за совершение которых клирик подвергается административным взысканиям.

3. Не указывает формальных признаков, отличающих поступок клирика от проступка. Любой поступок, который вызовет его досаду, епископ волен осудить как преступление.

4. Не указывает критерия для оценки взаимно однозначного соответствия между тяжестью вины и мерой прещения».

Таким образом, действующий Устав РПЦ не предусматривает ни контроля, ни ответственности за превышение исполнительной власти.

К чему это приводит в практике церковной жизни, отец Павел показал на впечатляющих примерах:

«Указ архиеп. Евсевия Псковского и Великолукского №880 от 28.11.96 г. о запрещении архим. Зинона и отлучении монахов Иоанна и Павла; Указ архиеп. Евсевия Псковского и Великолукского №952 от 17.03.97 г. о запрещении свящ. Владимира Андреева; Указ еп. Аркадия Томского №200 от 18.12.97 г. о запрещении диакона Романа Штаудингера; Указ еп. Аркадия Томского №9 от 04.01.98 г. о запрещении иерея Александра Классена; Указ еп. Никона Екатеринбургского №197 от 06.05.98 г. о „пожизненном“ запрещении иерея Олега Вохмянина.

Ни в одном из Указов не употребляется понятие „временное запрещение“, ни один Указ не ограничивает срок прещения. Из текста приведенных Указов очевидно, что прещениям подвергаются принципиальные священники, не желающие поступаться совестью ради личного благополучия. Епископ Никон принуждал священников проклинать „ереси“ известных православных богословов: прот. Николая Афанасьева, прот. Иоанна Мейендорфа, прот. Александра Шмемана, закрепив проклятие присягой на Библии.

Иерей Олег Вохмянин был „пожизненно“ запрещен за отказ подчиниться богохульному требованию епископа. В Указе значится: „за упорное нежелание способствовать развенчанию опасных и еретических заблуждений“».

Священник Псковской епархии отец Владимир (Андреев) был запрещен в служении ввиду несогласия с наказанием архимандрита Зинова. Свою позицию он изложил в корректном прошении на имя архиепископа:

«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

Ваше Высокопреосвященство!

Последние два с половиной месяца я тщетно пытался примирить требования священнического долга, обязывающего сохранять приходское служение, и христианской совести, протестующей против Вашего запрета в священнослужении о. Зинова. Мне это не удалось.

Поступок о. Зинова спорен, но серьезен. Думаю, что он хотел привлечь внимание к проблеме „соединения всех“, которая существует, сколько бы ее ни замалчивать. О. Зинов подчеркнул возможность ее решения не на путях официального и бесплодного экуменизма, а с содействием любви Христовой и здравого смысла. Вы прекрасно знаете, что в его действиях нет ничего, что не имело бы прецедента. При любом взгляде это есть поступок, но не проступок и не преступление.

Не имея иной возможности протестовать, прошу Вас уволить меня за штат Вашей епархии.

12 февраля 1997 г.,

Священник Владимир Андреев».

Получив это прошение, епископ, не пригласив отца Владимира для личной беседы, заочно ответил Указом о запрещении его в священнослужении:

Московская Патриархия

Евсей, Архиепископ Псковский и Великолукский

№952, 17 марта 1997 г.

Указ

Священнику Владимиру Александровичу Андрееву

Настоящим Вы, согласно поданному Вами прошению, увольняетесь за штат, с запрещением в священнослужении, в связи с Вашим публичным порицанием в адрес Правящего епископа.

Евсей, Архиепископ Псковский и Великолукский».

В чем архиерей усмотрел «публичное порицание», если прошение имело единственный адрес и нигде не публиковалось? Подобное наказание фактически является «отлучением от Церкви». Соразмерна ли поступку отца Владимира высшая мера наказания? Кто будет это определять? Суд? Но судебная и исполнительская власть сосредоточены в одном лице архиепископа Евсевия.

«Судебная власть обретает смысл только при условии независимости судей: судьи должны быть независимы и подчиняться только закону. Если судьи находятся в материальной, административной, политической и прочей зависимости, то их решения теряют объективность и правовое содержание. Они не могут принимать независимые решения, руководствуясь законом и совестью. Решения суда оцениваются не как „правосудные“, а как „целесообразные“, „положительные“, „выгодные“... Наступает эпоха „телефонного права“... Суд превращается в карательный орган исполнительной власти».

Рассматривая данные факты, отец Павел пришел к однозначному выводу, что взаимоотношения архиерея и порученного его попечению клира «вполне вписываются в перечень жестоких и унижающих человеческое достоинство воздействий администрации, которые осуждает международное право».

«„Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил“ разъясняет, когда обращение с подчиненным и его наказание является пыткой, жестоким, бесчеловечным или унижающим человеческое достоинство. Это бывает, когда наказание:

1. „Несоразмерно совершенному акту или целям поддержания дисциплины и режима содержания.
2. Неразумно.
3. Не является необходимым.
4. Произвольно.
5. Вызывает неоправданные боль или страдания“.

Если международное право считает такие принципы недопустимыми по отношению к преступникам в пенитенциарных учреждениях, как может Устав РПЦ применять их к мирянам и клирикам в Церкви Христовой?

Митрополит Антоний (Блум) Сурожский в интервью газете „Литератор“ в 1991 году говорил:

„Церковь должна быть голосом совести, просвещенной Божиим светом. Я глубоко убежден, что Церковь никогда не должна говорить из положения силы. Она должна быть также бессильна, как Бог, который никого не насилует. Он призывает и раскрывает красоту и истину вещей. Он не навязывает их, как и наша совесть, оставляя свободу прислушаться к истине и красоте или отказаться от них. Как только Церковь начинает властвовать, она теряет свое самое глубинное существо — любовь Божию, понимание тех, кого она должна спасать, а не ломать и перестраивать. Надо стать христианами по образу Христа и Его учеников. Только тогда Церковь приобретет не власть, т.е. способность насиловать, а авторитет, т.е. способность говорить такие слова, от которых всякая душа дрогнет и откроется в ней вечная глубина“.

Но не слышит этого призыва епископ Урюпинский и Ангорский Акакий. Борясь за „торжество“ православия, он настоятельно требует, чтобы „администрация употребила власть против сектантов, запретила католикам строить храм, участвовать в общественной жизни“ и проч. Есть другой путь утвердить авторитет православия: просвещение. Нужно организовать духовенство, имеющее богословское образование, для активной работы, читать систематические лекции и доклады для широкого круга слушателей, проводить библейские чтения с молодежью, оказывать помощь нуждающимся. Это хлопотно, требует времени и материальных затрат. Проще действовать запретами и насилием. Епископ Акакий негласно приказал настоятелям городских храмов в воскресенье после Литургии привести прихожан к католическому храму и отслужить „молебен протеста“. С горящими свечами православные молились вокруг католического храма. О чем они просили Бога?

Агрессивные проповеди епископа, обращения к народу и письма в администрацию, демонстрации и протесты разжигают религиозную вражду православных против католических христиан. Разжечь ненависть гораздо проще, чем погасить. Епископ Акакий готовит Варфоломеевскую ночь, не задумываясь, что веками взаимной ненависти придется расплачиваться поколениям католиков и православных за его безответственность. ./.

Можно ли все эти процессы назвать возрождением христианства на Руси? Число прихожан в воскресные дни не превышает 0,5 процента населения. В Москве и Петербурге этот процент, может быть, выше. Но Москва и Петербург — не Россия. Все живое растет. Количественные характеристики выражают внешний рост Церкви. Показателем качественного роста является уподобление Христу в любви. Созидание Церкви невозможно без любви».

Книга священника Павла Адельгейма стала горьким лекарством, врачующим больное тело Церкви. Глубокое исследование современного состояния церковной жизни, рекомендации лечебных мероприятий — так можно охарактеризовать содержание этой книги.

Получив в конце ноября 2002 года тираж своей книги, отец Павел написал сопроводительные письма и отправил первые экземпляры Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, членам Святейшего Синода и Архиепископу Псковскому Высокопреосвященнейшему Евсевию. Затем книга начала распространяться в Пскове, Ленинграде, Москве и других городах. Вскоре весь ее небольшой тираж — 1000 экземпляров, разошелся по стране. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Люди читали ее, передавая и пересказывая друзьям и знакомым. Споры и отзывы о ней выплеснулись на страницы газет и журналов, развернулась широкая дискуссия в социальных сетях. Вот один из наиболее характерных отзывов, размещенных в интернете:

«Я прочитал книгу неизвестного тогда мне священника „Догмат о Церкви в канонах и практике“. Книга перевернула сознание. Не то чтобы открылись догматические истины — это не было секретом, но я встретил человека, который всерьез жил по Евангелию, по-настоящему противостоял богопротивной системе. Можно сказать, что тогда произошла встреча с мистической реальностью, которая называется Церковь Христова. Причем, подчеркну, встретил не одного человека, а тот самый таинственный сонм христиан, который жил прежде и будет жить после нас и живет сейчас. /.../ То безобразие, что происходит сейчас, конечно же, не вписывается в рамки лишь одного прихода, епархии, одного конкретно выбранного человека. Происходящее носит общецерковный характер. Это касается не одного псковского прихода свв. Жен-Мироносиц. И я убежден, что Церковь, христиане призваны и могут свидетельствовать о правде и о воле Божьей. Только лишь молиться и только лишь пассивно наблюдать за происходящим означало бы не служить всеми дарами, данными нам от Бога здесь и сейчас».

А вот письмо из Испании:

«Ваше преподобие, досточтимый отец Павел, соискатель Истины, Правды, Милосердия!

Совершенно случайно познакомился с Вашим богословским трактатом, который получил через интернет. Жизненный путь Ваших родителей и Ваш лично вызывает умиление и сострадание. Ваше мужество, стойкость, принципиальность, братская солидарность и другие высокие моральные качества являют Человека не от мира сего и не нынешнего времени.

Пребывая в лоне РПЦ с 1949 года и имея сам богословское образование, я все же восхищаюсь Вашей богословской эрудицией, знанием неискаженных церковных канонов. Ваш труд, помоему глубокому убеждению, должен стать настольной книгой для каждого приходского священника, настоятеля храма.

Протоиерей Владимир Коряк, кандидат богословия.

Испания, г. Алтеа».

Но немало было и тех, кому «горечь лекарства» пришлось не по вкусу. Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий разразился страшными обвинениями в адрес о. Павла. Выступая 1 декабря 2002 года с проповедью в кафедральном Свято-Троицком соборе, Владыка обратился к пастве:

«Дорогие, о Господе, отцы, братья и сестры!

Меня вынуждает к вам сегодня обратиться такое положение. Приходит к концу десятый год, как я с вами служу здесь, на Псковской земле. И в завершение этого десятилетия, как бы поздравляя меня, отец Павел Адельгейм написал книгу обо мне. Но все перевернул с ног на голову, переставив наоборот, все превратно, все во лжи. /./ Я не скажу, что я человек святой или какой-то безгрешный. Но старался иметь любовь к Богу и носить в своем сердце страх Божий на каждый день, а может быть, даже и на каждую минуту.

И вот, как будто какой-то зверь вышел из темного места и написал книгу под названием „Догмат о Церкви“. Это тоже имеет свое значение. А говорит, конечно, все обо мне. Таким образом, он старается, по-видимому, опорочить и саму Церковь, потому, что в этой Церкви служит вот такой человек, как перед вами стоящий архиерей. /.../ И отец Зинов, который служил с католиками, и с ним тоже было нелегко. За него тоже ратуют. Но я пошел на запрещение отца Зинова в служении, чтобы не себя отгородить, а чтобы не порочилась наша Церковь. Потому что было смущение, как это православный архимандрит служит с католиками. К тому же его запрещение было до покаяния. Но он не кается. /.../ Мы, когда совершаем чин Православия, то там провозглашается „здравие и спасение“ всем послужившим во имя Святого Православия, а все, которые восстанут на Церковь, да посрамятся, и исчезнут их дела. Эта книга не для того, чтобы посеять мир, но для того чтобы посеять вражду».

Его выступление было явной провокацией, обращенной к религиозным фанатикам с негласным призывом покарать «злодея», обидевшего архипастыря. Реакция этих «истинно верующих православных христиан» не заставила себя долго ждать. Спустя два дня, 3 декабря 2002 года, в городе группой неизвестных был жестоко избит пономарь Мироносицкой церкви Александр Семенов. Озверевшие фанатики требовали от него покаяния в грехах.

«Смиренного» и «человеколюбивого» владыку Евсевия это событие не смутило, и 6 декабря он вновь выступил с подобными же обвинениями в адрес священника Павла Адельгейма в храме св. Благоверного князя Александра Невского. Отец Павел, прекрасно понимая, какая опасность нависла над ним и его близкими, написал тревожное письмо Святейшему Патриарху Алексию II:

«Ваше Святейшество!

Считаю необходимым довести до Вашего сведения развитие событий в Псковской епархии, пока они не привели к драматической развязке. События связаны с публикацией моей книги „Догмат о Церкви“. 25 ноября 2002 г. я передал в Епархиальное управление на имя Высокопреосвященного архиепископа Евсевия мою книгу вместе с сопроводительным письмом. /./

1 декабря 2002 г. в Кафедральном соборе архиепископ Евсевий выступил с проповедью о том, что всем известный священник Павел Адельгейм обидел епископа, написав клеветническую книгу против своего Архипастыря и просил у народа защиты. /./

Выступление архиепископа положило начало информационному преследованию священника, которое набирает силу. В псковских храмах разоблачаются „происки сионизма“. Прихожане нашего храма подвергаются остракизму в псковских приходах. /./

В мусульманском мире писать книги опасно для жизни. В Советском Союзе за книги сажали, стреляли и высылали из страны. В эпоху девальвации слова замечательно такое серьезное отношение к печатному слову в Псковской епархии.

Трудно сказать, что произойдет в Псковской епархии дальше. Может быть, возбужденная толпа употребит суд Линча, защищая популярные ценности. Может произойти несчастный случай. Теперь много цивилизованных способов решать проблемы по принципу: „нет человека — нет проблемы“. События могут принять драматическое развитие и сделать из меня „мученика за веру православную, от архиерея убиенного“.

В 65 лет каждый человек ощущает близкое дыхание смерти. Поздно бояться неизбежного в конце земного пути. Обращаюсь не потому, что боюсь смерти, а потому что люблю Церковь и не хочу червленить ее светлые ризы горячей кровью. Моя смерть создаст рекламу книге и еще раз подтвердит ее правоту. Архиерейская месть может надолго разрушить мир между прихожанами г. Пскова. Вовлекая в свои распри прихожан, которые вовсе не читали книгу, духовенство делит епархию на „своих“ и „чужих“, разжигая между храмами пламя религиозной вражды, которое нескоро гаснет.

Прошу Ваших святых молитв.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц г. Пскова священник Павел Адельгейм».

Письмо Патриарху возымело силу. Святейший заступился за опального священника, и архиепископ Евсевий вынужден был прекратить свои публичные жалобы жителям Пскова. Но от дальнейших гонений отца Павла он не отказался. Травля была продолжена другими средствами.

Так, Владыка поручил ряду священников прочесть книгу «Догмат о Церкви» и составить краткие отзывы о ней. Прекрасный повод проверить своих подчиненных на степень их лояльности к правящему архиерею. Для открытого изложения своих мнений все эти священники были приглашены на Епархиальное собрание. Отца Павла не только не позвали, но и не пустили, несмотря на прямые его просьбы разрешить ему принять участие в обсуждении его собственной книги. 14 декабря 2002 года он подал прошение на имя Правящего Архиерея.

*«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому
от настоятеля храма свв. Жен-Мироносиц
священника Павла Адельгейм*

Прошение

Собрание епархиального клира, назначенное Вами на 20.12.02 для обсуждения моей книги „Догмат о Церкви“, обрадовало меня и вызвало недоумение.

Обрадовало, поскольку интерес к актуальному в наши дни экклезиологическому догмату убеждает, что православная мысль не угасла в псковской Церкви. Догматы даны нам не для того, чтобы лежать на полках теоретическим грузом. Они должны оживать в нашей совести, памяти и надежде.

Недоумение вызывает обсуждение книги в отсутствие автора. Почему Ваше Высокопреосвященство отстраняет автора книги от участия в ее обсуждении местной церковью? Необходимость моего участия в богословской жизни Церкви диктуется ее соборностью. Каждый христианин обязан участвовать в соборной жизни Церкви.

Кроме того, личные причины побуждают меня просить Ваше Высокопреосвященство о предоставлении возможности выступить перед псковским клиром в защиту своего доброго имени. Каждый человек имеет право на „доброе имя“ /Иак. 2:7/ и „доброе свидетельство от внешних“ /1 Тим. 3:7/. В последние годы на меня обрушилось много необоснованных обвинений: в поправлении православных святынь, в ересях, бандитизме и прочих. Неоднократно я просил у Вашего Высокопреосвященства церковного суда: либо осудите, либо оправдайте. Таково требование св. канонов. /Втор. 6; Ап. 74; Карф. 12; 28/.

01.12.02 г. в Кафедральном соборе прозвучала Ваша проповедь, публично обвинившая меня в клевете на Правящего Архиерея.

06.12.02. Вы повторили обвинение в клевете на престольном празднике храма св. Александра Невского.

Именно так Вы осознали мою книгу „Догмат о Церкви“. Как Вы сами можете видеть, Священное Писание и святые каноны позволяют мне защитить свое доброе имя от незаслуженного обвинения, а свою книгу — от искажения ее смысла.

Прошу Вашего благословения выступить 20 декабря 2002 г. на собрании епархиального духовенства с разъяснением смысла книги и причин, побудивших меня к ее написанию. Пользуюсь случаем уверить Ваше Высокопреосвященство в неизменном почтении. Каждому клирику хочется жить в любви и мире с правящим епископом, имя которого он ежедневно возносит за богослужением. Десять лет я не терял надежды, вознося в молитвах Ваше имя и выполняя все Ваши распоряжения.

Казалось, вкладывая душу в свое служение, я сумею растопить стену нашего отчуждения. Я и сегодня не теряю надежды, ибо „к миру призвал нас Господь“ /1 Кор. 7, 15/.

В случае если Вы не сочтете возможным допустить мое личное участие в собрании и выступление перед епархиальным клиром, прошу Вас огласить мое письменное выступление в защиту моей книги „Догмат о Церкви“.

Текст моего выступления прилагается⁸.

Прошу Вашего святительского благословения и святых молитв, священник Павел Адельгейм».

Прошение осталось без ответа, но о результатах обсуждения ему рассказали знакомые священники. На Рождество, 7 января 2003 года, он получил в почтовом конверте выписку из протокола Епархиального совета, посвященного обсуждению его книги. На заседании Совета свои суждения высказали 23 человека, но ни одного имени выступавших в протоколе не указано. Все они представлены под одинаковым псевдонимом «Участник Епархиального совета». Позднее часть отзывов была опубликована в информационном вестнике Псковской епархии «Благодатные лучи», с указанием авторства. Стараясь угодить правящему архиерею, клирики Псковской епархии яростно заявляли о своем негодовании и возмущении тем, что посмел написать в своей книге священник Павел Адельгейм. Вот некоторые фрагменты их выступлений:

Протоирей Иоанн Муханов, настоятель Троицкого Кафедрального собора:

«Книга иерея Павла „Догмат о Церкви“ — кощунственна. В ней — клевета на правящего епископа, глумление над верой нашей, над ее священными канонами. Как может отец Павел выходить с чашей Христовой и пред Лицом Божиим произносить имя епископа, которого он оклеветал? Разве будет принята его молитва?! Ставлю вопрос об отстранении протоиерея Павла от служения до определения Богословской комиссии о написанной им книге».

Архимандрит Сергей (Стуров), благочинный Великолукского округа:

«Книга священника Павла Адельгейма „Догмат о Церкви в канонах и практике“ является вредной для всех времен, а особенно для нашего — когда люди начинают воцерковляться. Автор поставил себя в ряд Иуды, нераскаявшегося разбойника, Демьяна Бедного и других „ревнителей“ Церкви».

Архимандрит Лев (Дмитроченков), благочинный Гдовского округа:

«Новый Арий явился! Братия, в нашем стаде появились волки. После этой книги не считаю протоиерея Павла христианином».

Игумен Дамаскин (Сахнюк), наместник Кры-пецкого монастыря:

«Судя по книге, протоиерей Павел — человек духовно больной. Но ведь эта болезнь заразительная. Поэтому нельзя дать ей распространиться».

Иерей Владимир Сергеев, ответственный за Епархиальный отдел молодежного движения:

«Все, написанное в книге о Владыке, клевета. // Мы крайне обеспокоены той клеветой, той сатанинской провокацией, с которой выступил о. Павел Адельгейм.

Мы обращаемся к Вашему Святейшеству с нашей душевной просьбой предать о. Павла

⁸ Текст обращения о. Павла к священникам Псковской епархии публикуется в приложении.

Адельгейма церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию против нашего Владыки, да и против всего Епископата нашей Русской Церкви, а его книгу считать как душевредную, подлежащей уничтожению».

Но не все клирики Псковской епархии проявили такую прыть в солидарности с правящим архиереем. Нашлось несколько честных и мужественных священников, положительно отзывавшихся о труде отца Павла. Среди них были отец Владимир (Попов) и отец Елевферий (Попов). В их защиту и защиту своего доброго имени отец Павел обратился к Святейшему Патриарху Алексию II и Правящему Синоду. Аналогичное прошение было направлено архиепископу Евсевию.

*«Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси
Священному Синоду Русской Православной Церкви
Управляющему делами Московской Патриархии,
Высокопреосвященному Сергию,
Митрополиту Солнечногорскому.
от Псковской епархии священника Павла Адельгейма*

Прошение

Прошу помощи и защиты. 20 декабря 2002 г. состоялся „Епархиальный Совет“, на котором присутствовало около 30 священников, монахини и миряне. С 10 до 17 часов продолжалось обсуждение моей книги „Догмат о Церкви“. Правящий Архиерей назвал книгу „сатанинской“, а ее автора „служителем Сатаны“. Прошу исследовать обоснованность обвинения. С 14 лет я служу в Церкви, с 21 года — в священном сане. С детских лет я подвергался многочисленным репрессиям советской власти за христианское мировоззрение. Конечно, я — грешник, но никогда не служил „иным богам“. До сих пор никто не мог обвинить меня в служении Сатане. У Архиепископа Евсевия нет никаких оснований для такого нелепого и ужасного обвинения, сделанного на официальном собрании духовенства Псковской епархии. Как может православный священник продолжать свое служение под тяжестью публичного обвинения в сатанизме, высказанного Правящим Архиереем перед лицом епархиального духовенства? Прошу Вас снять с меня несправедливое обвинение.

Одновременно пользуюсь случаем обратить внимание Высшей Церковной Власти на судьбу трех священников, положительно оценивших „Догмат о Церкви“, поскольку они неизбежно подвергнутся репрессиям епархиальной власти.

При сем прилагаю свое Прошение Высокопреосвященному Евсевию, архиепископу Псковскому и Великолукскому от 23 декабря 2002 г.

Псковской епархии священник Павел Адельгейм».

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященному Евсевию, Архиепископу Псковскому и Великолукскому от настоятеля храма свв. Жен-Мироносиц священника Павла Адельгейма

Прошение

Ваше Высокопреосвященство!

„во Мне беса нет; но Я чтю Отца Моего, а вы бесчестите Меня» /Ин. 8, 49/.

Вы лишили меня возможности участвовать в обсуждении книги „Догмат о Церкви“, не ответили на мое прошение и не предоставили официальной информации о том, что происходило на заседании „Епархиального Совета“. Мне приходится довольствоваться сведениями, полученными от его участников. Они рассказывают, что Ваше Высокопреосвященство первым высказали свое мнение о книге и ее авторе. Вы назвали ее „сатанинской книгой“, а ее автора — „служителем Сатаны“. Употреблялись и другие определения, но они блекнут на фоне вышеприведенного.

Три священника выступили в защиту книги, а пять священников не пришли на „Совет“, сказавшись больными. Разделение в духовенстве произошло по признаку грамотности — общей и богословской. Малограмотное духовенство присоединилось к мнению Вашего Высокопреосвященства. Образованные священники поддержали книгу. Несколько священников выразили мне свою поддержку, предупредив, что не посмеют перечить Вашему мнению и осудят книгу из страха перед репрессиями.

Оценку книги я оставляю на Вашей совести. У книги своя судьба, начавшаяся с момента издания. Не будем предугадывать, как она сложится и как ее оценит Церковь. Каждый читатель имеет право оценить ее по своей совести, в том числе и Ваше Высокопреосвященство.

Другое дело — осуждение священника на вечную погибель. Мне было очень горько узнать, что Вы назвали меня „служителем Сатаны“. Я был бы рад усомниться в этом, но Ваши слова засвидетельствовали не два или три, а многие — одни со злорадством, другие с печалью. Обращаюсь к Вам с просьбой объяснить, как мне понимать Ваши слова. Когда такие слова произносит Архиерей, они означают проклятие и должны быть канонически обоснованы:

1. Проклятие произносит Правящий Архиерей.
2. На официальном собрании духовенства Псковской епархии.
3. С целью сформировать общественное мнение об авторе книги.
4. Речь идет о священнике, который 45 лет предстоит святому Престолу в Православном храме и продолжает совершать богослужение в Псковской епархии.

Бывают слова, сказанные сгоряча, в порыве обиды. Такие слова вызывают сожаление обеих сторон и могут быть забыты через примирение. Я очень надеюсь, что Ваше Высокопреосвященство произнесли их в запальчивости под влиянием обиды, и буду счастлив забыть Ваши слова, если Вы признаете, что погорячились и реабилитируете меня перед псковским духовенством.

Пользуюсь случаем обратить внимание Вашего Высокопреосвященства, что в Пскове продолжается дискредитация церковно-приходской школы храма свв. Жен-Мироносиц. Участник Вашего „Епархиального Совета“ протоиерей Евгений Найдин терроризирует родителей, дети которых обучаются в Православной школе, требуя, чтобы они перевели их в другие школы города. Директор школы получил уже несколько заявлений об этом от родителей.

Хочу выразить свою надежду, что священники, давшие положительный отзыв о моей книге, не подвергнутся репрессиям со стороны Вашего Высокопреосвященства. Вы просили у них рецензию, и они дали ее по своей совести. Можно ли преследовать их за это?

Настоятель храма святых Жен-Мироносиц священник Павел Адельгейм. 23 декабря 2002 г.».

И опять обращение к Патриарху спасло отца Павла от возможной страшной кары. Ответом было открытое письмо архиепископа Евсевия, полученное отцом Павлом по почте и позднее опубликованное в том же выпуске «Благодатных лучей». В своем послании Владыка обвинял отца Павла в клевете, ереси, раскольничестве, дьявольском лукавстве и других страшных грехах: «Вы как лжец исполняете волю сатаны. Ведь он во Истине не стоит и вы ему служите. Вы умело как клеветник интерпретируете Православный Символ Веры, и правила Апостольские и Вселенских Соборов, и изощряетесь в неправде, тем самым показывая свое подлинное лицо фарисея и лицемера ./ Как бы вы не преподносили свои суждения и сколько бы вы не приводили цитат о соборности, о единстве Церкви, и как бы вы лукаво не изощрялись в своей правоте, все-таки вы лжец и слуга отца лжи — дьявола. За такую вашу подлость и лукавство, не выношу вам никакого приговора и церковного прещения».

Прочитав письмо, отец Павел тут же ответил своему правящему архиерею.

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому
от настоятеля храма святых Жен-Мироносиц
священника Павла Адельгейма

Прошение

Только что мне принесли Ваше письмо. Оно выплеснуло на меня поток оскорблений, которые я нахожу ничем необоснованными, грубыми, унижающими достоинство Православного Архиерея.

Документов, подтверждающих Ваши преследования и ограничение моей церковно-приходской и общественной деятельности, о которых Вы спрашиваете, у меня немного, но все-таки есть и, если угодно, я могу их представить. Их немного, поскольку Вы предпочитаете устные запреты, неофициальные распоряжения, которые не оставляют следов. Так били в известных тюрьмах, чтобы экспертиза не зафиксировала побои и не могла подтвердить нарушение прав человека.

Вы уволили меня из Писковичей, но отказывались давать об этом Указ. Только мой категорический протест сдавать имущество без Вашего Указа вынудил Вас официально отстранить меня от Свято-Матвеевского храма.

Вы отобрали у меня Богдановский храм без всяких документов. До сих пор храм, построенный мной в областной психиатрической больнице, ни на чьем балансе не числится и юридически остается в моей частной собственности. Несколько лет назад я безвозмездно передал его Вам, и не имею к нему никакого отношения, согласно Вашему устному категорическому требованию.

Вы требовали отдать Вам созданный мной свечной завод без всяких бумаг с Вашей стороны. Я должен был по Вашему устному приказу безвозмездно передать все производство, все материалы, оборудование и готовую продукцию согласно акту приема-сдачи, назначенному Вами директору, и самоустраниться. Только физическая неосуществимость поставленных Вами крайне жестких условий воспрепятствовала мне передать Вам это производство.

Вы отказали мне, разумеется, устно, в организации общегородской просфорни, для которой я закупил оборудование, и оно частью законсервировано уже 10 лет, частью используется для нужд Вашего Кафедрального собора.

Вы приказали мне, конечно устно, уничтожить библиотеку, созданную мной при храме святых Жен-Мироносиц. В отчаянии я выступал с этим материалом по Псковскому радио в январе 2000 г.

Вы отобрали у меня здание, которое я хлопотал в администрации Пскова много лет под среднюю общеобразовательную церковно-приходскую школу при Свято-Мироносицкой общине. Муниципалитет выменял с этой целью здание из федеральной собственности. У меня сохранилась переписка с администрацией и с Вами.

Вы препятствовали мне вводить ежедневное богослужение в храме свв. Жен-Мироносиц. Тоже устно. Много лет отказывали в священнике для храма, хотя кандидатов было достаточно. Я тянул два храма вместе со вторым священником при ежедневном богослужении, еженедельном служении в тюрьме, 12 часах в неделю школьного преподавания и еще два года преподавал в Духовном училище. 10 лет я не ходил в отпуск, понимая, что за месяц моего отсутствия все будет разрушено.

Вы запретили городским и областным властям оказывать поддержку социальных проектов священника Павла Адельгейма и привлекать его к общественной работе. Разумеется, устно. Такое объяснение было дано руководству Евангелической церкви Германии официальными представителями псковской администрации в ответ на просьбу германской стороны помочь с помещением для школы.

Стоит ли мне напоминать о назначении Вами священника Евгения Найдина в качестве неофициального настоятеля храма святых Жен-Мироносиц при живом настоятеле? Три года я сносил издевательства, доходившие до рукоприкладства и непечальных оскорблений в Алтаре перед св. Престолом. Сколько документов мной было послано Вашему Высокопреосвященству? Десятки. Вы отвечали: „Продолжайте служить в братской любви и единомыслии“. Все эти факты поддаются проверке.

Нет смысла, Владыка, продолжать этот перечень. Для этого пришлось бы написать еще одну книгу. Едва ли этого Вы требуете. Христос предлагает другой путь: „миришь с соперником твоим скорее“ /Мф. 5, 25/.

Примирение вовсе не означает капитуляцию безо всяких условий, как Вы предлагаете в своем письме. Это не примирение, а уничтожение. Я по-прежнему прошу Вас простить мне то, что Вы восприняли как обиду, забыть и благословить. Я также готов забыть обиды. Мне кажется, что именно этого ждет от нас Бог. Мне нетрудно „поднимать руки в молитве к Богу“, потому что в моем сердце нет зла, а в моей книге нет ни слова лжи, ни слова клеветы. Проблема, по поводу которой написана книга, слишком серьезна, чтобы я мог от нее отречься, согласно Вашему пожеланию. Это невозможно.

Еще раз прошу простить и благословить меня, как Бог нас всех прощает.

Неизменно помнящий Вас в своих молитвах, священник Павел Адельгейм.

12.01.03. Псков».

Конечно, письмо архиепископа было полно лукавства и лицемерия. Зная о заступничестве Патриарха, он не мог открыто и явно расправиться с отцом Павлом, но все последующие десять лет он не прекращал своих гонений на опального священника. Эти годы в жизни батюшки можно с уверенностью охарактеризовать одним словом — **противостояние**.

18. Рулевая сошка

Вестник Псковской епархии «Благодатные лучи», посвященный книге отца Павла, поступил в продажу и стал распространяться по храмам 10 марта 2003 года. Спустя десять дней, 20 марта, произошло очень странное событие, взбудоражившее весь Псков. Да и не только Псков. О нем говорили во многих городах России и за рубежом, освещали в прессе.

Отслужив утреннюю литургию, отец Павел вышел за ворота кладбища, где, как обычно, оставил свою машину, погрузил в нее несколько мешков с вещами для раздачи малоимущим и поехал домой. Когда до дома оставалось метров пятьсот, машина внезапно стала неуправляемой и, выехав на обочину, врезалась в забор. Автомобиль получил значительные повреждения кузова, но водитель, слава Богу, не пострадал. Вскоре на место происшествия прибыл наряд госавтоинспекции, который констатировал серьезную техническую неисправность транспортного средства. Позднее было получено экспертное заключение:

«20 марта 2003 года, около 14 часов 30 минут, при движении по улице Софьи Перовской со скоростью 20 км/час произошло отвинчивание гайки крепления пальца на сошке рулевого управления. В результате этого рулевая трапеция отсоединилась от сошки, и автомобиль потерял управляемость. После потери управляемости автомобиль съехал с дороги, сбил забор жилого дома №7 по ул. Софьи Перовской и повредил трубу наружного газопровода, идущего к дому. Сам автомобиль также получил технические повреждения.

После происшествия гайка крепления пальца на сошке рулевого управления была найдена в пяти метрах от съезда автомобиля с дороги. Гайка была поставлена на место и зашплевана гвоздем».

В экспертном исследовании автомобиля отмечалось:

«После приобретения автомобиля в 2001 году ремонта передней подвески не проводилось. За период эксплуатации автомобиля регулировок развала и схождения колес не делалось. /.../

При исследовании передней подвески предоставленного автомобиля было установлено, что все пальцы рулевой трапеции закреплены стандартными гайками с прорезями под шплинты, и на каждой из них установлены стандартные шплинты, за исключением пальца на рулевой сошке, где вместо шплинта установлен гвоздь. Все гайки со шплинтами рулевой трапеции, за исключением пальца на рулевой сошке, покрыты толстым слоем засохшей грязи. /.../

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что шплинт из отверстия в пальце рулевой сошки удалился не в результате естественных причин (обламывание его загнутой части, срезание шплинта поворотом гайки), а был удален после выпрямления его загнутой части».

Из заключения эксперта напрашивается вывод, что преднамеренное расшплинтование механизма рулевого управления — не что иное, как покушение на жизнь отца Павла.

Чуть позднее, в личной беседе, отец Павел говорил мне, что его спасла в тот день гололедица. Дорога была скользкая, и он ехал с небольшой скоростью. И Бог его, конечно, уберег. Страшно даже представить, что могло произойти, если бы эта гайка отвалилась не на глухой, безлюдной улице Софьи Перовской, а в центре города, на проспекте с оживленным движением и массой пешеходов на тротуаре. Ведь по асфальтированному центру он ехал с гораздо большей скоростью.

В древности знаменитый римский юрист Кассиан Лонгин Равилла специально для расследования трудных, запутанных дел вывел формулу *quid prodest* — кому это выгодно? Если следовать этому принципу, то рассуждения, прежде всего, приведут к епархиальному архиерею: можно будет сказать, что Господь так покарал строптивого иерея и впредь покарает каждого, кто осмелится произносить хулу на своего Владыку.

24 марта отец Павел написал заявление в прокуратуру и в Запсковский отдел милиции о расследовании данного происшествия. Прошел месяц, отпущенный законом на рассмотрение государственными органами жалоб и заявлений граждан. Однако никакого ответа не было. 30 апреля он подал повторное заявление в псковскую прокуратуру, где подробно изложил свои доводы в пользу необходимости проведения расследования. В частности, он указал на заключение экспертизы о преднамеренном повреждении рулевого управления его автомашины; на то, что вероятный мотив убийства содержит публикация Псковского епархиального вестника «Благодатные лучи» №2 от 10 марта 2003 года; на то, что исполнителем мог быть психически неустойчивый фанатик. В этом заявлении отец Павел пояснил, что он прекрасно понимает всю маловероятность раскрытия данного преступления, и что он обратился в органы правопорядка в надежде на то, «что расследование и огласка замедлят организацию следующего покушения». Исходя из приведенных в заявлении аргументов и доводов, он просил:

1. «Дать правовую оценку публикации в „Благодатных лучах“».
2. Указать главному редактору [Владыке Евсевию] на недопустимость публикаций, разжигающих религиозную вражду, порочащих честь и достоинство гражданина РФ.
3. Предложить главному редактору извиниться за публичную клевету и оскорбления в прессе.
4. Возбудить расследование автомобильной аварии, происшедшей 20 марта 2003 г., чтобы выявить ее связь с публикацией и установить личность преступника».

Через десять дней после подачи заявления ему ответил прокурор города Пскова, старший советник юстиции В.М. Фомин:

«На Вашу жалобу на публикацию в издании Псковской епархии „Благодатные лучи“ разъясняю, что правовая оценка содержащихся в ней сведений может быть дана судом по Вашему иску о защите чести и достоинства.

В части обоснованности и законности мер, предпринятых Запсковским отделом милиции по Вашему заявлению, проводится проверка».

В течение месяца от городского прокурора пришло еще одно сообщение следующего содержания:

«В дополнение к ответу прокуратуры г. Пскова №225ж-03 от 16.05.2003 г. сообщаю, что по Вашему заявлению от 24.03.2003 г. об умышленном повреждении агрегата принадлежащего Вам автомобиля ГАЗ-3110 2 ГОМ УВД г. Пскова проведена проверка, по результатам которой 01.04.2003 г. участковым уполномоченным милиции 2 ГОМ УВД г. Пскова старшим лейтенантом милиции Коренецким Д.Л. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

03.06 2003 г. прокуратурой г. Пскова данное постановление отменено как незаконное, материал направлен во 2 ГОМ УВД г. Пскова для дополнительной проверки.

О результатах проверки Вы будете уведомлены вышеназванным территориальным отделом милиции»

Несмотря на указание прокуратуры от 3 июня 2003 года 2-й городской отдел милиции псковского УВД 9 июня того же года вновь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. 16 июня прокуратура в очередной раз направила Павлу Анатольевичу свое послание:

«В дополнение к ответу прокуратуры г. Пскова от 03.06.2003. за №225ж-2003, сообщаем, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 09.06.2003 вновь прокуратурой г. Пскова отменено, ввиду неполноты проведенной проверки. Материалы направлены для производства дополнительной проверки в 2 ГОМ УВД г. Пскова.

О результатах Вас проинформирует территориальный отдел милиции.

Ваше заявление находится на контроле в прокуратуре г. Пскова».

К законным требованиям отца Павла подключились общественные организации Пскова. В частности, руководитель правозащитного регионального движения «Вече» Венедикт Достовалов в своем заявлении следователю Запсковского отдела милиции просил допросить в качестве основного свидетеля главного редактора Псковского епархиального вестника «Благодатные лучи» и отразить в протоколе допроса его ответы на следующие вопросы:

1. «Признает ли он факт, что в публикации содержится клевета и оскорбление чести и достоинства гражданина Адельгейма?
2. Осознает ли он, что его публикация порочит честь и достоинство гражданина и является уголовным преступлением по ст. 129 и 130 УК РФ?
3. Какую задачу ставила редакция, публикуя эти документы?
4. Могла ли данная публикация спровоцировать акт насилия над оклеветанным священником?
5. Что он может сказать по поводу аварии, происшедшей с автомобилем священника Адельгейма 20 марта 2003 года?
6. Усматривает ли он связь между публикацией и аварией?».

Псковские правозащитники потребовали углублённого расследования обстоятельств аварии со священником Павлом Адельгеймом

По настоянию Псковской правозащитной организации "Вене" прокуратура Псковской области потребовала от Запсковского отдела милиции ГУВД г. Пскова углублённого расследования

обстоятельств автомобильной аварии, в которую 20 марта попал священник Павел Адельгейм, врезавшись в забор одного из домов.

По версии обратившихся в прокуратуру правозащитников, на священника было совершено покушение, так как технической экспертизой установлен факт умышленного повреждения системы управления автомобилем. Неизвестным лицом был удален шплинт, стопорящий корончатую гайку, соединяющую рулевое колесо через систему тяг с передними колесами. Из-за самостоятельного отвинчивания гайки произошел аварийный отказ системы управления. В результате на подъезде к дому священника в узком переулке "Волга" внезапно потеряла управляемость и врезалась в забор ближайшего частного дома, повредив нитку газопровода. Сам священник не пострадал, но если бы машина двигалась по трассе, последствия могли бы оказаться более серьезными.

Руководители "Вече" Венедикт Достовалов и Надежда Доновская косвенно обвиняют в провоцировании покушения на священника главу Псковско-Великолукской епархии архиепископа Евсевия. Они усматривают связь между аварией и публикацией в епархиальном вестнике "Благодатные лучи" документов, "возбуждающих по отношению к священнику ненависть и вражду".

Сам отец Павел Адельгейм, настоятель храма св. Жен Мироносиц, расценил аварию как покушение на убийство, хотя не имеет оснований подозревать кого-либо конкретно. Однако, как сообщало "Вече", он "не исключает связи происшедшего с его активной просветительской деятельностью", в частности, с выходом в свет второго издания его книги "Догмат о Церкви в канонах и практике", в которой он дает свою оценку деятельности архиепископа Евсевия.

В своем "Открытом письме о. Павлу Адельгейму", опубликованном в мартовском выпуске вестника Псковской епархии "Благодатные лучи", архиепископ резко высказывается в отношении священника: *"Как бы вы не преподносили свои суждения и сколько бы вы не приводили цитат о соборности, о единстве Церкви, и как бы вы лукаво не изоцрялись в своей правоте, все-таки вы лжец и слуга отца лжи - дьявола"*. "Вы же законопреступник, восставший на Церковь Христову и в частности на Русскую Церковь и ее служителей", - заявляет он по поводу книги "Догмат о Церкви".

Текст "Открытого письма о. Павлу Адельгейму" правозащитники используют в качестве обоснования своих обвинений в том, что архиепископ Евсевий "своими публикациями, возможно, спровоцировал покушение на жизнь и здоровье человека".

25 июня 2003 года дознаватель 2-го отделения милиции УВД г. Пскова И.Ю. Омельченко написал еще одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что «в ходе проведения проверки каких-либо доказательств постороннего воздействия на элементы рулевой тяги автомашины, принадлежащей Адельгейму П.А., добыто не было» и на основании ст. 24, ч. 1, п. 2 УПК РФ. Ознакомившись с постановлением И.Ю. Омельченко, отец Павел опять написал жалобу в городскую прокуратуру, ответ на которую он получил 28 июля.

«Постановление

Об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о возвращении материалов для дополнительной проверки

г. Псков

28 июля 2003 г.

Первый заместитель прокурора г. Пскова советник юстиции Кононов Н.А. рассмотрел материалы проверки сообщения о преступлении, поступившего из 2 ОМ УВД г. Пскова,

установил:

24.03.2003 во 2 ОМ УВД г. Пскова поступило заявление гр. Адельгейма П.А. о ДТП, которое было спровоцировано с целью покушения на убийство.

25.06.2003 дознаватель ОД 2 ОМ УВД г. Пскова Омельченко И.Ю. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Данное постановление вынесено незаконно и подлежит отмене, т.к. составлено с нарушением норм УПК РФ, не мотивированно. В данном случае постановление не может быть вынесено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.к. постановление вынесено не в отношении конкретного лица.

В ходе дополнительной проверки необходимо устранить указанные нарушения норм УПК РФ.

На основании изложенного и руководствуясь п. 10 части второй ст. 37 и частью шестой ст. 148 УПК РФ,

постановил:

1. Отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 25.06.2003, вынесенное дознавателем ОД 2 ОИ УВД г. Пскова Омельченко И.Ю.

2. Возвратить материал №667 в ОД 2 ОМ УВД г. Пскова для дополнительной проверки и устранения недостатков, препятствующих принятию законного и обоснованного решения.

О принятом решении сообщено Адельгейму П.А. 28.07.2003 г.

Первый заместитель прокурора г. Пскова Советник юстиции Н.А. Кононов

Однако дознаватель Омельченко И.Ю. — человек неленивый, он в очередной раз на том же самом основании пишет отказ в возбуждении уголовного дела. Соответственно, и отец Павел вновь обращается с жалобой в прокуратуру:

«03.10.03 мной получено пятое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, повторяющее в своей доказательной части предыдущие постановления, отмененные городской прокуратурой. /.../ Омельченко ссылается на „достаточные данные, указывающие на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3 — 105 УК РФ“. Однако такие данные в постановлении Омельченко отсутствуют. /.../ Непроверенную версию он принимает за основу результативной части постановления. /.../ Без возбуждения уголовного дела невозможно провести допрос и осуществить полноценную проверку» (32.3).

Отец Павел в очередной раз просит отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возбудить оное, дабы провести необходимые следственные действия.

Даже человеку, не очень осведомленному о правилах футбола, понятно, что вся эта бюрократическая переписка была игрой в одни ворота, которые защищал пожилой одноногий инвалид. Псковский городской суд, который еще в конце августа принял его заявление, позже сослался на то, что делом занимается городская прокуратура, и 4 ноября 2003 года прекратил производство по его иску. Это был последний победный гол в ворота гражданина Адельгейма П.А., забитый правоохранительной системой, основанной на симфоническом союзе государства и РПЦ.

19. Противостояние

«Догмат о Церкви» был распродан в течение двух месяцев, и на него отовсюду поступали заказы. Отец Павел выпустил второе издание, дополнив его новыми материалами. Но, чем более популярной становилась книга, тем больше росла личная обида владыки Евсевия, тем сильнее он гневался.

Понимая его обиду и сочувствуя ему, отец Павел в очередной раз попросил архиерея о личном примирении. На Прощеное воскресенье он послал ему еще одно прошение.

«Ваше Высокопреосвященство!

Наступили дни примирения, покаяния и воздержания. Войти в святые дни Великого поста мне хотелось бы примиренным с Вами, как завещал Христос:

„Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойдй прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой“ (Мф. 5.23).

Каждый христианин знает по опыту, как трудно совершить этот подвиг: просить прощения и прощать. Однако нам некуда деться от непререкаемого завета Христа. Бог не примет ни воздержание, ни покаяние, если мы не захотим простить друг друга и примириться. Говорят, время лечит раны и обиды. Прошло два года. Второй раз наступает Прощеный день. В каждом письме я прошу простить причиненное Вам огорчение и примириться. Святое Евангелие позволяет отказать в прощении по двум причинам. Одна из них лишает прощения в этом веке. Другая вина не простится ни в сем веке, ни в будущем.

Во-первых, невозможно даровать прощение тому, кто об этом не просит. Это косвенный вывод из ответа Христа Спасителя апостолу Петру:

„Если согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя, и семь раз в день обратится и скажет: „Каюсь“, - прости ему“ (Лк. 17.2-4).

Кто не просит прощения, тот не сможет его принять. Прощение останется бездейственным. Я прошу у Вас прощения и повторяю: „каюсь“.

Есть другое предупреждение:

„Всякий грех и хула простятся человекам: а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем“ (Мф. 12.22).

Обиду, причиненную епископу, нельзя рассматривать как хулу на Святого Духа. Епископ поставляется Духом Святым. Епископ священнодействует, управляет и учит Его властью. Но персону епископа нельзя отождествлять с личностью Святого Духа. Это не одно лицо, а две разные личности. Святой Дух является Божественной Ипостасью. Епископ являет человеческий лик, нуждающийся, как и прочие, в преображении и спасении благодатью Святого Духа. Если хула на Сына Человеческого простится, может ли епископ требовать вечного осуждения своему обидчику за причиненную обиду?

„Всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающимся: потому что и сам обложен немощью“ (Евр. 5.1-2).

По этой причине епископ не может отказать в прощении своему брату, просящему снисхождения. Отказ противоречит словам апостола. Он не имеет основания в Священном Писании и христианской традиции. Предложенная Вами форма „всемирного покаяния через СМИ“ настораживает совесть. Христианская традиция не знает такой формы покаяния. Эта форма не нашла отражения в святоотеческом опыте, в опыте новомучеников, не имеет церковного смысла. Пожелание „покаяться через СМИ“ вызывает грустные ассоциации с рекламной кампанией 1955-64 годов. Множество священников отрекались от Бога через СМИ, чтобы обеспечить себе благополучие. Они каялись в том, что верили в Бога и обманывали людей ради личной выгоды. Мне тоже предлагали отречься от Христа через газету, чтобы не идти в тюрьму. Я предпочел тюремный срок. Рекламная акция дискредитировала сущность покаяния: продавали первородство за

чечевичную похлебку. Газета несопоставима с книгой. Книги претендуют на суд истории. Газеты живут, как мотыльки, одним днем.

Примирение нельзя использовать для порабощения личности. Во имя примирения грех отказываться от веры, от своих убеждений и человеческого достоинства: „не делайтесь рабами человек“ (1 Кор. 7.23). Христианское примирение может иметь только одну цель: взаимное взыскание любви.

У меня нет возражений против публикации моего письма. Из своего обращения к Вам я не делаю тайны и готов перед всем миром свидетельствовать, что прошу у Вас прощения за причиненную скорбь.

В Прощеное воскресенье Церковь призывает к покаянию, прощению и примирению.

Каждый пастырь обратится к народу Божию с призывом простить друг друга. Неужели слово Божие пройдет через меня, как сквозь медную трубу, не задевая совесть? Или „слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные. И нет твари сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет“ (Евр. 4.12-13).

Прошу у Вас прощения и повторяю чудодейственное слово „каюсь“ с надеждой быть услышанным. Не осудим слово Божие небрежением, чтобы оно не осудило нас, „ибо не послал Бог Сына Своего в мир, да осудит мирови, но спасетя им мир“ (Ин. 3.17).

Прошу у Вас прощения и примирения, чтобы разрушилось между нами средостение вражды, и мы примирились с Богом.

Настоятель храма святых Жен-Мироносиц, кающийся грешник, иерей Павел Адельгейм.

Псков, 18.02.04 г.».

Архиепископ Евсевий ничего не ответил на это письмо.

Закончился Великий пост, минул светлый праздник Христова Воскресения, прошел Петров пост, и к отцу Павлу по поручению правящего архиерея пришел епархиальный духовник, отец Михаил Мельник. Он обратился к нему со словами:

— Отец Павел, Вы смирили Владыку Евсевия, теперь пришло время смирить себя. Вам следует, пока еще не поздно, исповедоваться и принести достойное покаяние. Следует примириться с правящим архиереем, волею Божией поставленному над нами, «*ибо несть бо власть аще не от Бога: сущие же власти от Бога учинены суть*» (Рим. 13.1-3).

— Отец Михаил, я давно готов, и всей душой жажду примирения. Я многократно писал об этом Владыке.

— Вот и славно. Приходите ко мне на исповедь и покайтесь в грехах как добрый христианин.

Рекомендации исповедоваться и покаяться поступали отцу Павлу и от других священников, но, как показало время, за этими «сладкими» речами скрывалась интрига архиепископа.

Отец Павел пришел в причтовый дом Кафедрального собора и исповедовался у епархиального духовника.

Отец Михаил, прочитав над ним разрешительную молитву, отправился на доклад к архиепископу. Тот, узнав, что Адельгейм не раскаялся в написании своей книги, а духовник, несмотря на это, отпустил ему грехи, впал в страшный гнев. Он так орал на старого священника, что на том лица не было. Он весь вжался в самого себя и скукожился под неистовой бранью Владыки. Подавленный и напуганный до смерти, он вновь отправился в Мироносицкую церковь к отцу Павлу просить его

отречься от книги или хотя бы написать архиерею, что он, как епархиальный духовник, приложил все возможные усилия к выполнению воли владыки. На отца Михаила было жалко смотреть, и отец Павел обещал ему, что обязательно напишет архиепископу объяснительное письмо.

Он понял коварный замысел архиерея и написал ему следующее:

«Московская Патриархия
Псковская епархия
Храм свв. Жен-Мироносиц
180016, г. Псков, ул. Коммунальная, д. 25а
Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

С праздником Успения Пресвятой Богородицы!

Ваше Высокопреосвященство!

Пишу к Вам, выполняя просьбу епархиального духовника, прот. Михаила Мельника, посетившего меня с разъяснительной беседой об уважении к Правящему Архиерею. О. Михаил полагает, что мы не можем судить своего епископа, но обязаны сохранять почтение, смиряться перед его волей и восхищаться его поступками. Сознаю, что мои систематические обращения раздражают Вас, но не могу противиться требованию христианской совести и снова прошу у Вас милости и терпения к настойчивому поиску взаимопонимания и примирения.

За прошедшие два года много раз безуспешно просил у Вас прощения за огорчение, невольно причиненное Вашему самолюбию публикацией книги. Мои письма к Вам остаются безответными. Только раз Вы ответили на мое покаяние грозным письмом, сулившим мне „место, со всеми клеветниками уготованное диаволу от вечности“, с пожеланием „принести всенародное покаяние через СМИ“. Я давно готов к примирению с Вашим Высокопреосвященством, но Вы отказываете в „кабинетном примирении“. Считая книгу личной инвективой, Вы требуете, чтобы я публично отрекся от нее через СМИ. Ваша оценка книги не соответствует ее содержанию и задаче. Ваше письмо смешивает личную и общецерковную проблемы. Правильное понимание требует их методологического различения.

О книге «Догмат о Церкви»: Книга состоит из трех частей. Первая часть раскрывает православную экклезиологию. Вторая часть показывает, как ее понимает действующий Устав РПЦ, а третья показывает, как практика епархиальной жизни применяет Устав РПЦ. Достоверность свидетельства требует очевидца, готового отвечать за свои слова. Поэтому я пишу о том, что я привожу факты из жизни Псковской епархии? Когда я служил в Ташкентской епархии, то писал о деятельности архиепископа Ермогена (Голубева), которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь я служу в Псковской епархии и пишу о том, что происходит на моих глазах. Обо всем, что написано в книге, я много раз писал Вам в своих письмах, докладных записках и прошениях, протестуя против принципиальных нарушений церковной традиции и действующего Устава РПЦ. В книге нет ничего нового, о чем не писал Вам в предыдущие годы. Моя книга возникла из внутренней необходимости переживать воздвигнутое гонение, понять причины и духовные смыслы событий, не допустимых между христианами, но происходящих в церкви. Книга предлагает обсудить общезначимые проблемы церковной жизни, и я готов участвовать в диалоге.

Свою книгу я послал Святейшему Патриарху и постоянным членам Священного Синода. Если священный Синод сочтет нужным, может рассмотреть ее содержание в богословской комиссии и вынести решение. Частное мнение „одного, даже епископа“, может казаться пристрастным и не должно служить основанием для осуждения и преследования автора книги (Карф. 147). Второй аспект представляют наши личные взаимоотношения.

О личных отношениях: Я понимаю Вашу обиду: задето самолюбие. Я не понимаю неутоленность обиды, жаждущей мести в течение двух лет. Мне трудно понять, что с целью мести можно использовать святую Исповедь. И считаю такой прагматизм поруганием Таинства.

Ссылаясь на вашу волю, епархиальный духовник и другие сотрудники Вашего Высокопреосвященства многократно и настойчиво убеждали меня в текущем году принести исповедь назначенному вами епархиальному духовнику. Повинуясь вам, я 22 июля 2004 года в Причтовом доме Кафедрального собора принес свою исповедь.

26 июля 2004 года выяснилось дальнейшее развитие событий. Обсудив с епархиальным духовником содержание моей исповеди, Вы выразили негодование неполнотой исповеди: „Почему он не раскаялся в публикации книги „Догмат о Церкви“? Из сострадания к моей участи мне настоятельно рекомендовали явиться с дополнительным покаянием, „пока не поздно“.

23 августа 2004 года епархиальный духовник протоиерей Михаил Мельник навестил меня в храме Жен Мироносиц по Вашему благословию и провел разъяснительную беседу. Он сообщил, что, обсудив с вами мою исповедь, вызвал Ваш гнев по поводу данного мне разрешения грехов и пообещал, что в следующий раз не прочтет надо мной разрешительную молитву. Беседа с отцом Михаилом подтвердила причину понуждения меня к исповеди у епархиального духовника. Он должен был меня исповедать и отказать в разрешительной молитве, за то, что я не принес покаяния за публикацию книги „Догмат о Церкви“. По вашему замыслу, исповедь должна была иметь одно из двух последствий:

1. если я не раскаиваюсь в публикации книги „Догмат о Церкви“, духовник отказывает мне в разрешении грехов, и я навсегда лишюсь права совершать Божественную Литургию со всеми вытекающими последствиями.

2. если я раскаиваюсь в публикации книги, Ваше Высокопреосвященство получает формальное основание просить Священный Синод о снятии сана за „клевету на правящего епископа, в которой виновный сам сознался“.

Протоиерей Михаил не выполнил поставленную задачу, дал мне разрешение грехов и за это подвергся Вашему гневу. День праздника Святой Ольги он назвал „черным днем“ своей жизни. По свидетельству очевидцев, „на нем лица не было“. Вы разобрали его публично и велели добиться от меня покаяния-отречения от книги через СМИ. С этой целью протоиерей Михаил навестил меня и просил письменно подтвердить исполнение Вашего распоряжения, что я и выполняю настоящим письмом.

Недопустимая альтернатива: „Застонала Сусанна и сказала: „Тесно мне отовсюду; ибо, если я сделаю это, смерть мне; а если не сделаю, то не избегну от рук ваших“ (Дан.13,22).

Вы поставили меня перед выбором, который нельзя сделать, оставаясь христианином:

— либо, повинуясь архиерейской воле, я отрекаюсь от книги и своих убеждений через СМИ с очевидной перспективой лишения сана за клевету;

— либо вынуждаюсь признать себя непримиримым врагом Правящего Архиерея.

Может ли христианин иметь врагов? Может, если Христос Спаситель заповедал: „Любите враги ваша“. Как понимать слово „враг“? По определению В. Даля: „недоброжелатель — человек, который желает мне зла, старается причинить неприятности и злорадствует, когда со мной случается несчастье“. Христианин может иметь врагов, но сам не может быть врагом никому. Ему заповедано одинаковое отношение к другу и к врагу, которое Бог назвал любовью: „Любите враги ваша, благословляйте проклинаящих вас, и молитесь за обижающих и гонящих вас“. Кто любит и прощает, не может быть врагом. Понятие „враг“ в словах Христа Спасителя выражает не

взаимное, а одностороннее отношение: врагом бывает один из двух. *Жития Никифора и Сапрития, Тита и Евгария утверждают церковную традицию: благодать Божия оставляет тех, чье сердце затаило месть и не умеет прощать. Эта традиция исходит из новозаветного „прощайте и прощены будете“ (Лк. 6,37).*

„Дети Божии и дети диавола узнаются так: ...не есть от Бога не любящий брата своего“ (1 Ин. 3,10).

„Не любящий брата пребывает в смерти“ (1 Ин. 3,14).

“Кто говорит: Я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец“ (1 Ин. 4,20).

„Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца, а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной“ (1 Ин. 3,15).

Если эти слова не обжигают совесть, когда живем во вражде „и спим довольни“, лишь труба архангела разбудит нас в последний час. „Впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все. Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее, равно как и то, что всякая ложь не от истины“ (1 Ин. 20-21).

Что делать? Вы и я предстоим Святому Престолу и призываем всех: „Возлюбим друг друга!“ Встает неизбежный вопрос: „Что выражают наши слова? Радость сердца или ханжество, за которое Христос осудил фарисеев?“. Да не будет! Я не подхожу под определение „врага“, поскольку постоянно молюсь Богу о Вас, Вашем здоровье и благополучии, искренне желаю Вам прощения и милости от Бога.

Не пытаюсь предугадать возможные последствия посланной Вами угрозы, возлагаю свою надежду на Промысел Божий и считаю невозможным в дальнейшем обращаться к епархиальному духовнику, которому служебное положение не позволяет сохранять тайну исповеди. В дальнейшем я буду исповедоваться у священника, который будет моим свидетелем перед Богом, а не перед Правящим Архиереем.

Ваше Высокопреосвященство! Со своей стороны, предлагаю Вам примирение не перед СМИ, а перед Святым Престолом за Божественной Литургией и вечерю любви с домашними пирогами.

Вашего Высокопреосвященства сослужитель и сомолитвенник, настоятель храма свв. Жен Мироносиц в г. Пскове священник Павел Адельгейм, 25.08.04 г.».

В начале октября 2004 года еженедельник «Московский комсомолец» в Пскове и Великих Луках» поместил статью Александра Донецкого «Хоть святых выноси!», посвященную произволу псковского епархиального архиерея, который активно вмешивается в политику и активно лоббировал на местных выборах кандидатуру действующего губернатора. По словам самого журналиста, в своей работе он хотел привлечь внимание к тому, «что люди, которые сейчас руководят Русской Православной Церковью, не соответствуют тому статусу, который официально имеют. Тому, который им дан Богом, обществом, Церковью и так далее».

Статья говорила о значительном «падении церковной культуры», о «внутрицерковном конфликте» и «гнетущей несправедности современной Церкви». Упомянулось в статье также и о том, что архиепископ Евсевий «открыто преследует священников Псковской епархии». Конечно, тут, прежде всего, упоминались отец Павел, архимандрит Зинов, отец Владимир Андреев и игумен Роман Загребнев, хотя они были не единственными жертвами архиерейского деспотизма. По форме статья была написана как доверительная беседа с отцом Павлом, хотя он с журналистом об архиерее не разговаривал, и на просьбу дать интервью категорически отказал. Тем не менее статья в «Московском комсомольце» была опубликована и стала «палкой о двух концах». Одним концом она была по архиерею, другим — по отцу Павлу, которому пришлось оправдываться перед церковными властями. В своем письме Владыке и редактору газеты «МК» в Пскове и Великих Луках» М.Э. Костикову от 6 октября 2004 года он писал:

«К моему величайшему сожалению, в газете „Московский комсомолец“ №26 от 29.09-6.10 2004 г. опубликована статья „Хоть святых выноси“ за подписью „Иван Шмелев“. Автор публикации позволил себе сделать некоторые высказывания от лица священника Павла Адельгейма, не получив на то моего согласия. Следует подчеркнуть, что я категорически отказался давать ему интервью, и потому не считаю себя ответственным за фразы, опубликованные в газете от моего имени.

Журналист использует опубликованные материалы: книгу „Догмат о Церкви“, епархиальный журнал „Благодатные лучи“, цитирует официальные документы, опубликованные в журнале „Континент“. Однако, в погоне за сенсацией, журналист компрометирует меня в глазах правящего архиепископа, „для потехи раздувая чуть затаявшийся пожар“. Автор не может не понимать серьезность последствий для своих „персонажей“ и ставит под удар судьбу, честь и достоинство затронутых лиц. Круг невинно пострадавших от публикации может оказаться гораздо шире, поскольку я содержу общеобразовательную церковно-приходскую школу и приют для сирот-инвалидов.

Автор не имел права подставлять меня под удар и разжигать конфликт, публикуя свои высказывания от моего имени без моего на то согласия. Считаю поступок автора несовместимым с журналистской этикой, решительно отмежевываюсь от его публикации.

Прошу редактора и автора публикации подтвердить в следующем номере газеты, что я отказался давать интервью, не был ознакомлен с опубликованным текстом, не подписывал материалы статьи и не давал согласия на ее публикацию.

Священник Павел Адельгейм.

Редакция «МК» отреагировала на просьбу священника вполне адекватно и в №28 от 13-20 октября 2004 г. поместила «Уточнение»:

«В №26 еженедельника „Московский комсомолец“ в Пскове и Великих Луках“ была опубликована статья „Хоть святых выноси“. В связи с большим количеством обращений редакция сообщает, что в статье были использованы ранее опубликованные материалы: книга отца Павла Адельгейма „Догмат о Церкви“, его интервью журналу „Континент“, епархиальный журнал „Благодатные лучи“. Изложенные в статье факты и суждения некоторых представителей Псковской епархии были получены из этих официальных источников. Отец Павел Адельгейм официального интервью не давал, а лишь сообщил, что уже излагал свою точку зрения в вышеуказанных СМИ и своей книге».

После признания редакцией искаженной подачи информации в статье «Хоть святых выноси» газета «Московский комсомолец» по просьбе отца Павла опубликовала его письмо к Владыке Евсевию от 18 февраля 2004 года, в котором он просил прощения за нанесенные архиерею обиды. Позднее это же письмо публиковала и газета «Псковская правда». Однако такого рода покаянное письмо не удовлетворило «человеколюбивого» архипастыря Евсевия. Он ждал от священника Павла Адельгейма покаяния в другой, строго определенной форме. Поскольку отец Павел по природе своей был человеком «несообразительным», архиерей решил ему помочь и опубликовал в газете «Псковская правда» №202 от 29 октября 2004 года «правильный» текст покаяния.

«Я, гадина, оскорбил и глубоко обидел Вас, моего Владыку. Обращается к Вам Ваш оскорбитель и хам. Я нанес Вам оскорбление и ошельмовал Ваше Архиерейское достоинство. Клевета засела ко мне в душу и отравила меня. И вот эту отраву я вылил на Вас. Прошу Вас, Владыка, если можете, то простите меня, простите. Так перед Вами виноват, только что в выгребную яму меня опустить, большего я не достоин, а, может, и там мне не место».

Конечно, ни один священник, уважающий свой сан, не мог писать про себя такие слова. После такого признания он не должен был совершать Божественную Литургию. Признавая примирение в качестве нравственной позиции христианина, отец Павел готов был просить прощения снова и снова, но, разумеется, оставаясь в пределах правды Христовой и оберегая достоинство своего сана.

Епархиальные клирикалы не унимались и рьяно исполняли гневную волю своего «божественного» начальника. В ответ на публикацию скандальной статьи «Хоть святых выноси» в газете «Псковская правда» №203 от 2 ноября 2004 года появилась статья: «Осторожно, клевета!», подписанная несколькими священниками Псковской епархии. Обвиняя корреспондента «Московского комсомольца», а заодно и все СМИ в корыстной жажде наживы посредством увеличения тиража своих изданий, они заявляли: журналист, «оставаясь в тени псевдонима Ивана Шмелева, хотел казаться убедительно „правдивым“ защитником простых верующих. Хотя он и называет себя „православным“, утверждая, что „не нам, православным, судить...“, для него православные верующие — всего лишь „толпы зевак, внимающие культу“. /.../ Скорее всего, этот „православный“ автор получил, подобно предателю Иуде Искариотскому, полагающиеся сребреники и их в должной мере отработал».

Псковские священники — сторонники правящего архиерея, до глубины души были возмущены и раздражены конкретными примерами архиерейского произвола, приводимыми в статье.

«Статья „Хоть святых выноси!“ в своей сущности коренится на том зле, которое посеяно книгой отца Павла Адельгейма под названием „Догмат о Церкви“. Эта книга не была принята церковным сознанием, хотя, по утверждению самого отца Павла, она писалась для „церковной пользы“. По своей сути данный труд оказался совершенно антицерковным. И тот факт, что на него опираются и ссылаются лишь враги Церкви и Православия, порочащие и очерняющие епископат и духовенство, говорит о многом ./

В вышеупомянутой статье пишется, что отца Павла „на соборные праздники не зовут, официально игнорируют“, а это, конечно, обидно. Но что можно сказать о человеке, который сам себя отлучил от братского общения? Даже после всей грязи, которую отец Павел вылил на церковную иерархию, Владыка Евсевий не предпринял никаких мер против отца Павла. Последний продолжает служить на своем приходе, будучи предоставлен суду собственной совести. Автор книги „Догмат о Церкви“ находится в пенсионном возрасте, инвалид, и наш Владыка, согласно уставу Русской Православной Церкви, мог бы отчислить его за штат, отправив на покой. Однако Владыка и здесь проявил свое снисхождение. /.../ Как бы ни хотелось клеветникам обличить нашего Владыку в личных грехах и пороках, сделать это для них не представляется возможным. Если бы они могли указать хотя бы на один такой греховный поступок, то, наверное, чувствовали бы себя победителями. Следует заметить, что ни в книге „Догмат о Церкви“, ни в вышеупомянутой статье нет даже упоминания об этом. Им не удается приклеить грязный ярлык к доброму имени Архиерея Божия. ./

Дело не столько в людях, занимающихся клеветой, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют ими. Эти силы, глубоко враждебные Богу и всякой святине, прячась за святые имена и понятия, хотят обмануть, прежде всего, свой собственный народ. /.../ „Просветить“ наше Православие, а точнее, разложить и разрушить его является их задачей. Однако без обмана и подлога здесь не обойтись, и они их совершают. Для них это не случайная ошибка, а сознательное действие».

Свои подписи под статьей поставили: настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора протоиерей Иоанн Муханов, благочинный церковью Невельского района протоиерей Петр Нетреба, благочинный Великолукского округа иеромонах Киприан (Грищенко), настоятель храма Воскресения Христова в Орлецах, духовник епархии, протоиерей Михаил Мельник, ректор Псковского духовного училища священник Виталий Герусов, настоятель храма архистратига Божия Михаила протоиерей Георгий Быков, настоятель храма святителя Василия Великого на горке священник Андрей Большанин, настоятель храма святого Апостола Матфея п. Писковичи протоиерей Евгений Найдин, проректор Псковского духовного училища священник Дмитрий Куминов и другие священнослужители Псковской епархии.

Газетной публикации «Осторожно, клевета!» псковскому священству показалось мало, и они эту же статью напечатали в листовках, которые обильно раздавались в храмах и на улицах.

В дополнение к листовкам в некоторых храмах, включая кафедральный Троицкий собор, активно распространялось «Специальное обращение участников движения „Лига молодежи Псковской области“», вызванное в связи с развернутой травлей против нашего Владыки Евсевия». «Обращение» должно было отражать мнение светского молодежного движения, но, судя по тексту, оно было типично правосомольским⁹ и, вероятнее всего, писалось в стенах Псковского духовного училища. Об этом красноречиво говорят подобострастные и верноподданнические воззвания к архиепископу Евсевию:

«Пора уже прекратить ту травлю, которую воздвиг на Вас иерей Павел Адельгейм. Мы, молодые люди, которые желают видеть в священнике именно священника, а не спорщика и баламута, готовы выступить хоть в суде, хоть на улицах в защиту нашего Владыки».

Так «чуть затаившийся пожар» начал разгораться с новой силой. Прежние недоброжелатели вновь стали подавать свои обвинительные голоса. Протоиерей Евгений Найдин опять стал распространять старые слухи, а затем и открыто обвинять отца Павла в организации покушений на его жизнь.

Свое обвинение Е. Найдин высказал 25 октября 2004 года в присутствии всех членов Епархиального совета, подписавших газетную статью и распространяемые листовки.

Чувствуя, какая волна враждебности и агрессии надвигается на отца Павла, на его защиту встала матушка Вера. Она написала письмо правящему архиерею и подала заявление в Епархиальный суд.

*«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому
от Адельгейм Веры Михайловны,
проживающей: Псков, Красногорская ул., 7.*

Обращение

Высокопреосвященный Владыка Евсевий!

25 октября 2004 г. мой дом посетила группа священников Псковской епархии. Секретарь Епархиального управления, настоятель Кафедрального собора и благочинный г. Пскова протоиерей Иоанн Муханов, благочинный г. Себежа протоиерей Петр Нетреба, благочинный Псковского района протоиерей Георгий Быков, благочинный г. Великие Луки игумен Киприан, епархиальный духовник протоиерей Михаил Мельник, ответственный редактор епархиальной газеты „Благодатные лучи“ священник Андрей Большанин, настоятель Матфеевского храма протоиерей Евгений Найдин и другие священники. Посетители категорически отказались войти в дом. Протоиерей Иоанн Муханов пригласил моего мужа, священника Павла Адельгейма выйти за ворота дома для беседы с приехавшим духовенством. Опасаясь провокации, я сочла необходимым присутствовать при их беседе у ворот дома и попросила приехать сына.

В состоявшейся беседе речь шла о статье „Хоть святых выноси“, появившейся в газете „МК“, об отношении моего мужа к этой статье, о его книге „Догмат о Церкви“. Протоиерей Иоанн Муханов предложил моему мужу подать в суд иск на автора статьи.

Беседу, протекавшую до этого момента мирно, хотя чувствовалось напряжение с обеих сторон, взорвал протоиерей Евгений Найдин, обвинивший моего мужа в организации покушения на него, Найдина, и нападении, якобы совершенном, на его квартиру. Несмотря на очевидную нелепость

⁹ Правсомол, православный союз молодежи — общественные молодежные организации, создаваемые в некоторых епархиях РПЦ, призванные заменить собой советский комсомол — коммунистический союз молодежи.

обвинений, я считаю недопустимым обходить молчанием клевету Найдина, тем более, что обвинение было публичным. Найдин заявил, что у него имеются свидетели, он лично знает нападавших и готов клятвенно подтвердить свое обвинение. Мой муж возмутился и сказал: „Если отец Евгений не прекратит нелепые обвинения и не отойдет в сторону, я прекращаю разговор и ухожу домой“. Игумен Киприан уговорил Найдина отойти в сторону.

С марта 1999 г. по декабрь 2001 г. Найдин травил, оскорблял и преследовал скандалами моего мужа. Это были три ужасных года для всей нашей семьи. Постоянные обращения моего мужа к Вашему Высокопреосвященству с прошениями, докладными и письмами о недостойном поведении протоиерея Евгения Найдина подтверждают мои слова. Все эти документы имеются в личном деле Епархиального управления.

В 2002 г. Найдин уже обвинял моего мужа в организации покушения на него, Найдина, и бандитском налете на его квартиру. Это обвинение передал мужу по телефону протоиерей Иоанн Муханов. Муж ответил на обвинение письмом, адресованным Вашему Высокопреосвященству. Это письмо хранится в личном деле Епархиального управления. Муж выразил в письме недоумение, почему протоиерей Евгений обращается за расследованием к настоятелю Кафедрального собора, а не в милицию. Непонятно, почему протоиерей Евгений Найдин уклонился от рассмотрения дела в установленном законом порядке.

Факт травли мужа подтверждает собственное признание протоиерея Евгения Найдина, сделанное в присутствии пяти свидетелей 26.12.01. Возлагая ответственность за травлю отца Павла на Ваше Высокопреосвященство, Найдин заявил мужу: „У нас могли быть хорошие отношения, но архиерей меня все время на вас науськивал“.

Эти слова могут подтвердить пять свидетелей разговора, происходившего в притворе храма свв. Жен-Мироносиц.

Прошу Ваше Высокопреосвященство обязать протоиерея Найдина публично признать клеветническим обвинение мужа в уголовном преступлении, сделанное в присутствии вышеуказанных священнослужителей. Прошу Вас поставить меня в известность о принятом решении. Если мое обращение к Вам не возымеет действия и я не получу ответа о принятых мерах, я буду вынуждена в ближайшие дни обратиться в Псковский городской суд с иском о защите чести и достоинства моего мужа и просить о привлечении протоиерея Найдина к суду по обвинению в клевете по ст. 129 часть 3 УК РФ „Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления“.

Возмущенная недостойным поведением протоиерея Евгения Найдина,
Адельгейм Вера Михайловна.
27.10.04. Псков».

Через три недели Его Высокопреосвященство соизволил ответить прихожанке В.М. Адельгейм:

«Московская Патриархия
Псковское Епархиальное управление.
Канцелярия
Псков, ул. Л. Поземского, 83-а а 2-22-12
№301, 1 ноября 2004 г.
Адельгейм Вере Михайловне!

Настоящим сообщаем Вам резолюцию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия, наложенную на Ваше обращение от 27.10.2004 г.

„Свидетелем разговора о. Евгения с о. Павлом не был, другие участники встречи меня об этом не известили, так что Ваше право обращаться куда хотите.

1 ноября 2004 г. Архиепископ Евсевий“. Секретарь епархиального управления протоиерей Иоанн Муханов».

Получив такое, по сути хамское, послание, матушка вновь обратилась к архиерею и подала заявление в Епархиальный суд:

*«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому
Председателю епархиального суда
от христианки Псковской епархии
Адельгейм Веры Михайловны.*

Ваше Высокопреосвященство!

14.11.04 я получила резолюцию №301, положенную Вами на моем обращении:

„Свидетелем разговора о. Евгения с о. Павлом не был, другие участники встречи меня об этом не уведомили, так что Ваше право обращаться куда хотите.

1 ноября 2004 г. Архиепископ Евсевий“.

В Вашем Высокопреосвященстве я искала не свидетеля, а пастыря, которому вверена судебная и административная власть для защиты паствы: мирян и клириков. Из Вашей резолюции следует, что Вы отказываетесь защитить своего клирика от клеветы и посылаете меня подальше — „обращаться куда хочу“. Ваша позиция нарушает церковное постановление, Вами подписанное на Архиерейском Соборе 07.10.04 г.

Согласно Конституции РФ, каждый гражданин имеет право обратиться в гражданский суд для защиты чести, достоинства и репутации. Однако Устав РПЦ запрещает мирянам и клирикам обращаться в „органы государственной власти и гражданский суд“ (Устав РПЦ 1, 9). Церковные правила повелевают просить суда у епархиального архиерея. В соответствии с Уставом РПЦ гл. 7, 7 в порядке, определенном „Временным положением о церковном судопроизводстве“, принятом Архиерейским Собором 07.10.04 г., „полнота судебной власти в епархии принадлежит епархиальному архиерею“ (Врем. положение, раздел 1; ст. 2, 1).

Такое положение Церковь приняла по повелению ап. Павла: „Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и при том перед неверными. И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою“ (1 Кор. 6, 1-7).

„Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?

Для чего бы вам лучше не терпеть лишения?“ — спрашивает далее апостол. Репутация является для священника ценностью, которой невозможно пренебречь.

Апостол повелевает „иметь добрую совесть“ (1 Петр. 3, 16) и „доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую“ (1 Тим. 3, 7).

Поэтому я обращаюсь в Псковский Епархиальный суд с заявлением о церковном правонарушении протоиерея Евгения Найдина, оклеветавшего моего мужа протоиерея Павла Адельгейма в тяжком уголовном преступлении: посягательстве на жизнь протоиерея Е. Найдина, его семьи и на его имущество. Это обвинение протоиерей Евгений Найдин заявил в присутствии членов Епархиального совета:

1) секретаря Епархиального управления, настоятеля Кафедрального собора и благочинного г.

Пскова протоиерея Иоанна Муханова,

- 2) благочинного г. Себежа протоиерея Петра Нетреба,*
- 3) благочинного Псковского р-на протоиерея Георгия Быкова,*
- 4) благочинного г. Великие Луки игумена Киприана,*
- 5) епархиального духовника протоиерея Михаила Мельника,*
- 6) ответственного редактора епархиальной газеты „Благодатные лучи“ священника Андрея Большанина и других священников, а также в присутствии: протоиерея Павла Адельгейма, его жены и директора православной школы регентов И.П. Адельгейма.*

Обвинение заявлено не в первый раз. Первоначально это обвинение было озвучено, со слов протоиерея Евгения Найдина, настоятелем Кафедрального собора и секретарем Епархиального управления, благочинным г. Пскова протоиереем Иоанном Мухановым 10.01.02 г., о чем Вы получили докладную записку от того же числа. В докладной записке протоиерей Павел выразил недоумение, почему протоиерей Евгений Найдин обратился за расследованием тяжкого уголовного преступления к настоятелю Кафедрального собора, а не в правоохранительные органы. Обвинив священника Адельгейма в преступлении, протоиерей Евгений Найдин уклонился от рассмотрения дела в установленном законом порядке.

Ваше Высокопреосвященство проигнорировали докладную записку протоиерея П. Адельгейма от 10.01.02 г.

Не испытывая к протоиерею Евгению Найдину враждебных чувств и не желая его „крови“, хочу воспрепятствовать ему распространять по городу Пскову необоснованное обвинение, порочащее честь, достоинство и репутацию моего мужа.

Учитывая вышеизложенное. Прошу Вас:

В установленный срок рассмотреть в Епархиальном суде мое заявление о церковном правонарушении в порядке ст. 5, 1 „Временного положения о церковном судопроизводстве“.

В процессе рассмотрения дела установить, какие основания имел протоиерей Евгений Найдин для обвинения моего мужа в уголовном преступлении:

а) Имел ли место, был ли зарегистрирован в правоохранительных органах факт покушения на протоиерея Евгения Найдина, его семью и квартиру в январе 2002 г.?

б) Если такой факт зарегистрирован, какие имеются основания для подозрений моего мужа в соучастии этому преступлению?

Если обвинения протоиерея Найдина Е.Н. окажутся беспочвенными, прошу официально засвидетельствовать факт клеветы и реабилитировать доброе имя протоиерея Павла Адельгейма.

Адельгейм Вера Михайловна 15.11.04. Псков».

Письмо и заявление матушки Веры остались без ответа, и она еще дважды в 2004 году письменно напоминала Владыке и председателю суда о своем требовании провести судебное разбирательство ее дела.

В защиту отца Павла выступила газета. 24 ноября этого же 2004 года «Московский комсомолец» опубликовал статью Сергея Бычкова «Епископский беспредел». В публикации автор дал краткое, но тем не менее яркое и емкое сравнение жизненных путей и церковных позиций священника Павла Адельгейма и правящего архиерея Евсевия Саввина, на конкретных примерах показал: «Сегодня священник бесправен — не к кому обратиться за помощью. Церковь отделена от государства. Церковного суда до сих пор не существует».

30 марта 2005 года матушка Вера в третий раз обратилась к правящему архиерею и председателю суда с третьим напоминанием о необходимости судебного разбирательства по поводу ее заявления. Очевидно, поняв, что Вера Михайловна не отступится от своих намерений, Епархиальный суд принял немотивированное решение о прекращении так и не начавшегося дела по ее заявлению.

Тогда матушка 15 апреля обратилась в Москву, в общецерковный суд, с заявлением рассмотреть дело о клевете на ее мужа и принять соответствующее решение. К великому сожалению, но вполне ожидаемо, общецерковный суд не стал рассматривать заявление Веры Михайловны, а переслал все полученные от нее документы обратно в Псковский Епархиальный суд, предписав ему принять решение по данному делу и уведомить о нем истицу.

23 июня 2005 года матушка Вера получила из епархиального суда нижеследующий документ:
Исх. 5 от 16 мая 2005 г.

«Уведомление.

16 мая 2005 г. на заседании церковного суда было обсуждено Ваше заявление от 10.04.05 г. На основании того, что Вы не являетесь пострадавшей в данной ситуации и не можете выступить в роли истца, суд решил отказать Вам в рассмотрении заявления.

Председатель суда протоиерей Петр Нетреба».

Оно и понятно — корпоративная солидарность важнее чести и совести.

20. Отец Сысой

Не все было спокойно и внутри прихода церкви свв. Жен-Мироносиц. Вконец распоясавшийся отец Владимир Будилин упорно раскалывал общину на два враждующих лагеря. Всячески пороча имя настоятеля и низвергая его авторитет, он заявлял, что отец Павел не имеет Божией благодати, является отпетым уголовником и все службы его пусты и бездейственны. Сам же отец Владимир возомнил себя великим, прозорливым старцем и пророком. Началось его пророчество с одного трагического события, о котором впоследствии отец Павел вспоминал так:

«Сын прихожанки Галины, 22-х лет, лежал в коме три недели. Мы молились в храме об исцелении. Надежда была маленькая, и молитва ее поддерживала.

— Все равно помрет, — сказал о. Владимир.

Мальчик умер.

— Прозорливец! Бог только ему открывает. — пошел шепот по приходу.

На другой день после похорон о. Владимир сказал матери:

— Над часовней у нашего храма хищный коршун растерзал галку. Ты Галина, и беда у тебя не последняя. Это начало.

Что должна чувствовать мать, вчера похоронившая сына, выслушав „предсказание“? Она просит объяснений, чтобы не впасть в уныние. Приходится объяснять, что пророчество о. Владимира не от Бога. Такое посягательство на имидж „старца Владимира“ задевает его самолюбие и раздражает почитателей».

Почитатели шептались между собой: «Отец-то Павел благодати не имеет, вот и завидует батюшке Владимиру. Вот ведь три недели зря в храме молился, а отец Владимир сразу сказал, что не выживет».

О притеснениях прозорливого «старца Владимира» со стороны настоятеля и прочих скептиков, не верящих в его уникальное призвание, ходили самые нелепые слухи и сплетни. Сам отец Владимир «защищался» от настоятеля как мог: никогда вместе с ним не служил, охаивал его на своих исповедальных беседах, прилюдно ругался в храме, выгонял его из алтаря, не давая контролировать правильность чинопоследования своих служб, обзывал его «ампутантом» и донимал оскорблениями по телефону.

К этим выходкам своего второго священника отец Павел относился спокойно и с юмором. Свою досаду он компенсировал описанием реальных событий, происходящих в храме, в жанре коротких юмористических рассказов об отце Сысое, прототипом которого был отец Владимир. Вот несколько примеров этого юмористического творчества.

«Церковная традиция предписывает читать в храме псалмы и молитвы речитативом, чтобы не выказывать наружу свои чувства. Монотонное чтение позволяет каждому из молящихся по-своему пережить слова молитвы. Чтец не должен навязывать собственные переживания. Чтец должен быть скромным, а чтение смиренным. В практике бывают исключения. Монотонное чтение не всем нравится. Некоторые батюшки подходят к богослужению творчески.

Отец Сысой был очень чувствительный. Всякую службу служил с большим чувством.

С первых слов его охватывало умиление, он выводил рулады и стонал. Голос у о. Сысоа был резкий, а слуха вовсе не было. То ли родился так, то ли кто ему на ухо наступил. Не мог спеть даже „Господи, помилуй!“, да и не пытался никогда. Весь музыкальный талант он вкладывал в возгласы. Одно слово начнет тенором, закончит басом. На другом слове трепетно всхлипнет и скажет шепотом, а третье закричит — муха пролетела, упала мертвая на пол.

Бабуся вокруг умиляются: „Как батюшка Сысой душевно служит!“.

Душевность стонаний и воздыханий могли оценить не все. Одни называли его стоны юродством, другие, не вынося их, уходили из храма. Насмешники называли „козлогласованием“, даже укоряли в нарушении церковного устава. Показывали 28-ю главу Типикона „О бесчинных воплях“. За „бесчинные вопли поющие в церкви... да извергнутся из сана своего“. Типикон грозит ослушникам: „Преслушающие же сия вечней муце повинни суть, яко не повинуются святых отец преданию и правилом“.

Отец Сысой не читал Типикон, не любил замечаний и на критику завистников не огорчался: „Сами не умеют, вот и судят“.

Образования отец Сысой не имел. Среднюю школу закончил, а дальше не пошел. Только почитательницы знают его тайну: о. Сысой закончил МГУ, имеет степень кандидата неизвестных наук. Писал он грамотно. Особенно поэтично выходили у него докладные архиепископу.

Отец Сысой служил в храме по будням. Утром просыпался с трудом, всегда на час опаздывал. Служил обедню до „Отче наш“, а потом уходил в притвор. Люстры горят, на хорах томятся певчие, молящиеся сидят по лавочкам или гуляют по кладбищу. Отец Сысой облюбовал себе комнатку в притворе. Усядется удобно и принимает на беседу. Иногда беседы затянутся на полтора-два часа. Отец Сысой не торопится: батареи теплые, стул мягкий, деньги за беседу на тарелочку кладут. Почитательницы восхищаются: „Как батюшка долго беседует! Про все успевает спросить: про деток, про невестку-злодейку, про соседку-колдунью. К другим священникам ходить не велит. Бог ему дает благодать больше всех!“. Только певчие ворчат, что буднюю службу до четырнадцати часов затягивает. Что певчие в благодати понимают?

Злые языки говорят. Что во время Литургии исповедовать нельзя. По церковной традиции

положено исповедовать либо вечером, накануне Литургии, либо до начала Литургии с утра. А если люди приходят во время Литургии? Не прогонять же их! Вот и приходится доброму отцу Сысою за чужие грехи отвечать. Беседа о. Сысою больше благодати дает, чем Причащение.

Отец Сысой был совсем молодым старцем, чуть за сорок. Плоть смирял, редко баловал баней. Волосы не расчесывал. Они висели крупными гроздьями, как каштаны. Густые брови и темная бородка, не припудренная сединой. Карие глаза опущены долу и всегда глядят мимо собеседника. Характерной чертой было изобилие его присутствия. Отца Сысою всегда было много. Громко разговаривал, заполнял собой пространство, хотя тучным не был. Животик имел кругленький, но не громоздкий. На все вопросы знал ответы и советов не жалел. О каждом знал подноготную. Не только приходские новости, но и епархиальные узнавал первым и пропускал дальше через свое понимание.

Подошла прихожанка к „свечному ящику“. Так в церкви касса называется. Подала ножницы „свечнице“ — так называют продавщицу свечек и церковной утвари — и говорит:

— Передайте ножницы отцу Сысою.

— Зачем?

— В подарок. У него ногти давно не стрижены. Он меня благословил, а ногти внутрь загибаются. Он, наверно, бесребреник, на ножницы денег нет.

Свечница взяла ножницы и отнесла о. Сысою:

— Это что? — спросил о. Сысой.

— Женщина просила вам передать, чтобы вы ногти подстригли.

— Зачем брала? Не знаешь, что ножницы дарят к смерти? Не возьму. Ногти не стрижу на духовном основании. Ты не поймешь. Крест носишь?

— Ношу, батюшка.

— А зачем? Его под платьем не видно. Вот я крест ношу поверх рясы, и все узнают, что я священник. А тебя кто узнает?

— Не знаю, батюшка.

— Дура! Крест носят, чтобы твой ангел-хранитель тебя признал и ни с кем не спутал. Придешь на Страшный суд без креста, ангел тебя не узнает и защищать не будет. Ногти не стрижу, чтобы не потерять лицо перед ангелом и не лишиться спасения.

У отца Сысою была старушка мама и огромные сумки. Он всегда с ними вместе ходил. Идет на службу, в руках две большущие сумки и мама шагов на двадцать сзади. Со службы домой с теми же сумками и мамой возвращаются. На требу позовут, сумки с собой несет, и мама семенит следом. В алтарь обе сумки вносит, ставит их на горнее место. Там же стоят кули с вареньями и соленьями, которыми почитательницы одарили.

Душа у Сысою была добрая. Жил он в однокомнатной квартире. Дома держал хромую ворону, слепую кошку и больную мышку. К мышкам относился противоречиво. Любил и брезговал. В храм приносил для них пищу и посыпал под стул в алтаре. Чтобы мышка к нему в сумку не залезла, о. Сысой клал справа и слева от сумки по печенью и по яблоку. Зачем мышке лезть в сумку, если пища на пути лежит?

Верным людям отец Сысой по секрету рассказывал, что настоятель был матерый уголовник и клеветник. Женщин бил. Людей не любил. Популярности отца Сысою завидовал. Мышей ядом травил, даже кулаком убивал. Многие видели. Поэтому душа о. Сысою к настоятелю не лежала. Отец Сысой никогда с ним вместе не служил, и сосуды после настоятеля мыл. Брезговал, как мышками. Так и служили они в одном храме посменно, как ночные сторожа: если настоятель придет, о. Сысой уходит. Если настоятеля нет, о. Сысой молится. Отец Сысой был великий подвижник и молитвенник. Все прихожане знают. А настоятель был „интеллигент потомственный“, все равно как печь нетопленая. Место ему в аду с нечистой силой.

Не любил отец Сысой настоятеля храма. Считал его гордым, заносчивым, даже молебен с крестным ходом служил, чтобы Бог прибрал настоятеля. Однажды вечером в доме настоятеля зазвонил телефон. Не знал о. Сысой про определитель номера. Трубка спрашивает:

— Это настоятель?

— Да.

— Отец Сысой просит передать, что ты — гнида!

— Это все?

— Все.

— Спасибо.

Настоятель повесил трубку. О. Сысой был доволен: уел настоятеля.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

Трагически скончался взрослый сын у богатых родителей. В храм принесли дорогой гроб с телом молодого человека. Море цветов, множество свечей, богатые пожертвования на храм. Родители беспокоятся: все ли сделали, как положено по обряду? На ногах усопшего увидел батюшка дорогие ботинки, как раз свой размер, и смекнул:

— Что же вы ботинки на него надели?

— А что надеть?

— Разве никогда не видали? Покойникам всегда надевают тапочки. Как он к Богу на поклонение в ботинках пойдет? Это грех!

Родители расстроились:

— Батюшка, ведь мы порядка-то не знаем, сейчас поедем, купим тапочки.

Через полчаса переобули усопшего в тапочки. Унес батюшка шикарные ботинки в алтарь, и начал отпевание новопреставленного. Ботинки оказались качественные. Уже пять лет служат во славу Божию. А в земле бы даром сгнили.»

Кроме таких гнусных и нелепых выходов, были и более серьезные проблемы, на которые отец Павел не мог закрывать глаза. Прежде всего, это касалось нарушений канонов богослужения, непристойного поведения в храме и немилосердного отношения к сослужащим ему людям.

Тут необходимо сказать, что отец Павел почти никогда не пользовался своей настоятельской властью. Как правило, он тихо молился и смиренно ждал, когда Господь вразумит его оппонента. Однако, когда чаша терпения служащих в храме певчих, чтецов и свечниц переполнилась, отец Павел решил и 9 января 2006 года обратился за помощью к приходскому собранию.

«Вонмем!

Устав РПЦ, принятый в 2000 году определяет, что „настоятель храма назначается для духовного руководства и управления причтом и приходом. и призван нести ответственность. за религиозно-нравственное состояние и воспитание членов прихода (Устав 11. 18-20).

Признавая свою ответственность „за религиознонравственное состояние“ прихода, обращаю внимание причта и прихожан, что за последнее время в нашем храме допускается нарушение церковного предания, принятого в современной приходской практике РПЦ. Это нарушение оформилось в систему, которую назовем „церковным новшеством“. Как настоятель храма, я обязан засвидетельствовать этот факт и дать ему церковную оценку.

Согласно церковной традиции, исповедь должна совершаться с вечера или утром, до начала Божественной Литургии. Священник Владимир Будилин нарушает это правило. Он не исповедует до Литургии. Он исповедует во время Божественной Литургии, разделяя ее исповедью на две части.

В будние дни он останавливает Божественную Литургию после запричастного стиха и покидает алтарь. Святые Дары остаются без присмотра от 40 минут до двух часов. На этот период священник уходит в притвор, где имеется отдельная комната. За закрытыми дверями он исповедует и принимает для духовных бесед лиц, которые причащаются.

Молящиеся рассаживаются по лавочкам в ожидании богослужения, певчие томятся на клиросе. Наступившая в храме тишина заполняется разговорами скучающих прихожан. Завершив духовные беседы, священник возвращается в храм, заканчивает Литургию и причащает остывшими за это время Святыми Дарами.

„Новшество“ уникально в литургической практике РПЦ, поскольку не допускается ни в одном из ее многочисленных приходов. Место исповеди нарушает общепринятую традицию, время исповеди находится под запретом Святейшего Патриарха. Несвоевременная исповедь искажает смысл литургических символов. /.../

Хористы, как и прочие прихожане, в будние дни связаны работой, домашним хозяйством, семьей и детьми. Они не могут оставаться в храме неограниченное время. Священнослужители обязаны быть снисходительными к нуждам прихожан и не затягивать богослужение без необходимости. Тем более не следует назначать беседы прежде окончания Литургии. Следует сперва завершить Литургию, согласно церковному установлению, а затем проводить индивидуальные беседы. Желающие причаститься смогут исповедоваться по окончании Литургии, а подойти к Святой Чаше на следующий день.

Как повелевает евангельская заповедь, я высказал священнику Владимиру Будилину свои возражения „между мной и им одним“ (Мф. 18, 15). Увещания не имели успеха. Теперь я обращаюсь к авторитету Церкви — ее приходскому собранию, поскольку настоятель храма „несет ответственность за исправное, согласное с Церковным Уставом совершение богослужений“.

Если священник Владимир Будилин не откажется от нововведенной практики, она приведет к трагическим последствиям для нашего храма и для него самого. Литургическая практика отдельного священника не должна противопоставляться Церкви. /.../ Это выглядит как церковный раскол на почве самообольщения, именуемого на святоотеческом языке „духовной прелестью“.

Обращаюсь к священнику Владимиру Будилину с увещанием не прерывать Божественную Литургию для проведения духовных бесед с прихожанами. Церковная традиция допускает в этом момент Литургии только проповедь и исповедь немощных в виде исключения. В будний день Литургия должна начинаться согласно расписанию в 8 часов и заканчиваться не позднее 11 часов. Три часа — достаточное время для совершения Литургии в будние дни.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц священник Павел Адельгейм».

На собрание о. Владимир решил не приходить. Он обратился к приходу с письменным посланием, в котором пространно и подробно изложил свою точку зрения на богослужебную практику и свое отношение к настоятелю. К сожалению, написал и направил он свое обращение собранию спустя несколько дней после его проведения. Вот сокращенный вариант умозаключительных перлов о. Владимира:

«Уважаемое собрание!

Две недели назад настоятель проинформировал меня, что собирается выступить на собрании против меня. ././

Я принял решение отказаться от личного участия в собрании и предложить зачитать мое письменное выступление. О причинах этого я могу и хочу сказать прямо. Однако делать этого не буду, поскольку боюсь, что в этом случае мое письменное обращение не будет зачитано. Между тем, у меня очень конструктивные предложения, и я хочу, чтобы они были выслушаны.

Я пришел в этот храм в 1997 году. В упомянутом году произошел такой случай. Отслужив в один из понедельников Литургию, настоятель забыл потребить Святые Дары. Оставив их на жертвеннике, он уехал на неделю в Ленинград. Так и стояла Чаша со Святыми Дарами на жертвеннике до его приезда. ././

В том же 1997 году было еще два случая, когда настоятель забывал потребить Святые Дары и уходил из храма. Но в этих случаях он вечером служил и потреблял Дары во время вечерней службы.

Мне пришлось письменно обратиться к настоятелю Любятовского храма о. Владимиру Попову. Я подробно описал ситуацию с его вторым священником и при этом обрисовал атмосферу в нашем храме. О. Владимир Попов показал мое письмо Владыке. Владыка при первой встрече с о. Павлом сообщил, что ему все известно об историях с непотребленными Святыми Дарами.

И тут я прошу особого внимания собравшихся. о. Павел заявил Владыке, что ничего этого не было, что о. Владимир Будилин все это выдумал. И далее сказал, что о. Владимир больной человек, и поэтому ни одному его слову верить нельзя. Итак, уважаемые собравшиеся, о. Павел не только не признался в совершенных им деяниях, но и оклеветал меня в клевете на него! ././

Уважаемые собравшиеся! Я не занимаюсь здесь собиранием всего черного из храмовой жизни настоятеля. Я говорю только о том, что касается его отношения к Святым Дарам, к Евхаристии. Говорю потому, что обвиняюсь им в том, о чем было сказано в начале моего выступления.

А теперь я перехожу к конструктивным предложениям. Как преодолеть возникший конфликт? Давайте разберемся, в чем его суть. Для этого я изложу корень конфликта в популярной, адаптированной форме. ./.../

Мы знаем, что существуют уголовные преступления, за которые сажают в тюрьму. И существуют мелкие правонарушения, за которые участковый инспектор, придя к тебе домой, отчитает и пожурит. В худшем случае тебя отведут в отделение милиции, где составят протокол и назначат штраф. А теперь спроецируем ситуацию в нашем храме на язык и образ юридических понятий. Что мы получаем? Возник конфликт между матерым уголовником А и мелким правонарушителем Б. Матерый уголовник А хочет, чтобы мелкий правонарушитель Б прекратил свои мелкие правонарушения. ././

Уважаемые собравшиеся, я обращаюсь к о. Павлу. О. Павел! Пойдемте вместе к правящему архиерею. Мы покаемся каждый в своем. Владыка меня пожурит, и я ему, естественно, подчинюсь. Вас Владыка запретит. Но нет худа без добра. Во время запрещения вы слетаете в Америку и соберете там денег для своего фаворита. А, может быть, Владыка вас и не запретит. Ограничится публикацией в СМИ Вашего покаяния. Такое решение конфликта — единственно правильно как с канонической, так и с этической точек зрения.

Я понимаю, что Вам трудно будет решиться на такой шаг, ибо после его совершения Вы очень упадете в глазах таких своих сторонников, как кочетковцы¹⁰ и зионовцы. Даже верность верного Виктора Яковлева чуть-чуть поколеблется. Впрочем, ненадолго. Виктор — герой не трагедии, а оперетты. И закончится все хэппи-эндом в виде совместного чая с пирогами в вашем доме. Но взамен этого Вы получите другое. После такого шага Вас будут уважать Ваши нынешние оппоненты. В моих глазах Вы очень возрастет. И на приходе нашем воцарится мир. /./

Уважаемые собравшиеся! Я говорил о вещах пронзительных, кричащих. Но беда в том, что понять их пронзительность могут преимущественно священнослужители. Очень многими мирянами спор о предметах канонических будет восприниматься как надуманный, искусственный. И здесь мало может помочь популярная, адаптированная форма изложения, предпринятая мною. Так вот, уважаемые миряне, участники собрания! Чтобы вам не было скучно, чтобы все было понятно, я скажу вам следующее:

Вы знаете, что о. Павел объявил войну правящему архиерею. Война эта не имеет прецедентов в истории Псковской епархии. Ей мало можно найти аналогов во всей истории Русской Церкви. Вы знаете, какая жуткая и страшная война была недавно в нашем храме между о. Павлом и о. Евгением. Вы видите, что сейчас о. Павел объявил войну мне. Исповедь здесь не при чем. Я веду себя одинаково на протяжении девяти лет своего служения здесь. И никаких скандалов по этому поводу не было. Просто сейчас о. Павел решил объявить мне войну.

Сделаем теперь маленький экскурс в не очень давнее прошлое. Все псковские верующие знают о. Елевферия человека очень молитвенного и тихого. Когда-то он служил у нас. О. Павел и с ним воевал! И ушел о. Елевферий из нашего храма на волне большого скандала.

А теперь сделаем экскурс в давнее прошлое. Когда-то о. Павел служил в Димитриевской церкви Пскова. Старостой там в течение многих лет была Нина. Кстати, она дочка известной псковской старицы Анастасии Стругликой. О. Павел враждовал с Ниной. Однажды он ее ударил. Ударил женщину! Да так ударил, что она упала! Уважаемые мужчины — участники собрания! Я хочу обратиться к вам с вопросом. Кто из вас бил женщин — своих коллег по работе? Кто из вас бил женщин — своих сокурсниц по институту? Кто из вас бил женщин — своих соседей по лестничной площадке? Вопрос, который я задаю, чисто риторический. Конечно же, никто из вас на такое не способен. Из людей, которые здесь присутствуют, ударить женщину может только „крупный богослов“ и „потомственный интеллигент“ о. Павел!

Уважаемые собравшиеся! Я прошу вас — задумайтесь над этим и сделайте выводы!

Священник Владимир Будилин».

Все это было бы смешно, если бы не принимало серьезного оборота и не сказывалось бы столь разрушительно на общинной жизни храма свв. Жен-Мироносиц. Допустить явного раскола прихода в условиях архиерейского гнева и немилости отец Павел не мог, поскольку это грозило тяжелыми последствиями не только для него лично, но и для школы, приюта, всего его внецерковного служения. Отец Павел написал своему второму священнику увещательное письмо:

«Дорогой о. Владимир!

Вы напрасно обиделись на мое обращение к причту и приходскому собранию. Оно лишь констатирует факт, который Вы тоже признаете. Обращение выдержано в доброжелательном тоне, направлено на обсуждение проблемы и не касается Ваших личных качеств. Сожалею, что вызвал неадекватную реакцию, выплеснувшуюся в Вашем письме с такой непримиримостью. С непримиренным сердцем нельзя предстать Святому Престолу. Обычно я не делаю Вам замечаний,

¹⁰ Последователи отца Георгия Кочеткова, основавшего общероссийскую религиозную организацию «Союз малых православных братств». Организация имеет свои филиалы во многих городах России. В Москве действует высшее учебное заведение — Святофиларетовский православный богословский институт.

избегая конфликта. В данном случае Вы не оставили мне выбора. Я обязан отмежеваться от новшества, разрушающего литургическое предание Церкви. Обращение и увещания приходского собрания не достигли цели. Вы пренебрегли ими и по-прежнему назначаете „духовные беседы“ на время Божественной Литургии. Конфликт остается нерешенным. Речь идет не о затянувшейся исповеди. Вы ввели „духовные беседы“ в чин Литургии, искажая ее содержание.

В 20-х числах января с. г. пономарь Алексей Ботвинский передал мне от Вашего имени странный текст, не имеющий ни подписи, ни даты, ни адреса. Идентичные тексты Вы лично распространяли среди прихожан нашего храма. Текст начинается словами: „Уважаемое собрание“ и целиком посвящен обличению моих грехов и преступлений. Вы просите зачитать этот текст на собрании, но вручили его спустя неделю после собрания. Поезд уже ушел.

Ваше послание не содержит ответа по существу проблемы, поставленной в обращении. Вместо объяснения своей позиции и аргументов Вы порочите мое имя, вытряхивая на свою голову пепел угроз и небылиц. В быту их называют „сплетнями“, юристы называют „клеветой“. Сплетая выдумки и слухи, Вы разрушаете свой имидж „прозорливого старца“. Бог запрещает клевету: „Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего“ (Втор. 5, 20).

Одни обвинения невозможно подтвердить или опровергнуть в силу давности и отсутствия свидетелей. Другие не содержат состава преступления. Третьи не имеют ко мне отношения. Исследовать обвинения некому. „Уважаемое собрание“ не обладает судебной властью. Ваша апелляция к правящему архиерею имеет риторический смысл, поскольку Вы не обратились к нему с прошением. Архиерей не рассматривает обращений к „Уважаемому собранию“, тем более без подписи: „Анонимное заявление о церковном правонарушении не может служить поводом для рассмотрения дела в Епархиальном суде“. (Врем. положение о церковном судопроизводстве ст. 14, п. 4.)

Послание может быть рассмотрено только в уголовном суде РФ, поскольку Вы обвиняете меня в уголовном преступлении — избиении Нины, бывшей старосты Дмитровского храма. Такого события не было. Нина не подтвердит в суде Ваши слова. Вы уклонились от подписи из страха перед уголовной ответственностью за клевету. Факт распространения документа лично Вами усугубляет Вашу ответственность по ст. 129 ч. 3 УК РФ.

Закончу словами из Вашего письма: „Задумайтесь над этим и сделайте выводы!“.

С самыми добрыми пожеланиями, настоятель храма свв. Жен-Мироносиц, священник Павел Адельгейм. 16 февраля 2006 г.».

Возмущенный письмом настоятеля, о. Владимир написал на него жалобу в епархию и собрал подписи своих почитателей. В результате 28 февраля 2006 года благочинный города Пскова протоиерей Иоанн Муханов пригласил его вместе с настоятелем на беседу для выяснения их взаимных претензий.

Отец Павел высказал два пожелания: чтобы о. Владимир не опаздывал на 40-60 минут к началу богослужения и чтобы не прерывал на полтора-два часа Литургию. В ответ на эти пожелания о. Владимир очень эмоционально, говорил об отсутствии у настоятеля чести и совести, но по существу не смог сказать ничего. На предположение объяснить, какие он имеет личные претензии к отцу Павлу, ответил, что у дьякона зарплата больше.

Благочинный был вынужден поддержать настоятеля и попросил о. Владимира не опаздывать к богослужению и Литургию не прерывать на столь длительное время. Отцу Павлу благочинный предложил написать объяснительную записку о положении в приходе в связи со слухами, которые доходят до Епархиального управления.

Объяснительную отец Павел написал, но никакой реакции на нее не последовало. Позднее, в

беседе с председателем приходского совета, благочинный разъяснил, что никаких изменений в приходе не будет и Будилин наказанию не подвергнется, пока отец Павел публично не отречется от своей книги. Он также сказал, что настоятелю следует подать Владыке прошение о добровольном прекращении служения и уходе за штат.

Конечно, подобные предложения были для отца Павла категорически неприемлемы. Он не мог оставить ни школу, ни детей-инвалидов, ни своих прихожан, ни тех людей, которые были рядом с ним и, укрепляясь в вере, становились его соратниками в утверждении принципов любви и добра. Он знал, что при любых условиях будет продолжать свое активное служение по защите христианских традиций Православной Церкви.

21. Борьба за Церковь

В марте 2006 года отец Павел прочитал в интернете открытое письмо председателя миссионерского отдела Тверской епархии протоиерея Александра Шабанова, адресованное руководителю православного Боголюбского братства города Твери Владимиру Ильичу Лавренову. В послании начальник миссионерского отдела выражал неудовольствие активной миссионерской деятельностью мирян, не контролируемой епархиальными властями.

Отец Александр напоминал В.И. Лавренову, что, согласно главе XI, пунктам 11-13 устава РПЦ, братства и сестричества создаются из прихожан и действуют только с согласия настоятеля и по благословению епархиального архиерея. «В случае же, если эти канонические ограничения кажутся руководству некоего братства слишком стесняющими свободу и независимость деятельности, то сам собой напрашивается вывод о том, что лидеры данного братства не видят себя в рамках иерархической структуры и юрисдикции Русской Православной Церкви». В.И. Лавренову ставилось в вину то, что он без согласования и получения на то благословения епархиального священноначалия издал сборник статей, посвященных истории братства, и организовал в Твери презентацию книги протоиерея Александра Шмемана «Дневники 1973-1983».

Увещевая, председатель миссионерского отдела объяснял: «Необходимость испрашивания благословения перед всяким значащим делом — естественная потребность всякого православного человека, основанная на давней исторической традиции церковной жизни, неизбежно зафиксированной в Книге Правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных, и святых отцов, являющейся фундаментом канонического права Русской Православной Церкви». Священник напоминал В.И. Лавренову, что 8-е правило IV Вселенского Собора подразумевает пребывание православного люда «по преданию святых отец, под властью епископов каждого града, и да не исторгаются по дерзости, из-под управления епископа. А дерзающие нарушати сие постановление, каким бы то ни было образом, и не подчиняющиеся своему епископу, аще будут отлучены от общения церковного».

Прочитав текст письма, отец Павел увидел в нем, с одной стороны, много канонических ошибок и манипулятивных подтасовок, а с другой — признаки явного административного ограничения христианской инициативы и Богом данной свободы. Равнодушно пройти мимо факта церковно-административного произвола в отношении действенной христианской веры членов Тверского братства он не мог. В защиту В.И. Лавренова и его сторонников отец Павел написал открытый ответ на открытое письмо епархиального чиновника:

*«Председателю миссионерского отдела
Тверской епархии
протоиерею Александру Шабанову
Уважаемый о. Александр!»*

В своем „Открытом письме“, появившемся на сайте Тверской епархии, Вы обратились к В.И. Лавреневу с неадекватными обвинениями „замахиваетесь на великую традицию“, „упорствуете в заблуждении“, „неповиновение Владыке“ и угрозой „отлучения от церковного общения“. Причиной таких „сильных“ выражений послужила общественная инициатива В.И. Лавренева, привлекая общественное внимание Твери к историческим и богословским книгам. Одна из них, согласно Вашему сообщению, принадлежит почившему православному богослову о. Александру Шмеману: „Речь идет о презентации книги протоиерея Александра Шмемана „Дневники 1973-1983“ М.: Русский путь, 2005“ („Откр. письмо“). Эта книга действительно вызвала большой интерес читателей в России, Европе и Америке. Многим она понравилась. На днях ее обсуждали и положительно оценили в издательском отделе Московской Патриархии.

Суть Ваших требований понятна: христианин обязан спрашивать разрешения епископа на всякий поступок и на всякое суждение. Без разрешения епископа никто „не должен сметь свое суждение иметь“ под страхом анафемы. Такое требование ставит под контроль Епархиального управления образ мыслей и образ жизни клириков и мирян, вводит цензуру церковной власти над общественной мыслью и унифицирует ее. Поскольку Ваши требования лишены границ и не оставляют места личной свободе, контроль становится тотальным. Оскопляя веру Христову, Вы превращаете ее в корпоративную идеологию, которая 70 лет душила свободу веры, мысли и творчества в нашем Отечестве. Это Ваша личная позиция. Она не может претендовать на общецерковное значение. Нет и не может быть канонов, запрещающих христианскую инициативу и свободу в общественной жизни.

Церковь допускает противоположную позицию, выраженную митрополитом Евлогием Георгиевским: „Вся моя жизнь с молодых лет и по сей день обусловлена любовью к Святой Церкви. Церковь должна занять в жизни центральное место. Церковь в нас и вне нас. Все сферы человеческого существования и деятельности должны найти в ней свое освящение. Каноническая структура церкви лишь форма ее организации ее земного существования. В сферу церковного управления проникли бюрократические начала, они-то и угасили горение духа, замораживали ее живые силы. В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: можно ли его связывать и заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству. В церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдается уклон к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы, — все это признаки увядшей церковной свободы и рабства, а Церковь Христова — существо, полное жизни, вечно юное, цветущее, плодоносящее. Вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства“.

Инициатива В.И. Лавренева задела Ваш пиетет к епархиальной этике, естественный для епархиального чиновника. Ваш упрек несправедлив. В.И. Лавренев не служит в Епархиальном управлении, не знаком с принятыми там формами чиновничества и не обязан считать их общеобязательными. /./

Вы необоснованно упрекаете В.И. Лавренева в нарушении 8-е правило IV Вселенского Собора. В каноне речь идет о „клириках при богадельнях и монастырях“, к которым он не принадлежит. „А каким образом, рассуждая о клириках, правило упомянуло о мирянах?“ — обоснованно спрашивает авторитетный канонист Зонара. И объясняет: „Клирики не сами по себе осмеливаются бесстыдно восставать против архиереев, ...а по влиянию сильных людей. Таких-то мирян правило подвергает отлучению“. Обвинять В.И. Лавренева в подобных поступках у Вас нет оснований. Нарушение устава РПЦ гл. 11, ст. 11-13 не может иметь места там, где не существует самой структуры, формально зарегистрированной в юрисдикции Тверской епархии.

Ваши примеры недобросовестны. Они рассчитаны на неосведомленных лиц, которые не знакомы с документами и существом дела. Манипулировать канонами и вводить в заблуждение народ Божий — грех. /./

Никому не предоставил Господь власть над личностью человека, его совестью и свободой. Господь позволил в Церкви единственную власть — любви. Всякая иная власть не имеет церковной природы. „Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет всем слугой; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих“ (Мф. 20, 25-28). Вот образ и основание пастырской власти.

4 апреля 2006 г.

Псковской епархии священник Павел Адельгейм».

Этот анализ конфликта христианской инициативы мирян и церковно-административного аппарата Тверской епархии еще больше убедил отца Павла в насущной необходимости углубленного религиозного и экклезиологического просвещения клириков и мирян.

Весной этого же 2006 года отцу Павлу предложили выступить с докладом на международной научно-богословской конференции «Свобода — дар Духа и призвание в Церкви и обществе», которая организовывалась Свято-Филаретовским православно-христианским институтом и планировалась на середину августа в Москве. Тема конференции была очень близка отцу Павлу. Необходимость восстановления Богом данной свободы была очевидна для многих, но мало кто понимал причинноследственные взаимосвязи, образующие систему жестких запретов в жизни церкви. Свое выступление отец Павел посвятил богословскому анализу соотношения свободы и благодати.

«Благодать и свобода имеют равную ценность для христианского сознания. Св. Климент и Ориген полемизируют против суеверий фатализма, обосновывая свободой смысл аскетического подвига. Божественная благодать и Промысел являются вместе необходимым условием спасения. Христианский универсализм сдерживает односторонние выводы ввиду теоретической недостаточности и практической опасности.

Признавая человеческую свободу, без которой невозможно вменять поступки и допускать нравственные суждения, блаж. Августин вносит признак свободы в определение воли как движения никем не принуждаемого духа, ищущего блаженства. Всякой человеческой воле принадлежит свобода в смысле психической самостоятельности акта хотения и единство цели. От этой естественной воли, составляющей общую форму, блаж. Августин отличает свободу нравственного качества воли — свободу от греха. Он различает:

1. Невозможность грешить, принадлежащую Богу. Бог не может творить зла. В этом смысле Бог не свободен. Бог свят.
2. Возможность не грешить: свободный выбор, утраченный Адамом в грехопадении.
3. Невозможность не грешить превращает свободу человека в источник зла. Спасение понимается как исключительное действие благодати. На этой основе созрел детерминизм протестантов и янсенистов, направленный к предусмотренной гармонии.

Две ценности — свобода воли и всемогущество Промысла — имеют самостоятельные основания, не позволяющие жертвовать одной из них».

Отец Павел поднимал в своем докладе очень важную проблему разлада между верой и повседневной жизнью современного человека. Например, возможно ли отпевание и погребение полным церковным чином людей, которые удалили себя от Церкви и умерли без покаяния? Будет ли благодатным погребальный обряд в таких случаях? Может ли священнослужитель быть искренним, совершая отпевание, ведь ему приходится молить Бога об упокоении со святыми не раскаявшегося в своих грехах человека?

Вспоминаются строки М. Горького из «Песни смерти»:

*Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!».
Не пойму я ничего!
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распеваает грустный хор:
«Со святыми упокой!».
Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!».*

Проблема, затронутая отцом Павлом, касается и таинства крещения, сочетающего благодать и свободу: «уже верует и крестится, спасен будет» (Мк. 16. 16). Ведь в реальной практике в церковь приходят креститься люди, ничего не знающие о Боге и не желающие знать. Запроса на катехизацию у них нет. Соответственно, они не готовы слушать, размышлять и молиться. Они выражают свою нужду, но отказываются ее осмыслить. Правда, Церковь признает, что благодать крещения может действовать независимо от сознания. Правила Карфагенского собора признают действенным и необходимым крещение младенцев.

«В неосознанности таинства крещения лежит корень печального явления, когда священник отпевает усопшего, никогда не посещавшего храм. В непреложности таинства крещения лежит причина, по которой священник не должен отказать крещеному в отпевании: „ибо дары и призвание Божие непреложны“ (Рим. 11. 29). /.../ Если мы никому не отказываем в крещении, логично ли крещеному отказывать в отпевании?». Отец Павел приходит к выводу, что не существует причин для отказа от полноценного отпевания любого крещеного человека. Нельзя отказать в отпевании в «назидание другим», поскольку в христианстве человек имеет вечную ценность и не может рассматриваться как средство для чего-либо или кого-либо. Нельзя отказать и на основании «недостойства» человека, поскольку судить о том, кто чего достоин, может только Господь. Людям дана возможность проявлять любовь и молиться за усопшего грешника.

«Идеальное начало в человеке — образ Божий, который носит человек в себе самом. Божественный замысел определяет существо человека и его вечную ценность. Вот почему Требник именуется усопшего „верным рабом Божиим“ и „христороубцем“. Это не нравственная оценка. Это онтологическая категория. Он так замышлен Богом. /.../ Идеальная сторона человеческой природы неотделима от ее реальной стороны. /.../ Обозначая реальное состояние человека, Требник именуется усопшего „преступником заповедей Божиих“. /.../ Личность не рассекается на идеальное и реальное. Требник принимает целостную личность в непримиренности ее идеального и реального бытия. По этой же причине нельзя принципиально разделить молитву о прощении грехов и милости Божией от молитвы об упокоении со святыми в Царствии Небесном».

Неизвестно, почему отец Павел выбрал для своего доклада проблему церковного погребения и встающих за ней вопросов жизни вечной, но ясно, что это не было простой случайностью. Тема волновала его и побуждала к серьезным раздумьям. Все в этом мире подчинено причинно-

следственным связям, образующим сложные системные закономерности, которые влияют на чувства, мысли и поведение. Некоторые из этих связей просты и очевидны, другие сложны, скрыты и могут не осознаваться человеком, и тем не менее они эмоционально переживаются им, направляют его помыслы, формируют интересы и исподволь влияют на поведение. В результате человек, так или иначе, реагирует на жизненные обстоятельства, сущность и смысл которых он, даже не всегда понимая, переживает в глубине души.

Хмурые грозные тучи архиерейского гнева постоянно ходили над головой отца Павла. В 2006 году они стали сгущаться над ним. Из епархии поступали тревожные сигналы. Так, 13 августа посылный доставил в храм свв. Жен-Мироносиц срочное письмо от епархиального духовника отца Михаила. По содержанию это было даже не письмо, а коротенькая записка в две строки:

«О. Павел!

Пока Ваша жизнь продолжается на земле, покайтесь через СМИ, поскольку Вы смирили Владыку, а теперь смиритесь сами.

С любовью, епархиальный духовник, недостойный протоиерей Михаил Мельник 13.08.2006 г.»

Отец Павел ответил так:

«Дорогой о. Михаил!

Приведенное Ваше письмо я получил нарочным. Благодарю Вас за Ваше заботливое увещение, хотя удивлен срочностью письма и способом доставки: Вы, обращаясь ко мне с последним напутствием, словно провидя мою скорую кончину. Ну что ж? Человеческая судьба в руках Божьих.

Не традиционным для христианского сознания кажется Ваше предложение покаяться не в храме, а в СМИ. Возможно, это новое слово в христианском богословии, адаптирующее святоотеческое предание для христианского сознания XXI века. Архиепископ Евсевий в своем письме ко мне уже выражал такое пожелание, и я исполнил его дважды, напечатав первое покаянное письмо в газете „Московский комсомолец“ и второе покаянное письмо в газете „Псковская правда“. С обеими публикациями нетрудно ознакомиться.

Кроме двух публикаций в СМИ, я послал архиепископу в течение последних четырех лет более двадцати писем с просьбой прощения и примирения во имя Христа Спасителя. Ни на одно из писем архиепископ мне не ответил. Не вижу способа, которым можно разрешить сложившееся положение. „Все это я выполнил... чего еще не dokonчал?“ (Мф. 19, 20). Примирение возможно только в случае, если его желают обе стороны. Владыка Евсевий никак не выразил своего желания к примирению и общению после того, как я выполнил все его требования. Что бы я ни делал, примирение невозможно осуществить, если архиепископ Евсевий этого не пожелает.

Со своей стороны, я не вижу никаких препятствий к примирению. Вкладываю все свои силы и умение в богослужение, проповедую за каждой Божественной Литургией, добросовестно исполняя требы, ремонтирую храм, содержу приют и школу, преподаю детям „закон Божий“, провожу „Библейские чтения“ для взрослых каждую неделю и так же регулярно совершаю богослужения в тюрьме. Надеюсь, меня не в чем упрекнуть за мою священническую деятельность? Разве это не основание для доброжелательного отношения епископа к священнику? !/

В уголовном праве РФ существуют „сроки давности“ для каждого преступления. По их истечении не возбуждается дело, а с осужденного преступника снимается судимость. В данном случае речь идет не о преступлении, а только о личной обиде. Удивительно, что архиепископ четыре года не может простить личную обиду священнику, а другим — архим. Зенону и прот. Владимиру Андрееву, лежащему на одре неизлечимой болезни, не может простить личную обиду уже десять лет!

Если евангельские и канонические основания для архиепископа недостаточны, я умолкаю. Бог

ему судья. Как жизнь дается нам только один раз, так и совесть дается один только раз. Христианские мученики стояли перед выбором: солгать, сохранив жизнь, или умереть, сохранив совесть. /./

Как жизни отданной не вернуть, так и совести, которую мы слышим в глубине души, пока прислушиваемся к ней. Если мы перестаем ее слушать, она может умолкнуть навсегда. Что важнее для христианина: жизнь или совесть? В наши дни христиане отвечают на этот вопрос неоднозначно.

С любовью во Христе, священник Павел Адельгейм

22.08.2006».

Смерти отец Павел не боялся и был к ней готов. Кончину свою он не торопил, но и не бегал от нее. Начиная с ранней юности, когда решил посвятить свою жизнь Богу и Его Святой Церкви, ожидал ее прихода в любой момент. Теперь же, почувствовав вновь ее холодное дыхание, он решил исполнить свой христианский долг и навести порядок в сложных давних отношениях. 15 октября 2006 года он написал письмо бывшему другу юности:

«Его Высокопреосвященству Макарию,

Митрополиту Винницкому и Могилев-Подольскому „Кто из людей жил и не видел смерти, избавил душу свою из руки адовы?“ (Пс. 89,10)

Ваше Высокопреосвященство, мы вместе приближаемся к своему пределу. Пора подводить итоги, чтобы нежданная Гостья застала нас готовыми дать Богу отчет за подаренную жизнь. Не знаю как Вас, а меня беспокоит: может быть, я в чем-то виноват перед Вами и не осознал своей вины? Подскажите, чтобы я мог покаяться и попросить прощения у Вас и у Бога. В 1961 году наша дружба иссякла без всякого повода. Наши пути разошлись, и общение прекратилось. Или в этом есть моя вина?

Последняя весточка от Вас была роковой. В 1969 году меня арестовали. При ознакомлении с делом я прочел Ваш донос, сообщивший знакомым почерком: „В духовной семинарии, где я учился вместе с Адельгеймом, он высказывался против исполнения гимна Советского Союза и хвалебных песен в адрес Советского государства. Лиц, которые исполняли гимн и хвалебные песни, Адельгейм называл хамелеонами, преклоняющимися перед властями“ (лист дела 178, т. 2).

Эту выдержку из доноса я цитирую по тексту приговора, поскольку донос хранится в уголовном деле. Ваш почерк и Ваша подпись исключают сомнения в авторстве, смысл которого я не мог себе объяснить. Надо ли уточнять, что в 1956 г. на XX съезде КПСС текст гимна был запрещен, и его нигде не пели.

После освобождения я встретился с нашим другом протоиереем Мишием Рудневым, и он объяснил, что в безвыходное положение Вас поставил Филарет Денисенко, Блаженнейший Патриарх Киевский и всея Украины. Он предложил написать донос в качестве шанса сделать карьеру: „Напишешь, и будешь епископом. Это твой шанс“. Комментировать эту информацию не берусь. Некоторое подтверждение дает сопоставление дат и событий.

7 июня 1970 г. совершилась Ваша хиротония во епископа.

17 июля 1970 г. я был осужден на три года лагерей и поехал отбывать свой срок в пустыню Кызыл-Кум, на рудники золотопромышленного комбината „Бесопан“. А дома осталась жена, трое детей, голодали. Суд выселял их из дома. Вера не обидела Вас.

Лагерный срок не был для меня безоблачным. В связи с беспорядками, произошедшими в лагере „Кызыл-Тепа“ №64/44, я лишился правой ноги, и в декабре 1972 года освобожден из заключения

инвалидом. Вот уже сорок лет я совершаю богослужение на протезах. 28.04.2006 г. Президиум Верховного суда признал меня невиновным и отменил приговор Ташкентского и определение Верховного судов. Теперь я оправдан и реабилитирован.

Ваш поступок нельзя оправдать, но можно понять. В нашей стране тысячи людей по своей и чужой воле становились винтиками мясорубки, перемалывающей человеческие судьбы. Одна половина населения перемалывала другую половину населения. Советская власть осуществила геноцид российского народа его собственными руками, и каждый сыграл свою роль. Бог уберег меня от озлобления и обид. Слава Богу, я не стал Монте-Кристо, посвятившим жизнь бесплодной мести.

В моей псковской эпопее, начавшейся с приходом архиепископа Евсевия (Саввина) в 1993 г., снова мелькнула Ваша тень. В день знакомства архиепископ пояснил в агрессивной форме, что знает меня по слухам от общего знакомого. Архиепископ подчеркнул, что дурное мнение обо мне не изменит. С тех пор он выживает меня из епархии. В оправдание неприязни архиепископ Евсевий ссылается на отрицательные отзывы епископа, который меня хорошо знал. До Псковской епархии я служил под омофором четырех епископов, о которых храню благоговейную память. Это архиепископ Ермоген (Голубев), архиепископ Гавриил (Огородников), архиепископ Варфоломей (Городецкий) и митр. Леонид (Поляков). Ни с одним архиепископ Евсевий не дружил. Ни один не мог сказать обо мне худого слова.

Архиепископ Евсевий рассказывал, что вы учились вместе и поминали в беседах мое имя. Если оброненное слово стало семенем неприязни, Вы оставили еще один след в моей судьбе. А может, в последнем случае Вы не при чем. Когда нет общения, как выяснить взаимоотношения? На суде Божиим все разрешится, но не останется времени для покаяния.

Пока мы живы, есть возможность в живом общении разрешить сомнения и примириться. Может быть, этот шаг стоит того, чтобы его сделать?

Храни Вас Бог в мире, здравии и благополучии, священник Павел Адельгейм.

2007 год начался для отца Павла с очередного, уже привычного конфликта со своим вторым священником. Будилин по-прежнему опаздывал на все свои богослужения, допускал серьезные нарушения в литургической практике, разрушал единство прихода и писал доносы архиерею. Когда в начале весны, восьмого марта, его попытались урезонить и пригласили на очередное приходское собрание, он пафосно ответил отказом в форме письменного обращения к общине (орфография сохранена — ред.):

«Обращение священника Владимира Будилина к настоятелю и приходскому совету храма свв. Жен-Мироносиц

Критику в свой адрес Я могу принять только от того, кто отдает нашему храму и нашей пастве столько же сил и времени, сколько Я. Таких людей в нашем храме нет.

Нездоровая ситуация в нашем храме сложилась в связи с появлением известного человека. Он цинично и безжалостно выгнал из хора людей, бывших патриотами храма, создал атмосферу разделения.

Считаю невозможным участвовать в обсуждении внутренних проблем храма, когда их поднимает этот человек. Тем более, когда тема обсуждения — Я сам. Добровольно на публичную порку я не пойду. Если Я не устраиваю вашу компанию — выгоняйте. Унижаться и терять честь не буду. Говорю это не в первый раз».

Возражать что-либо на такое обращение, конечно, было бесполезно.

Настоятель и приходской совет в очень мягкой и вежливой форме объяснили отцу Владимиру, что за десять лет его пребывания в храме он не вбил ни одного гвоздя, не участвовал в ремонте зданий школы и постоянно нарушал богослужебные нормы. Сказали также, что шантаж и угрозы уйти из храма в случае принуждения к выполнению канонических норм не делают ему чести как священнику.

Все эти доводы и аргументы Будилин демонстративно игнорировал, и с осени вообще перестал регулярно посещать храм. Однако, испугавшись последствий своего поведения, стал в страхе строчить одну за одной жалобы Владыке Евсевию. Писал сам и просил писать своих почитателей и почитательниц.

Руководитель информационной службы Псковской епархии протоиерей Андрей Таскаев, выполняя волю Владыки, на основании этих жалоб написал статью о невыносимой ситуации, сложившейся в храме свв. Жен-Мироносиц и в целом в Псковской епархии, связанной с именем его настоятеля протоиерея Павла Адельгейма.

«Уже несколько лет продолжается противостояние в храме Жен-Мироносиц настоятеля с клиром и приходом. Это недовольство клиром, архиереем вылилось в явное противостояние отца Павла Адельгейма правящему архиерею. К большому сожалению, священник, полагая себя пострадавшей стороной, выбрал в судьи не Священный Синод, что определено правилами нашей Святой Церкви, а средства массовой информации, куда в течение многих лет протоиерей Павел Адельгейм обращается с клеветническими выпадами в адрес архиепископа Евсевия.

На днях правящий архиерей получил письмо от прихожан храма Жен Мироносиц, которое мы публикуем. Но добавим, что все три священника, бывшие клириками в Мироносицком храме, не выдерживали служения рядом с отцом настоятелем и переводились на другие приходы, а самого отца Павла, в бытность его настоятельством в Димитриевском храме Пскова, за реформаторские привязанности прихожане вывели из храма под руки.

„Ваше Высокопреосвященство! Высокопреосвященнейший Владыко Евсевий! Мы, прихожане храма Жен Мироносиц, вынуждены обратиться к Вам, уважаемый Владыко, с надеждой на то, что Вы разрешите наше недоумение, которое связано со следующим случаем, произошедшим в храме Жен-Мироносиц 7 января. Одна женщина пришла в храм на праздничную Литургию с сыном (10 лет) причаститься и удивилась: было немного народа. Обычно при служении священника Владимира Будилина собирается много верующих, потому что батюшку уважают, ценят его молитву и его некоторое истовое служение. Он много и подолгу исповедует, помогает людям. Мы об этом пишем, потому что сами исповедовались у отца Владимира.

7 января, увидев, что отец Владимир не служит, она спросила у отца Павла: „Здоров ли отец Владимир?“. На что получила ответ в резкой и грубой форме, который потряс ее. Такой ответ услышать от священника она не ожидала, потому что понятия не имела, что происходит в храме. Она простая обычная прихожанка. В Мироносицком храме отец Владимир крестил ее и ее детей. После этого случая ей дали прочитать статью об отце Павле в газете „Псковская губерния“, и она снова, как и все мы, была потрясена тем положением, которое сложилось в храме. В этой статье всех смутило многое.

Простите, Владыко, но все-таки нам кажется, что оценивать деятельность священника никто из нас не вправе, как это делает автор статьи В. Яковлев. Мы думаем, что выносить церковные проблемы на суд читателей тоже нельзя, ведь у священника есть Священный Синод, есть Патриарх, есть епископ. Разве можно обращаться через газету к людям, которые не могут знать и понимать жизни Церкви и не сочувствуют ей?

Владыко, просим Вас понять наш вопрос. Отца Владимира в храме любили прихожане. На его служении Литургии собиралось много верующих, причастников, почему сейчас два священника враждуют, а как быть нам, как понимать это? И все-таки мы думаем, что любовь паствы к священнику определяется не только качеством его проповедей и его богословским знанием, а той любовью, с которой он совершает богослужение и любит своих прихожан. И это все есть в отце Владимире Будилине, о чем говорит то количество народа, которое бывает на его службах. Нам и страшно и горько, что такое произошло в нашем храме, когда два священника стали врагами и

просим, Владыко, Ваших святых молитв и разрешить наше недоумение, оставив отца Владимира в нашем храме“.

Письмо подписано 38 прихожанами храма Жен Мироноси.

Священник (о. Владимир Будилин) прослужил в храме десять лет клириком и более не смог, оказался в тяжелом физическом и моральном состоянии. Поведение отца Павла можно объяснять человеческой грешной природой, когда многие из нас бывают недовольны президентом, губернатором, мэром, начальниками, жизнью... Но Церковь — это не место для выражения недовольства священником, любого недовольства — личного ли, связанного с психологическими проблемами, а, тем более, недовольства, связанного с неприятием правил и канонов Русской Православной Церкви, что было прямо выражено в книге, написанной отцом Павлом. /.../

Разве возможно священнику для доказательства своей правоты выбирать в судьи газету или Интернет? Немало лет отец Павел пишет в прессу, подкрепляя свои претензии к Владыке Евсевию цитированием Священного Писания, Правящий Архиерей — постоянный предмет его клеветнической критики. Но Архиерей молчит. Более того, не запрещает священника за его своеволие и бунт, как нарушающего иерархические каноны Церкви, потому что Правящий Архиерей уважает возраст отца Павла, многолетнее служение у престола, его инвалидность. Но это принимается отцом Павлом как слабость Владыки, и он усиливает свою клеветническую риторику в адрес архиепископа Евсевия. /.../

Владыка Евсевий поставлен Русской Православной Церковью на псковскую кафедру окормлять, руководить Псковской епархией. Он имеет полную власть в Псковской епархии, и если отцу Павлу что-то не нравится в деятельности нашего Владыки, у него есть право писать в Священный Синод, на Архиерейский Собор. И если отца Павла не устраивают правила нашей Русской Православной Церкви, тогда ему надо снять с себя рясу и честно написать в газетах: мне не нравятся правила и каноны Русской Православной Церкви. /.../

Гордыня священника наносит колоссальный вред не только самому пастырю, но и репутации Церкви в обществе. Наш архиерей миролюбивый человек, и подходит к проблеме отца Павла по-человечески, не запрещает его в служении. Но встречаться с отцом Павлом Владыка отказывается, пока сам священник принародно не покается, не откажется от своей клеветы в адрес архиерея и нашей Церкви через те же газеты, в которых он писал не один год свои обличительные письма в адрес Правящего Архиерея. /.../ Постулаты отца Павла отнюдь не непререкаемы, потому что отец Павел давно уже живет в одиночестве своей самовольной автономной церкви».

В дальнейшие годы эти кляузные докладные возымели действие, а пока жизнь в приходе шла своим чередом. Ежедневно совершались службы, работала школа, жил своими заботами приют, получали помощь малоимущие. Церковь отца Павла не была автономной, как это пытался представить общественности Таскаев. Она была открытой и свободной, утверждавшей принципы любви, доброты и заботы. Отовсюду к отцу Павлу приезжали гости за советом, поддержкой и помощью. Люди привозили ему какие-то вещи — одежду, детские игрушки, инструменты, хозяйственную утварь. Все это раздавали нуждающимся или отвозили в областные детские дома.

Много и моих друзей побывали за это время в доме Адельгеймов на Красногорской. Встреча с отцом Павлом и матушкой Верой стала незабываемым событием в жизни каждого. Многие, по мере сил и возможности, помогали отцу Павлу в его социальном служении. Например, со мной приезжал к нему мой близкий друг, замечательный журналист, главный редактор издательского дома «Секретные материалы XX век» Александр Германович Карпов, который помог опубликовать большую статью в поддержку отца Павла в своем еженедельнике. (Это было непросто, поскольку начальство и учредители были категорически против печати статей на церковные темы, тем более - со скандальным шлейфом).

Как-то я привез во Псков и познакомил с отцом Павлом своего давнего друга — секретаря Союза композиторов России, известного музыковеда профессора Владимира Абрамовича Гуревича. Отец Павел произвел на него сильнейшее впечатление. Вечером, после ужина, Володя спросил меня: «Чем можно помочь отцу Павлу?». Тогда у нас родилась идея взять шефство над школой регентов. Владимир Абрамович обратился к композиторам и преподавателям музыкальных вузов Санкт-Петербурга с предложением собрать нотную и музыковедческую библиотеку для школы отца Павла. Уже через месяц мы привезли в Псков и передали школе много ценных нот и учебной литературы. Для преподавателей и учащихся школы профессор Гуревич прочитал лекцию по истории западно-европейской музыки. Впоследствии мы учредили приз лучшему ученику, который вручался директором школы в канун Нового года. В начале летних каникул помогали организовывать экскурсии во дворцы и парки пригородов Санкт-Петербурга.

Однажды, во время очередного приезда отца Павла и матушки Веры в Петербург, мы с Владимиром Абрамовичем предложили им организовать концертное выступление церковного хора храма свв. Жен-Мироносиц и хора школы регентов в Санкт-Петербургском доме композиторов. Предложение было с радостью принято, и в январе 2008 года, во время зимних каникул, состоялся большой концерт.

И для хористов, и для петербуржцев этот концерт стал настоящим праздником хорового пения. Зал был переполнен, нам пришлось собрать по кабинетам все свободные стулья и поставить дополнительные места, которых все равно не хватило на всех желающих. Кто-то слушал концерт стоя. Высокий уровень исполнительского мастерства — безусловная заслуга руководителя хора, регента Александра Вадимовича Закревского, талантливого псковского композитора и педагога.

Отцу Павлу помогали, и он никого не оставлял без помощи. К своим духовным чадам он относился с большой любовью и трогательно заботился о них. Летом 2007 года, на день своего ангела, он обвенчал нас с женой, попросив хор петь на совершении таинства в полном составе. В Петербурге он часто посещал наш научно-исследовательский центр, беседовал с сотрудниками и, если возникала надобность, садился рядом со мной на приеме пациентов. Многих из них, особенно в тяжелых, кризисных ситуациях, я возил к нему в Псков, где мы вместе работали с их проблемами. От него исходило столько любви, добра, что он мог лечить одним только своим присутствием. Рекомендации его были, как правило, сдержанными и мудрыми. Обращались к нему люди по самым разным вопросам, и он для всех был открыт, добр и честен. А автономной от Бога и народа Божьего все больше становилась РПЦ. Об этом красноречиво говорит следующий пример.

Летом 2007 года к отцу Павлу обратился за помощью клирик Латвийской Православной Церкви протоиерей Янис Калныньш. Священник попал в беду. Нелюбовь к нему правящего архиерея — Митрополита Латвийского Александра (Кудряшова) дошла до своего крайнего выражения. 1 июля протоиерей Янис Калныньш, безупречно служивший священником рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря, получил письменное уведомление о том, что решением духовного суда Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата он лишен сана за многочисленные канонические нарушения. При этом самого священника Яниса ни в какой суд не вызывали, где и когда этот суд состоялся - неизвестно, а само уведомление представляло собой не приговор или решение суда, а лишь выписку из протокола:

«Дело Яниса Калныньша (120361-10526), протоиерея женского Свято-Троицкого Сергиева монастыря о допущении канонических нарушений.

В своем заседании Духовный суд Латвийской Православной Церкви констатировал следующие нарушения:

1. Апостольские правила 39 и 79; Первого Вс. Собора 2; Св. Григория Нисского 5 и другие правила.

2. Протоиерей Янис Калныньш систематически разглашает тайну исповеди третьим лицам.
3. Постоянные нарушения и неисполнение клятвы священника.

За эти нарушения Духовный суд решил: протоиерея Яниса Калныньша исключить из членов клира ЛПЦ, лишить духовной должности, чина и благодати священства и причислить к чину мирян.

Выписка верна: секретарь суда протоиерей Н. Тихомиров».

В епархии священник был: он Бога искренне любил,
служил общине как невесте, молитвой в храме, чтением книги.
Но не был искушен в интриге и не владел искусством лести.
Его епископ не любил, и, заподозрив в самомнении,
дал фаворитам повеленье начать жестокое гоненье.
Час испытания пробил:
священник, к общему стыду, подпал церковному суду.
Назначена лихая тройка епархиального суда,
судить умеющая бойко без угрызений и стыда.
Здесь дух евангельский не ивел, презрены древние каноны:
здесь торжествует произвол и меркантильные резоны.
Священника не звали в суд (в суд подсудимых не зовут
и осуждают их бессрочно и, по обычаю, заочно).
Был приговор жесток и крут: он получил «уведомленье»,
что архиерейским повеленьем От Церкви Божьей отлучен как еретик и фармазон.
К такому грустному итогу скатилась Церковь понемногу,
приняв за сущность мирозданья архиерейские желанья.

Павел Адельгейм, 2007 г.

Отец Павел, ознакомившись с делом священника Я. Калныньша, помог ему составить кассационную жалобу на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В жалобе отец Павел указал, что положение о церковном судопроизводстве утверждает в качестве исходящих документов:

1. Вызовы в Епархиальный суд (ст. 18, пп. 1-3 и ст.19);
2. Протокол судебного заседания (ст. 29 и ст. 30, пп. 1-3);
3. Решение Епархиального суда (ст. 35, пп. 1-2, ст. 36, пп. 1-3 и ст. 37, пп. 1-2).

Таким образом, «выписка из протокола» не является официальным документом и, соответственно, ее невозможно обжаловать, поскольку вместо установления фактов нарушения канонических норм и оценок «выписка» констатирует лишь необоснованное мнение членов суда.

«Выписка» содержала обвинение в нарушении тайны исповеди, в нарушении канонов Апостольских правил 39 и 79, Перв. 2, Григория Нисского 5 и других. Отец Янис также обвинялся в постоянных нарушениях и неисполнении клятвы священника. Все эти обвинения не были расследованы, и факты правонарушений не выявлены. Упомянутые ссылки на нарушение правил святых апостолов и отцов церкви абсурдны.

Так, 39-е правило гласит о запрете распоряжения церковным имуществом и отлучения кого-либо от церкви без ведома епископа. Таких действий за священником Янисом Калныньшем не значилось. Правило 79-е говорит о запрете священнослужения одержимыми и бесноватыми. Отец Янис не был никогда уличен в одержимости бесом.

2-е правило первого Вселенского Собора запрещает поспешно рукополагать в священнический

сан или епископское достоинство неофитов. Отец Янис не подлежит наказанию по данному правилу, поскольку рукополагать в священнический сан и совершать хиротонию во епископа могут только епископы, а он всего лишь протоиерей.

5-е правило Григория Нисского объясняет различие между вольным и невольным убийством, за которые назначаются различные епитимии. Поскольку суд не инкриминировал убийство священнику Янису Калныньшу, то канон не может иметь отношения к данному судебному делу.

Невозможно обосновать вину священника простым перечислением правовых норм. Изобилие канонов не заменит обоснованность аргументации. Суд обязан доказать причастность обвиняемого к инкриминируемому правонарушению, соотнести факты с нормами. Но факты не установлены, вина не сформулирована, и судьи не смогли однозначно квалифицировать обвинение в соответствии с нормой канонического права. Санционируя высшую меру церковного наказания, суд не позволил осужденному понять, ни каков конкретный состав его преступления, ни в каких действиях судьи усматривали это преступление, ни какими доказательствами они подтверждали вину обвиняемого священника.

На основании отсутствия каких-либо судебных документов можно предположить, что суда никакого не было. Была гнусная афера и преступный клеветнический оговор со стороны правящего архиерея. Все это напоминает русскую сказку П.П. Ершова, «Конек-Горбунок», где спальник клеветает на Ивана:

«Он с бесом хлеб-соль водит, в церковь Божию не ходит, католицкий держит крест и постами мясо ест».

В августе 2007 года в Москве на международной богословской конференции «Христианская соборность и общественная солидарность» Отец Павел привел в пример дело отца Яниса:

«Протоиерей Янис Калныньш прослужил в сане священника 20 лет, перевел на латышский язык и издал 50 святоотеческих творений.

1 июля 2007 г. ему привезли „выписку из решения Духовного суда“, якобы состоявшегося 26 июня 2007 г. Суд не уведомил священника о процессе. Он узнал, что осужден и лишен сана спустя неделю, после публикации на сайте.

Есть основания сомневаться, что суд вообще был. Скорее всего, кроме злосчастной “выписки из решения“, ничего не было. Не было и самого решения. „Духовный суд“ во главе с Высокпреосвященнейшим Председателем, Митрополитом Рижским и Латвийским нарушил 15 Апостольских и вселенских правил, 4 статьи Устава РПЦ и 30 статей „Временного положения о церковном судопроизводстве для епархиальных судов“. Неужели после таких нарушений решение суда имеет „законную силу“? “Судите судом праведным“ (Ин. 7, 24) — призывает Господь Иисус Христос.

Лишение сана утверждает Патриарх („Врем. положение“, ст. 37, 2). Митрополит Александр пренебрег этим требованием. Апелляция, посланная в соответствии с канонами (Карф. 11; 37; 139; Сард. 14; Четв. 9; 17) на имя Патриарха, остается пока без ответа.

„Духовный суд“ отказал осужденному выдать решение суда. Обжалование отказа, посланное на имя управляющего делами МП, остается пока без ответа.

Апелляция на решение церковного суда невозможна: второй инстанции суда не существует. Общецерковный суд записан в Уставе РПЦ, но де факто не существует. Не существует процедуры общецерковного суда. Разве можно говорить всерьез о правосудии, если нет кассационной инстанции, и решение суда заведомо некуда обжаловать? Такой суд называют линчевание. Кто мог подумать, что РПЦ возродит карательные органы, аналогичные „тройкам НКВД“? Бог говорит: „Не делайте

неправды на суде“ (Лев. 19, 15). Вопреки государственной Конституции, Устав РПЦ лишил клириков и мирян правовой защиты (Устав РПЦ 1, 9) и оставил беспомощным перед личным произволом архиерея».

За что же митрополит Александр так невзлюбил своего клирика? Причин тут две: первая видится в особенностях личности самого митрополита, вторая — в действиях священника Яниса Калныньша.

То, что митрополит Александр — личность одиозная, известно давно и многим. Скандальные разоблачения сопутствовали ему на протяжении всей его «пастырской» деятельности на посту главы Латвийской Православной Церкви. О коррупции, мошенничестве с церковным имуществом и об аморальном образе жизни этого иерарха с нетрадиционной сексуальной ориентацией много писали газеты и различные интернет-сообщества. Обретенная в результате развала Советского Союза независимость прибалтийских республик всемерно способствовала демократизации латвийской государственной системы и отмежеванию от тяжелого наследия прежнего коммунистического режима. Обществу стали доступны рассекреченные материалы о деятельности советских спецслужб на территории Прибалтики. Бывшие сотрудники когда-то всемогущего КГБ, проявляя свою лояльность к новой власти, охотно делились с прессой секретной агентурной информацией. Так, разбираясь в деятельности рижского митрополита, журналисты вскрыли многие неожиданные факты его биографии. На портале Credo.Ru журналистка Анна Куликова разместила информацию, полученную от бывших офицеров латвийского комитета госбезопасности Александра Ищенко и Юрия Тарасюка¹¹. На основании данных, полученных из некогда секретных источников, глава Латвийской Православной Церкви митрополит Александр подозревался в педофилии.

Мы не беремся судить о правдивости или ложности предоставляемой журналистами информации и упоминаем ее лишь для того, чтобы ясно представлять, с чем, возможно, приходится иметь дело и чему приходится противостоять честным священнослужителям, каковыми были протоиерей Янис Калныньш и отец Павел.

К характеристике митрополита можно только добавить стихи отца Павла:

*Тебе, сопернику Христа, воссевшему на место Бога,
неведома печаль креста и покаяния тревога.
За всех, чьи судьбы растоптал, отравой совесть напитал,
от Церкви Божьей отлучил и утешения лишил.
Тебе венок, церковный князь, сплетает слов живая вязь в запечатленное преданье.
Прими его, не омрачаясь.
И самомненье сокруша, твоя бессмертная душа пусть отзовется покаяньем.*

О. Павел Адельгейм

О священнической деятельности отца Яниса Калныньша, вызвавшей неистовый гнев правящего иерарха, писал в своем «Живом журнале» отец Павел:

«Реституция началась до принятия закона печальным опытом, прошедшим в Латвийской Православной Церкви МП. Протоиерей Янис Калныньш издал книгу Latvijas Pareizticiga Baznica. Vestures komentars, Riga, San Eстера, 2007, где рассказал, как Митрополит Рижский и вся Латвия МП Александр (Кудряшов) распродал возвращенную недвижимость. Многоэтажные дома в Риге и тысячи гектар земли проданы за бесценок. Церковь потеряла сотни миллионов долларов. Некоторые

¹¹ Анна Куликова. «Кто дискредитирует православие в Латвии? Латвийские СМИ пестрят разоблачительными материалами о главе местной епархии РПЦ МП»

храмы снесли, другие приобрели адвентисты и пятидесятники. Изданы данные о продавцах, покупателях и судьбе недвижимости с фотографиями. Вселенские каноны лишают епископа сана за такое преступление (Седм. 12). Разгневанный митрополит снял сан с протоиерея Яниса Калныньша, нарушив церковные правила. Обжалование осталось без ответа. Выяснилось, что первый этап реституции завершает второй этап: возвращенная недвижимость распродается в пользу частных лиц».

Ситуации отца Яниса и отца Павла во многом схожи. Оба активно сопротивляются разрушению Церкви и оба терпят притеснения и гонения со стороны правящих архиереев. Вполне естественно, что отец Павел стал поддерживать латвийского священника и оказывать ему всемерную помощь.

Отец Янис, с большой благодарностью вспоминая о помощи отца Павла, писал латышской прессе:

«Наверно, я не знал бы о протоиерее Павле Адельгейме ничего более, кроме того, что он автор попавшей мне в руки книги „Догмат о Церкви“. Но ближе познакомился я с этим чудесным человеком, когда попал в беду — оказался в середине этого года, с благословения митрополита Александра, полностью оклеветанным и отстраненным от сана и Церкви.

Протоиерей Павел был одним из тех немногих и редких священников, которые могут считаться даром судьбы — он поддержал советом и на международной конференции канонически аргументировал незаконность происшедшего со мной. Несправедливость и произвол православного церковного руководства Латвии приобрели совсем другой смысл, причем юридически обоснованно. Почти год общение с этим человеком помогло мне выстоять, не сорваться в отчаяние, а главное, укрепляло в надежде на то, что мое время и силы положенные на служение были не напрасны. Тогда я не мог себе представить, что, духовно поддерживая и укрепляя меня, этот священник и сам находится в очень трудной ситуации, что, помогая мне, он еще более осложняет себе жизнь, рискуя оказаться в ситуации, подобной моей».

Слова отца Яниса оказались пророческими, и вскоре самому отцу Павлу пришлось пройти через такие же репрессивные тернии, что и его латышскому другу.

22. Расправа

12 декабря 2007 года отцу Павлу позвонили и пригласили в Епархиальный суд. На его вопрос, зачем вызывают, председатель Епархиального суда протоиерей Петр Нетреба сказал: «Просто побеседовать». После настойчивых расспросов отцу Павлу ему дали понять, что будут разбирать его отношения со священником отцом Владимиром. Процесс назначили на 25 декабря 2007 года в 14-00. В тот же день перед началом суда, в 10-00, должно было состояться заседание Епархиального совета, где, вероятнее всего, будут даны указания по ведению процесса и вынесению приговора.

Понимая, что против него готовится очередное судилище с правовым беспределом и заранее предрешенным итогом, отец Павел написал архиерею письмо:

«Ваше Высокопреосвященство!

12.12.07 г. председатель Епархиального суда протоиерей П. Нетреба по телефону вызвал меня в Епархиальный суд на 25 декабря 2007 г. Председатель не объяснил суть правонарушения и мой статус в судебном процессе... Он отказался указать, какое правонарушение будет рассматривать суд и в качестве кого меня вызывает.

Сперва председатель предложил вызвать меня в качестве „заявителя“ в порядке ст. 17. Заявителем я не могу быть, поскольку не писал заявление в суд. Председатель возразил, что я писал докладные архиепископу, а он передал их в суд. Это возражение неверно. На основании ст. 14, п. 3, заявление в суд подается по установленной форме...

Затем председатель предложил вызвать меня в качестве „свидетеля“. „Свидетелем является лицо, которому известны какие-либо сведения об относящихся к делу обстоятельствах” (Положение, ст. 25, 1). Поскольку мне не сообщают, о каком „деле“ идет речь, я отказываюсь быть свидетелем о неизвестном правонарушении, в порядке ст. 25, п. 4: „Лицо, согласное выступить в качестве свидетеля“ — свидетельство осуществляется на добровольной основе. Положение не принуждает к свидетельству.

Тогда председатель предложил явиться в суд вместе с о. В. Будилиным, чтобы „урегулировать возникший между вами конфликт“.

На это предложение я высказал два возражения.

1. Положение определяет перечень дел, подлежащих ведению Епархиального суда. Указанный перечень не содержит рассмотрение конфликтов между клириками.

2. Между настоятелем храма и приходским собранием, с одной стороны, и священником В. Будилиным — с другой, возникло противостояние, которое не может быть сведено к конфликту на почве личных отношений.

Священник В. Будилин нарушает дисциплину в храме, богослужебный устав, порядок совершения Таинств, распоряжения Святейшего Патриарха, вероучение Православной Церкви, прекратил евхаристическое общение с настоятелем храма вопреки апост. 31 и не участвует в воскресных и праздничных богослужениях. Подобные правонарушения подлежат церковному суду, согласно Положению ст. 5, п. 1. Вы называете „конфликтом“ выполнение должностных обязанностей и приглашаете меня в Епархиальный суд, нарушая процессуальный порядок, установленный Положением...

Лучше сохранить неповрежденными принципы церковного судопроизводства, утвержденные Вашей подписью среди подписей всех членов Архиерейского Собора.

Ожидая и без прекословия подчинюсь законно составленному вызову, но не стану соучастником процесса, организованного вопреки каноническим правилам.

Настоятель храма свв. Жен-Мироносиц священник Павел Адельгейм».

Законно составленного вызова в суд он так и не получил. Обстановка в начале 2008 года была тревожной, все ожидали реакции архиепископа на отказ отца Павла от участия в судебном процессе. По городу поползли слухи о скором увольнении Мироносицкого настоятеля за штат. Педагоги православной школы регентов написали коллективное обращение к архиерею:

«От педагогического коллектива православной общеобразовательной школы регентов г. Пскова

Обращение

Ваше Высокопреосвященство!

Коллектив учителей негосударственной общеобразовательной православной школы регентов города Пскова, открытой в 1992 году по инициативе настоятеля храма святых Жен-Мироносиц отца Павла Адельгейма, просит Вашего соучастия в судьбе нашей школы.

Уже 16 лет о. Павел совмещает деятельность священника с работой в школе. Его уроки по предметам „История Нового Завета“, „Церковнославянский язык“, „Церковный устав“, „Введение в богословие“ — это яркие образцы воодушевляющей речи, которая помогает школьникам почувствовать себя личностями, проникнуться высоконравственной христианской идеей, укрепляет силу духа, волю учащихся. /.../

Наше обращение вызвала распространившаяся по городу информация, что в ближайшее время

Вы увольняете отца Павла за штат. Трудно в это поверить, но нельзя игнорировать угрозу существованию школы. Просим Вас успокоить нашу тревогу и вернуть мир в наши сердца, удостоверив Вашим словом беспочвенность этой информации».

Об этом же писали Владыке и прихожане Мироносицкой церкви:

«Ваше Высокопреосвященство!

Со смиренной просьбой обращаются к Вам прихожане храма свв. Жен-Мироносиц в Пскове, обеспокоенные слухами о грядущем отчислении за штат настоятеля нашего храма. Просим Вас не принимать решений, которые могут повлечь за собой запрещение или отправку за штат протоиерея Павла Адельгейма».

Письма оставались без ответа, Будилин в храме не появлялся, и настоятель один продолжал нести свой пастырский крест, не прекращая ежедневных богослужений, преподавания в школе, проведения библейских чтений, посещения тюрьмы и больницы. 21 января прошло приходское собрание, протокол которого должен был утвердить правящий архиерей. В течение трех с лишним недель ожидали прихожане резолюции Владыки. 15 февраля они послали ему напоминание:

«Ваше Высокопреосвященство!

Община храма предоставила Вам для утверждения протокол приходского собрания от 21.01.08 г. и ожидает от Вас его утверждения, согласно уставу РПЦ гл. 11, ст. 41-42. Ответ не поступил. Секретарь Епархиального управления отказал представителям приходского собрания в личной встрече с Вами: „Архиепископ не принимает мирян без настоятеля храма“. Мы готовы встретиться с Вами совместно с настоятелем, если на то будет Ваше благословение.

Паства храма свв. Жен-Мироносиц не виновата в Вашем многолетнем конфликте с о. Павлом и не должна становиться заложницей противостояния. Надеемся, Ваша нелюбовь к настоятелю не распространяется на весь приход? Бог поручил Вам паству, и Вы доверили ее настоятелю храма. Мы покорны воле настоятеля, который пребывает в каноническом общении с Вами и управляет храмом от Вашего имени. Мы молимся за Вас, ищем мира и ожидаем благословения. Одновременно просим удовлетворить наше ходатайство об отчислении священника Владимира Будилина из клира нашего храма, поскольку он много месяцев не посещает храм, много лет не причащается с нами и оскорбительно отзываясь о церковной общине храма свв. Жен-Мироносиц.

По поручению приходского собрания секретарь собрания Мария Ганюкова».

Ровно через неделю, 22 февраля 2008 года, правящий архиерей ответил указом №7 о смещении отца Павла с поста настоятеля храма.

«В связи со сложившейся непрекращающейся крайне нетерпимой обстановкой в храме свв. Жен-Мироносиц г. Пскова и вашим отказом от участия в заседании Псковского епархиального суда для разрешения возникшего конфликта между вами и клириком вашего храма священником Владимиром Будилиным, учитывая также вашу открытую неприязнь к предшествующим клирикам, вы освобождаетесь от должности настоятеля храма свв. Жен-Мироносиц города Пскова и остаетесь клириком того же храма».

Новым настоятелем был назначен 28-летний о. Сергей Иванов. Как писал о нем Михаил Ситников на портале Credo.Ru, «о. Сергей в свои 28 лет зарекомендовал себя при архиерее больше как мастер по закупкам продуктов и ценный кадр для „наведения порядка“ в процессе командировок в чужие приходы». Теперь его задачей было «навести порядок» в церкви свв. Жен-Мироносиц, то есть окончательно разделаться с отцом Павлом и его общиной.

Ответ отца Павла архиерею был, как всегда, разумным, логичным и проникнутым христианским достоинством:

«Ваше Высокопреосвященство!

Необоснованные репрессии, которыми Вы преследуете меня последние 15 лет, продолжил указ №7. Без вины казнили большевики моих дедов и родителей. Без вины меня осудили и изувечили в тюрьме. Суд нас оправдал. Их посмертно, а меня через 40 лет. „Дополняйте же меру отцов ваших“ (Мф. 23, 32).

Со временем Ваш указ осудят как образец беззакония. Как мой судебный приговор, указ содержит клевету. Вопреки письменным свидетельствам и живым свидетелям, указ без исследования обвиняет меня в „нетерпимой обстановке“.

Вы не смогли назвать мой конкретный проступок. Такого не было.

В храме святых Жен-Мироносиц не было скандалов. Полгода моего ежедневного служения проходили в мирной обстановке. Священник Владимир Будилин прекратил евхаристическое общение с настоятелем, искажал чин Литургии и других Таинств, срывал богослужения, полгода не появляется в храме без уважительной причины. Это изложено в докладных, которые Вы игнорировали годами. „Нетерпимую обстановку“ создает Ваше снисхождение к нарушению пастырского долга и христианской этики. Вы осудили и сняли настоятеля за свои собственные упущения.

Отказ от Епархиального суда канонически обоснован: нельзя судить без обвинения. „Положение о Епархиальном суде“ (Положение, 5,1) не допускает суд, если нет события преступления и обвинения, поскольку Епархиальный суд рассматривает обвинения, влекущие лишение сана и отлучение от Церкви. Вместо незаконного суда Вы могли пригласить на беседу, но не захотели.

„Открытая неприязнь к предшествующим клирикам“ — ложное обвинение. За 20 лет моего настоятельства в Мироносицком храме служили: архимандрит Елевферий Попов, ныне настоятель Успенского храма, священник Владимир Георгиев, ныне настоятель двух городских храмов, протоиерей Михаил Мельник, ныне настоятель Воскресенского храма, протоиерей Евгений Найдин, ныне настоятель Матфеевского храма.

Это же кузница настоятелей! Все ушли с повышением, с каждым я сохранил добрые отношения. Вы отняли храм, который я построил в Богданово. Без вины уволили меня из Матфеевского храма. Без вины отняли Мироносицкий храм, поднятый из руин моими руками. Обрекли на уничтожение православную школу регентов и сиротский приют. Не дав ничего, Вы отняли все.

Личную неприязнь Вы мне высказали на первой аудиенции в марте 1993 г., не скрывая последствий, которые преследуют меня 15 лет. Лишение настоятельства не последний удар. Какая казнь ожидает священника за 50 лет беспорочного служения Церкви? Разве можно осудить невиновного? За что?

Величайший пример — Христос Спаситель. Он спросил: „Кто из вас обличит Меня в неправде?“ (Ин. 8, 46). Пилат подтвердил: „Я не нахожу никакой вины в Этом Человеке“ (Лк. 23, 4). Но „искали архиереи и книжники, как бы взять Его хитростью и убить“. (Мк. 14, 1). „И распяли Его“. (Мк. 15, 25). Вот и я восхожу на свою маленькую Голгофу и молюсь о Вас великой молитвой, которую Господь произнес о Своих распинателях: „Отче, отпусти им, ибо не ведают, что творят“. (Лк. 23, 34).

Несмотря на все понесенные от Вас обиды, с любовью во Христе, священник Павел Адельгейм».

Весть о снятии отца Павла с поста настоятеля буквально в течение суток облетела всю страну и зарубежье. Об этом писали газеты, и тема активно обсуждалась в интернете. Реакция была бурной. Люди не скрывали своего возмущения и старались, как могли, поддержать отца Павла.

25 февраля преподаватель псковской музыкальной школы им. М.П. Мусоргского Юрий Михайлович Дубов опубликовал на портале Credo.Ru статью, где выразил свое отношение к произошедшему событию:

«Не могу и не имею права молчать.

На протяжении ряда лет, будучи прихожанином храма святых Жен-Мироносиц, свидетельствую, что о. Павел, являющийся настоятелем этого храма — выдающийся, блестящий проповедник, ученый богослов с энциклопедическими знаниями и самое главное — подлинный, сердечный и добрый пастырь, чье служение, проповеди всегда — событие, проникнутое высоким духовным содержанием и значением.

Это человек большого мужества и долготерпения, не пропускающий служения даже будучи больным, несмотря на свою инвалидность и весьма преклонный возраст. Это человек, искренно ревнующий о чистоте православного вероисповедания, то есть, в первую очередь, о претворении в жизнь того, что заповедал всем нам христианам Сам Спаситель — наш Господь Иисус Христос.

Поэтому считаю вопиющей несправедливостью и унижением смещение о. Павла с поста настоятеля храма и полнейшим пренебрежением к нам, прихожанам, того, кто издал указ о смещении. /.../

Считаю, что снятие о. Павла с должности настоятеля храма святых Жен-Мироносиц позорит нашу Православную Церковь и наносит удар по чистоте православного вероисповедания».

В тот же день, 25 февраля, решением Священного Синода архиепископ Евсевий был возведен в сан Митрополита Псковского и Великолукского. Сбылась его давняя мечта. Долго Патриарх Алексей II не подписывал указ о возведении его в митрополичье достоинство, ожидая, по слухам, примирения псковского владыки с протоиереем Павлом.

Многие бросились поздравлять архиерея с митрополитством. Поздравляли его и прихожане Мироносицкого храма:

«Ваше Высокопреосвященство!

Весь наш приход свв. Жен-Мироносиц сердечно поздравляет Вас с высоким званием Митрополита Псковского и Великолукского! Молитвенно просим у Господа духовной и телесной крепости Вам для свершения Вашего многотрудного служения в Русской Православной Церкви. Мы обращаемся к Вам, не к нашему начальнику и судье — но к любящему отцу, который не может не откликнуться на слезы его сынов и дочерей. Да, многие из нас сейчас плачут.

Наш многолетний, уважаемый и любимый настоятель, основатель старинного Псковского прихода и восстановитель храма святых Жен Мироносиц отец Павел Адельгейм отстранен от управления приходом и церковью. Нам дан новый настоятель. Мы ничего не имеем против личности отца Сергия. Мы только видим, что он еще слишком молод и неопытен. Справиться с напряженной ежедневной богослужебной жизнью в церкви святых Жен-Мироносиц, а также с ее серьезной образовательно-миссионерской деятельностью (школа регентов, библейские чтения), с ее милосердным детищем (приют для инвалидов) — может только многоопытный, хорошо образованный, не формально любящий людей и непрестанно славящий Бога священник ././

С приходом отца Сергия службы в нашем храме стали серенькими, быстренькими, проходящими, проповедь — формально-ученической. Такое богослужение не привлечет, а отторгнет людей. Конечно, мы понимаем, что о. Сергий молод, у него все впереди. Дай Бог ему вырасти и состояться в священническом служении. Как раз в нашей церкви он и мог бы многому научиться у о. Павла. Но только не в этой неестественно перевернутой ситуации, когда 28-летний предстоятель благословляет на очередной возглас 70-летнего старца.

Это уничижение отца Павла, его смирение перед сложившимися обстоятельствами только украшает его, добавляет к его страдальческой судьбе весомую золотую тяжесть — но не убывает ли от этого духовная составляющая Псковской Церкви, возглавляемой Вами?

Ваше Высокопреосвященство! Дорогой Владыко! Надеюсь на Вашу духовную и человеческую мудрость, символом которой является теперь Ваш белый митрополичий клобук, склоняясь к Вашим отеческим коленам, просим, умоляем Вас о прощении и милости: верните нам любимого настоятеля отца Павла Адельгейма, не разрушайте нашу церковную семью

Ваши смиренные молитвенники, прихожане церкви свв. Жен-Мироносиц».

Прихожане активно писали письма митрополиту Евсевию и Патриарху Алексию II, собирали подписи в поддержку отца Павла.

26 февраля 2008 года:

«Ваше Высокопреосвященство!

Обращаются к Вам прихожане храма святых Жен-Мироносиц. Очень мы удивлены, что не стало у нас нашего светлейшего батюшки отца Павла. Отец Павел очень ратовал за православных христиан. Ведь многие годы православные христиане подвергались гонениям, а отец Павел предан православию, ведь он построил храм в Богданово, восстанавливал храм в Писковичах и здесь, в Мироносицах. Эти храмы мы помним еще разрушенными, кроме стен, ничего не было. Отец Павел много душевных сил и средств затратил, чтобы восстановить эти храмы».

В письмах митрополиту прихожане выражали также и свое недоумение по поводу назначения на место отца Павла молодого и неопытного священника, не блещущего какими-либо христианскими достоинствами:

*«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Евсевию,
Митрополиту Псковскому и Великолукскому
Христос с нами и посреди нас.*

Ваше Высокопреосвященство, многоуважаемый Владыко!

Мы, прихожане храма свв. Жен-Мироносиц, родители учеников православной школы регентов, сами ученики и воспитанники приюта детей-сирот при храме, глубоко опечалены Вашим указом о назначении нам нового молодого настоятеля вместо нашего убеленного сединами, мудрого и духовно опытного батюшки протоиерея Павла Адельгейма. ././

Разумеется, новоназначенный настоятель, 28 лет от роду, ни в какое сравнение не идет с отцом Павлом, ни по духовному, ни по жизненному опыту. Ему бы поучиться, поднабраться опыта у такого батюшки, послужив вторым священником и войдя в жизнь прихода. Но, увы, молодому священнику поставлена другая задача. Он явно не отличается ни особыми духовными дарованиями, ни высокими моральными качествами, нисколько не смущается щекотливостью своего положения — руководить сложившимся приходом и маститым седовласым протоиереем. Который, кстати, восстанавливал наш храм, когда этот новый настоятель был еще младшим школьником. Как показали его первые шаги в нашем храме, даже такие простые человеческие качества, как такт, совесть, уважение, ему не знакомы. Только придя в храм, он, как новый хозяин, стал показывать старому настоятелю, что и как он переделает, и прежде всего, постарался взять в свои молодые руки финансы, объявив, что надо экономить, дабы достойно встретить архиерея на престольный праздник. Его „богослужебные указания“ по убыстрению службы уже привели к уходу нашего любимого регента — высокого профессионала А.В. Закревского. ./.../

Мы озабочены судьбою школы и приюта, материально зависимых от прихода и настоятеля. „Оставьте детей, и не возбраняйте им прийти ко мне: таковых бо есть царство небесное“ (Матф. 19:14). Наши дети получают православное образование, участвуют в службах. Детский хор при церкви свв. Жен-Мироносиц — один из лучших в нашей епархии. Выпускники школы поют в церковных

хорах нашего города. Преподавательский состав тщательно подобран, учебный процесс отлажен. В школе работают настоящие энтузиасты. Что касается приюта детей-сирот, который тоже поддерживает община, то хоть уже подросшие дети и работают при храме и школе, но без поддержки вряд ли смогут существовать.

Новый настоятель пытается устроить все по-новому (как та новая метла). Он заявил общине, что никого выгонять не собирается, что храм принадлежит общине, а не конкретному человеку, поэтому мы можем, де, высказывать свои мнения и пожелания. На деле же все иначе: регент уходит, хор разваливается, существование школы под большим вопросом, ибо, разумеется, она нерентабельна, а у нового настоятеля свои приоритеты в расходовании средств (например, он не прочь закатать асфальтом восстановленную при о. Павле булыжную дорожку к храму). Кормило лодки разворачивается совсем в иную сторону. /./

Уважаемый Высокопреосвященнейший Владыко! Смиренно молим Вас снизить к скорбям нашим и вернуть нам нашего горячо любимого настоятеля протоиерея Павла Адельгейма. Уповаем на милость Божию, заступничество свв. Жен-Мироносиц и Ваше сострадание и милосердие».

Все письма, прошения и обращения, как и прежде, оставались без ответа, но их было очень много. Заявления и запросы поступали не только из различных уголков страны, но и из-за рубежа. Судьбой отца Павла была очень обеспокоена Российская Зарубежная Православная Церковь. Письма в поддержку священника Павла Адельгейма направили в Московскую Патриархию Митрополит Австралийский Илларион (Капрал), Митрополит Чикагский Петр (Лукьянов), глава Русской Православной Церкви за рубежом митрополит Лавр (Шкурла). С недоумением и прискорбием смотрели на этот псковский казус хорошо знавшие отца Павла епископы англиканской, лютеранской и католической церквей.

Чтобы как-то защитить свою позицию, митрополит Евсевий принял решение о создании специальной комиссии для расследования деятельности протоиерея Павла Адельгейма. Задуманная архиереем следственная комиссия, очевидно, должна была прийти к заключению о необходимости увольнения отца Павла за штат. Тогда по «христианскому человеколюбию» можно смело отправлять престарелого батюшку на покой. Не справляется. Да и сил уже нет, в этом году 70 стукнет! По всему видать, пора на покой!

«Что Мене Ищете Убити?»

Неотвратимо приближался последний в жизни юбилей, и престарелый иерей перед иконой сокрушался, просил и каялся, смущался и рассуждал в душе своей:

*«Давно исписана страница подаренных мне Богом дней.
Они, как раненые птицы, упавшие среди камней,
оставшие от журавлей, напрасно кличут свою стаю, летящую к родному краю.
Лишь утешеньем прежних лет сияет невечерний свет:
еще могу дары носить Евхаристическую Жертву о мире,
о живых и мертвых, у Бога милости просить.
Но время испытанья близко, уже готовится епископ
Святого Духа благодать — священство у меня отнять.
За долголетнее служенье карает как за преступленье
и удаленного за штат лишает права на служенье:
отнимет крест и облаченье, позволит только причащенье с мирянами у Царских Врат».*
*И за сурового владыку земной поклон святому Лику кладет и тихо говорит:
«О, Ты, врагов не осудивший прости бессовестность обид!
Епископ совестью не взыскан: не понимает, что творит».*

О. Павел Адельгейм.

Узнав, о готовящейся очередной расправе, к архиерею обратилась матушка Вера:

«Ваше Преосвященство, Владыка Евсевий!»

На епархиальном сайте прочла Ваше сообщение „о деятельности протоиерея Павла Адельгейма“. Обвинения выражены в общих словах, из которых нельзя понять, в чем Вы усмотрели правонарушение.

„Негативное отношение к Правящему Архиерею“ из текста неочевидно, а негативное отношение к о. Павлу с Вашей стороны очевидно и обнаруживает созданный Вами конфликт. Мотив известен: клеветой и насилием вынудить о. Павла к отречению от книги „Догмат о Церк- ви“. Ваше требование о. Павел не выполнит. Он верит в соборный разум Церкви: „имеем ум Христов“ (1 Кор. 2,16). Верность соборной истине о. Павел считает долгом чести. Он сохранил верность Церкви, когда пришлось выбирать между отречением и тюрьмой. И сохранит до смерти. Честь не продается за чечевичную похлебку личного благополучия.

Необоснованные репрессии, которым 15 лет подвергается наша семья, кажутся Вам недостаточно жестокими. Собственную вражду Вы замалчиваете, хотя официальные послания и указы Ваши содержат личные оскорбления, очевидную клевету и административное насилие. Вы отняли один за другим три прихода, организовали суд Линча, облили о. Павла в СМИ публичными оскорблениями и клеветой, за которыми последовало покушение на его жизнь. Вам все кажется мало. Вы не усмотрели за о. Павлом правонарушение, и расправляетесь с ним без вины, мстите из неутолимой ненависти. Любоначалие постыдно. Оно унижает епископа и нравственный авторитет Церкви.

„Создание комиссии в отношении протоиерея П. Адельгейма“ будет очередным неканоническим актом Вашего Преосвященства (см. Карф. 16 и др). В комиссию войдут лица, которые не могут быть объективными в силу зависимого положения, и вынесут решения, которых Вы жаждете.

„Обнаружением негативного отношения в Правящему Архиерею“ Вы называете официальные письма, которыми о. Павел защищает себя от необоснованных обвинений и репрессий. Слово — единственный способ самозащиты, доступный клирику. Ни один конфликт о. Павел не начал первым. Последняя переписка была спровоцирована угрозой линчевания, назначенного на 25.12.07 г. Ваши провокации вынуждают о. Павла защищаться. Очередную репрессию готовит назначенная Вами комиссия, антиканонический характер которой не вызывает сомнений.

Беззаконное решение определит нашу участь. Я устала жить в ожидании удара архиерейского топора, постоянно занесенного над нами.

Архиерею доступны законные и незаконные способы преследования клириков. Путь нечестивых обходит запреты совести, этики, канонов и Евангелия: „Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасти“ (Лк. 9,55-56)

А Вы, Владыка, какого духа?

Против лома нет приема. Остается повторить слова, сказанные Иуде на Тайной Вечере. „Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее... Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь“ (Ин. 13, 27, 30).

24 апреля 2008 г., Великий Четверток.

Жена гонимого протоиерея Павла Вера Адельгейм».

В тот же день митрополиту Евсевию написали возмущенные учителя и родители детей из православной школы регентов:

«Так за что же, Ваше преосвященство, наш батюшка впал в такую немилость? Наш духовный отец, возлюбленный нами сквозь долгие годы и высоко ценимый, от которого мы сами приняли столько душевного тепла, заботы и любви. /./ Может, с высоты Вашего положения мы, духовные чада отца Павла, незаметны, как муравьи с высоты человеческого роста? Но мы существуем, наша боль реальна. Вы причиняете нам эту боль! Мы видим как страдает батюшка.

Все происходит на наших глазах, события следуют одно за другим в своей хронологической и жуткой неизбежности. Ждем беспомощно и со страхом, что последует дальше. А за расправой следует новая расправа, все более жестокая и уверенная. „Дело“ надо довести до конца!/? /./ Мы недоумеваем: как можно не поддержать добрые начинания человека?

Он не промолчал, вступился за священников, попавших под запрещение — за одного, за другого, за третьего, за священника, лишённого сана, за своих подопечных, которые оказались за бортом жизни — вступился за правду, ибо „молчанием предается Бог“. /./

Можно заткнуть рот одному священнику, другому, но „на каждый роток не накинешь платок“ — невозможно запретить общественное мнение, когда слишком известно имя гонимого — протоиерей Павел Адельгейм. Насилие не рождает уважение. Оно рождает страх. Уважение нужно заслужить. Христос предостерегает: „Если они умолкнут, камни возопиют!“ (Ин. 19,40)».

Видя очередную угрозу, нависающую над головой отца Павла, его друзья и единомышленники в Санкт-Петербурге, поддерживая инициативу сотрудников Научно-исследовательского центра интегрально-синергетической психологии, решили обратиться за помощью к Президенту Российской Федерации. Наше обращение поддержали еще несколько десятков представителей интеллигенции Санкт-Петербурга.

В начале апреля 2008 года мы отправили письмо действующему тогда президенту РФ В.В. Путину и вновь избранному президенту РФ Д.А. Медведеву:

«Президенту Российской Федерации господину Путину В.В.,

Избранному на должность Президента Российской Федерации господину Медведеву Д.А.

Глубокоуважаемые Владимир Владимирович и Дмитрий Анатольевич!

К вам обращаются петербуржцы. Убедительно просим вас рассмотреть и разрешить сложную ситуацию, сложившуюся в г. Пскове в связи с незаконными и незаслуженными репрессиями в отношении священника храма свв. Жен-Мироносиц Павла Анатольевича Адельгейма — настоящего патриота и гражданина нашей Родины, священника, незаслуженно пострадавшего от советской власти. Все мы хорошо знаем о. Павла лично или по его книгам, статьям и выступлениям.

О. Павел — священник, на протяжении 50 лет служащий в Русской Православной Церкви, являющийся одним из наиболее значительных специалистов по богословию и каноническому церковному праву, известным церковным публицистом. В Псковской епархии он с 1976 г. За более чем 20 лет, которые он прослужил в храме свв. Жен-Мироносиц, о. Павел восстановил храм буквально из руин, создал крепкий приход, силами которого осуществляется ряд важных социальных проектов. В частности, была создана полная общеобразовательная средняя школа с профессиональной подготовкой регентов церковных хоров, содержится приют для сирот-инвалидов с проблемами психического развития, библиотека. Действует православный лекторий, осуществляются и многие другие социально важные инициативы.

22 февраля 2008 года о. Павел был смещен архиереем с должности настоятеля храма, на которую был назначен священник, сразу начавший разрушать все, что сделал о. Павел. Особенно нас заботит судьба приюта для 10 сирот-инвалидов, т.к. средства на его содержание новый настоятель запретил отпускать. Молодые люди, абсолютно не приспособленные к обычной жизни, окажутся на

улице, станут бомжами. Не только епархия, но и городские власти Пскова, несмотря на многочисленные обращения, публикации в СМИ, устранились от решения этой проблемы.

Сложившуюся обстановку вокруг о. Павла мы считаем совершенно возмутительной и недопустимой. Такие действия церковных и гражданских властей пресекают гражданскую инициативу прихода и отвращают людей от самой сути и нравственных основ христианского служения, являются беззаконием, имеющим внешне законные, „канонические“ формы.

Данная ситуация, по нашему мнению, выходит за рамки внутрицерковного конфликта и является препятствием на пути становления гражданского общества и дальнейшего развития демократии. Она вносит раскол в общественное самосознание и препятствует консолидации здоровых сил общества на основе духовных традиций нашей страны.

Более подробная информация по сложившейся ситуации прилагается.

Подписи инициативной группы: (40 подписей с адресами, указанием места работы и должности).

Уполномоченный инициативной группы Осницкий Анатолий Викторович».

В качестве приложения вместе с письмом была отправлена статья автора «Брань невидимая», которая позднее была опубликована в международном еженедельнике «Секретные материалы XX век».

Содержание письма и текст статьи мы предварительно отправили для согласования отцу Павлу. Он сердечно поблагодарил нас за поддержку и дал положительный отзыв о статье. В письме автору он написал:

«Дорогой Анатолий!

Отправил Вашу статью Михаилу с сопроводительным письмом: „Посылаю статью одного из прихожан нашего храма. Он предполагает поместить ее в центральную газету.

В воскресенье настоятель снова отнимал подписи у прихожан, но на этот раз безуспешно, прихожане оказались зубатые. Он сказал, что Владыка велел ему навести порядок в храме Жен-Мироносиц и сказал: „Сумеешь сделать как надо, награжу высокой наградой, а не сумеешь — сниму с тебя крест“. Ему приходится трудиться по принципу „либо грудь в крестах, либо голова в кустах“.

Сегодня он сообщил, что уберет библиотеку из храма, так как ему нужен магазин для продажи церковной утвари. „А куда денем книги?“. „Переносите в подвал“. В 2000 г. архиерей уже требовал от меня закрыть библиотеку и велел книги просто „выкинуть на улицу“. Я обратился тогда к псковичам по псковскому радио. Пока все неясно. Настоятель клялся на родительском собрании расширять школу и найти спонсоров, обложить приходы спецналогом и т.д.

Завтра нужно выдавать зарплату учителям. Ждем от него реальных действий: даст деньги или не даст. Денег у него достаточно: прошла родительская суббота и первая неделя поста. Это самые значительные доходы, тем более что перед родительской субботой я привез 250 кг свечей, и ему пока ничего не приходится покупать. Он продает и книги, и свечи, и всякую утварь, которые достались ему даром при захвате храма“.

С любовью во Христе, священник Павел».

В середине апреля пришел ответ из Управления делами Президента Российской Федерации:

«Администрация Президента Российской Федерации

Управление Президента РФ по работе с обращениями граждан

№А26-04-112855 от 14 апреля 2008 г.

Сообщаем, что Ваше обращение, поступившее на имя Президента Российской Федерации, получено. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 2 мая 2006 года №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» оно направлено в Московскую Патриархию и Администрацию Псковской области.

Главный советник департамента письменных обращений граждан А. Киселев»

Через месяц, 25 мая, поступили и ответы из Администрации Псковской области, и от его Высокопреосвященства митрополита Евсевия, которому, как в «старые добрые советские времена», по инстанции переслало наши материалы Управление делами Московской Патриархии.

От имени Администрации Псковской области нам любезно ответил заместитель губернатора господин А.А. Морозов:

«Уважаемый Анатолий Викторович!

По фактам, изложенным в Вашем обращении, проведены консультации с Псковской епархиальной канцелярией. По сведениям, полученным из канцелярии Митрополита Псковского и Великолукского, отец Павел Адельгейм продолжает осуществлять церковные службы при храме свв. Жен-Мироносиц.

О „репрессиях“ со стороны Митрополита Псковского и Великолукского Евсевия в отношении отца Павла Адельгейма нам неизвестно. Назначение и смещение настоятелей храмов — это внутреннее дело религиозной организации, в данном случае Псковской епархии. Вмешательство светских властей, согласно действующей конституции и закона РФ о религиозных организациях во внутренние дела общественных, в том числе религиозных организаций, недопустимо и не способствует становлению и развитию гражданского общества в России».

В отличие от госчиновника, правящий архиерей не удостоил нас своим ответом. Да и действительно, кто мы такие, чтобы МИТРОПОЛИТ нам что-нибудь писал? Вместо ответа он прислал несколько листов жалоб и доносов на отца Павла.

На официальном бланке Невельского благочиния было отпечатано письмо Протоиерея Петра Нетребы:

*«Московская Патриархия
Псковская епархия
Благочинный церковью Невельского округа
Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому*

Ваше Высокопреосвященство!

В последнее время о. Павел Адельгейм написал несколько склочных обращений в Епархиальное управление и Епархиальный суд, а затем Виктор Яковлев, разумеется, под диктовку настоятеля обобщил эти заявления в статье „Сжитие со свету священника Павла Адельгейма“ в газете „Псковская губерния“.

Все заявления, казалось бы, разложенные по полочкам, пронизаны ложью. Во-первых, он пишет, что председатель Епархиального суда вызвал его на суд по телефону. Такого не было. Я позвонил на домашний телефон и у матушки, которая ответила на звонок, узнал почтовый адрес о. Павла и о. Владимира, чтобы направить письменный вызов. Через некоторое время позвонил о. Павел и спросил, по какому поводу вызывают в суд. Подчеркиваю, я не звонил и не вызывал его в суд и не

ждал от него звонка, чтобы ему сообщить об этом. Я ответил, что обязательно ему будет письменный вызов, где будет все подробно сказано, что и было сделано 16.12.2007 г.

В беседе по телефону о. Павел не хотел быть ни заявителем, ни свидетелем, он ждал, чтобы его вызвали в качестве обвиняемого, потому что, цитирую почти дословно, „обвиняемый может врать, изворачиваться, хитрить, исказить факты, лгать, что не дозволено свидетелю“. Когда я заметил, что неужели он, православный священник, желает к этому прибегнуть, он сконфуженно ответил: „Да это я так, к слову“.

Далее, когда о. Павел узнал о том, что на суд будет вызван и о. Владимир, категорически заявил: „Я с ним встречаться не буду“. Было предложено членам церковного суда встретиться с ними в разных комнатах и даже в разное время, о. Павел категорически заявил, что с ним не хочет встречаться даже в коридоре. Так что это: „трудовой конфликт“ или явная ненависть? На вопрос „А если вы оба попадете в рай, как там себя поведете, неужели и там будете ненавидеть и избегать друг друга?“ о. Павел не дал вразумительного ответа. А в статье написано, что о. Владимир прекратил евхаристическое общение с настоятелем храма вопреки апостольскому постановлению 31 и за это подлежит церковному суду и извержению из сана. Где правда? Это и хотел выяснить Епархиальный суд.

О. Павел замысловато пишет об угрозах его жизни, пытается изобразить из себя гонимого исповедника, но искусственно создаваемый ореол „мученика“ замешан на лжи. Ни в беседе со мной во время „телефонного разговора“, ни потом никто ему не угрожал. Скорее всего, ему не дает покоя совесть, и он ищет оправдания себе перед всем миром, крича „Смотрите, я не виноват!“ вместо того, чтобы смиренно попросить прощения перед Богом.

Отношения и атмосферу на приходе создает настоятель храма, от него, в основном, зависит и общение между клириками. За время настоятельства о. Павла на приходе сменился уже ни один священник. Если у него нет настоятельской жилки, пусть оставит это бремя.

Смиранный послушник Вашего Высокопреосвященства протоиерей Петр Нетреба».

На листочках в клетку из ученической тетрадки от руки была написана жалоба о. Владимира Будилина:

«Ваше Высокопреосвященство!

Благословите!

Ваше Высокопреосвященство! Вскоре после того, как была опубликована мерзкая книжонка „Догмат о Церкви“, жена о. Павла как-то проговорила и сказала, что о. Павел приступил к написанию новой большой книги. Потом эта гнусная компания начала войну со мной. И, понятно, секреты подобного рода я уже не мог узнавать.

В сентябре-октябре, как Вы помните, я ставил перед о. Павлом вопрос о выходных. При этом я как-то спросил у его жены, почему я не могу быть выходным в понедельник, как это было ранее. Она ответила, что по понедельникам о. Павел пишет свои статьи и поэтому выходной в этот день дать мне не может.

Ваше Высокопреосвященство! Антицерковная, клеветническая писательская деятельность о. Павла в любом случае будет продолжаться. В любом случае! Есть только один способ его ограничить и приостановить. Способ этот — отнять у него второго священника. По своей гордыне и тщеславию о. Павел будет ежедневно служить, и у него не будет ни времени, ни сил для написания своих трудов в прежнем объеме. Но официально лишить его второго священника нет возможности. Он включит механизм своих огромных связей. Ему начнут помогать его высочайшие покровители. Телевидение, газеты, интернет выльют очередную грязь на головы его противников.

Поэтому, чтобы ограничить его писанину, остается только одно — как можно дальше тянуть нынешнюю ситуацию. В настоящий момент лучшая форма моего служения в Мироносицком храме — это числиться в нем и не служить. О. Павел должен выдохнуться. Ведь ему в августе исполнится 70.

Сама ситуация призывает к этому. Ведь я действительно болею. У меня целый „букет“ болезней — давление, сердце, сахар, почки, глазное давление. За период с апреля по октябрь прошлого года мне многократно становилось плохо во время служб и треб. Чтобы понять, что ситуация выглядит очень серьезно, скажу только об одном моменте — давление у меня подскакивает до 260/140. Здесь даже не медику понятна серьезность положения.

Скажу сразу — ни больничного, ни медицинских справок я не брал. Среди прихожан есть медики — врачи, фельдшер, аптекарь. В основном, они пенсионеры. Я пользовался и пользуюсь их советами и рекомендациями и таким образом лечусь.

Ваше Высокопреосвященство! Пожалуйста, поймите меня правильно! Что было бы, если бы я пошел за больничным в поликлинику? Мне сбили бы уколами давление, написали бы направления к кардиологу, эндокринологу и окулисту. И через 10 дней выписали бы на работу. Разве можно врачу объяснить, что я служу в аду? Разве можно врачу объяснить, что у меня 10 лет не было отпуска, что я служу без выходных, что у меня нагрузки больше, чем у любого другого священника Пскова, что я нахожусь в атмосфере постоянной ненависти и вражды, что я морально страдаю, видя творимые в храме кощунства? Разве можно врачу объяснить, что Мироносицкий храм — это „горячая точка“ Псковской епархии? Разве можно врачу объяснить, что все священники, служившие здесь, хотели отсюда уйти и уходили при первой возможности?

Я не служу с 16 октября. Начал служить я в Мироносицком храме с января 1997 года. То есть на 16.10.2007 г. я прослужил здесь 10 лет и 9 месяцев. То есть я прослужил больше, чем о. Елевферий, о. Михаил и о. Евгений вместе взятые (о. Елевферий прослужил здесь полтора года, о. Михаил — 6 лет, о. Евгений — два с половиной года).

Разве можно врачу объяснить, что 10 лет и 9 месяцев в Мироносицах — это цифра запредельная, фантастическая, превышающая возможности русского православного священника? Нет, врачу это не объяснить, это не входит в его компетенцию.

Если бы я, заболев 16 октября, пошел по пути получения десятидневных больничных, я бы или умер, или лежал бы парализованным. А ведь у меня нет родственников. Я совсем один. Что бы я делал, если бы со мной случился инсульт?

В Мироносицах можно продолжать служить, только по-настоящему, полностью восстановившись. Но пока у меня до этого далеко. В декабре мне стало значительно лучше — почки более или менее поправились. Но тут стало известно о грязи, опубликованной этой компанией в газете и в интернете. У меня от переживаний резко подскочило давление. Стал сбивать давление — от лекарств стало плохо с сердцем. В настоящее время сил у меня хватает только на прогулки около дома и походы за хлебом в магазин, находящийся в соседнем доме.

Ваше Высокопреосвященство! О. Иоанн Муханов в телефонном разговоре сказал, чтобы я в трехдневный срок явился к Вам с прошением и медицинской справкой. Я пишу это письмо 5 февраля. Сегодня день смерти моей матери. Сегодня исполняется год со дня ее смерти. Я не смог сегодня поехать на кладбище. Последние 4 дня я очень плохо себя чувствую. Я не смогу прийти к Вам 6 февраля, как предполагал. Ваше Высокопреосвященство! Я очень надеюсь, что вы простите меня. Я очень уважаю и почитаю Вас, своего архипастыря. Но здоровье есть здоровье. Вот, даже не смог на кладбище поехать. Как только буду в состоянии, сразу приду к Вашему Высокопреосвященству.

Теперь относительно справки. За три дня до звонка о. Иоанна Муханова я разговаривал с

женщиной, имеющей контакты с людьми из компании о. Павла. Женщина сказала мне тревожную вещь. Оказывается, в случае предоставления мною медицинских справок о. Павел собирается проверять их на подлинность и легитимность. Через три дня — внезапный звонок о. Иоанна с предложением срочного предоставления медсправки.

Ваше Высокопреосвященство! Зная о. Павла, я подозреваю здесь какую-то интригу, какую-то ловушку, — с целью подставить меня и врачей, которые будут мне давать

эту справку. В ближайшие дни я напишу и пришлю Вам письмо, где расскажу историю, которая показывает, какое о. Павел чудовище, и которая покажет, почему я усматриваю в истории со справкой вероятность серьезной ловушки.

Ваше Высокопреосвященство! Я знаю, что о. Павел со своей компанией пишет Вам письма, призывая уволить меня. Мне кажется, что нужно всеми силами продлевать нынешнюю ситуацию. Чем дольше он служит один, тем меньше он напишет своих гадостей, тем быстрее он выдохнется.

Ваше Высокопреосвященство! Но если невозможно эту ситуацию продлевать, тогда я буду просить Вас об увольнении меня за штат сроком 3 или 4 месяца — для лечения.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник иерей Владимир Будилин 05.02.2008 г.».

Было в большом конверте и еще несколько прошений и жалоб почитателей о. Владимира, написанных в таком же роде.

Все инстанции отписались в установленные законом сроки, прислав свои официально-формальные ответы. Но при этом письмо президентам сыграло свою положительную роль — гонения прекратились, сформированная епархиальная комиссия так и не приступила к расследованию деятельности отца Павла, и библиотеку в храме свв. Жен-Мироносиц не уничтожили. Хоть и с потерями, но продолжила свою работу школа. С поста директора уволили Ивана Павловича Адельгейма, перестали готовить регентов и прекратилось преподавание церковных дисциплин. Оставшиеся повзрослевшие воспитанники приюта проживали в построенном, но все еще не доделанном доме в Псковичах, работали в храме и, чем могли, иногда помогали по хозяйству матушке Вере.

До чего же замечательная вещь — вертикаль власти! Стоило написать наверх и пошло сверху донизу.

Из Кремля материал спустили псковскому губернатору, который, в свою очередь укоризненно покачал головой в сторону митрополита, а тот попыттел, попыттел и. успокоился.

А 1 августа в Пскове широко отмечался 70-летний юбилей отца Павла, совпавший с 50-летием его священнического служения и с «золотой свадьбой» — 50-летием совместной жизни с матушкой Верой. В газетах публиковались поздравления, «Псковская губерния» поместила большую статью Виктора Яковлева «По заповедям блаженства». В храме была совершена торжественная служба. В школе батюшку горячо поздравили ученики и учителя, спели ему «Многая лета». В тайне от юбиляра в городском выставочном зале на улице Герцена, 6 была подготовлена большая фотовыставка, рассказывающая о жизни отца Павла. На ее открытие собралась вся псковская интеллигенция. Зал с трудом вмещал всех желающих. С поздравлениями выступали артисты, писатели, музыканты, художники, врачи, педагоги.

Праздненства продолжились в доме отца Павла. Дарили подарки, говорили тосты и поздравления. Гости чередой сменяли друг друга. Одни, посидев за большими накрытыми столами, уходили, их места тут же занимали другие. Много шутили и веселились. Сотрудники нашего Центра вручили отцу Павлу и матушке Вере заслуженные награды — медали «За 50 лет безупречной семейной жизни» и наградной диплом. Отец Павел читал стихи, сердечно благодарил всех за поздравления и

подарки. В конце вечера все вышли в сад и сфотографировались на память. Конечно, главная заслуга в организации чудесного праздника и особенно вечернего застолья принадлежала Вере Михайловне. Она подбирала материалы для фотовыставки, готовила угощение, встречала и провожала гостей, оставаясь при этом, как всегда, незаметной, скромно сидящей возле любимого и любящего мужа.

С сентября 2008 года отец Павел начал преподавать в Свято-Филаретовском христианском институте курсы «Введение в канонику» и «Проблемы каноники и экклезиологии». Сотрудничество с институтом и Преображенским православным братством было для него радостной возможностью пообщаться с единомышленниками и поделиться с ними своим опытом, раздумьями и сомнениями. Преподавая, он глубже вникал в методологические основы рассматриваемых им богословских вопросов в теории и практике церковной жизни. Обучая других, он многому учился сам.

После освобождения от настоятельских забот времени у батюшки стало больше, и осенью он собрался съездить в Соединенные Штаты Америки - навестить семью дочери. Анна передала отцу просьбу чикагского епископа Петра привезти ему из России архиерейский посох. Надо сказать, что Зарубежная Русская Православная Церковь в то время была значительно стеснена в средствах. Арендная плата за земли, на которых стояли церковные здания ЗРПЦ и территории православных кладбищ, была очень высокой. Денег порой не хватало даже на священническое облачение. По просьбе отца Павла в гверстонской пустыне архимандрита Зинова монах Павел изготовил посох для американского владыки.

Когда я вез батюшку в хельсинкский аэропорт, он остроумно заметил: «Вот мы, Анатолий, и дожили до светлых времен, когда „богатый“ псковский приход церкви святых Жен-Мироносиц оказывает материальную помощь бедной чикагской епархии».

На обратном пути из США батюшка был вынужден задержаться в Финляндии из-за меня. Вначале мы планировали пробыть в этой гостеприимной стране дня два — хотели пообщаться с финскими православными священниками. В г. Куопио нам посчастливилось встретиться и поговорить с архиепископом Львом (Макконеном) — главой Финской Православной Церкви. Он благословил нас посетить Ново-Валаамский монастырь. Там у меня случился тяжелый приступ желче-каменной болезни, и на полторы недели я был госпитализирован в окружную больницу города Йоэнсуу. Все это время отец Павел вместе с моей супругой Натальей дождался меня в монастыре. Он посещал храмовые службы, идущие на финском и шведском языках, и пользовался большой монастырской библиотекой, где было много старинных русских книг. Из своего небольшого опыта монастырских богослужений он сделал важное заключение: «Теперь я хорошо понимаю, как тяжело нашим прихожанам стоять на службе, идущей на непонятном им церковно-славянском языке».

Через десять дней за мной из Петербурга приехала машина «скорой помощи». Мы ждали в больнице вечером, а приехала лишь в три часа ночи. Отцу Павлу пришлось сесть за руль моего внедорожника и вместе с Натальей сопровождать меня на Родину. К полудню мы благополучно добрались в Петербург. Откуда отец Павел брал силы — остается для меня неразрешимой загадкой. Накануне он день проработал в монастыре — стоял на службах, читал и писал у себя в келье, весь вечер и полночи просидел с нами в больничном коридоре, развлекая нас историями о своей жизни и чтением стихов, а потом, следуя за «скорой помощью» оставшуюся ночь и утро, на незнакомой ему машине за ночь проехал более полутысячи километров. «Скорая» мчалась на большой скорости, и отец Павел — за ней, обгоняя дальнбойные фуры. Чтобы Наташе было не страшно, он всю дорогу пел ей детские песенки.

Удивительный человек!

23. Устав 2009 – смерть приходам

5 декабря 2008 года на 79-м году жизни скончался Святейший Патриарх Алексей II. Для избрания нового патриарха Святейший Синод постановил созвать очередной Поместный Собор Русской Православной Церкви, который состоялся 27-29 января 2009 года в Москве, в храме Христа Спасителя. Предварительно, 25-26 января, состоялся Архиерейский Собор, выдвинувший кандидатов на Патриарший престол и наметивший повестку и регламент работы Поместного Собора.

Оба Собора проходили при повышенных мерах безопасности и секретности: в частности, по сообщениям корреспондентов «Известий», «Новой газеты» и других СМИ, во время заседаний была заблокирована работа мобильных телефонов и любых возможных средств связи и звукозаписи в помещении храма; здание было окружено сотрудниками МВД и дружинниками. Тем не менее информация об общей обстановке и политической борьбе различных группировок на Соборе различными путями попадала на страницы газет и интернет-порталов.

Так, корреспондент газеты «Коммерсант» Юлия Таратута писала: «В преддверии выборов сторонники митрополитов Климента, которого считают лидером „консерваторов“, и Кирилла, считающегося лидером „модернистского“ крыла, перешли к активному вбросу компромата. /.../ Диакон Андрей Кураев обвинил брата митрополита Климента архиепископа Димитрия в проведении „лжевыборов“ делегатов на Поместный Собор от духовных семинарий, а также „рейдерском захвате Московской духовной академии“. где проводилось выдвижение. Диакон, кроме того, заявил, что избрание митрополита Климента патриархом неизбежно повлечет за собой повышение в церковной иерархии его брата. // В „войне компроматов“ вновь всплыл самый громкий из скандалов, связанных с церковными руководителями: о беспощинном ввозе табака и алкоголя, разрешение на который РПЦ в 1990-е годы получила от правительства РФ. В ряде печатных СМИ („Собеседник“, „Новая газета“ от 19 января) митрополиту Кириллу припомнили титул „табачного иерарха“, обвинив в склонности к коммерческой деятельности в ущерб делам духовным».

На стороне митрополита Кирилла выступали представители большого бизнеса, госструктур и партии власти. Газета «Ведомости» от 22 января 2009 года утверждала, что опрошенные ею делегаты Собора, состоящие в партии «Единая Россия», не скрывают, что будут голосовать за митрополита Кирилла, считая, что «именно его поддерживает руководство партии и страны».

Новым, шестнадцатым, Патриархом Московским и всея Руси был избран Патриарший местоблюститель Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Собором также был утвержден Устав Русской Православной Церкви, исправленный и дополненный Юбилейным Архиерейским Собором 16 августа 2000 года, с дополнениями и поправками, принятыми Архиерейским Собором 27 июня 2008 года. Также было определено, что право внесения поправок к настоящему Уставу имеет исключительно Архиерейский Собор, и все его Постановления входят в силу сразу после их принятия. Окончательное утверждение этих постановлений, равно как их отмена или изменение, осуществляется уже позднее Поместным Собором.

Итоги и решения Собора 2009 года оценивались обществом и Церковью очень неоднозначно. Так по окончании Собора высказался о его итогах епископ Илларион (Алфеев): *«Избрание митрополита Кирилла патриархом — одно из важнейших событий новейшей истории Русской Церкви. Думаю, что это будет очень яркое и плодотворное патриаршество, соответствующее исключительным качествам новоизбранного Первосвященителя. Так называемый путинский рейтинг митрополита на Поместном Соборе — 72 процента — свидетельствует о высоком уровне доверия к нему. Крестового похода не будет — будет новое „крещение Руси“».*

Известный религиозный деятель, отлученный от Церкви бывший клирик РПЦ Глеб Якунин явно не разделял точку зрения митрополита Иллариона: *«Поместный Собор, который имел даже*

согласно Уставу 2000 года полное право не одобрить узурпацию его власти со стороны Архиерейского Собора, с удивительной легкостью, по-видимому, под гипнотическим влиянием яркой и сильной личности избранного патриарха, совершил уникальный исторический акт „самооскопления“, в результате которого прошедший Поместный Собор можно назвать „Собором по изгнанию из РПЦ МП (Русской Православной церкви Московской Патриархии — прим. авт.) соборности“».

Мнение Глеба Якунина поддержал социолог религии Николай Митрохин, который сразу по окончании работы Собора писал: *«На удивление грязная избирательная кампания закончилась. Патриарха избрали. Им стал митрополит Кирилл — самая скандальная фигура новейшей церковной истории, для значительной части церкви символизирующая нравственное разложение, беспредельный цинизм и приверженность закулисной политике. ./ Сразу после избрания Кирилл и его приближенные (в первую очередь епископ Венский Илларион) и вовсе предложили подумать над отменой Поместных Соборов — юридически полномочного (хотя и реально профанируемого) представительства от духовенства и мирян. Вместо них предложено создание некоего совещательного органа. Все это демонстрирует главный принцип будущего правления патриарха Кирилла — отмену даже формальных остатков „соборности“ и замену ее просвещенным абсолютизмом, в значительной части церкви однозначно оцениваемым как „папизм“».*

Немалую критику вызвал и новый типовой Устав приходов РПЦ, утвержденный Поместным Собором. Устав состоит из 12 глав, включающих в себя: общие положения; порядок создания и государственной регистрации прихода; цели, задачи и формы деятельности; органы управления; положение и полномочия епархиального архиерея, настоятеля, приходского собрания и совета; положение и порядок деятельности ревизионной комиссии; положение об имуществе и средствах прихода; заключительные положения о регуляции трудовых отношений и ликвидации прихода.

Внесенные в приходской Устав изменения создали принципиально новую структуру местной религиозной организации и завершили процесс абсолютизации архиерейской власти в Церкви. Диктатура епархиального архиерея, давно установившаяся в епархиальной практике вопреки прежде действовавшему Уставу, теперь была официально закреплена.

Согласно Священному Писанию и Преданию, Символу Веры, исторически сложившейся церковной традиции, в состав Церкви входят все верующие во Христа. Вступление в Церковь совершается посредством крещения. Духовно рождаясь в Церкви, каждый христианин получает имя, обретает еkkлeзиологический статус прихожанина с соответствующей правоспособностью.

Раньше статус члена прихода определялся договором и фиксировался записью в церковной книге. Это позволяло учитывать число прихожан и, соответственно, обеспечивать соборные отношения в деятельности церковной общины. В общих положениях нового Устава понятия «прихожане» или «миряне» отсутствовали. Их участие в жизни прихода не определено и становилось чисто формальным. Согласно пункту 1 главы 1: «Приход является добровольным объединением совершеннолетних граждан РФ». Устав, упразднив понятие «прихожане», стал определять членов общины еще менее конкретно: «верующие граждане РФ». Российский Федеральный закон №125 от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в разделе 2, статья 9, пункт 1 вполне конкретно определял статус учредителей религиозной организации:

«Учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации, объединенных в религиозную группу, у которой имеется подтверждение ее существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией».

В новом Уставе РПЦ, в отличие от прежних, где «учредители прихода» четко определялись и входили в состав приходского собрания, данное понятие отсутствовало. В пункте 2 главы 2 говорилось, что «приход учреждается совершеннолетними гражданами РФ, исповедующими православную веру», и на этом, собственно, исчерпывалась их связь с учрежденным приходом. Устав 2009 года никак не определял их каноническое положение и, соответственно, не предоставлял им прав на участие в управлении, хозяйственной, административной и финансовой деятельностью прихода.

Членов приходского собрания, согласно новому Уставу и ФЗ №125, должно было быть не менее десяти человек. Местной религиозной организацией признается религиозная организация, состоящая не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском или сельском поселении.

На практике число членов «приходского собрания» сохранялось в пределах десяти-пятнадцати человек. Эти лица никем не избирались, не назначались и не являлись учредителями прихода. Устав вообще никак не объяснял происхождения «приходского собрания», но наделял эту группу лиц правом управлять финансово-хозяйственной и административной деятельностью общины. Остальные верующие граждане, поддерживающие реальную евхаристическую связь с данным приходом, оставались бесправными посетителями церковных богослужений. Так, сохраняя прежнее искусственное разделение прихода на две части: на неправомочное большинство и правомочное меньшинство, Устав возводил в каноническую норму раскол церковной общины.

В новом Уставе было существенно изменено представление о руководстве и составе прихода. В пункте 1 главы 4 было прописано: «Органами управления прихода являются: епархиальный архиерей, настоятель, приходское собрание, приходской совет и председатель приходского совета».

При этом вся реальная власть сосредотачивалась в руках архиерея. Об этом свидетельствовал пункт 1, главы 5:

«Епархиальный архиерей является высшим (руководящим) органом управления прихода и осуществляет начальственное наблюдение и высшее руководство за деятельностью прихода, в том числе:

- наблюдает за исправным совершением приходом богослужений и иных религиозных обрядов в соответствии с церковным уставом;
- назначает на должность (освобождает от должности) настоятеля;
- вправе по собственному усмотрению освободить настоятеля от должности председателя приходского совета;
- назначает на должность (освобождает от должности) членов причта;
- в предусмотренных настоящим Уставом случаях решает вопросы приема членов в состав приходского собрания либо их исключения из состава приходского собрания;
- утверждает в должности (в предусмотренных настоящим Уставом случаях освобождает от должности) помощника настоятеля (церковного старосту) и казначея;
- вправе назначить помощника настоятеля (церковного старосту) или иное лицо на должность председателя приходского совета (освободить его от этой должности);
- утверждает настоящий Устав с изменениями (дополнениями);
- рассматривает и (или) утверждает ежегодный отчет прихода перед епархией о деятельности прихода, финансовый отчет, а также иные отчеты прихода;
- утверждает решения (протоколы) приходского собрания;

- осуществляет контроль за религиозной, административной и финансово-хозяйственной деятельностью прихода, в случае необходимости проводит ревизию финансово-хозяйственной деятельности прихода;
- осуществляет иные полномочия, предусмотренные Каноническим уставом Русской Православной Церкви, Уставом епархии, а также настоящим Уставом».

Вот уж действительно «Государство — это Я!».

Согласно пункту 2 главы 6: «Настоятель с даты назначения его на данную должность является председателем приходского собрания», также «председателем приходского совета (за исключением случая, предусмотренного пунктом 8.2, по которому „епархиальный архиерей вправе своим единоличным решением освободить по собственному усмотрению настоятеля от должности председателя приходского совета“)».

В пунктах 1 и 2 главы 7: «Органом управления прихода является приходское собрание, возглавляемое настоятелем прихода, который по должности состоит председателем приходского собрания. /.../ Общее количество членов приходского собрания не может быть менее десяти человек».

Таким образом, в приходе, насчитывающем несколько сот человек, вполне правомочными и легитимными могут быть решения, принятые группой в одиннадцать- двенадцать человек, а то и меньше, поскольку, согласно пункту 7 главы 7, «приходское собрание правомочно при участии в нем не менее половины членов». И где тут соборный разум народа Божьего? По новому уставу получается, что в больших соборах состав принимающего решение приходского собрания вполне мог ограничиться клиром данного храма. Но даже если приходское собрание вполне полноценно, его решения вступают в силу только после утверждения епархиальным архиереем.

Отец Павел по этому поводу писал:

«Приход лишен инициативы и самостоятельности в духовной, хозяйственной, административной, финансовой и прочей деятельности. Приходская жизнь связана самовластием архиерея. Его власть может действовать вопреки интересам прихода. Самовластие и авторитарность предполагают распоряжение и безоговорочное подчинение, что противоречит догматическому принципу соборности в Церкви, который предполагает обсуждение, учет разных мнений и принятие общего решения. /./ Епископу предоставлено право назначать и увольнять приходское собрание. Откуда взять новых членов? Только из того неопределенного контингента, который новый Устав называет „верующими гражданами РФ“.

Епископ, как „высший орган управления“ каждого прихода, может сам формировать всю епархию из кого хочет. Епископ может создать Церковь своей единоличной властью.

По Уставу 1917 года клир и народ епархии принимал участие в выборах своего епархиального епископа. По Уставу 2009 года епархиальный епископ может по своему вкусу выбрать членов каждого прихода и создать личную Церковь из своей епархии. Что это будет: Тело Христово или аппарат личной власти епископа?».

Обязанности членов приходского собрания в пункте 4 главы 7 сформулированы неконкретно, в общих словах: соблюдать канонические правила, присутствовать на заседаниях приходского собрания, а также выполнять решения епархиального архиерея, настоятеля и приходского собрания на безвозмездной основе.

«В случае если член приходского собрания не исполняет хотя бы одну из обязанностей, предусмотренных пунктом 7.4 настоящего Устава, епархиальный архиерей единоличным решением вправе исключить всех или часть членов из состава приходского собрания и включить в его состав новых членов по собственному усмотрению».

По новому Уставу «имущество, принадлежащее приходу на праве собственности или ином имущественном праве, является имуществом Русской Православной Церкви». Таким образом, приход не имеет права ничем распоряжаться без ведома и благословения епархиального правящего архиерея.

Что касается трудовых отношений, то Устав декларирует, но никак не оговаривает гарантии защиты трудовых прав священнослужителей и других работников храма. Трудовой кодекс РФ не защищал права священнослужителей. Циркулярное письмо управления делами Московской Патриархии от 11.03.1998 №1086 объявляло, что «в учреждениях РПЦ трудовые договоры со священнослужителями не заключаются». Таким образом, новый Устав оставил священнослужителей бесправными и обрек на беззащитность от архиерейского произвола.

Последний пункт этого Устава гласил: «Приход может быть ликвидирован по решению епархиального архиерея, а также по решению суда в порядке и по основаниям, предусмотренным законодательством».

Всем здравомыслящим христианам, читающим текст нового Устава, бросалась в глаза его направленность на укрепление вертикали церковной власти, прежде всего, власти правящего архиерея, и, как следствие, расширение зоны бесправия клира и прихожан.

Определяя свою позицию по отношению к предлагаемым уставным изменениям, утвержденным Поместным Собором 2009 года как к неканоничным, незаконным и абсурдным нововведениям, отец Павел писал:

«Устав прихода РПЦ МП, принятый ее Священным Синодом 10 октября 2009 г., нельзя признать каноническим документом Православной Церкви. Устав противоречит Догмату о церкви и Федеральному закону №125 „О свободе совести и о религиозных объединениях“. Согласно Уставу 2009 г. архиерей не входит в состав клира и в состав приходского собрания. Являясь „высшим органом управления приходом“, архиерей не является членом прихода. Устав РПЦ МП не называет архиерея даже членом Церкви. Приходской Устав не определил положение и место архиерея в приходе. Архиерей не „является одним из совершеннолетних граждан РФ, добровольно объединившихся в целях и т.д.“ (Устав Прихода РПЦ МП, 1.1). Архиерей также не принадлежит ни к клиру, ни к приходскому собранию.

Не будучи членом прихода, он назначен „высшим руководящим органом управления приходом“. Архиерей возглавляет приход, не принимая конкретных обязанностей и ответственности за действия и решения в приходе. Его указания в приходе выполняются, но не обсуждаются. Власть епископа не может быть властью человека над Церковью. Она может быть только властью Церкви, но не властью над Церковью, иначе становится властью над Христом. Тело Коего являет Церковь».

10 октября 2009 года Священный Синод утвердил новую редакцию Устава Прихода РПЦ, указав епархиальным архиереям привести в срок до 10 октября 2010 года все гражданские уставы приходов в соответствиe с типовой формой и обеспечить государственную регистрацию изменений в данных уставах.

Слава Богу, к этому времени, в августе 2009 года, псковский городской суд признал недействительным подложный протокол приходского собрания, написанный в марте 2008 года настоятелем о. Сергием, и отменил государственную регистрацию нового приходского устава. Права учредителей были восстановлены. Однако это никак не повлияло на ситуацию в приходе. Многократные жалобы отца Павла в Московскую Патриархию на действия митрополита Евсевия тоже не принесли результата.

С 2010 года в стране началась кампания по пересмотру и перерегистрации приходских уставов в соответствии с заданным типовым документом. Епархиальные архиереи правдами и неправдами, угрозами и угрозами заставляли народ Божий голосовать за принятие нового Устава. Кампания проходила дружно и организованно, но не везде. В Пскове, в приходе храма свв. Жен-Мироносиц

менять свой устав не торопились, а точнее говоря — принципиально не хотели. Настоятель отец Сергей несколько раз пытался созвать приходское собрание и поставить вопрос о принятии и регистрации новой редакции Устава, но безуспешно. В конце концов он стал собирать своих сторонников, чтобы ввести их в состав приходского собрания.

Все это очень напоминало отцу Павлу далекие, но незабытые застойные 1970-е годы, когда государственные уполномоченные руководили жизнью Церкви извне, разрушали ее живой организм, не имея в нем никакого положения и статуса. Теперь место уполномоченных заняли архиереи.

Время гонений вновь вернулось — сменилось лишь имя гонителя. Те права и возможности, которые предоставлял Устав епархиальным Владыкам, были когда-то заветной мечтой товарищей И.Р. Рахимова, В.А. Куроедова, К.Б. Рузметова, П.С. Кривошеева и других «уполномоченных» палачей Церкви.

Воспоминания о тех давних событиях привели отца Павла к мысли о том, что книга, когда-то написанная им в Красноводске, стала вновь актуальной. Если опубликовать эти воспоминания, то думающий читатель наверняка увидит аналогию в действиях советских бюрократов того времени и современных чиновников РПЦ.

Мы часто и подолгу обсуждали с ним план издания книги. Вначале была идея написать несколько дополнительных глав для описания современного состояния проблем Церкви, но потом от этой идеи отказались. Подумали, что «умный и так поймет», а «гусей дразнить» лишний раз незачем. Решили ограничиться вступительным словом, которое написал Виктор Николаевич Яковлев, и предисловием автора. На обложку книги отец Павел попросил мою фотографию пожара в Свято-Троицком соборе Измайловского полка, где я в начале 1990-х годов был председателем приходского совета.

В 2010 году книга «Своими глазами» была издана. В предисловии к ней отец Павел написал: «Эта книга пролежала в столе 35 лет. Она хранит историю подавления духовной свободы в церковной, общественной и частной жизни советского народа. ./ С 2000-х годов подавление духовной свободы в церкви и обществе отдано в руки епископов, такие же бесчеловечные, как руки советских комиссаров-уполномоченных. ./ Уполномоченные увяли, ибо архиереи дозрели. ./ Комиссарами в СССР называли министров, генералов, политработников. Все они служили идеологии, были ее миссионерами. Идеология нуждается в миссионерах. Святейший патриарх обещает широко развернуть миссионерство в России. Какое содержание понесут новые комиссары в человеческое общество?»

Новомученики и исповедники искупили прежние грехи Церкви принесенной жертвой. Какие скорби придется вновь понести церковному и нецерковному народу за все, что делают и еще сделают церковные функционеры?».

В конце лета этого же 2010 года отца Павла вызвали в Москву в общецерковный суд. Это было первое судебное заседание в истории Московской Патриархии после 1917 года. Состоялось оно 17 августа в храме Христа Спасителя. Кроме председателя, в нем участвовали: Митрополит Черновицкий и Буковинский Онуфрий (Березовский), Архиепископ Суздальский и Владимирский Евлогий (Смирнов), Архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко) и Епископ Дмитровский Александр (Агриков).

Суд рассмотрел вопрос о составе приходского собрания храма свв. Жен-Мироносиц города Пскова. Для изучения этого вопроса была привлечена главный юрист Московской Патриархии инокиня Ксения (Чернеги). Она провела юридическую экспертизу и написала в заключении, что учредительные документы прихода, принятые в 1989 году, имеют недостатки, и с формальной точки зрения приход юридически никогда не существовал, следовательно, все протоколы приходских собраний этого храма нелегитимны.

Действиям нового настоятеля храма священника Сергия Иванова суд дал достаточно снисходительную оценку. Судьи признали их неправомочными, но учли как смягчающие обстоятельство недостаток образования у священника и рекомендовали ему пойти учиться. Окончательное решение вопроса о составе приходского собрания храма святых Жен-Мироносиц суд оставил на усмотрение Московской Патриархии. Последний пункт решения суда гласил о необходимости «настоятельно рекомендовать Митрополиту Псковскому и Великолукскому Евсевию и протоиерею П.А. Адельгейму, следуя духу Евангельской любви, лично встретиться для взаимного прощения и примирения, и впредь не выносить на публичное обсуждение обоюдные упреки, разрешая возникающие разногласия в духе богозаповеданного мира, а в случае затруднительности — обращаясь в установленном порядке к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси».

А священнику Павлу Адельгейму суд дополнительно указал на ряд «недопустимых обобщений», которые тот делал в адрес иерархии РПЦ МП в своем «Живом журнале».

Выполняя решение общецерковного суда, отец Павел направил митрополиту Евсевию очередное покаянное письмо с просьбой о прощении его за невольно принесенные архиерею личные обиды и с предложением христианского примирения.

Митрополит ответил священнику следующим посланием:

«Протоиерею Павлу Адельгейму

Ваше Высокопреподобие отец протоиерей!

Получил Ваше обращение о якобы Вашем намерении примириться со мной за нанесенные обиды. Но как смотреть на это? Вы желаете примирения, и тут же Ваша новая клевета в мой адрес о том, что я Вас не допускал на епархиальные собрания, на общие церковные торжества. Откуда все это Вы взяли? Мы с Вами не встречались, по телефону не разговаривали. От кого Вы это распоряжение получили?

Уж если примиряться, нужно признать свою сатанинскую клевету, изложенную в Вашей книге „Догмат о Церкви“, где Ваша черная, ядовитая клевета в мой адрес распространяется в книгах и в интернете на весь мир. Вот Вы теперь заявите на весь мир о том, что это была Ваша клевета на Правящего Архиерея. Ведь в Вашей книге ни одного слова правды нет. Ведь только осознанная раскаянность и просьба о прощении может быть основанием для примирения, иначе это будет просто формальность.

С новой клеветой Вы говорите, что я отнял у вас приход в п. Богданово, но ведь это было после отказа Вашего от этого прихода, о чем свидетельствовали персонал психиатрической больницы п. Богданово. Вы говорите, что я отнял приход в п. Писковичи, но ведь это было после Вашего скандала с о. Евгением Найдным. Ради мира пришлось вас разделить и дать каждому из вас приход. Это же было при свидетелях всего Епархиального совета. Вы говорите, что я отнял у Вас настоятельство в храме свв. Жен-Мироносиц, но это было после невыносимого Вашего отношения к клирику прихода свв. Жен-Мироносиц священнику о. Владимиру Будилину. Имеется его письмо об этом.

А Ваши клеветнические письма, газетные публикации — что это? Просите о прощении и тут же — с новой клеветой в мой адрес. А Ваш отказ преподавать в Псковском духовном училище — тоже виноват архиерей? Все это лукавое Ваше — изворотливость и изощренные Ваши уловки. Так вот только после признания своей клеветы, посредством СМИ, против своего архиерея, да и всех архиереев РПЦ, может быть взаимное прощение и примирение, и я готов простить и примириться с открытым христианским сердцем.

Ожидаю Вашего согласия.

Божией помощи Вам, Митрополит Псковский и Великолукский Евсевий».

Так все вернулось на круги своя. Противостояние продолжалось.

К весне 2011 года псковские епархиальные функционеры всерьез обеспокоились положением дел в церкви свв. Жен-Мироносиц. Уже прошли все сроки победных реляций и отчетов о выполнении распоряжения Святейшего Синода, а отец Сергей все никак не может принять новую редакцию Устава в своем приходе! Митрополит Евсевий решил послать ему в помощь благочинного города Пскова протоиерея Иоанна Муханова.

О том, как проходило приходское собрание в Мироносицком храме, подробно сообщала газета «Псковская губерния»:

«Двадцать членов приходского собрания в присутствии благочинного г. Пскова протоиерея Иоанна Муханова собрались 18 апреля. Настоятель иерей Сергей Иванов сообщил о том, что „поступил Устав прихода в новой редакции, который необходимо обсудить и принять“ и предложил высказываться. Отец Павел обратился к настоятелю и собранию с прошением:

„Досточтимый отец Сергей, дорогие братья и сестры! 14 апреля 2011 года мною отправлено письмо на имя управляющего делами РПЦ МП высокопреосвященного митрополита Варсонофия с покорнейшей просьбой разъяснить конфликт, возникающий между долгом подчиняться церковной дисциплине и христианской совестью, побуждающей охранять духовные сокровища Православия. Церковь возлагает на народ Божий обязанность хранить Писание и Предание. Догматы и каноны Вселенской церкви объясняют нам содержание и смысл Благовестия Христова через непосредственное приложение к практике приходской жизни.

Конфликт возникает в связи с недоумениями, которые вызывают некоторые статьи Устава. Священноначалие предложило приходу принять этот Устав в порядке подчинения церковной дисциплине. Священноначалие предлагает приходу не просто подчиниться, что не вызывает никаких вопросов и возражений, но добровольно принять и признать законнические и законодательные нормы все статьи Устава, в том числе те, которые, по моему мнению, вступают в противоречие с Вселенскими канонами церкви и гражданскими законами России.

Предлагаю приходскому собранию обратиться вместе со мной к священноначалию с просьбой разъяснить смысл новых отношений, которые Устав прихода вносит в нашу приходскую жизнь, и внести некоторые уточнения и поправки в те статьи Устава, которые исказили канонические установления Вселенской церкви и законодательные нормы Российской Федерации. Прошу приходское собрание проголосовать в поддержку обращения и отложить рассмотрение Устава до ответа из управления делами Московской Патриархии“.

Далее о. Павел зачитал обращение с подробным указанием противоречий статей предложенного типового устава канонам Вселенской Церкви и законам Российской Федерации.

„Установленные противоречия, - приходит к выводу о. Павел, - говорят о наличии в Церкви проблем, которые следует решать не силой, но согласием и церковной рецепцией. Авторитарное управление провоцирует конфликты и расколы. Соборный принцип церковной рецепции оправдал себя в древней Церкви и в решениях Собора 1917-18 года. Он и теперь приведет к взаимопониманию скорее, чем ультимативная дисциплина. Проблемы нуждаются в обсуждении. Прошу Ваше Высокопреосвященство разрешить эти недоумения“.

В ходе бурной дискуссии благочинный продолжал настаивать на принятии Устава без изменений:

— Над Уставом работали грамотные юристы, его утвердил и предложил Священный Синод и Патриарх.

На что, встав перед благочинным, один из прихожан категорически заявил:

— Это он вам предложил, а вы его хотите протолкнуть нам, - Устав, который отобрал бы все права нашего прихода. Мне 76 лет, я работал большим руководителем и знаю, как эти дела делаются. Вы говорите, проект Устава готовили хорошие юристы. Да, согласен, прекрасные юристы делали его — для того, чтобы обдурить народ, простой народ. А мы сюда пришли в свои храмы, у нас здесь свои пастыри, перед которыми мы исповедуемся, и мы хотим, чтобы они и мы были правомочными. А ваш Устав наши права отбирает. /.../ И голосовать за этот Устав я не буду — чтобы сохранить приход.

В результате голосования за Устав высказались 5 членов приходского собрания, против — 15. Появилось другое предложение, которое и было принято большинством голосов (расклад зеркально обратный: за - 15, против - 5) и зафиксировано в протоколе как постановление собрания:

- отложить обсуждение Устава до 10.05.2011 г.;
- поручить о. Павлу Адельгейму подготовить предложения по внесению изменений и дополнений в Устав прихода».

После собрания о. Павел в «Живом журнале» оставил запись:

«Выяснилось, что немногие читали Устав. Предложили прочесть письмо, отправленное митр. Варсонофию и рассказать о новом Уставе. Письмо не воспринималось „на слух“, и я перечислил противоречия Устава с законами и канонами. Благочинный возражал, полагая, что „Синод знает лучше нас, а расхождение с законом несущественно“. Благочинный возражал вяло. Было ясно, что Устав он сам не читал, возражает „для порядка“, ибо ему поставили задачу принять Устав, а как ее решить, не объяснили... Собрание мирно завершилось.

Внося поправки, я понял, что восстанавливаю Устав, зарегистрированный в 1999 году, по которому живет приход в настоящее время. Зачем же его менять? Этот Устав рекомендован Синодом, 10 лет назад зарегистрирован. Это предложение хочу вынести на обсуждение собрания 10 мая.

Мне кажется, что 10 мая приходское собрание вторично не проголосует за новый Устав. Непонятно, к чему это приведет, и что Бог положит на сердце архиерею. Либо разгонят приходское собрание и соберут новый состав, либо плюнут на нас — один приход погоды не делает.».

Но, видать по всему, «плевать» на Мироносицкий приход архиерей не хотел и предпочел первый вариант, прогнозируемый отцом Павлом. Чтоб «делу дать хотя законный вид и толк», он дал распоряжение произвести разгон приходского собрания посредством судебного процесса, который был назначен на начало июня 2011 года.

Ход этого судебного заседания был записан на многие диктофоны и сохранился в аудиозаписях. На основании этих записей о суде подробно писала «Псковская губерния»:

«3 июня 2011 года в Доме причта Свято-Троицкого кафедрального собора состоялось заседание Псковского Епархиального суда. К „ответчикам“ обратился председатель суда протоиерей Петр Нетреба:

— Уважаемые судьи, отцы, братья и сестры! Сегодня проводится первое заседание Псковского Епархиального суда, и оно будет разбирать то дело, которое было совершено, вернее, не совершено, а которое произошло 18 апреля этого года в приходе храма Жен-Мироносиц.

Было приходское собрание, и оно не приняло новый Устав, который рекомендован и утвержден Священным Синодом нашей Русской Православной Церкви.

Суд Псковской епархии находится в полном составе — пять человек нас. Я, председательствующий на церковном суде, протоиерей Петр, секретарь церковного суда протоиерей Иоанн Муханов, члены церковного суда — протоиереи Георгий Быков, Виталий Герусов, Владимир Семендяев.

Непринятие церковного Устава — это дело, которое вынудило правящего архиерея собрать церковный суд. Владыка издал распоряжение за №29 от 23 мая 2011 года о том, чтобы было рассмотрено дело по приходу храма святых Жен-Мироносиц г. Пскова в связи с непринятием 18 апреля 2011 г. на приходском собрании Устава местной религиозной организации в новой редакции, утвержденной Священным Синодом РПЦ. Заявителя по этому поводу нет. Распоряжение издано на основании рапорта, который подал благочинный г. Пскова, настоятель Свято-Троицкого собора протоиерей Иоанн Муханов на имя правящего архиерея.

Я хотел бы предупредить, что будет вестись аудиозапись, поэтому в этом отношении пусть не будет смущения.

Смущения не было — диктофоны были у всех».

Суд приступил к допросам ответчиков.

В зал заседаний ответчиков вызывали по одному. Но вскоре судьям все стало ясно и, посчитав подробный персональный допрос пустой тратой времени, они пригласили сразу всю группу, кроме отца Павла.

Выяснять причины отказа принятия нового Устава и расследовать отношение к его положениям суд, конечно, не собирался. У него была совсем другая задача — испугать и склонить к голосованию «за» принятие Устава или, в случае голосования «против», вывести упорствующих из состава приходского собрания. Исходя из этой задачи, судьи вели себя напористо, безапелляционно и порой даже грубо. Прерывали ответчиков, не давая им выразить свои мысли.

Так, при допросе Ивана Павловича Адельгейма судьи спрашивали:

— С чем вы не согласны в новом Уставе?

— Хотелось бы, конечно, чтобы Устав более полно отражал те гармоничные отношения, к которым мы все стремимся в нашей жизни общецерковной. Мы понимаем, что никакой структуры идеальной быть не может, мы все — люди.

— Единственно идеальная структура на земле — это в Церкви Православной. Это однозначно.

Вот уж действительно — весомый аргумент! Остается только добавить крылатое ленинское выражение о марксизме, слегка перефразировав его: «Учение Православной Церкви всеильно, потому, что оно верно!».

Иван Павлович, в свою очередь, задал вопрос суду:

— Как вы рассматриваете принятие Устава — как чисто дисциплинарный акт или все-таки акт, в котором участвует совесть?

— Мы выполняем распоряжение Священного Синода, — был единодушный ответ судей.

Председатель суда протоиерей Петр Нетреба спросил ответчицу Веру Петровну Игнатьеву:

— Что вас смутило в этом Уставе?

— Из-за одного человека, получается, наказывать всех, да?

Ей тут же возразил отец Иоанн Муханов:

— Да нет, не из-за одного, ну что вы — детский сад. Ну вы почитайте внимательно, пожалуйста.

Другая ответчица — Елена Владимировна Волкова, взяла текст Устава и громко прочитала:

— Если член приходского собрания не исполняет хотя бы одну из обязанностей, предусмотренных пунктом 7.4 настоящего Устава, епархиальный архиерей единоличным решением вправе исключить всех или часть...

Отец Иоанн, перебивая ее:

— Или часть! То есть имеется в виду.

Тут он задумался, но отступать было уже поздно. Закончил свою фразу о. Иоанн сумбурной околесицей — он может и всех исключить, если все, один или все, но не из-за одного. Очевидно, Устав он так и не прочитал и другой аргументацией, кроме как «если все, один или все, но не из-за одного», не владел.

Ответчик Александр Юрьевич Гуков пытался сказать:

— В данном случае предлагается принять Устав голосованием, то есть выразить свою волю. Собственно говоря, если нам предлагают выразить свою волю вразрез с нашим мнением, это есть...

Отец Иоанн, громко перебивая:

— Нет, подождите, так вот поэтому мы сейчас и выясняем.

— Вы нам как бы предлагаете подчиниться и совершить изначально не.

Отец Иоанн, опять перебивая:

— Никто вас не заставляет. Мы свободу выбора даем.

— За что нас тогда судят? Что за странный метод убеждения — вызывать на суд?

— А вот как раз здесь ваша свобода и проверяется. Вы не согласны — пожалуйста, не принимайте. Если вы не согласны, вы можете сами из приходского собрания уйти, вот и все.

У отца Иоанна что ни слово, то аналогия с афоризмом: «Колхоз — дело добровольное! Хочешь — вступай, не хочешь - расстреляем». Утомившись от дебатов с ответчиками, он обратился к ним напрямую:

— Дорогие мои, давайте не терять времени. Поэтому, назовите, пожалуйста, еще раз свою фамилию, имя, отчество, и — вы будете «за» или «против»?

Все члены приходского собрания сообщили отцу Иоанну, что будут голосовать «против» принятия этой редакции устава. На том их допрос был окончен, и они вышли из зала заседания.

Последним перед судом предстал отец Павел.

Председатель отец Петр Нетреба произнес:

— Положите руку на Евангелие и прочитайте текст присяги.

Отец Павел повиновался и прочитал:

— Я, обвиняемый священник Павел Адельгейм, давая свидетельские показания церковному суду, перед святым крестом и Евангелием обещаю говорить правду и только правду.

Затем он обратился к суду:

— Странно звучит «обвиняемый» перед судом, который не предъявил мне конкретных обвинений. Хотел бы видеть заявление, на основании которого мне предъявлено обвинение. Полагаю, что вы не учреждаете инквизицию, то есть розыскной процесс? Римский Папа в XII веке учредил розыскной процесс, который позволяет суду начинать процесс без всякого заявления. Беседуя в процессе с обвиняемым, суд может задавать вопросы, сам разыскивать повод к обвинению и находить, в чем обвинить жертву. Я бы хотел видеть заявление, по которому возбуждено дело в суде.

— Епархиальный суд принимает дело к рассмотрению на основании распоряжения епархиального архиерея, который может передать дело в Епархиальный суд как по собственному рассмотрению, без заявления, так и при наличии заявления о церковном правонарушении. Вы — в

качестве ответчика по вопросу непринятия нового Устава прихода святых Жен-Мироносиц на приходском собрании. Это указана причина.

— Простите, это что, обвинение? — удивился отец Павел

— Да.

— То есть я обвиняюсь в том, что я не принял приходской Устав?

— Да.

— А на каком основании я должен его принять?

В разговор вступил секретарь суда отец Иоанн:

— На основании э. э. распоряжения Святейшего Патриарха.

— Покажите мне такое распоряжение.

— Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом определен срок перерегистрации приходов до 10 октября 2010 года, - произнес председатель суда.

— Вы мне дайте документ. Почему вы так вычитываете из документа?

— Я даю вам информацию.

— Я бы хотел получить документ.

— Когда надо будет, получите, батюшка.

— То есть документ вы мне не предъявите?

— Я вам сейчас зачитываю конкретные разъяснения юридического отдела Московской Патриархии.

— Написано что? Еще раз прочитайте. Что там сказано?

— Патриархом Кириллом дано распоряжение.

— Кому? Кому дано распоряжение?

— Всем приходам.

— Нет, там это не написано.

— Как же? - удивился отец Иоанн. - Написано.

— Кому дано распоряжение? Вот я о чем спрашиваю. Кому это распоряжение дано? - разъяснил отец Павел

— Разумеется, архиереям, всем епархиальным преосвященным Российской Федерации.

— Вот! Вот с этого надо начать. Значит, к кому обращено это требование? К преосвященным епархий. Это постановление Синода №85. О нем идет речь?

— Да, да, да, - утвердительно закивал отец Петр.

— Это распоряжение дано епархиальным преосвященным, которым я не являюсь. Я не епархиальный архиерей. Я простой священник. Поэтому это обращение не ко мне.

— Отец Павел, вы подчиняетесь настоятелю храма святых Жен-Мироносиц, которому дается устное постановление Священного Синода.

— Что значит «устное постановление»? Устного постановления быть не может.

— Устное распоряжение, чтобы храмы приняли новый устав.

— Распоряжение должно быть письменное.

— В разговор опять включился прекрасно все аргументирующий отец Иоанн:

— Хорошо, понятно. Значит, у нас есть распоряжение, точнее, оно есть, но у нас нет его сейчас с собой.

— А почему не обзавелись? Давайте перенесем заседание на следующий раз и.

— Нет, мы не будем его переносить, — твердо возразил председатель. Его тут же поддержал секретарь суда:

— Да! Это ваше мнение, а суд считает, что нет необходимости переносить. Так что, пожалуйста, дальше вопросы.

— Отцу Павлу ничего не оставалось, как продолжить свой допрос членов суда:

— Отец Сергей мне сказал, что распоряжения такого от архиерея не было, и в настоящий момент не существует. Я спрашивал его об этом много раз. Я сказал ему, что если будет распоряжение, то я беспрекословно подчиняюсь церковной дисциплине. Но распоряжения такого нет. То есть нет канонических оснований, чтобы я принял решение. Я подчиняюсь Церкви, церковным канонам, распоряжениям патриарха и архиерея.

— И конкретно настоятеля своего, — солидно добавил отец Петр.

— И конкретно настоятеля своего, — согласился отец Павел. - Пусть он напишет от себя такое распоряжение, если ему дано такое право.

— Если он выносит на обсуждение приходского собрания принятие нового Устава, новой редакции. — начал было аргументировать отец Петр.

— А где вы вообще читали о принятии нового Устава? Где это написано?

Отец Павел раскрыл «Журнал Московской Патриархии»:

— Вот постановление Синода, там написано четко и ясно: журнал №85, пункт 2: «Преосвященным епархий (то есть архиереям, если это непонятно), расположенных на территории Российской Федерации, привести гражданские Уставы зарегистрированных приходов в соответствие с новой типовой формой и обеспечить государственную регистрацию соответствующих изменений в данные Уставы». Где написано «принять новый Устав»? Вот этого нет. Это обращено, я еще раз обращаю Ваше внимание, к преосвященным епархий, которым я не являюсь.

— Игра слов, — попытался отмахнуться председатель.

— Это не игра слов. Я не думаю, чтобы Синод занимался игрой в слова.

— Вы занимаетесь игрой в слова, — уточнил отец Петр. — Если настоятель выносит на повестку приходского собрания принятие нового или изменения и дополнения.

Он не успел договорить. Его перебил секретарь суда отец Иоанн:

— Нет, нет, в приход поступил Устав прихода в новой редакции, который необходимо обсудить. Вы сразу стали выступать против.

Тут отец Павел очень удивился и возразил:

— Я вообще не выступал против этого. Я написал письмо митрополиту Варсонофию с просьбой ответить на вопросы, которые мне непонятны. Расхождения с законом очень серьезные: это, к примеру, уничтожение принципа учредительства...

— Ну, я все это слышал, батюшка. — отмахнулся отец Иоанн.

Отец Павел продолжал:

— Поэтому я не могу голосовать, это против моей совести, это расходится с законом, и непонятно, почему я должен это делать. Когда вы говорите, что я обязан это принять, то я ничего против не имею, я подчиняюсь церковной дисциплине, и если я увижу распоряжение, которое обращено ко мне, а не к преосвященному епархии, то я, конечно, подчинюсь.

— Я думаю, вопросов больше нет, — заключил отец Иоанн. — Спаси, Господи, батюшка, Мария Ивановна, через две-три минуты приглашайте всех заслушать решение суда.

Решение суда ответчикам вручено не было, председатель огласил его устно. Суть решения состояла из двух пунктов.

Первый. Ходатайствовать перед архиереем об исключении из состава приходского собрания храма святых Жен-Мироносиц семи членов из пятнадцати, проголосовавших за перенос принятия Устава на 10 мая 2011 года.

Второй. Ходатайствовать перед архиереем о почислении за штат священника Павла Адельгейма.

Согласно «Положению о церковном суде», принятое решение должно вступить в силу после утверждения его правящим архиереем митрополитом Евсеем не ранее чем через 15 рабочих дней.

Лишь через два месяца, 2 августа 2011 года, семеро членов приходского собрания, участвовавших в качестве ответчиков в судебном заседании, получили уведомления о решении суда с резолюцией правящего архиерея.

«Настоящим сообщаем Вам резолюцию Высокопреосвященнейшего Митрополита Псковского и Великолукского Евсевия, наложенную на решение Псковского Епархиального церковного суда от 03.06.2011 г.:

„Решение Псковского Епархиального церковного суда от 3 июня 2011 года о положении на приходе храма святых Жен-Мироносиц г. Пскова и о выводе из состава приходского собрания отдельных лиц, не согласных с Уставом, принятым Священным Синодом Русской Православной Церкви 10 октября 2009 г., и не подписавших его - УТВЕРЖДАЕТСЯ.

Митрополит Евсевий 02.08.2011 г. “».

22 августа в храме свв. Жен-Мироносиц состоялось очередное приходское собрание по поводу принятия новой редакции Устава. О ходе этого собрания оставил свои воспоминания теперь уже бывший председатель приходского совета Виктор Николаевич Яковлев:

«Начал отец благочинный, он же - секретарь епархиального суда (все цитаты по аудиозаписи - прим. авт.): „Благословите меня быть председательствующим, потому что здесь есть вопросы, которые касаются церковного суда и утверждения его решения архипастырем.“

Подумалось: кто же здесь из нас может благословлять благочинного? Разве что он сам. Вот если бы речь шла об избрании. По Уставу прихода председателем приходского собрания является настоятель - присутствующий здесь священник Сергей Иванов. Но он промолчал. А благочинный продолжил: „Повестка дня у нас. Первое. Сообщение благочинного о решении суда и утверждении этого решения правящим архиереем. Второй вопрос: надо все-таки пересмотреть приходское собрание — это численность собрания. Ну и третье — принятие изменений нового церковного Устава. Все согласны с повесткой дня?“

— А нельзя наоборот? — раздалось с места.

— Нельзя. Поэтому первое — я бы хотел зачитать решение церковного суда.

Решение было зачитано и вместе с выпиской из резолюции вручено каждому „осужденному“ (цитирую с сохранением грамматических „особенностей“ — прим. авт.):

„Псковский Епархиальный церковный суд, заседавший 3 июня 2011 г., рассмотрев дело по приходу храма святых Жен-Мироносиц г. Пскова, в связи с неприятием 18 апреля 2011 г. на приходском собрании Устава „Местной религиозной организации православного прихода храма“ в новой редакции, утвержденного Священным Синодом Русской Православной Церкви 10 октября 2009 г., всесторонне изучив письменные материалы и внимательно выслушав лично каждого участника заседания суда, решил: признать виновными в церковном правонарушении членов приходского собрания прихода храма Святых Жен Мироносиц, не принявших Устав в новой редакции 18 апреля 2011 г., и согласно ст. 24, ходатайствовать перед правящим архиереем Псковской епархии митрополитом Евсевием о выводе из состава приходского собрания следующих лиц“. И далее — 11 фамилий.

„Протоиерея Павла Анатольевича Адельгейма признать виновным в посеянной смуте среди членов приходского собрания, вызвавшей неприятие Устава, а также, руководствуясь 56-м правилом Святых Апостолов о досаждении священноначалию и, учитывая пенсионный возраст и инвалидность, ходатайствовать перед правящим архиереем Псковской епархии митрополитом Евсевием о почислении его за штат Псковской епархии“.

Однако во врученной ему резолюции Высокопреосвященнейшего говорится: „Проявляя снисхождение, протоиерея Павла Адельгейма оставить клириком вышеуказанного храма с предупреждением о недопустимости для священнослужителя быть причиной нестроений в жизни прихода. И еще раз напомнить ему решения общецерковного суда РПЦ от 17.05.2010 г.“.

После ознакомления с „приговором“ стало ясно, почему „нельзя наоборот“: предстояло голосование за все ту же новую редакцию Устава прихода. По списку в храме - 33 члена приходского собрания, после нашего исключения осталось 22, из которых на собрании присутствовало 12. Им и предложено было голосовать:

— Итак, давайте, дорогие, проголосуем. Кто за принятие?

— А можно хотя бы чуть-чуть комментарий дать? Нельзя? - не унимался все тот же прихожанин.

О. Иоанн: „Нет“.

Прихожанин: „Тогда надо подниматься и уходить“.

О. Сергей: „Давайте так. Мы сейчас этот вопрос решим, а потом дебаты“.

Прихожанин: „Когда проголосуем, тогда уже дебаты ни к чему“.

О. Павел: „Тогда давайте запишем в протоколе, что слово по этому вопросу никому не предоставляется. Как там Грызлов выразился: „Парламент - не место для дискуссий“.

О. Иоанн: „А зачем лишние дебаты нужны? Давайте проголосуем, а потом — пожалуйста... Значит, дорогие, кто за принятие Устава?“.

Но, голосов „за“ оказалось всего пять: настоятеля Сергея Иванова, дьякона Сергея Завьялова, директора школы регентов Вячеслава Петина и двух певчих церковного хора. Семеро проголосовали „против“. Результат оказался неожиданным для всех, и, в первую очередь, для самого отца благочинного:

— Так. Замечательно... Опять повторяется то же самое. Отец Сергей, ну ты, по крайней мере, на будущее — надо подготовить приход, объяснить все это, и, разумеется, ввести в члены приходского собрания людей, которые понимают.

Дальнейший диалог привожу дословно:

О. Павел: „Правильно! Вот тогда будет все как надо: ввести всех, кого надо, и будут голосовать, как надо. Остальных разогнать“.

О. Иоанн: „Мы имеем право и без суда на это“.

О. Сергей: „Отец Иоанн, просто кого я приглашал, не все пришли, к сожалению“.

О. Павел: „А надо записывать, кто именно против?“.

О. Иоанн: „Конечно, надо“.

О. Павел: „Чтобы и их тоже выгнали?“.

О. Иоанн: „Не выгнали, а исключили из руководящего органа“.

Член прихода К. Обозный: „Отец Иоанн, если мы принимаем этот приходской Устав, тогда никакой надобности в приходском собрании уже просто нет“.

О. Павел: „Вот именно. Вы ведете Церковь к церковному параличу. Этот устав называется “Смерть приходам““.

В. Яковлев: „Вы понимаете разницу между собранием и назначенцами?“.

О. Иоанн: „Мне как раз тоже непонятно. Устав принят Архиерейским Собором, утвержден Синодом. А если вы примете свой Устав — что это будет? Вы никогда не договоритесь друг с другом“.

В. Яковлев: „Ну почему, друг с другом-то мы как раз договоримся, до сих пор прекрасно договаривались, а вот с вами-то как бы договориться“.

О. Иоанн: „В том-то и дело. Вы пытаетесь навязать свое мне, а я с этим не согласен“.

В. Яковлев: „Мы предлагаем вернуться к здравому смыслу — чтобы собрание было собранием, чтобы выбор был выбором, а голосование голосованием. Вы же всего этого нас лишаете, вот и все. По сути, вы лишаете нас данной Богом свободы“.

О. Павел: „Иными словами, вы запрещаете соборность — основной принцип, которым живет Церковь. Вы разрушаете Церковь как живой организм, как Тело Христово“.

О. Иоанн: „Удивляюсь, просто удивляюсь!..“.

О. Павел: „То есть новым Уставом приходское собрание фактически отменено. На каком основании вы лишаете людей права участвовать в приходской жизни?“.

О. Иоанн: „Это не мы лишаем, это люди сами себя лишают, если не желают этот Устав принять“.

О. Павел: „Нас здесь 20 человек, а община-то гораздо больше. Это — единая Церковь. И в ней командует не патриарх, не Синод и даже не Поместный Собор, а голос Церкви. Принимает народ решение Поместного Собора - оно действует, не принимает — не действует. Все остальное — словоблудие. Поэтому давайте помолимся и закончим“.

О. Иоанн: „Все. Все в протокол и, разумеется, протокол правящему архиерею. А тебе, отец Сергей, еще раз говорю, что будет опять непонятно, почему не явились люди, которые разделяют нормальную точку зрения“.

На этом собрание было закончено».

Приход храма свв. Жен-Мироносиц еще целый год функционировал по старому Уставу, и в составе его приходского собрания оставались люди, не желавшие принимать новый документ, который формально давал возможность исключить несогласных единоличным решением епархиального архиерея.

2012 год для отца Павла был насыщен многими яркими событиями. 25 января состоялась премьера документального фильма «Один день священника Павла Адельгейма» талантливого петербургского режиссера Максима Якубсона, ученика Марлена Хуциева.

В основе фильма лежала идея любви, ключевым моментом была проповедь о. Павла, посвященная семье и браку. «Любовь — это постоянное принесение себя в жертву любимому, - говорит он и поясняет, - не один раз приносит себя человек в жертву тому, кого любит, а приносит ежеминутно, постоянно. Если он перестал это делать, то, конечно, любовь испаряется. То есть любовь — состояние жертвенности. Это переживание своей жертвенности... Любовь проходит, если ее не уберечь. Каждая ценность может быть потеряна или разрушена. И разрушается она потому, что мы относимся к ней небрежно».

Семейная жизнь самого Павла Адельгейма может служить примером того, как любовь можно пронести через время и испытания. Премьера фильма состоялась в зале Дома областного совета профсоюзов и имела большой успех.

21 февраля в Москве, в храме Христа Спасителя, девушки из группы Pussy Riot провели панк-молебен с призывами к Богородице об устранении Президента РФ В.В. Путина.

Выступление этой панк-группы взбудоражило людей. Оно задело самые болезненные места в жизни общества — слияние Церкви и государства. РПЦ, формально отделенная от светской власти, активно внедряет идею послушания государству.

Pussy Riot в своем «молебне» пели:

*Богородица, Дево, Путина прогони,
Путину прогони, Путина прогони!
Черная ряса, золотые погоны,
Все прихожане ползут на поклоны.
Призрак свободы на небесах,
Гей-прайд отправлен в Сибирь в кандалах.
Глава КГБ, их главный святой,
Ведет протестующих в СИЗО под конвой.
Чтобы Святейшего не оскорбить,
Женщинам нужно рожать и любить.
Срань, срань, срань Господня!
Срань, срань, срань Господня!
Богородица, Дево, стань феминисткой,
Стань феминисткой, феминисткой стань!
Церковная хвала прогневших вождей,
Крестный ход из черных лимузинов.
В школу к тебе собирается проповедник,
Иди на урок - принеси ему денег!
Патриарх Гундяй верит в Путина,
Лучше бы в Бога, сука, верил.
Пояс девы не заменит митингов –
На протестах с нами Приснодева Мария!
Богородица, Дево, Путина прогони,
Путину прогони, Путина прогони!*

Молодых женщин обвинили в оскорблении чувств верующих и в осквернении храма. Критика, обращенная в сторону лидера государства осталась якобы не замеченной — в стране «демократия» и «свобода слова», но преследование участниц группы осуществлялось именно государственным следственным комитетом, государственной прокуратурой, и осуждены они были светским

государственным судом. Они обвинялись в том, что «явным и недвусмысленным образом выразили свою религиозную ненависть и вражду к одной из существующих в настоящее время религий — христианству. /.../ Песня феминисток носила богохульное и оскорбительное содержание для верующих и священнослужителей с точки зрения Русской Православной Церкви. Они выкрикивали бранные слова, задирали ноги и махали кулаками, выражая агрессию».

Мария Алехина, Надежда Толоконникова и Екатерина Самуцевич были признаны виновными и получили по два года колонии.

Панк-молебен Pussy Riot расколол общество на их сторонников и тех, кто требовал жестокого наказания вплоть до смертной казни: «Распни! Распни!». Так, директор национал-правозащитного комитета «Презумпция», доктор богословия Альберт Гаямян был уверен, что приговор беспредельщикам-провокаторам очень мягок. По его мнению, справедливым был бы смертный приговор через повешенье.

В защиту осужденных выступил отец Павел:

«Девушки не осквернили храм. Они нарушили целомудренную тишину, наполняющую его сакральное пространство, и унизили свое человеческое достоинство. За это следует пожалеть. /.../ Честно скажем, что девушек судят не за осквернение храма, а за оскорбление двух лидеров — государства и Церкви. Девушки выразили протест гражданского общества против симфонии. Форма оказалась эффективной — вызвала общественную бурю и привела к осуждению авторов».

Напуганные этой общественной бурей, РПЦ МП и государство призвали население объединиться против «антицерковных сил, которые опасаются усиления православия в стране». На это отец Павел с горьким сожалением заметил: «Девушки в тюрьме, а православные негодуют: им мало, требуют расправы. Кипит наш разум возмущенный „во дни печальные Великого поста“».

«Кипящий разум» стал издавать грозные циркуляры с резким осуждением тех, кто в светском государстве осмелился критиковать РПЦ и лично патриарха. Государственная Дума и Совет Федерации приняли закон о введении уголовного преследования за оскорбление чувств верующих. Министерство образования и науки РФ с 1 сентября 2012 ввело во всех школах России преподавание курса «Основы православной культуры» (ОПК).

Обсуждая в кругу друзей данные нововведения, отец Павел поражался их несурзости и абсурдности. Говоря о законе «О защите чувств верующих», он недоумевал: как можно защитить чувство? Ведь оно рождается внутри, в душе, а защита, тем более судебная, всегда снаружи.

В своем блоге он отметил: «Само словосочетание звучит нелепо и бессмысленно. Как можно этого не видеть? Общественная палата не одобрила закон о правовой защите чувств верующих граждан. Значит, есть христиане, читающие Евангелие. Официальные представители РПЦ МП, протоиерей В. Чаплин, о. Д. Смирнов, В. Легойда и прочие озвучивают противоположную точку зрения, чуждую христианской традиции. Они требуют покаяния от других. Покаяния не требуют, к покаянию не принуждают угрозами и тюрьмой. Его рождает свободный дух из глубины совести во имя христианской любви. Неужели они не расслышали голос этого духа в Нагорной проповеди?».

В интервью корреспонденту газеты «Исковская губерния» он предупредил об опасности слияния Церкви и государства: «Симфония власти и Церкви противоестественно и губительна для обоих. Опираясь на власть, иерархи получают привилегии, имущество, деньги и прочие блага. Платят - духовной свободой. Церковь попадает в зависимость и оправдывает поступки имперской власти, теряя в глазах гражданского общества нравственный авторитет. Светильник гаснет, маяк не светит».

Отец Павел также неодобрительно относился к преподаванию курса ОПК (основы православной культуры) в средней школе и приводил в защиту своей позиции весьма убедительные аргументы: «Надо, чтобы не духовенство приходило в школы, а чтобы дети приходили в храмы.

Нельзя разрывать образование и воспитание. Что хотят сторонники ОПК? Подать информацию? Она и так есть всюду.

Школьники станут убегать с уроков. Надо иметь в виду — священники преподавать не будут. Значит, этим займутся учителя. От этого может быть очень болезненная отдача.»

К голосу отца Павла прислушивались, его мнением интересовались. Он часто выступал по радио и телевидению, ежегодно участвовал в научно-богословских конференциях, читал курс церковного канонического права в московском Свято-Филаретовском институте.

В мае 2012 года его пригласили в Румынию на конференцию «Этическая импликация мученической смерти». Проблема рассматривалась с точки зрения религии и медицины. Отец Павел подготовил доклад об осознании мучеником смысла своего служения и небольшое сообщение о встрече и общении с исповедником, прославленным Церковью в 1988 году среди новомучеников и исповедников российских, архимандритом Севастианом Карагандинским.

Из Румынии он вернулся уставший, но полный впечатлений и раздумий о различии в жизни поместных православных церквей.

«Общее впечатление от Румынии: человечность, красота и мир, — рассказывал он о своей поездке, — они присутствуют повсюду. Домашний уклад в доме, где меня поселили в Бухаресте, наполнен семейной любовью. // В воскресенье меня пригласили послужить и дали красивое греческое облачение. Утреню пели всем храмом. Чтений почти нет, сплошное пение, и поют все молящиеся. Порядок службы понял не сразу: напевы неизвестные и язык незнакомый. Ектении говорил по-славянски. Солеи нет, только алтарь с иконостасом приподняты на 20 см.

Интересно проходит исповедь. Священник и исповедник становятся на колени друг перед другом, покрываются епитрахилью и шепчутся в интимной обстановке. Один стоит в алтаре, другой у порога. Просфоры коричневого цвета. Агнец двухчастный, остальные просфоры — односоставные булочки. Ритуал выполняется благоговейно, все сделано очень красиво и удобно. Крест носят только награжденные крестом священники. Основная масса священников не имеет наперсного креста. Облачение гораздо удобнее российского. Нет горба, риза свободно облегает плечи. Мне подарили греческое облачение. Оно мне очень нравится. //

Церковь в Румынии государственная, священники получают от правительства зарплату. Может быть, эта равномерность материальной обеспеченности снимает напряжение отношений среди духовенства. В Московской Патриархии расслоение на богатые и бедные приходы создает, разумеется, много противоречий. Одни приходы непомерно богаты, другим не на что крышу починить и храм покрасить. Но друг другу храмы не помогают, а епископы заботятся только о своевременных отчислениях на епархиальные счета. До бедных приходов им нет никакого дела: пусть сами выкручиваются. Богатые настоятели тратят средства только на себя самих, а как существуют бедные храмы всем — все равно. Это рождает карьеризм и пресмыкательство перед распределителями материальных благ — архиереями: кому густо, а кому — пусто.

Выходит, только государство способно внести порядок в равномерное распределение финансов. Иерархия МП не способна к разумному распределению церковных средств и тянет одеяло на себя.

В каждом государстве и Церкви, конечно, есть свои проблемы и негативные стороны. То, что бросается в глаза при поверхностном наблюдении гостя без языка, ведет к сравнению не в нашу пользу. Хотя я никак не сторонник государственной церкви, ибо за материальную заботу придется платить свободой, должен признаться, что от государственных церквей Румынии и Финляндии, которые мне пришлось видеть со стороны, остается впечатление более свободных и внутренне благоустроенных, нежели наша.

Поездка была сложной: Псков — Петербург — автобусом, Петербург — Киев — Бухарест — Варшава — Петербург, самолетом, с пересадками, да еще через всю Румынию, туда и обратно. Устал, но впечатлений много, и все светлые. Слава Богу за благополучное путешествие и благодарность организаторам конференции за приглашение».

22 мая в Санкт-Петербурге открылась выставка «Граждане Божьего Града», организованная Свято-Петровским малым православным братством. Она была посвящена жизни Православной Церкви в Средней Азии в годы советской власти. В экспозиции были представлены фотографии, документы и личные вещи исповедников веры из архива отца Павла, и он подробно рассказывал о своих духовных учителях — преподобном Севастиане Карагандинском, митрополите Гурии (Егорове), архиепископе Ермогене (Голубеве), архиепископе Гаврииле (Огородникове), архимандрите Борисе (Холчеве), инокине Евгении (Миллер) и других.

1 августа, в день своего рождения, отец Павел участвовал в организованной «Мемориалом» дискуссии, приуроченной к 75-летию Приказа 00447, положившему начало репрессий 1937 года. С этим объединением у него давно сложились хорошие конструктивные отношения. Неслучайно именно возле Мироносицкого кладбища собирались поставить памятник всем невинно пострадавшим от советской карательной системы. На месте будущего мемориала в 2007 году был установлен закладной камень, возле которого ежегодно 30 октября собираются родственники репрессированных. В этот день возле камня звучат стихи Анны Ахматовой:

*Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас...
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать...*

И каждый год отец Павел служил возле камня панихиду, помяная всех невинно убиенных.

Память о прошлом необходима для будущих времен, которые формируются здесь и сейчас, в настоящем времени. Настоящее - это время скрытой борьбы, духовной брани невидимой, оно тревожно и динамично. Осенью в Москве состоялась научно-практическая конференция «Реформация: судьба Русской Церкви в XXI веке», подготовленная Фондом содействия национальному согласию

Организаторы приглашали на нее многих представителей Церкви. Откликнулся только отец Павел Адельгейм. Он выступил с докладом «Права клириков и мирян в РПЦ МП».

Отвечая на многочисленные вопросы участников конференции о состоянии Православной Церкви в современной России, отец Павел говорил: «Всех волнуют деньги. Сейчас свечной ящик является центральным местом в храме, вокруг которого кипят все страсти. А алтарь как-то на отшибе и, в принципе, никому не нужен».

О руководстве РПЦ он высказался вполне определенно: «Я думаю, что патриарх Кирилл — источник церковного зла. При патриархе Алексии Кирилл имел очень большой вес, но все-таки Алексий его сдерживал, придавливал немножко. Все документы, все новые уставы, изданные Церковью, все это - дело Кирилла. Конечно, он пребывает в симфонии с властью, но у него есть и личная заинтересованность. Он сделал блестящую карьеру, получил огромные средства, и он, конечно, строит свое личное благополучие и личный престиж. Его амбиции очень велики. Но в гражданском обществе он - жупел. Конечно, он принадлежит к какому-то определенному клану в Кремле, который его поддерживает».

Поддержкой светской власти пользовался не только патриарх, но все руководство РПЦ. Псковский Владыка не был исключением. Осенью 2012 года терпение митрополита Евсевия в отношении несговорчивого прихода церкви свв. Жен-Мироносиц иссякло, и он перешел в

наступление. Для начала он 31 октября своим решением исключил тринадцать членов прихода, а 1 ноября оставшиеся девять членов, среди которых были только служащие храма, состоящие на зарплате и вновь избранные «правильные» участники, приняли новый «Типовой Устав прихода РПЦ МП» — простым большинством голосов. Против выступил только священник Павел Адельгейм.

В декабре отец Павел отправился в Калининград к своему давнему другу Владимиру Шаронову. Нужно было делать запись очередной телепередачи «Диалоги о вере, Церкви и людях» идущей на региональном телевидении в цикле «Разговор без дураков». Передачу отсняли, материал отправили в монтаж, появилось немного свободного времени. Решили пройтись по городу и, конечно, продолжили обсуждение затронутых в передаче тем. Говорили о взаимоотношениях Церкви и государства, о том, почему людей перестали интересовать религиозные вопросы, и чем вместо них заполняется их духовная сфера. Много говорили о возможных перспективах развития современных тенденций нравственного состояния общества.

Прогуливаясь по набережной, они долго глядели в морскую даль на парящих в небе чаек.

*Я знаю, что чайки сопутствуют душам,
И их провожают, скользя над домами,
Над руслом Невы, над морями и сушей,
Над чашей планеты, оставленной нами.
Они же и вслед прокричат сиротливо —
Никто, кроме них, этот миг не заметит.
А чайки страницы приливов-отливов
Листают, как книгу о жизни и смерти.
Но дальше, за плотной завесой тумана,
Ни чаек, ни прошлого — все отступило.
Лишь чья-то молитва, негромко и странно,
Звучит повторяясь: помилуй, помилуй...*

Елена Пудовкина

Отец Павел задумался. Помолчав немного, он вдруг как-то неожиданно сказал:

— Знаете, Володя, если я умру, меня беспокоит только судьба моих близких. Они плохо приспособлены к этой жизни.

Владимир с удивлением посмотрел на священника и ответил:

— Не беспокойтесь, батюшка. Пока мы живы, они нуждаться не будут. Мы присмотрим.

— Спасибо.

Наступил 2013 год. Ненависть правящего архиерея Владыки Евсевия к отцу Павлу не унималась. Двадцать лет преследовал он священника, натравливая на него своих приспешников и пресекая на корню все его начинания. Отец Павел продолжал служить как и прежде: крестил, венчал, отпевал, исповедовал, читал свои вдохновенные и мудрые проповеди. Для архиерея же главным было подавить последний очаг сопротивления и христианского свободомыслия в епархии — ненавистный ему приход храма свв. Жен-Мироносиц. Община отца Павла сдаваться не собиралась. Незаконно изгнанные из состава приходского собрания подали заявления в гражданский суд. К ним присоединились и другие прихожане, которых без объяснения причин отказались ввести в состав собрания. Полгода длились их судебные тяжбы, закончившиеся отказом суда в удовлетворении заявлений истцов. Светский гражданский суд принял сторону клерикалов РПЦ.

Рассуждая о проблеме взаимоотношений Православной Церкви и светского общества, отец Павел в апреле 2013 года написал в своем блоге:

«Под РПЦ понимается аппарат власти Синода, ОВЦС, епархиальных иерархов и близких к этому кругу клириков и мирян, связанных своеобразным набором идеологических штампов: антизападничество, антисемитизм, тесное взаимодействие с правовыми и силовыми структурами, неприятие решений Собора 1917-18 гг., признание декларации 1927 г. документом, выразившим политическую позицию Церкви. /.../

К 2000 году в РПЦ сложилась система восточного халифата. Халиф был одновременно светским и духовным главой своего удела. Епископы перестали считаться с канонической традицией и закрепили практику деспотизма в новых уставах РПЦ. По-гречески епископа называют „деспотом“. Это его богослужбное имя. Теперь имя приобрело словарное значение: „абсолютный произвол власти при полном бесправии подданных“. Перемена произошла незаметно и постепенно. Двадцать лет оказались достаточным сроком, чтобы сформировать авторитарное сознание епископата. Из пастыря епископ превратился в администратора по духу и задачам.

Здесь кроется основная причина столкновения РПЦ со светским обществом. Епископ быстро научился помыкать клириками, которые находятся в рабской зависимости от его произвола. Слово епископа возведено в закон. Устав РПЦ превратился в ничтожный документ, не влияющий на практическую жизнь. Клирик не возражает епископу под страхом лишиться служения и куска хлеба для детей. Это не только шкурный страх. Священник создает приход зачастую с нуля. Нужно не только построить храм, приобрести утварь, книги и т.д. Главное — годами собирается вокруг него народ, которому он нужен, и народ ему тоже нужен. Они находят друг друга. Священник дорожит приходом и готов ради него терпеть унижения и обиды.

Епископ одним словом разрушает это единство, изгнав священника без вины. 20-30 лет пастырской работы, приюты, школы, производство уничтожены, храм приходит в запустение, приход угасает. Жаловаться некому. Священника можно удалить с прихода „по церковной целесообразности“, то есть без всякого повода (Устав РПЦ, гл. 11, ст. 25). Распоряжение архиерея об освобождении клирика от должности „обжалованию не подлежит“ (Положение о церковном суде, ст. 48, п. 5).

С такими установками РПЦ двинулась в светское общество — отбирать имущество музеев, больницы, образовательных учреждений, вторглось в школы и армию.

Это делалось так же грубо и оправдывалось так же лицемерно, как расправа с клириками. Епископы слишком привыкли к безответственному поведению. Но светское общество не находится в подчинении РПЦ и не присягало служить ее интересам. Поддержка государства, его правовых и силовых структур обеспечили силовое преимущество РПЦ над светским обществом, но общество почувствовало себя ущемленным и оскорбленным.

Это и есть основная причина противостояния, возникшего с 2009 года и продолжающегося до сих пор между обществом и РПЦ. Пляска в Храме Христа Спасителя была неадекватной реакцией на незаконную деятельность титульной религии в светском государстве. Поддержка осужденных и заключенных плясуний общественным сознанием выразила протест светского общества против клерикализации государства. Такое положение угрожает расколом общества. Надо искать примирения, и как можно быстрее.

На ту же тему о. Павел высказывался в статье «Светское государство и РПЦ»:

«РПЦ не допускает однополые браки на религиозно-этическом основании. Она определяет идеологию Российской Федерации, смешивая правовую проблему с этической. Вопрос не стоит об однополых браках. Этот факт существует независимо от признания его государством. Такие отношения существовали всегда, даже когда были запрещены уголовным законодательством. Пары преследовались, но жили. Речь идет об их легитимизации. Если уголовный запрет на отношения

между однополыми парами снят и отношения разрешены, спор о возможности их регистрации становится бессмысленным. С религиозной позиции недопустимо признание таких отношений в качестве этической нормы. С правовых позиций не высказаны аргументы, препятствующие светскому государству регистрировать такие отношения. Запрет регистрировать однополые браки свидетельствует, что Российская Федерация исходит не из правовых, а из религиозно-нравственных предпосылок, то есть является православным государством».

Статьи отца Павла находили живой отклик и у его сторонников, и у противников. Иногда в откликах попадались гневные и раздражительные комментарии, как правило, анонимные. Например, один из комментаторов, посетивший в Москве общину отца Георгия Кочеткова и не прижившийся в ней, писал: «От своей обиды вы сеете здесь смуту и раскол, выливаете свою обиду на архиерея перед всем честным народом».

Священник отвечал словами Спасителя: «Если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь Меня?». Он ответил комментатору достаточно развернуто:

«Ваше обвинение стоит того, чтобы ответить на него, и попутно разъяснить „мою позицию“. Подчеркну, что мы беседуем в разном положении: мое лицо открыто, а Ваше скрыто маской инкогнито.

Прежде всего, хочу обратить внимание, что обращаюсь к народу Божию — Церкви, не имея иной возможности говорить, как только через интернет. Выбора нет. Либо безмолствуй, либо обращай через интернет. Церковные СМИ меня не публикуют. В церкви нет форума, на котором священник или мирянин может откровенно говорить с народом Божиим. Форум предоставлен только архиерею. /./

Рассмотрим Ваши недоумения по порядку.

Нет ничего удивительного, что в общине о. Георгия Кочеткова Вы почувствовали себя чужим. В других храмах прихожане не знакомы друг с другом. Язык — греческий, арабский или русский — их не разделяет. Они не разговаривают между собой ни на каком языке. У них нет общих проблем. Они постоят на службе и разойдутся. Вы чувствуете себя там „как все“, одинаково чужие друг другу, и от этого не страдаете.

В общине о. Георгия все знают друг друга по именам, у них общие проблемы и нужда в общении. „Возлюбим друг друга“ — для них не пустые слова. Они стремятся их осуществить. Вы не знакомы ни с кем, наблюдаете их взаимную любовь со стороны и огорчаетесь своей отчужденностью. Это нетрудно поправить. Стоит Вам сделать шаг навстречу, и они не откажут в братской любви и внимании. Но сделать этот шаг зависит от Вас. Иначе побываете гостем этого дома и останетесь чужим. В этом состоит отличие общины от прихода.

Если Вы „не понимаете моей позиции“, я сочувствую. Я обсуждаю ее в ЖЖ, чтобы уяснить для себя самого. Всякое понимание требует усилий и предшествует принятию позиции. Без понимания позиции ее нельзя ни принять, ни отвергнуть. /./

... Упрек в обиде. Обида — естественное чувство, как печаль и радость, как уныние и надежда, как боль от удара или ожога. Каждому человеку оно знакомо. Человек, которого обижают: бьют, оскорбляют, унижают — испытывает чувство обиды. Он может преодолеть обиду, а может остаться уязвленным. Однако виновен обидчик, а не обиженный. Обиженный виновен, если обида не обоснована. Христианин прилагает усилия для преодоления обиды. Это не снимает вины с обидчика. Его вину изгладит только прощение. /.../ Вы требуете, чтобы я их преодолел, а почему не сказать обидчику, митрополиту Евсевию, что христиане так не поступают?».

Далее отец Павел напомнил об указании архиерея уничтожить храмовую библиотеку, попытку

развала школы и приюта детей-инвалидов, запрет работы свечной мастерской, изгнание из Писковичей, запрет служить в Богданово, расшплинтование рулевого управления, чуть не приведшее его к смерти, лишение настоятельства и разорение прихода. Вспомнились и другие, не столь весомые, но так же больно ранящие притеснения и унижения. Поводов обижаться хватало с избытком. Отвечая своему оппоненту он спросил сам себя:

«Обижаюсь ли я? Изредка обжигает обида. Но я привык к обидам митрополита Евсевия как плохой погоде или стихийному бедствию. Ведь не обижаемся на огонь, если сжег ваш дом, на ветер, который нагнал дождь и холод, на галку, которая нагадила на голову! Нет, я не обижаюсь на митрополита Евсевия и не испытываю к нему неприязни. Дай Бог ему покаяться прежде конца. Он многим отравил жизнь и поломал судьбу.»

«Спасибо Вам за совет стяжать любовь и мудрость. Буду стараться.»

24. И в жизнь вечную...

1 августа 2013 года отцу Павлу исполнилось 75 лет. Это был четверг, рабочий день, и перед утренней литургией в церкви было немногочленно. В праздничном облачении батюшка вошел в храм, поприветствовал собравшихся людей и отправился в алтарь готовиться к службе. Вид у него, как показалось одной из прихожанок, был слегка опечаленный. Минут через пять, выйдя на солею, священник с удивлением увидел, что весь храм заполнен народом: из Москвы приехала группа паломников — более сорока человек, членов Свято-Сергиевского православного братства. Перед алтарем стояли три священника, прибывшие из Крыма, Иркутска, с Чукотки, а в храм один за другим входили прихожане с букетами цветов. Лицо батюшки просияло радостью. Обнявшись со священниками, он пригласил их сослужить с ним литургию.

Служба была необычайно торжественной, с яркой проповедью. К концу службы храм был переполнен. Отца Павла поздравляли, дарили подарки, прихожане и паломники из Москвы заказали большой зал в кафе «Мельница», где состоялся торжественный обед и чествование батюшки. По просьбе гостей отец Павел рассказывал о своей жизни, о духовных учителях и наставниках, отвечал на многочисленные вопросы. Вечером было традиционное застолье с большим количеством гостей в доме на Красногорской. Поздравляли и с днем рождения, и с 55-й годовщиной священнослужения и семейной жизни. Всем было радостно, душевно, тепло и уютно. Гости разошлись лишь к полуночи.

2 августа, на Ильин день, отец Павел произнес проповедь об огненном восхождении пророка Илии. Днем он позвонил в Дедовичи Архиепископу Русской Зарубежной Православной Церкви Владыке Сафронию и попросил его принять у себя группу молодых паломников из Москвы. Тот дал согласие на встречу и сказал, что приедет в Псков во вторник или среду. Но во вторник группа уже уезжала, поэтому договорились, что вечером 5 августа отец Павел сам привезет их к Владыке. За обедом он беседовал с гостями- священниками, приехавшими к нему на день рождения. Говорили о делах церковных. Гости рассказывали, что у них в епархиях положение священства и мирян мало чем отличается от псковского. Вечером, когда гости разошлись спать, он сел у себя в кабинете править текст утренней проповеди и готовиться к субботней литургии. Не спалось. Вспоминая вчерашний праздник, он подумал: «Вот уже и 75 минуло». На память пришли строки А.С. Пушкина «Дни наши сочтены не нами.» и он написал в «Живом журнале»:

«Возраст напоминает о себе очевидными признаками:

*Доходит жизнь до рубежа,
Который называют „старость“.
Еще полна огня душа,
А тело чувствует усталость.»*

Следуя словам псалмопевца, отчетливо сознаешь, что приближается предел жизни: „семьдесят, если в силах восемьдесят лет, и умножают их труд и болезнь“. В этом возрасте каждый новый день принимаешь с благодарностью, как подарок от Бога, и сожалеешь, что много времени потрачено попусту. Апостол заповедует: „Дорожите временем, потому что дни лукавы“. Казалось, их так много впереди, а они просыпались как песок и оставили лишь воспоминание о прошлом. В кружении времени и бытовых забот важно не потерять жизненную цель и не спутать цель со средствами ее достижения. Цель — это главное, а средства — второстепенное. /.../ Цель определяет и повседневные задачи. Христос выражает постоянную задачу христианина короткой заповедью: „Бодрствуйте!“.

Все вместе: цель, задача и средства к их достижению образуют содержание христианской жизни, олицетворенной во Христе. „Жизнь для меня — Христос“, — пишет апостол, выражая в этих словах содержание христианской жизни от времен апостольских до наших дней.

3 августа, вернувшись домой с утренней службы, батюшка еще раз просмотрел текст вчерашней проповеди, внес кое какие изменения и разместил ее на интернетстраницах своего блога.

«3 авг., 2013. 12:44 AM Огненное восхождение Илии пророка. На земле живет очень много людей. Так много, что даже представить себе нельзя всех одновременно. Каждый из них создан по образу Божию и призван образ этот в себе сберечь и пронести через земную жизнь в Царство Божие. В то же время, все эти люди по-разному понимают смысл и счастье жизни. Разные ставят себе задачи. Одни полагают счастье в благополучии, довольстве и покое:

Ни к чему им Бог,
Был бы денег звон,
В голове резон,
В животе пирог,
На ноге сапог...

Другие, наоборот, ищут впечатлений, приключений, романтики:

А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой.

Те и другие пути могут вывести человека к истинной жизни, а могут привести к духовному и жизненному тупику, разочарованию, ибо на этих путях человек одинок, когда строит их по своему разумению. Они могут быть ошибочны. Есть немногие из людей, кто состоялся как человек. Они осуществили свою жизнь по замыслу Божию. Эти люди не искали ни благополучия, ни бурь. Они искали воли Божией, чтобы по ней жить.

Содержание, смысл духовной жизни — в постижении воли Божией. От самых примитивных религий, где понятия о Боге совершенно не достойны живого Бога, до самых высоких религий. В Боге каждая религия видит высшее начало, с которым человек ищет единения и стремится жить по Его воле. Кто состоялся как человек, изначально хранит в себе замысел Божий. Это святые. Память одного из них мы сегодня празднуем. Сегодня память об огненном восхождении пророка Илии на небо.

Пророк Илия жил во времена нечестивого царя Ахаза. В те времена благочестивые четко отличались от нечестивых: они хранили почитание истинного Бога. Окружающие народы поклонялись идолам. Иудейский народ был призван сохранить Божественное Откровение и правильное богочитание. Пророк Илия пришел к царю Ахазу и сказал: „За то, что не почитаешь истинного Бога, заключится небо. Три года и шесть месяцев не будет дождя, если не обратитесь к Богу“. Наступил голод. Ахаз преследовал пророка. Илия жил в пустыне, и ворон носил ему пищу.

Бог послал пророка Илию в Сарапту Сидонскую. Его приютила вдова, которая жила с сыном. Илия попросил испечь ему лепешку. Вдова сказала: „Нет у нас ни муки, ни масла. Вот я поскребу остатки, испеку себе и сыну, и умрем“. Но Илия сказал: „Не умрете. Испеки мне лепешку, и не

оскудеет в твоём доме мука и масло, пока не кончится голод“. Так и случилось. Вдова накормила пророка, отдав ему последнюю пищу. На утро мука оказалась в ларе и масло в кувшине. Их не стало больше, чем было. Каждый день, пока не кончился голод, вдова входила в свою кладовку и находила там немного муки и масла.

Когда голод кончился, сын вдовы заболел и умер. И возропала вдова: „Я заботилась о тебе, человек Божий, и вот сын мой умер“. Илия вошел в комнату к умершему и лег на него, уста к устам, вдунул дыхание свое, и отрок пробудился от смерти. Наконец, вошел Илия в город и сказал: „Вы поклоняетесь Ваалу. Поклонитесь истинному Богу. Пусть жрецы принесут Ваалу жертвы, а я принесу истинному Богу. На чьи жертвы сойдет огонь с неба, тому поверьте“.

Весь день жрецы Ваала призывали огонь на свои жертвы, но он не сошел. Тогда Илия велел залить водой свои жертвы и помолился Богу. Он призвал имя Иеговы, и сошел огонь, иссушил воду и сжег жертвы дотла. И повернулось сердце Израиля к Богу истинному. Когда настало время отшествия пророка на глазах ученика его Елисея, огненная колесница подхватила Илию и живым вознесла на небо. В огненном вихре вознесся Илия к Престолу Божию.

Какое значение имеют для нас святые? „Дивен Бог во святых Своих“. В святых осуществился замысел Божий. Они стяжали богоподобие, к которому призван человек. В них живет надежда, что среди суеты и пустоты наших повседневных забот каждому открыта возможность состояться по замыслу Божьему. Сегодня мы чтим память пророка и молимся, чтобы коими весть путями помог нам Бог пронести в себе Его образ через земную жизнь и сберечь свое сокровище для вечности».

Буквально через минуту как отец Павел закончил работу над проповедью, в доме раздался звонок. За калиткой явно был кто-то незнакомый. Свои звонком не пользуются, знают, что двери никогда не запираются. Гостя пошла встречать дочь Маша.

— Папа, к тебе пришли, - громко крикнула она и провела гостя в дом. Отец Павел вышел. Перед ним стоял молодой человек с небольшим рюкзачком на плечах, очень худой, с воспаленными, усталыми глазами и странным, беспокойным взглядом.

— Здравствуйте, я Сергей Пчелинцев, от Ани Шишовой из Москвы.

Отец Павел вспомнил, что накануне дня рождения ему звонила Анна — дочь писательницы Полины Дашковой — и просила принять своего жениха Сергея. Сначала они собирались приехать вместе, но потом по какой-то причине Анна перезвонила и сказала, что Сергей приедет один.

— Здравствуйте, Сережа. Проходите, пожалуйста. Пойдемте обедать. Вы как раз к столу. Устали, наверное, с дороги?

От еды гость отказался, сказав при этом, что уже трое суток ничего не ел и не спал.

— Тогда вам, может быть, отдохнуть, поспать?

Идите в комнату, прилягте на диван. Кстати, а как вы сюда добрались? Поезд-то из Москвы приходит рано утром, в полвосьмого, а сейчас около часа.

— Я приехал на машине за 16 тысяч, — ответил гость и пошел за матушкой в большую комнату.

За обедом Вера Михайловна сказала мужу:

— Странный мальчик. Павлик, может, ты возьмешь его с собой на встречу с паломниками? Там москвичи, он тоже из Москвы, пусть познакомятся.

Тем временем гость появился в кухне, пролежав на диване не более десяти минут. Сказал, что ему не спится. Отец Павел заметил, что взгляд у него был какой-то потерянный.

— Сережа, вам следует отдохнуть. Полежите немного, может быть, уснете. А если нет, то минут

через сорок поедете со мной на встречу с вашими земляками. У одной нашей прихожанки гостит группа молодых паломников из Москвы. Познакомитесь, пообщаетесь.

Около двух часов приехала Елена Владимировна Волкова и отвезла батюшку и Сергея домой к своей дочери, где собрались паломники.

Сергей в дом заходить отказался — остался на улице. Полежал где-то на травке, а потом зашел и сказал, что ему плохо. Его отвезли в городскую больницу, в приемный покой, сделали кардиограмму. И сердце, и давление были в пределах нормы. Ему сделали какой-то укол, дали лекарство, и врач пояснила:

— У него страшное истощение. Дайте ему феназепамчика таблетки две и отправьте спать.

Хозяева так и поступили: дали лекарство и уложили спать. Прошло минут десять-пятнадцать. Вера Михайловна услышала, как стукнула входная дверь. Вышла посмотреть — Сергея нет, куртка и рюкзак тоже исчезли.

— Павлик, он ушел.

— Куда?

— Не знаю. Взял куртку, рюкзак и ушел.

— Ну, ушел и ушел.

Через некоторое время Сергей позвонил, сказал, что он заблудился и стал объяснять, где он находится — это было недалеко, перекресток Индустриальной и Инженерной.

Дома в то время находился Иван Павлович, и Адельгеймы вдвоем поехали разыскивать гостя. На перекрестке обошли все кусты, высокую траву, но Пчелинцева нигде не нашли. Вернулись домой - гостя не было. Потом раздался телефонный звонок: водитель такси объяснил, что у него в машине пассажир, который не знает куда ехать, но назвал этот номер телефона.

Когда подъехало такси, Сергей попытался расплатиться, похоже, второй раз: вместо того, чтобы взять деньги, таксист дал сдачу с пятитысячной купюры. Вера Михайловна, наблюдая эту сцену, объяснила таксисту:

— Извините, парень - больной.

— Я это уже понял.

Пчелинцев зашел в дом и отправился спать.

4 августа, в воскресенье, он проснулся рано, часов в семь, и сразу ушел. Вернулся только к обеду, около часа. Пришел, сел, был спокоен. Сказал, что разобрался в себе и все понял.

Днем за Сергеем приехал его отец, чтобы забрать сына домой, в Москву. Он рассказал отцу Павлу, что у сына обнаружена опухоль головного мозга, и его собираются класть в больницу на обследование. Также поведал, что Сергея в последнее время часто мучают страшные головные боли. Батюшка посочувствовал и подтвердил, что Сергей, конечно, нуждается в неотложной медицинской помощи.

Все вместе отобедали. Сергей съел две тарелки супа, порцию второго и яблоко. Отец, обращаясь к нему, сказал:

— Сережа, я приехал за тобой. Пошли на вокзал, купим билеты.

Они ушли, часа через два вернулись, попрощаться. Когда пришла пора уходить, Пчелинцев начал просить отца Павла взять его к себе или помочь устроиться в монастырь. Тот стал его отговаривать:

— Сережа, вы ничего не знаете о монастырской жизни. Поезжайте в Москву, походите там по храмам, по монастырям, а потом приезжайте, и я вам помогу.

На этом их разговор закончился. Сергей, опустив голову, вышел во двор, к отцу, и встал перед ним на колени:

— Папа, я тебя прошу, не отправляй меня в психушку.

— Сереженька, никто тебя в психушку не отправляет, просто тебя нужно врачу показать.

На том они и ушли.

По дороге в Москву Сергей от отца сбежал. Снова добравшись до Пскова, и с почтового отделения позвонил в Москву своей невесте. Рано утром 5 августа она перезвонила отцу Павлу и сказала, что Сергей сидит где-то на станции, без денег и телефона. Батюшка поехал за ним и привез домой.

«Он приехал и был какой-то взвинченный, — вспоминает матушка Вера. — Взял со стола яблоко, съел. Я предложила ему покушать — он тарелочку супа съел и убежал.

Минут через 15-20 вернулся, я спрашиваю: „Сереж, ты где был?“. Он говорит: „Я ходил купаться“. На Пскове, где мы живем, есть одно место, где можно было покупаться, но это нужно знать... И он весь сухой был. И дальше — то убегал из дому, то приходил. Убегал — приходил, убегал — приходил. Я на что только обратила внимание, что он уходил без рюкзака и без куртки, он так бегал».

Отец Павел, видя его состояние, решил не ездить с паломниками к архиепископу Сафронию, и они поехали без него.

Вечером отец Павел вынес на кухню и дал Сергею две книги. Первая была о пророке Моисее, вторая — «Я полюбил страдание» епископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого).

Чистая кабачок новыми ножами, недавно приобретенными женой, батюшка рассказывал Сергею о жизни святителя Луки. Вера Михайловна в это время стояла по другую сторону перегородки - у плиты, метрах в пяти от стола.

Через несколько минут она услышала короткий вскрик. Сердце в груди екнуло, и она пошла к столу. То, что она увидела, не поддавалось осознанию. Муж сидел, сильно наклонившись над столом, а Сергей стоял перед ним и кричал: «Бес! Бес! Бес!».

«А кто бес? Кого он так обзывает?» - пронеслось в ее голове.

Тут Вера Михайловна увидела медленно растекавшуюся по столу лужу крови и все поняла. На мгновение потемнело в глазах. Не помня себя, она вытолкнула Сергея из дома, крикнула соседям, чтобы срочно вызвали «скорую». Срочно! Бросилась к мужу, попробовала его приподнять, но не смогла. Тело обмякло и стало тяжелым. Вся одежда насквозь пропиталась кровью. Мокрыми от крови руками она хватилась за телефон и, вне себя от ужаса, стала сама звонить в «скорую помощь».

Потом она вспоминала: «Звоню в „скорую“, а мне отвечают: „Что вы так кричите?“. Я говорю: „А что бы вы делали, если бы у вас мужа зарезали?“».

Тут снова появился Пчелинцев. Вера Михайловна смахнула со стола ножи, что лежали перед отцом Павлом. Убийца прошел на кухню, схватил другой нож и с ним выбежал на улицу.

Крик в доме Адельгеймов услышали соседи. Галина Краморова в это время отдыхала после работы. Ей показалось, что кричала Маша, дочь отца Павла. После перенесенного в младенчестве менингита она в свои 53 года оставалась совершенным ребенком — могла испугаться собаки или еще чего-нибудь. Поэтому сначала особого внимания на крики никто не обратил. Но они все продолжались и продолжались. Стало понятно: что-то случилось, так долго Маша никогда не кричала. Галина вышла

на улицу посмотреть, в чем дело. Во дворе она увидела соседку Ксению, тоже обеспокоенную шумом на улице. Обе направились в дом. Другая соседка — Оксана Курта - рассказывала, что в тот момент была на огороде и видела, как из дома Адельгеймов выбежал молодой человек. Он кричал: «Я сделал! Я сделал!». Затем она услышала Машины крики. Та кричала: «Сережа дурак!». Подумала: может, что-то с ней произошло, и пошла к ним в дом. Зайдя на кухню, увидела истекающего кровью отца Павла.

Услышав страшные крики, из соседнего дома выбежала на улицу Мария Михайлова. Увидела, как прямо на нее шел юноша в расстегнутой рубашке и махал руками, в одной из которых держал нож. Он страшно кричал: это были даже не крики, а какие-то нечленораздельные и не человекоподобные визги. Мария по мобильному телефону вызвала полицию.

О том, что произошло, соседка догадалась, услышав громкие крики дочки отца Павла. Маша ходила возле дома, горько плакала, и все говорила: «Зачем этот Сергей приехал к нам? Зачем он приехал к нам?».

Практически все соседи, ставшие свидетелями трагедии, вызвали «скорую» и полицию. На место происшествия приехали сразу две патрульные машины. Во время задержания Пчелинцев все время спрашивал: «Я его убил?». Много говорил чего-то невнятного, иногда произносил вполне разборчиво: «Сатана попросил меня убить. Я убил. Я убил святого человека». Просил его добить, убить.

В сам момент задержания Пчелинцев успел дважды ткнуть себя ножом в грудь. Та же бригада «скорой», которая ничем не смогла помочь отцу Павлу, увезла его убийцу в больницу — сразу на операционный стол.

Трагедия произошла около семи часов вечера. Известие о ней моментально распространилось по всей стране. В тот вечер я, как обычно, вел прием пациентов у себя в консультационном кабинете. Уже ближе к окончанию сеанса, может быть, в полвосьмого, в кабинет заглянула ассистентка Центра Екатерина Горбунова и попросила меня выйти. Такие прерывания сеанса у нас не практикуются. Я сразу понял, что произошло что-то серьезное, и вышел. Ассистентка сказала: «Только что позвонила из Пскова женщина и сообщила, что отца Павла убили. Убийца — какой-то молодой человек из Москвы». Шокирующая информация дошла до меня не сразу. Я вернулся в кабинет и закончил прием.

Проводив пациентку, мы с Катей бросились к компьютеру и подключили интернет, который уже разрывался от сообщений об убийстве известного псковского священника. И тут я начал осознавать происшедшее. Ком подступил к горлу, душили слезы. Работать я больше не мог и отменил следующий сеанс. За руль я сесть тоже не мог и поехал на маршрутном такси. Сел на заднее сиденье и уткнулся в окно, чтобы никто не видел моих слез, а телефон постоянно звонил и звонил. Все мои друзья и знакомые сообщали мне, что отца Павла больше нет. Я не мог им отвечать. Для меня это была глубокая личная потеря. Почти двадцать лет ближайшего с ним общения - великий дар Божий. Он венчал нас с женой, крестил нашего сына, помог многим моим друзьям. К нему можно было прийти с любым вопросом и любой проблемой. Ему можно было рассказать о себе даже то, в чем самому себе признаваться было стыдно. Как теперь без него?

Такая же реакция на известие о смерти батюшки была у всех его близких друзей. Виктора Яковлева это трагическое известие застало в Лондоне. *«Ум и сердце в разладе. Давно. Окончательно. Бесповоротно. Окончательно — с вечера 5 августа — самого теперь черного в жизни понедельника, когда дошла весть об убийстве отца Павла. Вырван из жизни человек, который был духовной опорой великого множества людей, не утративших изначальной сущности понятий Бог, совесть, вера и верность. После такой смерти стыдно жить дальше. Несомненно, Бог хочет, чтоб мы поняли и, насколько возможно, осознали смысл этой жизни и этой смерти. Осознание будет не вдруг, не сразу, не скоро. Но оно уже началось. Несмотря на то, что главное всего пока ком в горле — непреодолимый, остроуемый, проклятый...».*

Памяти отца Павла

*Ни труда, ни болезни уже не нести тебе, отче.
Завершились труды, и закончился тела недуг.
И фантомные боли в ноге не преследуют ночью,
Да и ночь прекратилась, зарей осиянная вдруг.
И ты снова как в юности: целый, решительный, строгий,
И вся жизнь впереди, словно сладостный рай за углом.
Нам бы вместе с тобой, в предвкушении новой дороги,
Только радостью жить, только песней стремиться за кром.
Отчего же пустыня в душе, отчего только слезы
Невозможно сдержать, когда думаешь вновь о тебе.
Ничего нет желаннее смерти. Ее ли угрозы
Могут нас опечалить, причастных Христовой судьбе?
Сколько было попыток заставить твой голос умолкнуть,
Сколько было потуг, чтоб молитве твоей не звучать.
Ничего не успели злодеи: ни лагерный молох,
Ни владычны затеи не вольны заставить молчать.
В тесной келье твоей, где когда-то неожиданно рождалось
Покаянье в тоске, как казалось, навеки умершей души,
Чудо Церкви соборной молитвой твоей созидалось:
Там, где двое стоят со Христом, там свободно и ровно дыши.
И когда наше небо свернется, как свиток беззвездный,
И когда все итоги Превечный Судья подведет,
И когда приговор прозвучит, неумытый и грозный,
Знаем, отче, что келья твоя, как корабль среди бури, спасет.
И с тех пор, когда тихий твой голос, как ангела шепот утешный,
Разрешал и прощал, прогоняя от сердца унынье и мрак,
Верим, отче, что правом, оплаченным пролитой кровью безгрешной,
Ты управишь и нас к тем краям, где навек побеждается страх.*

Отец Сергей Ганьковский, 2013 г.

В среду мы со всеми сотрудниками Центра, на машинах, взяв с собой нескольких питерских друзей отца Павла, отправились в Псков. Хорошо знакомый дом воспринимался как-то по особенному. Все вещи стояли на своих местах, все было как прежде, но что-то неуловимое порождало ощущение необратимой измененности. Привычное ожидание появления отца Павла разбивалось об осознание невозможности этого. Невозможности никогда!

*Он и умер, как жил — не дрожа, не боясь ничего,
Тихий мученик правды, свободы и веры воитель.
Пуст остался наш дом: не обряцется в нем никого,
Только плачет в углу обездоленный ангел-хранитель.*

Отец Сергей Ганьковский, 2013 г

Посидев вечером с матушкой Верой и послушав ее рассказ о том, как все это произошло, мы ближе к ночи отправились в церковь свв. Жен-Мироносиц, где в Ильинском приделе в течение трех суток (храм был открыт для посещения и днем, и ночью) стоял гроб с телом батюшки. Народ возле гроба стоял всегда, но ночью людей было меньше, и можно было спокойно проститься с ним.

Утром 8 августа было отпевание и похороны отца Павла. Храм, понятно, не мог вместить всех желающих проститься с батюшкой, гроб с телом вынесли на улицу и поставили под навесом. С раннего утра начал собираться народ. К десяти часам на кладбище вокруг храма собралось множество народа.

Все поезда в Псков в этот день были заполнены людьми, спешившими попрощаться с духовным наставником. Очередь выстроилась у церкви еще с раннего утра. Городские такси в это утро ездили, в основном, по одному маршруту: вокзал — Мироносицкое кладбище.

«Когда прибыли в Псков,- рассказал священник Димитрий Свердлов, - таксист на вокзале как будто нас ждал заранее.

— Нам на кладбище.

— Поехали.

— Ну вот где священника сегодня хоронят, знаете?

— Знаю, знаю. Поехали.

Знал весь Псков... Убийство отца Павла оказалось слишком громким, оно вошло в топ новостей Яндекса и было озвучено на всех федеральных телеканалах. // У кладбища кордоны полиции, подъехать невозможно. Телевизионные микроавтобусы со спутниковыми антеннами: Russia Today, РЕН-ТВ, НТВ. Динамики для трансляции отпевания выведены на улицу. Храм кладбищенский, находится за оградой. Внутри — человеческое море. Приходится обходить, лавируя между могил, чтобы подойти с другой стороны, где меньше народу. Хочется попрощаться с о. Павлом, для этого приходится протискиваться через толпу, которая вокруг гроба — отпевание вынесено на улицу рядом с входом в храм, под брезентовый навес. Чем ближе к гробу, тем суетливей и нервозней — кто-то пускает слух, что гроб уже сейчас будут зарывать, люди беспокоятся, что не успеют приложиться к телу».

Женщины в черных платках, мужчины в траурных одеждах заняли все кладбищенские дорожки и проходы между могилами. Мы с трудом смогли протиснуться с венками к навесу и встать подле матушки Веры.

К одиннадцати часам, когда началось отпевание, вся площадь перед кладбищенскими воротами была занята людьми. На отпевании присутствовали более двух десятков священников, приехавших с различных концов страны. Чтобы все желающие могли проститься с батюшкой, прихожане организовали живую очередь, протянувшуюся с площади до храма. Все несли венки и живые цветы своему духовному пастырю.

Через несколько часов прощания восемь священников отнесли гроб с телом отца Павла к месту захоронения у южной стены храма. К трем часам дня над его могилой выросла гора живых цветов. Цветы приходилось ставить вертикально и достаточно плотно на всей площади в пять квадратных метров. Скоро места и там не осталось, тогда букеты стали класть возле ограды.

*Он ушел и обратился в свет,
Растворился в небесах осенних,
Освещая нам остаток лет
В непролазной темени последней.
Жизнь его прошла, как житие.
Из таких и создаются Святцы.
Хор «осанну» в вышине поет —
Там епископата не боятся.
Смерть его пред Господом честна.
Жизнь честна пред нашим грешным миром.
Праведник ушел, оставив нам
Ту любовь, что источает мирю.*

Елена Пудовкина, 2013 г.

После похорон в городе, в разных местах, прошли поминальные встречи и трапезы. Столы были накрыты на улице возле школы регентов, много народу пришло в кафе «Мельница», где часто встречался с паломниками отец Павел.

В доме на Красногорской, 7 собрались родственники и друзья батюшки — псковичи и приехавшие из других городов страны. Вспоминали, говорили много теплых слов, плакали. Звучали тексты бесконечных телеграмм с соболезнованиями.

13 сентября, на сороковой день, мы вновь собрались в Пскове. Из Москвы приехали протоиерей Сергей Ганьковский, отец Глеб Козлов, диакон Илья Ерохин, преподаватели Свято-Филаретовского института, много гостей было из Петербурга и других городов. С утра в доме собрались близкие отца Павла. На месте его гибели, на кухне, отслужили литургию. На кладбище при большом стечении народа отслужили панихиду, после чего отправились на Герцена, 6, где состоялось поминание батюшки. В галерее была открыта фотовыставка, посвященная его жизни, Максим Якубсон показывал фрагменты своего еще не законченного фильма о жизни отца Павла, пришедшие делились воспоминаниями, протоиерей Сергей Ганьковский читал свои стихи:

Отцу Адельгейму

*Утверждают, что право вязать и решить
Возложил на священников веяньем духа Спаситель.
Он в закрытые двери вошел, чтобы страх победить,
Озарив Тихим Светом печали и скорби обитель.
И с тех пор повелось, стало правилом в деле святом:
Если хочешь решить и вязать вины всех согрешивших,
Дай им цену, однажды возданную Спасом-Христом, —
Цену крови безвинными за виноватых проливших.
Мы, простые ребята, уверились было, что поп —
Что-то вроде кота-баюна, враз беду раздвигая руками,
Смысл усилий своих полагает, как истинный жлоб,
В скороспелом уменьи шаманить святыми словами.
Не заметив подмены, мы жалким служеньем словам
Заменили святое служенье Предвечному Слову.
Не зажечь нам огня, не сгореть жертвой чистою нам.
Наш удел — истлевать буржуазно иль гнить бестолково.
Но затем, чтобы всем в суете до конца не пропасть,
Чтобы сердце живое не стало трескучим мотором,
Бог послал эту смерть, попустил эту казнь.
Там, где кровь пролилась, станет значимым каждое слово.
Чтобы нам осознать цену страшную пастырских слов,
Чтоб понять: иерей — это Жертва, не просто служенье!
Чтоб вовек не забыть, как прощался заплаканный Псков
С тем, кого в этом городе звали отцом Адельгеймом.*

Отец Сергей Ганьковский, 2013 г.

Впоследствии люди задавали себе одни и те же вопросы: «Почему?», «За что?», «Почему Пчелинцев так поступил?» Ему было плохо. Его приняли в этом доме, оказали помощь, заботились. И ответ на все это — нож в сердце. Что же двигало им, что направило его руку? Из тех небольших сведений о личности Пчелинцева, что стали известны в ходе следствия и суда, и из рассказов его родственников, следует, что в раннем детстве он пережил значительную психотравму — семью оставил отец. К тому же имелась в наличии органическая патология (киста головного мозга) с характерными головными болями. Все это, вероятно, сформировало у Пчелинцева крайне низкую самооценку и негативное отношение к себе, к своей слабости. Люди с такими особенностями часто становятся жертвами деструктивных оккультных сект и псевдорелигиозных учений. Наиболее известное из них - сатанизм. В его основе лежит культ обретения личной Силы через служение темной духовности зла. Основная позиция адепта: «Могу ли я?».

Начинаться «восхождение» может с малых жертв силам зла. «Могу ли я обмануть, не мучаясь совестью?». Постепенно, по мере «развития», жертвоприношения становятся более серьезными: «Могу ли я предать друга, изменить любимому человеку, и не просто изменить - а у него же на глазах?».

В дальнейшем доходит и до человеческой крови. В любом случае, все делается ради утверждения собственного Я. Совершая эти поступки, адепт получает дозу столь желанной ему Силы. «Теперь Я могу!». Но в том и состоит коварство Сатаны, что от служения ему нельзя отказаться, нельзя сойти с избранного однажды пути. Сошедший не только утрачивает все обретенные силы, но и попадает в разряд потенциальных жертв. Вот так, устремляясь к личной свободе, к независимости своего Я и обретению Силы, человек становится рабом собственного самоутверждения. Парадокс заключается в том, что прошедший этот путь до конца становится безжалостен не только к окружающим, но и, в конце концов, к самому себе. Сначала: «Могу ли равнодушно принять чужую смерть?». А потом: «Могу ли я равнодушно разрушить свою жизнь?». Логика этого пути неизбежно приводит к самоубийству.

У Пчелинцева налицо были почти все классические проявления основных идей сатанизма: его борьба с собой, когда он метался между желанием покинуть дом Адельгеймов и желанием остаться и свершить задуманное; выбор священника на роль жертвы, его крики «Я сделал! Я сделал!» и попытка самоубийства при задержании.

Вероятно, к этому акту он готовился давно. Известно, что убийства входили в круг его интересов. Так, он снимал документальный фильм о маньяках-убийцах. Вполне типичный путь: посмотреть, как это делают другие, выработать определенную эмоционально-психическую устойчивость, затем пойти на дело самому.

От ран, нанесенных себе, Пчелинцева вылечили, а судебно-медицинская экспертиза диагностировала у него паранойяльную шизофрению, свидетельствующую о том, что убийство было совершено в состоянии галлюцинаторного бреда. Данный диагноз освобождает от уголовного преследования, поэтому Пчелинцева поместили в специализированную психиатрическую больницу на принудительное лечение. Психиатры будут лечить его от паранойяльного бреда, и это правильно. Но проблема, как нам кажется, заключается не столько в том, что Пчелинцев страдает бредовыми расстройствами, а в том, что эти его расстройства имеют именно такое бредовое содержание. Оно исходит из более глубокой и фундаментальной сферы бытия — д у х о в н о с т и. Под силу ли это современной психиатрии?

Думая о духовном содержании нашей жизни, вспоминается один сравнительно недавний эпизод из жизни отца Павла. В один из солнечных летних дней мы с отцом Павлом отправились в Гверстонь, в гости к отцу Зинону. Архимандрит с братией приняли нас душевно. На свежем воздухе, под навесом, накрыли стол, разрезали большой арбуз. За угощением говорили о делах церковных, о несправедливости и неразумности распоряжений архиерея, о перспективах дальнейшей жизни. И когда разговор зашел о будущем Православной Церкви, отец Павел тяжело вздохнул и печально сказал:

— Плохи наши дела. Может, и нет у нашей Церкви никакого будущего.

Архимандрит внимательно посмотрел на батюшку и произнес в ответ:

— Да, отец Павел, дела плохи. И даже очень плохи, но Дух Божий все равно в Церкви витает, а это значит — устоит Церковь, все переживет и возродится. Наверное, не при нашей жизни это случится, но произойдет непременно. Святость в христианстве не убывает.

Послесловие Виктора Яковлева

Третья книга

Перед нами на этих, сложившихся в книгу, страницах - жизнь человека, который решил жить так, как хотел от него Бог, чтобы максимально приблизиться к Божьему замыслу, который, несомненно, существует относительно каждого из нас.

Надо, позарез надо понять, что и почему произошло с нами - именно с нами! — в тот вечер 5 августа, когда в доме на тихой, почти деревенской улочке, протянувшейся вдоль мирно журчащей Псковы, встретились нож и сердце. Уже тогда, во вздыбленный горем день, когда громовую, несуразную, непостижную ни для какого сознания весть невозможно было вместить и хоть как-то увязать с жизнью, уже тогда мерещилось, что есть в этой смерти какой-то скрытый высший смысл. Словно Господь пустил в ход последнее средство, чтоб мы поняли. Ведь не после тяжелой и продолжительной болезни и даже не в результате острой сердечной или какой-то другой недостаточности, а вот так - ножом в сердце, чтобы мы содрогнулись и опомнились, что живем совсем не так, как хочет от нас Бог. Теперь, кажется, можно попробовать подобрать слова...

Когда-то юноша Павел Адельгейм написал в своем дневнике: «У меня есть цель в жизни. Я хочу победить в себе порочную натуру, я хочу победить в себе проклятый порок, проклятый эгоизм. Я хочу сделать себя настоящим человеком, т.е. добрым, великодушным, честным, чтобы жить не для собственного удовольствия, чтобы видеть, как вокруг меня людям становится легче и радостнее жить, чтобы от общения со мной очищались они тоже, заражались примером... становились чище и лучше».

Бог дал ему множество дарований, и которое из них самое главное, думаю, не мог бы сказать и он сам. Мое знакомство с батюшкой началось с потрясения проповедью, услышанной зимним февральским утром 1982 года в церкви св. ап. Матфея в селе Писковичи, пригороде Пскова. В последующие годы мне пришлось много ездить по стране, и везде я ходил в храмы, и везде были проповедники, но ни один даже отдаленно не мог сравниться с отцом Павлом. Его дар проповеди был уникален. Всегда казалось, что он говорит с каждым о самом главном - о главной боли, о главной жажде души, и не просто говорит, но называет средство преодоления духовного недуга, открывает путь к Богу. Глядя на отца Павла-проповедника, думалось, как это радостно, как это сильно и умно - верить в Бога! Мы не раз говорили о том, что есть проповедь в храме, и он всегда вспоминал архимандрита Бориса Холчева, своего духовника и наставника первых лет священства в Ташкенте, для которого непреложным условием проповеди было то, что пастырь должен всегда говорить о том, что сейчас является самым важным и насущным для него самого, потому что «от избытка сердца говорят уста». (Мф. 12, 34.)

«Каждый человек стоит столько, сколько стоит его слово», - часто повторял батюшка. Есть одна притча, которая, на мой взгляд, имеет прямое отношение к отцу Павлу. Во всяком случае, именно она чаще всего вспоминается при мысли о нем.

К некому старцу пришла женщина с ребенком:

- Помоги, отче! Мой сын очень любит сладкое, а ему нельзя. Ничего не могу поделывать...

Приходи через неделю, - был ответ.

Спустя неделю старец позвал мальчика к себе, погладил по голове, посмотрел в глаза:

Не ешь сладкое, - сказал. И отпустил.

Спустя еще неделю изумленная женщина приходит вновь и сообщает:

Отче, мой сын не ест сладкого!

Все правильно, я сказал - он послушался. Что тебя удивляет?

Но почему ты не сказал это неделей раньше, когда мы пришли в первый раз?

А тогда я сам очень любил сладкое.

Он изменил себя - и слово обрело силу!

Не может стяжатель проповедовать бескорыстие, блудник - целомудрие, пьяница - трезвость: результатом неизбежно будет пустословие. Но у нас сегодня имярек с пафосом возмущается коррупцией, а завтра глядь - за это самое за решеткой. Это и до них, нынешних депутатов, проповедников в золотых митрах, всех власть имущих доносится обличение Христово: «И вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами ни одним перстом не дотрагиваетесь до них». (Лк. 11.46.) В стране развитой демагогии, во времена, когда трескотня общих слов, бессильных что-либо изменить, воспринимается обществом как норма, как среда обитания, встреча с таким человеком, как отец Павел, чья проповедь стала жизнью, а жизнь обратилась в проповедь, не может пройти бесследно: через таких людей окликает нас Господь.

Этим единством - слова и дела - были отмечены все дарования отца Павла: пастыря, проповедника, богослова, публициста, общественного деятеля, педагога. Слог его проповеди, часто украшенный фрагментами классической поэзии, был одинаково высок в небольшом сельском храме и многолюдном кафедральном соборе. Он с равной самоотдачей нес слово Божие на уроках в православной школе, на лекциях в Московском Свято-Филаретовском институте, на многочисленных конференциях, включая международные, где он был желанным гостем и участником.

Вспоминаю о нем, думаю о нем, и снова - невольная волна внутреннего недоумения, к которому давно бы уже надобно привыкнуть: ему с его достоинствами и дарованиями жить бы в уважении и почете, преподавать, проповедовать, писать книги, расширять созданные в начале 1990-х православную школу регентов и приют для сирот-инвалидов, принимать ищущих с ним встречи людей... Взамен - судьба диссидента при всех властях и эпохах. Как-то спросил его:

Батюшка, тогда, в 1959-м, принимая иерейский крест, каким представлялось вам будущее служение? Предполагали ли вы, что придется понести какие-то скорби?

Конечно, конечно! Мы так и думали, что нас могут посадить, и мы будем как остальные, как все порядочные люди. Нет, желания такого, конечно, не было, просто мы, священники, духовенство, должны были быть к этому готовы, в любой момент: что нас и посадят, и расстреляют, и все что угодно сделают.

Слово Божие верно всегда, стоящий за правду должен быть готов к лишениям, гонениям, вплоть до смерти, «смерти же крестной». Потому и говорил Спаситель верным Своим: «Блаженны изгнанные правды ради.» (Мф. 5, 10.) «Если Меня гнали - будут гнать и вас» (Ин. 15, 20.) «Мир Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы.» (Ин. 7, 7.) «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». (Ин. 16, 33.)

Обе книги иерея Павла Адельгейма (именно иерея - батюшка никогда не подписывался «протоиерей», считая существенным только свое священство, т.е. иерейство, нисколько не интересуясь приставкой «прото», т.е. «старший») - это истории, а еще вернее - свидетельства о том, как он дважды, в разные исторические эпохи и даже в разных государствах, СССР и России, становился диссидентом, изгоем, жертвой преследований и разного рода репрессий со стороны власти и светской, и церковной.

Первая - «Своими глазами» - была написана еще в 1975 г., но невозможно было и помыслить об издании ее в советские годы в богоборческом государстве. Книга увидела свет спустя 35 лет - в 2010 г., когда она вновь вдруг стала актуальной. В центре повествования - арест (1969 г.) и осуждение (1970 г.) священника в Кагане по политической статье 190-1 УК Узбекской ССР («Распространение

заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный строй)), приговор к трем годам лишения свободы, потеря ноги в результате покушения в лагере «Кызыл-Тепа», освобождение в 1972 г. и последующее противостояние с советско-партийными органами во время служения в приходах Ферганы и Красноводска - вплоть до отъезда из Узбекистана в 1975 г.

Второй книге «повезло» больше. «Догмат о Церкви в канонах и практике» был издан в 2002 г. и написан по следам преследований отца Павла со стороны архиепископа (с 2008 г. - митрополита) Евсевия, поставленного на Псковскую кафедру в марте 1993 года. Название говорит само за себя: речь идет о несоответствии церковных установлений практике епархиальной жизни, где не церковные каноны, а архиерейский произвол и бесконтрольная вседозволенность епархиальной власти определяют всю жизнь епархии сверху донизу. Отец Павел поведал о том, как архиерей отобрал построенный священником храм св. целителя Пантелеймона на территории областной психиатрической больницы, затем снял его с настоятельства в храме в Писковичах, крайне осложнив тем самым социальную работу в созданном батюшкой при храме приюте для сирот-инвалидов.

Книга вызвала ярость архиерея и его окружения. В придуманном автором епископе Ангорском Акакии Владыка увидел себя. Он публично назвал о. Павла слугой сатаны, со стороны приспешников посыпались обвинения во лжи и клевете. Стенограмма обвинительного заседания Епархиального совета опубликована в «Благодатных лучах», официальном - по благословению архиерея - печатном органе Псковской епархии (№2 (66), 2003 г). Но вот «странность»: ни один из фактов, приведенных о. Павлом в книге, опровергнуты не были. Даже упомянуты не были. Все «обсуждение» (за исключением двух воздержавшихся от осуждения выступлений) вылилось в пустословную ругань.

— Это безумие! Это кощунство - так отзываться о Владыке! - срываясь на крик, говорил мне в своем кабинете один из приближенных архиерея, настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора и благочинный Пскова отец Иоанн Муха- нов после выхода книги. - И что значит - отобрал? Этот храм что - собственность отца Павла?! Владыка сам решает, где кому быть настоятелем...

Не собственность, конечно. Деревянную красавицу-церковь в Богданово о. Павел построил (начиная от насыпного холма под храм и рубки леса для строительства) на деньги, собранные под этот проект прихожанами Евангелической церкви в Голландии, тоже воодушевленными планами батюшки. Дело даже не в «отобрал», а в том, что архиерей разрушил работу пастыря, его, на мой взгляд, необычайно талантливый пастырский творческий замысел. Через шесть лет после выхода книги, в дни снятия о. Павла с должности настоятеля церкви свв. Жен-Мироносиц, видимо, чтобы разобраться в происшедшем, собраться с мыслями и взять себя в руки, в наброске с кратким названием «Беда» о. Павел напишет:

«Пытаюсь снова и снова осмыслить происходящее. Лишение настоятельства обрекает мой приход на расхищение и разорение. Отнестись к этому можно по-разному. У меня была концепция прихода как космоса, бытие которого сочетает триединое служение Богу: молитву, просвещение и милосердие. Молитву, по преимуществу, созидал круг суточных, седмичных и годовых богослужений. Просвещение осуществлялось в храме средствами икон, хора и проповеди. Внехрамовое общение продолжалось в форме „библейских чтений“. Просвещение в школе регентов - посредством обучения и воспитания школьников. Задачу милосердия выполнял приют для сирот-инвалидов. Служение Богу выполняли эти три направления приходской жизни... Такая концепция местной церкви, как мне казалось, выражает замысел Божий. Но, может быть, я ошибался, и это был лишь мой собственный замысел, для которого еще не пришло время: не готово общество и не созрела Церковь?...».

Тот разговор с благочинным продолжился вдруг на одном из наших бурных приходских собраний, когда, уже после снятия о. Павла с настоятельства в Мироносицах, нас изгоняли из приходского собрания, нами же, по сути, созданного (сохранилась аудиозапись). Напомнив ему ту встречу, я продолжил:

— А это не безумие - говорить с соборного амвона Владыке в день его юбилея: «Вы - правая рука Бога»? Это не кощунство?

На что благочинный невозмутимо подтвердил:

— Я и сейчас так считаю. И правая, и левая.

В последние года два я то и дело заводил с батюшкой разговор о необходимости третьей книги: о нынешней жизни церкви. о бедственном ее отходе от евангельской истины, о причинах и возможных последствиях внутрицерковных ослеплений и заблуждений. По моему разумению, такую книгу мог написать только отец Павел. Основных доводов было три. Во-первых, личный опыт: в его жизни оставили отметины все перемены и повороты в жизни Церкви за последние полвека, отразились все ее контрасты - опыт поистине уникальный. Во-вторых, исторические и богословские познания в сочетании со способностью к анализу, т.е. умение видеть то или иное явление в контексте исторических закономерностей. И, наконец, несомненный литературный дар, позволяющий о самых сложных вещах говорить образно, ярко, доходчиво.

Не пускали повседневные заботы. Помимо храмовых богослужений и проповеди - еженедельные библейские чтения, участие в конференциях, каждая из которых требовала серьезного осмысленного доклада на заявленную тему. В Московском Свято-Филаретовском институте, где о. Павел был членом Попечительского совета, он читал лекции и вел семинары, к которым всегда тщательно готовился. А еще был «Живой журнал» в интернете, где постоянно, раз в несколько дней, а бывало, и ежедневно, появлялись его заметки, проповеди, статьи, вокруг которых порой занимались бурные дискуссии, в коих о. Павел тоже участвовал.

А еще суды, начавшиеся практически сразу после указа архиепископа Евсевия 22 февраля 2008 г. о снятии протоиерея Павла Адельгейма с должности настоятеля храма святых Жен-Мироносиц. Последний иск, о восстановлении изгнанных указами архиерея членов приходском собрании, он отправил в Европейский суд по правам человека примерно за месяц до рокового смертного дня.

Я бывал, может быть, неумеренно настойчив, и он, бывало, сердился. Но, в конце концов, принимались обсуждать план будущей книги, так и не написанной.

Между тем, его высказывания о состоянии Церкви становились все жестче и бескомпромисснее. Расцветшую пышным цветом - особенно после избрания патриарха Кирилла - «симфонию Церкви и государства» отец Павел считал губительной для обоих:

— К сожалению, церковная жизнь в России гаснет. И сколько бы в Патриархии ни говорили про золотые купола, выражают они только силу церковной власти и рост церковного бюджета за счет государственных доходов, не больше. А духовная жизнь разрушается и уничтожается, причем уничтожается она, конечно, целенаправленно самой Московской Патриархией. Она создает свое материальное благополучие, но разрушает духовную жизнь. Фактически получается, что в этой Церкви не остается места для Христа: имя Его все реже и реже главами Церкви упоминается... Теперь православие и христианство - совсем не одно и то же. Потому что под словом «православие» больше понимается национальная идеология, а вовсе не христианская вера. (Июль 2013 г.).

Долее князь мира сего терпеть не мог. Бог попустил сатане это убийство, дело было за исполнителем. И вот он нашел. И повел его. «Нельзя безнаказанно пожать руку дьяволу», - сказано Антонием Великим. Видимо, когда-то это рукопожатие случилось, и он попался. Поведение убийцы в последние дни напоминало метание крупной рыбы, попавшейся на крючок. Он старался вырваться, убежал, терялся в городе. Но звонил какой-то таксист: «Вот тут ваш гость.», выяснял адрес и привозил. Он снова убежал, звонил, и сам батюшка садился за руль и возвращал его в свой дом. Потом приехал его отец и увез домой, в Москву. И почти довез. Но ночью в Бологом он сбежал из поезда и вновь оказался в доме на Красногорской. Он честно пытался вырваться, увернуться, но силы были неравны.

И вот в его руку вложен нож.

Но как, как эта «жидконогая козявочка-букашечка», этот тщедушный юноша одним ударом, да еще через стол, свалил насмерть далеко не слабого и не беспомощного человека? Чья сила была в его руке? Сомнений нет, во всяком случае, для меня. Уже после смертельного удара с криком «Сатана! Сатана!» он выбежал, побежал по улице. «Я убил святого человека!». Бес и кричал. Он думал, это его победа, но опять нарвался на поражение: в сонме мучеников Христовых прибыло. Потом, совсем как Иуда, убийца попытался лишить жизни себя, да Бог не дал. Смилоствовался, оставив время для покаяния. Бог ему и судья. Как и псковскому архиерею.

19 февраля 2014 г. Псковский городской суд, согласно психиатрической экспертизе, признал Сергей Пчелинцева невменяемым и направил на принудительное лечение. Параноидная шизофрения. Когда Сергею было 6 лет, их с матерью оставил отец. В 16 мама с отчимом уехали работать в Южную Корею... Деньги присылали, но жил Сергей в Москве в одиночестве. В Псков приехал как жених дочери давних друзей семьи, приехал за помощью. Отец Павел, конечно, принял, как принимал всех.

На мой взгляд, суть и понимание происшедшего наиболее верно высказала Елена Ширяева: «Как спасти, как помочь, если даже отец Павел не смог? Хотя именно он смог. Так получилось, что ценой своей жизни, одиночества своей Верочки, слез дочери Маши он все-таки спас чужого ему больного мальчика, опасного для себя и других...» Вот и все. И в смерти своей он остался верен Богу, Его заповеди любви, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». (Ин. 15, 13.).

В моей церковной жизни были две главные встречи, два авторитета, для которых недопустимость зазора между словом и делом - непререкаемое условие жизни с Богом и по-Божьи. Помимо о. Павла - выдающийся иконописец архимандрит Зинов. Каждый из них относился к другому с глубочайшим уважением и почтением. Вот и теперь, в последнюю встречу, о. Зинов подтвердил: «Мы с отцом Павлом были полные единомышленники, и никаких противоречий у нас с ним не было».

«А счастье было так возможно, так близко!» - приходит на ум пушкинская строка. Эти два священника - отцы Павел и Зинов - могли бы составить славу и бесспорное достоинство Псковской епархии перед Богом и людьми. И всего-то надо было не мешать.

Не мешать отцу Павлу - и в Пскове возник бы богословский духовный центр милосердия, с православной школой с полным циклом обучения, с приютом для сирот, свечной и другими мастерскими. От желающих приехать отбоя бы не было! Все последние годы автобусы с паломниками, один за другим, ехали в Псков к о. Павлу. В последний раз 40 человек из разных мест - от Чукотки до Крыма - приезжали 1 августа, когда всей жизни оставалось на четыре дня, чтобы поздравить батюшку с 75-летием.

А если бы архиерей не помешал отцу Зинову, сейчас в Пскове существовал бы крупный центр православной иконописи. В 1994 именно «под Зинова» музейщики согласились передать церкви комплекс Спасо-Мирожского монастыря, где и была открыта иконописная школа. Но осенью 1996 г. архиепископ Евсевий запретил отца архимандрита в богослужении, двух его монахов - в причащении Святых Тайн и выгнал всех из Мирожки. Прещения «через голову» правящего архиерея снял патриарх Алексей II в 2001 г. Позже в книге «Догмат о церкви», в разделе «Дело архимандрита Зинова с братией», отец Павел доказал каноническо-правовую несостоятельность наложенных архиереем прещений.

В канун сорокаднева сидим с отцом Зиновом на лавочке в нижнем храме Федоровской иконы Божией Матери в Петербурге перед дивным алтарем его, отца Зинова, работы. Говорим об отце Павле и не только. Со вниманием слушаю его неспешные рассуждения о внимательном чтении Евангелия... «Наверное, - думаю про себя, - в словах молитвы Господней „да будет воля Твоя“ и кроется настоящий

смысл внутренней свободы, обретаемой в духовном делании освобождения от своеволия, от всякой зависимости, кроме зависимости от Бога...».

Прошу его сказать об отце Павле несколько слов для всех.

Отец Павел - великий страдалец, - отзывается батюшка, по-прежнему глядя куда-то под низкие алтарные своды. - Я его таким почитаю и всем об этом говорю. Последние годы его жизни были отравлены архиереем, и это очень прискорбно. Христианство - оно не для всех, потому что Христос в этой жизни Своим последователям ничего хорошего не обещал, а только гонения, преследования и даже смерть. Это - путь Христов. Он и сам этот путь прошел. Таким путем шли все святые Его, которые всегда претерпевали, и, прежде всего, от своих. Потому такая смерть отца Павла есть свидетельство того, что он истинный последователь Христа. Вечная ему память.

Сегодня, особенно теперь, держа в руках книгу-биографию отца Павла, я точно знаю, что Третья книга им все же написана - его жизнью, его кровью, его трудами и страданием, его исповедничеством. Она написана в сердцах сотен и тысяч тех, кто хоть однажды встретился с ним глазами, услышал его проповедь, его улыбочивые рассказы. В этой книге есть захватывающие места и поразительные сюжетные повороты. Она понятна и желанна в чтении, потому что написана языком любви. И от нас зависит, будет ли это чтение душеполезным.

Но самое поразительное в том, что она продолжается. В начале сентября, когда еще не прошло 40 дней, к матушке Вере пришла мать убийцы. Едва войдя во двор, упала перед ней на колени - и в слезы: «Простите, простите». Та ее с трудом подняла, провела в дом, напоила чаем. Светлана стала рассказывать, как они трудно жили, как и чем Сережа болел - рассказала всю свою жизнь. Потом стала извиняться, что много времени отняла.

— Мы никаких претензий не имеем, я и следователю говорила, - сказала матушка.

— Все равно мы виноваты, - лепетала гостья.

— Вам гораздо тяжелее, чем мне, - говорит Вера Михайловна.

— Одна из прихожанок, что была в это время в доме, говорит:

— Мы молимся за вашего сына как за убийцу.

— А матушка поправила:

— Мы молимся за вашего сына как за такого же грешника, как и мы сами.

А когда судья перед приговором спросила Сергея, хочет ли он что-то сказать, тот через паузу, с трудом, словно еще учится говорить, произнес: «Я хотел бы попросить прощения... прежде всего, у Веры Михайловны, за то, что я совершил. Простите меня.»

Бог простит, - тихо отозвалась матушка.

Вот оно - слово и дело священника Павла Адельгейма, продолженное в его близких и всех, в ком отозвалась его проповедь и его жизнь. И - еще одна, далеко не последняя страница его Третьей книги.

Несколько слов об авторе книги-биографии, Анатолии Осницком. Приехав впервые к отцу Павлу почти двадцать лет назад (подробности он сам расскажет в книге), Анатолий Викторович сразу понял, что это и есть главная встреча в его жизни. И закономерная, добавил бы я.

Анатолий Осницкий по профессии врач-психотерапевт, кандидат психологических наук, доцент, директор Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра интегрально-синергетической психологии и психотерапии.

Не считая себя вправе давать какую-либо оценку метода доктора Осницкого, скажу только, что

в основе его - создание системы условий и стимулов, при которых человек начинает изменять себя сам. Человек - не подлежащая обработке болванка, но самоорганизующийся духовный организм, который в определенных условиях сам оказывается способным решать самые сложные психологические проблемы.

Ключевое слово в психотерапии Осницкого - ответственность, идет ли речь о школьной психологии, психологии семейных отношений, формах наркологической зависимости. Поняв, что причина неэффективности существующих методов кроется в отказе от ответственности (в школе виноваты родители и бесталанные ученики, у родителей - бездарные учителя, у больных - врачи, у врачей - больные, у мужа - жена и наоборот), доктор пришел к выводу о необходимости создания в каждом отдельном случае своей модели конструктивного распределения ответственности. Но задолго до появления психологии как науки вопросами душевных нестроений занималась религия. Так пришла идея о возможности совмещения в практической работе психотерапевта основ христианства и научных данных психологии и медицины. В конце концов, а вернее, в начале начал, и Господь, по образу Своему и подобию сотворивший нас, понес высшую ответственность за творение Свое ценой страданий возлюбленного Сына.

У каждого к Богу своя тропа, у каждого своя с Богом тайна. Путь доктора Осницкого ясен и прост. По крайней мере, таким он мне представляется, ибо подтверждает собственную мою «теорию» честных вопросов и ответов: если начать жить осмысленно, если, не избегая неудобных к себе вопросов, честно на них отвечать, приход к Богу, как Первопричине всего сущего, будет неизбежен.

«Дело спасения человека - это дело человека и Бога, - говорил отец Павел. - Человек обязан пройти свою часть дистанции сам». Вот этой-то, человеческой частью дистанции и занят Анатолий Осницкий - как доктор, а теперь и как писатель. Он словно прописывает нам новое жизненно необходимое средство - жизнеописание священника Павла Адельгейма, сумевшего остаться человеком даже там, где расплачиваться за приверженность к истине и правде приходилось самой дорогой ценой.

Эта книга - результат огромного труда, почти невероятного, если учесть, что проделан он менее чем за год. Вероятно, со временем какие-то фрагменты биографии нашего дорогого, незабвенного отца Павла будут уточняться, обростут новыми подробностями, но начало - более чем достойное - положено. Нам осталось открыть Третью книгу священника Павла Адельгейма и, славя Бога, вспоминая молитвенно батюшку и благодаря автора этих страниц, читать, вчитываться, вдумываться в жизнь сопричастного нашему веку исповедника веры Христовой.

Виктор Яковлев,

председатель приходского совета

церкви свв. Жен-Мироносиц в Пскове в 1989-2010 гг.